

АНТОЛОГИЯ Детские игры

«Детские игры»: Вече, Джокер; Москва; 1993
ISBN 86208-005-8

Аннотация

Вы держите в руках очень необычный сборник. Он состоит из рассказов, главные герои которых — жестокие дети.

Словосочетание «детская жестокость» давно стало нарицательным, и все же злая изобретательность, с которой маленькие герои рассказов расправляются со взрослыми и друг с другом, приводит в ужас. Этот уникальный в своем роде сборник невольно наталкивает на мысль о том, что внутренний мир наших детей — это точный слепок окружающего нас жестокого противоречивого мира взрослых.

АНТОЛОГИЯ

Детские игры

1. Уильям Нолан Жестокий мир Льюиса Стилмэна

Льюис Стилмэн двигался по бульвару Уилшир, стараясь раствориться в тени, которую отбрасывали высившиеся вокруг него безлюдные, погруженные в напряженную, неподвижную темноту здания. Он изо всех сил сдерживал рвавшееся из груди горячее дыхание, тогда как рука мертвой хваткой сжимала рукоятку взведенного пистолета. Путь его лежал в сторону Вестерн-авеню, и он почти бесшумно, как-то по-кошачьи, шагал по прохладному ночному бетону, минуя бесконечную вереницу разграбленных подчистую магазинов готовой одежды, аптек и мелких кофеен. Распахнутые двери и окна зияли черными провалами, стекла чаще были разбиты или вообще отсутствовали. Над Лос-Анджелесом висела холодная луна, в свете которой город походил на огромное кладбище; высокие белесые здания надгробными памятниками вздымались над безлюдными тротуарами, пересеченными полосами слабого света и густой, черной тени. Со всех сторон его окружали каркасы перевернутых грузовиков, автобусов и легковых машин.

Оказавшись под высоченным навесом бывшей ярмарки Уилтерна, Льюис остановился. Над головой маячили ряды пустых патронов из-под электрических лампочек, некогда сливавшихся в рекламные надписи; застрявшие в них осколки сейчас отдаленно походили на ощерившиеся стеклянные зубы в необъятной челюсти какого-то диковинного зверя, и Стилмэн невольно поймал себя на мысли о том, что в любой момент они могут рухнуть вниз и разорвать его тело на части.

Ему предстояло пройти еще четыре квартала — именно там, на углу Вестерн-авеню, находилась маленькая кулинярия, к которой он и держал путь. Он решил на сей раз обходить стороной крупные магазины типа «Сэйфуэй» или «Трифти-март», несмотря на то, что в них осталось еще немало запасов самой что ни на есть экзотической снеди; сегодня он решил наведываться лишь в маленькие магазинчики. Совсем недавно он обратил внимание на то, что с каждым днем становится все труднее находить места, где еще сохранилась простая, самая обычная пища. Крупные магазины некогда манили его выставленным и на витрину изысканными, сдобренными всевозможными специями яствами (которые, кстати сказать, все еще в изобилии лежали на высоких стеллажах их подвалов), однако ему уже основательно надоели все эти устрицы, черная икра и тому подобные деликатесы.

Он решил перейти на другую сторону Вестерн-авеню и уже почти достиг противоположного тротуара, когда неожиданно увидел их. Инстинктивно согнув ноги в коленях, Льюис присел на землю и спрятался за основательно проржавевшим остовом того, что некогда было «олдсмобилем». Задняя его дверца была открыта нараспашку, и он проворно юркнул внутрь металлического корпуса. Потом снял пистолет с предохранителя и стал пристально всматриваться в двигавшуюся по его стороне улицы шестерку. Боже упаси, неужели заметили? Впрочем, в этом он уверен не был. А если и не заметили пока, но все же каким-то образом догадаются, что он сидит внутри? Лучше уж было остаться снаружи — по крайней мере, там у него оставалась хоть какая-то возможность убежать. Вообще-то он мог постараться и перебить их всех до одного, по крайней мере, большую их часть, однако его пистолет не был снабжен глушителем, а потому звуки выстрелов неизбежно услышат другие, которые уже через несколько минут подтянутся к этому месту. Нет, к стрельбе он прибегнет лишь в самом крайнем случае, когда станет совершенно ясно, что его засекли.

Они постепенно приближались. В общем-то, если разобраться, что это была за сила — шесть маленьких, тщедушных фигурок, выстроившихся в неровный ряд и перегородивших все пространство тротуара? Кто прыгал, кто болтал с соседом, широко раскрывая жестокие рты и поблескивая в лучах лунного света алчными глазенками. Они подошли еще ближе, теперь их тонкоголосый гомон усилился, с каждой секундой он становился все более отчетливым. Вот они уже совсем рядом — сейчас он мог разглядеть даже их острые зубы и

никогда не знавшие расчески спутанные волосы. Всего два-три метра отделяли их от машины... Судорожно стискивавшая пистолет ладонь покрылась липким потом, в груди оглушительно грохотало сердце. Теперь счет шел уже на секунды.

Вот, сейчас!

Когда они прошли мимо, так и не заметив его, Льюис Стилмэн тяжело откинулся на покрытую толстым слоем пыли спинку сиденья, рука, чуть подрагивая, обмякла и опустила оружие. Вскоре пронзительные голоса стали стихать в отдалении, с каждым шагом все более теряясь в ночном сумраке.

Его снова окутала могильная тишина.

Маленькая кулинария оказалась как раз тем, что ему было нужно. Ее стеллажи и полки пребывали в относительном порядке, и потому он мог даже позволить себе выбирать среди длинных рядов консервированных продуктов. Вытащив из-под прилавка пустую картонную коробку, он стал складывать в нее банки, стоявшие на ближайшей полке — разумеется, надежда на какой-то выбор так и осталась тщетной мыслью.

Внезапно за спиной послышался какой-то шорох, сменившийся мягким, скребущимся звуком.

Стилмэн стремительно обернулся, одновременно выхватывая из кармана пистолет.

Прямо на него уставилась громадная дворняга, из ее пасти со свистящим шумом вырывалось горячее дыхание, а все четыре лапы были готовы к прыжку. Короткие уши плотно прижались к короткошерстной голове, с убийственных челюстей стекала тоненькая струйка слюны, мощные грудные мышцы походили на туго сжатую пружину. Стилмэн понял, что медлить нельзя ни секунды.

Он прекрасно понимал, что и в этой ситуации не сможет воспользоваться пистолетом — звук выстрела неизбежно привлечет к нему внимание. Резким движением, в которое ему хотелось вложить всю силу своей левой руки, он швырнул в морду одичавшего зверя увесистую банку с консервами. Застигнутое врасплох животное определенно не ожидало подобной атаки, а потому явно опешило, даже поджало хвост. Этого Стилмэну оказалось достаточно — не мешкая, он подхватил коробку с едой и кинулся на улицу.

«Интересно, — думал он, входя в свое жилище, — долго еще будет продолжаться это везение?» Заперев входную дверь, он опустил коробку на деревянный стол и зажег стоявшую неподалеку керосиновую лампу. Под невысоким потолком вытянутой в длину комнаты заколыхался подрагивающий оранжевый свет. «Уже дважды, причем за один и тот же вечер, тебе удалось остаться незамеченным ими, — подсказывал ему рассудок, — хотя в обоих случаях они без особого труда засекли бы тебя, если бы действительно этого захотели. Все дело в том, что они пока даже не догадываются о твоём существовании. Вот когда узнают об этом...»

Он постарался избавиться от столь неприятной мысли, выкинуть из головы весь этот кошмар. Руки между тем стали поспешно выгружать из коробки ее содержимое, расставлять банки по полкам, которые тянулись вдоль дальней стены комнаты.

Неожиданно ему подумалось о женщинах, о девушке по имени Джоан, о том, как сильно он ее любил когда-то...

Мир Льюиса Стилмэна заполняли холод и сырость; узкое и промозглое каменное пространство давило, стискивало со всех сторон. Каждый его шаг гулким эхом отдавался в этом каменном склепе. Это блуждание продолжалось уже несколько часов. Иногда у него возникало желание перейти на бег, поскольку подобная разминка — и это было ему прекрасно известно — хотя бы немного, но все же размяла бы мышцы; и все же он продолжал вышагивать, ступая вдоль контуров тонкого желтоватого луча, падавшего на пол из-под колпака лампы. Он все еще находился в поиске — пусть даже всего лишь мысленном.

«Сегодня, — думал он, — сегодня я обязательно кого-нибудь отыщу, повстречаю. Кого-нибудь, похожего на себя самого. Ведь не может же быть так, чтобы вообще никого не

осталось. Надо только поискать как следует, и удача не заставит себя ждать. Я просто обязан кого-нибудь найти!»

Он повторял про себя одну и ту же фразу: «Я должен кого-нибудь найти», хотя прекрасно понимал, что никогда и никого уже больше не найдет; отлично знал, что его ждет лишь леденящая пустота, бесконечные блуждания по пустынным туннелям.

Минуло уже почти три года с тех пор, как он начал свои поиски в простиравшихся под городом подземельях. Ему хотелось повстречать кого угодно — мужчину, женщину, неважно кого именно. Почти три года за спиной — и более семисот миль блужданий по канализационным коридорам, тянувшимся под бетонным панцирем Лос-Анджелеса подобно кровеносным сосудам громадного тела — и никого. Абсолютно никого.

Даже сейчас, по прошествии всех этих бесчисленных дней и ночей, бесконечных поисков и разочарований, он еще не до конца смирился с тем фактом, что остался один в этом семимиллионном городе, что, кроме него, в нем нет ни единой по-настоящему человеческой души...

Изумительной красоты женщина склонилась над ним свое чудесное тело. В темноте мягко поблескивали ее нежные глаза, а восхитительные пунцовые губы благожелательно улыбались. Белеющая ночная рубашка, чем-то похожая на вздымающуюся морскую пену, облекала и колыхалась вокруг ее неподвижной стройной фигуры.

— Кто ты? — странно, словно откуда-то издали раздался его негромкий голос.

— Так ли это важно, Льюис?

Ее слова, подобно каплям влаги, всколыхнувшим ровную поверхность пруда, легкой дрожью отозвались во всем его теле.

— Пожалуй, что так, — согласился он. — Определенно неважно — раз уж мы нашли друг друга. Боже праведный! После стольких месяцев и недель нескончаемого ожидания! А я уже и вправду подумал, что не осталось абсолютно никого, что так больше и не увижу ни души...

— Ничего не говори, любовь моя, — женщина наклонилась, чтобы поцеловать его. Губы у нее были теплые, мягкие, податливые. — Ты же видишь — я здесь, с тобой.

Он всем телом подался вперед, чтобы дотронуться рукой до ее щеки, но она уже стала удаляться, медленно исчезая, растворяясь в темноте. С трудом сдерживая рвущийся из груди вопль отчаяния, он потянулся к ее протянутой руке — но женщина уже отдалилась от него, и кончики пальцев Стизмэна лишь царапнули шероховатую, холодную поверхность бетонной стены.

А в трубе туннеля загадочно клубился промозглый молочно-белый туман.

Опять пошел дождь. Несколько дней, не переставая, он все лил и лил. В сущности, канализация вполне удовлетворяла его, поскольку довольно надежно защищала от превратностей судьбы и непогоды, а потому Льюис особо не беспокоился. Жилье свое он соорудил на достаточной высоте, где-то в метре над дном туннеля, и за все эти годы вода еще ни разу даже не приближалась к этому уровню. Однако его очень раздражали монотонные звуки падающих капель: отражавшееся от бетонных стен эхо превращало капель в некое подобие дьявольского оркестра, а сочившаяся отовсюду влага лишней раз подчеркивала непрерывность этого процесса, что делало его еще более мучительным, почти невыносимым. Ежедневные пробежки по утрам отошли в далекое прошлое, так что, лишившись их, он волей-неволей очень много читал.

Это были книги с рассказами Уэлти, Гордимера, Эйкена, Ирвина Шоу и Хемингуэя; поэмами Фроста, Лорки, Сэндберга, Миллэя и Дилана Томаса. Вчитываясь в строки этих книг, он с особой отчетливостью ощущал странность, даже ирреальность окружавшего его мира. Впрочем, ощущения эти длились очень недолго и были, в сущности, мимолетными, и как только он закрывал очередную книгу, к нему тут же со всех сторон начинали подступать одиночество и неизбывный страх. И так хотелось, чтобы поскорее закончился этот

проклятый дождь...

Промозглая сырость. Окружавшие его стены буквально сочились холодом и пробирающей до костей сыростью. И еще это нескончаемое бульканье и журчание воды; гулкая, эхом отдающая капель сочащейся влаги. Даже лежа в собственной постели и накрывшись кучей одеял, Стилмэн не мог окончательно избавиться от этого опостылевшего ощущения сырости. Звуки... Над головой постоянно слышались пронзительные, писклявые крики, гомон, болтовня и напряженный шепот. Вот, кого-то волокут по улице — скорее всего, уже пристукнули свою очередную жертву. Впрочем, вряд ли человека — где они, люди-то? Нет, наверняка это какое-то животное, собака, например, или кошка...

Стилмэн зябко поежился и еще плотнее закутался в одеяла. Он все так же лежал, плотно смежив веки, вслушиваясь в доносившиеся сверху резкие, шаркающие звуки, и посылал им свои ответные, хотя и почти безгласные проклятия.

— Будьте вы прокляты! — проговорил он как-то чуть громче обычного. — Будьте вы все прокляты!

Льюис Стилмэн снова бежал по узкому, бесконечному туннелю. Где-то в отдалении у него за спиной метались невысокие, угловатые тени, а в ушах словно навеки завязли их высокие, пронзительные, многократно повторенные и усиленные эхом крики. И вот их когти стали подбираться к самому его телу; он затылком почувствовал горячее, обжигающее, похожее на зловонный дым дыхание. Его собственные легкие готовы были в любую минуту взорваться от жуткого внутреннего напряжения, а все тело словно полыхало, объятые адским пламенем.

Мельком глянув вниз, он увидел, что его нижние конечности работают с прежней четкостью и ритмичностью, чем-то походя на поршни исправно отлаженного механизма. Потом стал прислушиваться к резким шлепкам своих башмаков о дно туннеля и ни с того ни с сего подумал: «Ну и пусть я погибну, неважно, что в любой момент я могу рухнуть замертво — ноги-то мои все равно спасутся! Ничто их не сможет остановить, они все равно продолжат свой бег, сменяя один туннель на другой, и им не будет угрожать опасность оказаться схваченными. О, они способны развить приличную скорость, тогда как верхняя часть тела — такая неуклюжая — постоянно качается из стороны в сторону, вперед-назад, изредка подрагивает где-то там наверху, определенно замедляет их темп, утомляет — и откровенно злит. Могу себе представить, как ненавидят меня мои собственные ноги! Ну ничего, надо будет только постараться и как-нибудь ублажить, задобрить их, попросить унести меня в какое-нибудь местечко безопаснее. И все же, действительно, как хорошо, что они продолжают бежать — такие крепкие, надежные, устойчивые!»

И в этот самый момент он почувствовал, как его тело начало раздваиваться, а ноги стали самопроизвольно отделяться от торса. Льюиса охватил дикий ужас, он принялся отчаянно вопить, махать руками, колотить ими воздух, умолять ноги повременить, не покидать его в столь трудную минуту. Те, однако, оставались неумолимы и продолжали свое освобождение от тела.

Охваченный леденящим, неукротимым страхом, Стилмэн споткнулся о какую-то невидимую преграду и стал заваливаться на мокрое, осклизлое покрытие туннеля, а ноги тем временем продолжили свой стремительный бег — свободные и мощные, одержимые своей собственной неукротимой страстью. И где-то в далекой вышине над этими лишившимися последних остатков рассудка ногами разверзся его рот, исторгнувший из себя дикий крик...

Кошмар подошел к концу.

Обливаясь потом, отчаянно задыхаясь, Стилмэн сел в постели, сделал глубокий, натужный вдох, достал сигарету и дрожащей рукой поднес к ней горящую спичку.

Следовало признать, что с каждым разом подобные кошмары становились все более тягостными. Он отчетливо понимал, что во сне его рассудок мог позволить себе взбунтоваться, демонстративно отказаться подчиниться его воле, выплескивая наружу все те

страхи и потрясения, которые накопились за прожитый день.

В который уже раз он вспомнил, как все это началось шесть лет назад и каким образом ему все же удавалось до сих пор оставаться в живых. Посадка инопланетного корабля на землю оказалась совершенно неожиданной, без малейшего предварительного предупреждения. Нападение и в самом деле было тщательно спланированным и потому оказалось смертельным для землян. На выполнение своей чудовищной задачи пришельцы потратили не более нескольких часов — все мужское и женское население Земли было уничтожено.

Спаслись тогда лишь немногие — это он знал точно. Правда, Льюис так ни разу и не увидел этих счастливиц вроде себя, однако он точно знал, что где-то они все же существуют. В конце концов, планета не ограничивалась одним Лос-Анджелесом, и если удалось уцелеть ему, то почему, собственно, не могли спастись также некоторые другие люди — например там, на противоположной стороне шарика.

Непосредственно в момент атаки сам Льюис находился в канализации — на своем обычном рабочем месте, где выполнял экстренное задание компании, прокладывавшей туннель «В». Он до сих пор ощущал застрявший в ушах оглушительный рев кораблей пришельцев, чувствовал обжигающее дыхание их мощных двигателей.

Голод все же выгнал его наружу, и уже на следующий день он понял, что остался в полном одиночестве. Это был уже не просто Льюис Стилмэн, а последний живой человек. Три года прошли относительно спокойно, его никто не трогал. Он работал на них, учил массу полезных вещей, одновременно пытаясь завоевать их доверие. Однако, как чаще всего и бывает в подобных случаях, очень скоро некоторые из них стали постепенно все больше ненавидеть его, ревновать к другим — тем, с кем у него установились более тесные взаимоотношения. Короче говоря, Стилмэну еще повезло, что он успел вовремя укрыться в городской канализационной сети. Было это три года назад, и с тех пор они уже напрочь забыли про его существование.

Наружу он выбирался лишь с наступлением темноты, да и то делал это лишь в тех случаях, когда иного выхода просто не оставалось, например, когда требовалось пополнить запасы продовольствия. Свою однокомнатную обитель он расположил неподалеку от канализационной решетки — не так близко, чтобы его можно было заметить снаружи, но и с таким расчетом, чтобы снаружи в нее все же проникали солнечные лучи. Что и говорить, по настоящему солнечному свету он истосковался не меньше, чем по нормальному человеческому общению, и все же так и не смог ни разу осмелиться в дневное время подняться на поверхность.

Как только дождь окончательно прекратился, он сразу же перебрался под канализационную решетку, стараясь вобрать в себя, впитать как можно больше солнечных лучей, их тепла. Однако лучи эти не оправдали его надежд и оказались слишком слабыми, а потому их тепло лишь разбредило его страстную тоску по ним и жгучую потребность подставить под нежный бархат солнечного света обнаженные плечи.

Сны... теперь ему оставались одни лишь сны.

— Льюис, тебе холодно?

— Да, очень.

— Ну так что же ты, дорогой? Поднимись повыше, к свету.

— Нельзя. Не могу я подняться.

— Да ты что, забыл, что Лос-Анджелес — это твой мир! Ведь, кроме тебя, в нем не осталось ни одного настоящего человека. Ты — последний из некогда населявших Землю людей.

— Все это так, но сейчас он принадлежит не мне, а им. Как и каждая улица, любой дом — теперь это все их. Да они и не позволят мне выйти наружу. Стоит мне сделать хотя бы один шаг, как они сразу же убьют меня, вот и погибнет этот самый последний человек.

— Выходи, Льюис. — Звучавший в сновидении голос стал постепенно затихать,

удаляться. — Выходи наружу, ближе к солнцу. Ничего не бойся, дорогой...

В ту ночь он чуть ли не целый час смотрел сквозь ячейки канализационной решетки на висевшую в небе луну. Было полнолуние, и светящееся небесное тело походило на громадный прожектор, подвешенный невидимыми нитями к темному небосводу. Впервые за все эти годы на ум ему пришли мысли о вечернем бейсбольном матче на Голубом стадионе в Канзас-сити. Ему всегда нравилось ходить на подобные матчи, сидеть рядом с отцом на заполненной людьми трибуне этого громадного, залитого светом прожекторов стадиона, когда поле казалось ему застывшим в лучах яркого белого света прудом, а фигурки игроков представлялись призрачными и совсем нереальными. Ему, тогда совсем еще мальчишке, вечерний бейсбол всегда казался по-настоящему волшебным действием.

Временами, откуда ни возмись, подкатывали и захлестывали его целиком совсем уже бредовые мысли. Иногда, по ночам — вроде этой — одиночество казалось ему зависшим над ним всепоглощающим кулаком, и сам он был не в состоянии выносить его гнет. Он даже подумывал о том, чтобы привести одного из них к себе в канализацию. В конце концов, ведь можно же, по крайней мере, попытаться приручить их — сначала одного, потом другого, третьего. Но потом в памяти всплывали их ненавидящие, яростные глаза, их звериная жестокость, и он в который уже раз понимал всю тщетность подобной затеи. Да и потом, стоит одному из их племени вот так внезапно исчезнуть, как остальные неминуемо заподозрят что-то недоброе, примутся искать его, со временем обязательно найдут, и вот уж тогда действительно настанет полный конец.

Льюис Стиллман откинулся на подушку, закрыл глаза и постарался отрешиться от доносившихся издали криков, повизгиваний, пронзительных воплей, которые проникали в его каморку с поверхности над головой.

А потом к нему пришел сон.

Остаток дня он провел в обществе запечатленных на бумаге ярких, эффектных женщин. Льюис листал старые, пожелтевшие страницы журналов, в который уже раз вглядываясь в безупречные, точеные, облаченные в изумительные наряды фигуры манекенщиц. Стройные и грациозные, эти журнальные дамы смотрели на него своими холодными, но одновременно зовущими, манящими глазами, дарили ему тщательно продуманные, но обязательно белозубые улыбки. Это было сплошное изящество и красота, яркий блеск и водоворот красочных тканей. Он осторожно прикасался к ним кончиками пальцев, поглаживал рыжеватые глянцевые волосы и чувствовал себя кем-то вроде волшебника, который способен вдохнуть в них настоящую жизнь. Впрочем, ему не составляло особого труда представить себе, что на самом деле все эти женщины никогда не существовали, что это был лишь плод кропотливой работы неизвестного художника, который нарисовал, до мельчайших деталей вычертил их облик, постаравшись придать ему максимальное сходство с фотографическими снимками.

А может, ему просто было неприятно думать об этих женщинах, о том, как они погибли?..

«Тост за смелость и отвагу, — подумал Льюис Стиллман и улыбнулся, высоко поднимая наполненный бокал. В залитой ярким светом комнате напиток отсвечивал и переливался темным пурпуром. — За отвагу и за проявившего ее мужественного человека! По-настоящему мужественного!»

Он осушил бокал и снова наполнил его из бутылки, которая стояла на столике рядом с кроватью.

— А вы, мистер Икс, разве не собираетесь составить мне компанию? — обратился он к человеческой фигуре, которая сидела за столом, ссутулившись и закрыв лицо руками. — Или вы предпочитаете наблюдать за тем, как я пью в одиночку?

Человек продолжал сидеть молча.

— Ну, раз так... — Стилмэн снова опрокинул бокал и поставил его на стол. — Ну что ж, мне прекрасно известно, что должен чувствовать человек, оставшийся в полном одиночестве. И я знаю, что он должен делать — он должен победить, пусть даже в одиночку! Да, победить, одержать свою собственную, единоличную победу над этим треклятым миром. И если даже рыба окажется громадной, как гора, и зловещей, как все земные грехи, то и тогда он должен вытащить свою сеть. Или вы не согласны со мной? Вот так-то, папаша Икс. Но скажите, что вы станете делать, когда окажется, что весь мир попросту кишит этими самыми рыбинами, а? Как по-вашему, сможет он справиться со всеми ими? Один-одинешенек? Без чьей-либо помощи? Нет, конечно. Уверю вас, сэр, это ему не по плечу! Это уж поверьте мне на слово, ни черта он тогда не добьется, вот так!

Ступая на нетвердых ногах, Стилмэн прошел в угол маленькой деревянной каморки и снял с полки небольшую книжку.

— Вот оно, мистер Икс, ваше лучшее творение. Не просто лучшее, но самое благородное — «Старик и море». Вам удалось показать, как один человек вступил в схватку с огромным, проклятым океаном. — Он сделал небольшую паузу, после чего заговорил снова, уже более громким, окрепшим голосом. — И я спрашиваю вас, я прошу, именем Господа Бога умоляю вас, покажите мне, объясните, именно сейчас объясните, как можно покорить этот безбрежный океан? В моем собственном океане полно рыб-убийц, тогда как я всего лишь слабый человек, и к тому же один-одинешенек. Ну, слушаю вас, отвечайте на мой вопрос.

Сидевшая за столом фигура не проронила ни звука.

— Ну вот, папа, я и поймал тебя! Не можешь ты ответить на мой вопрос, не можешь, так ведь? Получается, что одной отваги и мужества не хватит, ой как не хватит. Не для того Господь сотворил человека, чтобы он жил в одиночку, чтобы один сражался со всеми этими тварями — или чтобы вот так пил наедине с самим собой. Даже самый смелый и сильный сможет сделать в одиночку не более того, что отведено ему судьбой, а это не так уж много, уверяю тебя. И к тому же все это совершенно бесполезно. Да, бесполезно и бессмысленно. А потому иди ты к черту — и ты, и твоя паршивая книжка!

Льюис Стилмэн с силой запустил книгу прямо в голову сидевшего за столом человека. Тот откинулся на спинку стула, локти соскользнули со стола и безвольно повисли вдоль тела. Кистей у его рук не было.

В последнее время Льюис Стилмэн все чаще замечал, что его мысли то и дело возвращаются к воспоминаниям об отце, о том, как они подолгу бродили с ним пешком по залитым лунным светом миссурийским просторам, об охотничьих походах и привалах вокруг костра, о густых лесах, таких зеленых и щедрых в летнее время. Ему вспоминались слова отца, когда тот рассказывал ему о будущем, и слова этого высокого седовласого человека часто всплывали в его памяти: «Льюис, из тебя должен получиться прекрасный врач. Только хорошенько учись и не ленись в работе, и тогда успех обязательно придет к тебе. Будь уверен, я знаю, что говорю».

Ему вспоминались долгие зимние вечера, когда он корпел над учебниками, сидя за огромным отцовским столом из черного дерева; когда вчитывался в медицинские книги и журналы, делая из них выписки, изучая и сопоставляя факты. Особенно ему запомнились несколько книг из одной серии — это был фундаментальный трехтомный труд Эриксона по хирургии, в роскошном кожаном переплете с золотым тиснением. Эти три тома всегда нравились ему больше остальных.

Так что же вообще произошло? Сон внезапно куда-то улетучился, ясная доселе цель растворилась в небытии. Через год после начала практики в Калифорнийском университете он решил оставить медицину. Скорее всего, не хватило мужества, и потому он расстался с колледжем, устроившись рабочим в строительную фирму. Как ни странно, но по какой-то иронии судьбы именно это обстоятельство впоследствии и спасло ему жизнь! Он всегда хотел получить такую работу, где надо было делать что-то конкретное, причем делать

своими руками, вкалывать и покрываться потом, отчаянно напрягая мышцы собственного тела. Хотелось хорошо зарабатывать на жизнь, чтобы в один прекрасный день жениться на Джоан — как знать, возможно, потом ему и удалось бы завершить образование. Но каким далеким все это казалось ему сейчас — и то, почему он бросил учебу, и то, что так и не оправдал надежд отца...

Внезапно его охватило жгучее, безотчетное желание — снова перелистать страницы тех томов Эриксона, чтобы хоть на короткое мгновение воссоздать в своей памяти зыбкую панораму далекого прошлого и его несбывшихся надежд.

Как-то раз, блуждая по второму этажу книжного магазина Пиквика в Голливуде — в отделе, где хранились подержанные книги, — он наткнулся на пару изданий этого труда, и сейчас со внезапной отчетливостью понял, что должен чуть ли не немедленно отправиться за ними и принести книги сюда, к себе, в канализацию. Льюис понимал всю абсурдность и, более того, смертельную опасность подобного шага, и все же знал, что уступит, подчинится ему. Каков бы ни был риск для его жизни, он сегодня же вечером пойдет за этими книгами. Да, не сейчас, но сегодня вечером.

Один из углов своей каморки Стилмэн отвел специально под оружие. В арсеналах лос-анджелесской полиции он раздобыл образец, являвшийся гордостью его коллекции — автомат Томпсона. В придачу к нему он обладал двумя автоматическими винтовками, «люгером», «кольтом» сорок пятого калибра, а также пистолетом «хорнет» двадцать второго калибра, да еще с глушителем. Самый миниатюрный пистолет Льюис постоянно носил с собой — в кобуре под мышкой, — хотя более мощное оружие в город обычно предпочитал не выносить. Однако на сей раз ситуация складывалась совершенно по-другому.

Сеть канализационных сооружений обрывалась примерно в паре миль от Голливуда, и ему таким образом предстояло преодолеть довольно протяженный и очень опасный участок территории, ступая по поверхности города. Это и повлияло на решение Стилмэна помимо крохотного пистолета прихватить с собой также автоматическую винтовку «сэвидж» тридцатого калибра.

«Ну что ты за дурень такой, — внушал себе Льюис, вынимая из чехла тщательно смазанную винтовку, — из-за каких-то книг рискуешь собственной жизнью. Что, это действительно настолько важно?» «Да, — твердила какая-то частица его сознания, — для меня это и в самом деле более чем важно. Раз я чувствую, что эти книги нужны мне, то я и пойду за тем, что мне нужно. И если страх будет удерживать меня от поиска того, в чем я испытываю истинную потребность, если он способен удержать меня в темноте, словно какую-то крысу, значит, я уже стал чем-то вроде труса, а то и хуже того. Да, тогда я стану предателем, который изменяет и самому себе, и всему цивилизованному, что еще существует в этом мире — пусть даже в моем собственном, единственном лице. Если человеку так хочется обрести какую-то вещь, которая к тому же достойна его желания, то он в любом случае должен пойти и добыть ее, причем невзирая на то, какой ценой ему это достанется, ибо в противном случае он попросту лишится права называться человеком. Да, лучше отважно погибнуть, чем продолжать трусливо жить».

«Ну что, папаша Хэмингуэй, — подумал Стилмэн, улыбнувшись собственной мысли, — похоже, что ты все же на моей стороне. Выходит, твои слова все же достигли моего сознания и моей души. Ну что ж, пошли за нашей рыбиной, давай поищем ее вместе. Как знать, вдруг нам повезет и океан хоть на время успокоится».

Перекинув ремень винтовки через плечо, Льюис Стилмэн отправился в путь по темному туннелю.

И вот бег навстречу пронизывающему ночному ветру. Под ногами стелется мягкая трава, которую сменяет потрескавшийся тротуар, и вот снова трава. Нырание в тень, почти невидимый и неслышный бег по тылам бывших кинотеатров и магазинов, стремительное скольжение в лучах зависшей высоко над головой холодной луны. Вот и бульвар Санта-Моника, затем Хайлэнд, Голливудский бульвар, и вот, наконец-то, после бесконечных блужданий и отчаянного биения сердца — заветный книжный магазин.

«Пиквик».

С винтовкой за спиной, с маленьким пистолетом в руке Льюис Стилмэн почти неслышно проскользнул под своды пустого магазина.

Перед его глазами расстиралось бумажное поле боя.

В блеклых лучах лунного света он увидел устилавшее пол первого этажа белесое покрывало валявшихся повсюду книг с рванными переплетами и оторванными обложками. Стилмэн невольно вздрогнул, мысленно представив себе, как они, повизгивая и отталкивая друг друга, ползут вдоль полок и стеллажей, яростно кидают книги друг в друга, визжа, разрывая их на части, уничтожая...

Что же творится на других этажах, и главное — в отделе медицины?

Он двинулся в сторону лестницы; под ногами шелестели и похрустывали, словно опавшие осенние листья, книжные страницы. Быстро преодолев первый короткий лестничный пролет, он убедился в том, что и там царит такой же хаос и полное запустение!

Спотыкаясь и содрогаясь при мысли о том, что ждет его еще выше, Стилмэн устремился на третий этаж. С дико бьющимся сердцем он наконец добрался до самой вершины помещения и стал всматриваться в окружавший его почти полный мрак.

Как ни странно, здесь книги стояли в целости и сохранности, словно ничего и не произошло. Скорее всего, утомленные бесконечными игрищами и забавами, эти существа основательно устали и попросту не добрались сюда.

Стилмэн скинул с плеча тяжелую винтовку и поставил ее рядом с лестничной площадкой. Все вокруг него было покрыто толстым слоем пыли, которая при каждом его шаге по узким проходам между стеллажами взмывала ввысь и кружила в воздухе; всюду ощущался тот же сыроватый запах затхлой кожи, заплесневелых переплетов, упадка и запустения.

Взгляд Льюиса Стилмэна выхватил едва различимый в темноте клочок бумаги, на котором была сделана рукописная надпись: «Раздел медицины». Да, он находился именно там, где, насколько помнил Стилмэн, ему доводилось бывать и раньше. Сунув пистолет в кобуру, он поспешно чиркнул спичкой и, загораясь слабое пламя согнутой совочком ладонью, двинулся дальше, идя вдоль поблекших от времени рядов полок с книгами. Картер... Дэвидсон... Энрайт... Эриксон! Он глубоко вздохнул — да, все три тома, позолота на корешках переплетов основательно запылилась, но была все же различима. Все они стояли на одной полке, рядом друг с другом.

Льюис стоял в темноте и аккуратно снимал том за томом, сдувая с корешков толстый слой пыли. И вот все три книги — массивные и чистые — оказались у него в руках.

«Выходит, все же смог — добрался до магазина, нашел книги, так что теперь они по праву принадлежат тебе».

Его губы тронула нежданная улыбка — просто он представил себе, как усядется за стол, разложит перед собой свое драгоценное сокровище и станет медленно, осторожно листать знакомые страницы — одну за другой.

В подсобке магазина он отыскал пустую картонную коробку и аккуратно уложил в нее книги. Затем прошел на лестницу, закинул за плечо винтовку и стал спускаться на первый этаж.

В душе он благодарил судьбу за то, что пока она была к нему более чем благосклонна.

И словно сглазил — как только нога опустилась на пол у самого основания лестницы, Льюис Стилмэн понял, что судьба вдруг отвернулась от него.

Все пространство первого этажа было заполнено ими!

Издавая приглушенные, шелестящие звуки, они, словно стая крупных двуногих насекомых, скользили в его направлении; в почти полной темноте алчно поблескивали их глаза. Значит, все это время они, затаившись, поджидали, когда он спустится, и теперь стали медленно подтягиваться к лестнице...

Внезапно книги перестали представлять для него сколь-нибудь значительную ценность; теперь в иерархии важных вещей и понятий на первое место вышла его собственная жизнь

— и ничего больше. Стилмэн невольно дернулся назад, скользнув спиной по жесткому деревянному брусу перил, коробка с шумом вывалилась из рук. Он остановился у края лестницы — они также стояли, не шевелясь, устремив в его сторону злобные, ненавидящие взгляды.

«Теперь у тебя может быть только один-единственный шанс на спасение, — сказал он себе, — это как-то выбраться на улицу. Значит, надо пробираться или прорываться сквозь толпу. Ну, а поскольку иного выхода у тебя нет — действуй!»

Стилмэн устремился в самую гущу, резко нажимая на спусковой крючок пистолета — двое, как подкошенные, рухнули на пол.

Он сразу же почувствовал, как в его куртку вцепились их острые ногти, услышал треск разрываемой ткани рубахи. Из дула маленького пистолета продолжали вылетать миниатюрные пули, и они оказались способны поразить еще троих, пронзительно завопивших от боли и дикого изумления. Остальные, также с криками, устремились кто куда.

Патроны кончились. Оказавшись наконец на улице, он отшвырнул бесполезный теперь пистолет и сорвал с плеча тяжелый «сэвидж». Свежий и прохладный ночной воздух наполнил легкие Льюиса, и на какое-то мгновение перед его глазами забрезжил слабый луч надежды.

«Я смогу, я должен сделать это, — убеждал он себя, выскакивая на растрескавшийся тротуар и устремляясь в темноту. — Только бы другие не услышали звуки выстрелов. Ноги у меня длинные и крепкие, так что им меня не догнать».

И все же в эту ночь фортуна, похоже, напрочь забыла про его существование. Неподалеку от того места, где Голливудский бульвар пересекался с Хайлэндом, на пути Стилмэна встала новая группа этих чудовищ.

Проворно опустившись на одно колено, он открыл стрельбу по их передней линии. «Сэвидж» отчаянно грохотал и содрогался от вылетающих из него пуль, тогда как группа стала стремительно смещаться вбок.

Стилмэн медленно, но неуклонно двигался в направлении средней части бульвара, время от времени, когда враг подступал слишком уж близко, используя приклад автомата на манер дубины. В какой-то момент трое созданий устремились ему наперерез. Льюис дал короткую очередь — один из бегущих резко переломился пополам и, судорожно корчась, всем телом пробил витрину магазина изделий из стекла. Когда он свернул за угол и двинулся в сторону Хайлэнда, еще один кинулся ему на спину, но он без особого труда смог избавиться и от него.

Участок улицы непосредственно перед ним был полностью свободен, так что теперь он мог целиком положиться на скорость своих ног. Путь был неблизкий — что-то около двух миль, — и он молил Бога, чтобы на нем не попались новые группы преследователей.

Он бежал, на ходу вставляя в винтовку новый магазин, и чувствовал, что пот насквозь пропитал его рубаху. Он ручьями стекал по лицу, застилал глаза. Одна миля осталась за спиной — ровно половина пути до «его» канализации. Что и говорить, по скорости бега они ему явно уступали.

Однако со всех сторон к нему неуклонно подбирались уже новые группы, все же привлеченные звуками его пальбы. Они появлялись из соседних улиц, переулков, магазинов и домов.

Сердце готово было вырваться из груди Стилмэна, воздух с хрипом вырывался из легких наружу. Сколько же их здесь — сто? Двести? А сзади появляются все новые и новые. Боже ж ты мой!..

Льюис до боли закусил нижнюю губу и тут же ощутил солоноватый привкус проступившей крови. «Нет, все же не выйдет, — грохотал в мозгу внутренний голос, — ты не доберешься и до следующего квартала, они схватят тебя. Да ты и сам это прекрасно понимаешь...»

Он снова прижал приклад винтовки к плечу и нажал на спусковой крючок. Тишину ночи разорвал пронзительный, сухой треск автоматной очереди. Стилмэн стрелял и стрелял,

чувствуя, как от толчков приклада немеет плечо, а в ноздрях бьется горьковато-паленый запах сгорающего пороха.

Нет, все это было без толку — их оказалось слишком много и он никогда не сможет прорваться сквозь такую массу.

«Итак, Льюис Стилмэн, тебе все же придется умереть», — сказал он себе.

Недолго ему пришлось ждать, когда из ствола винтовки вылетела последняя пуля. Бежать ему тоже было некуда — они окружали его со всех сторон и продолжали медленно, но неуклонно стягивать кольцо, образованное их живыми телами.

Он всмотрелся в выстроившуюся дугой вереницу маленьких свирепых лиц и подумал: а какие же хитрецы оказались эти инопланетяне, как здорово все это придумали! Они прибыли на Землю до того, как у землян могли бы появиться ракеты, способные угрожать безопасности их собственных планет. И что же они сделали? Вроде бы совсем нехитрая задумка — уничтожить на Земле все ее взрослое население, даже детей старше шести лет, а потом покинуть вымершую планету столь же стремительно, как и налетели на нее. Таким образом, земная цивилизация была вынуждена продолжить свое существование лишь на самом примитивном уровне, поскольку становой хребет у Земли-матушки уже был перебит, и ее обитатели, едва достигнув взрослого возраста, неизбежно погрузятся в пучину первобытного варварства и дикости.

Льюис Стилмэн бросил под ноги бесполезную теперь винтовку и широко раскинул руки.

— Послушайте меня! — взмолился он. — Ведь я ничем не отличаюсь от вас, разве что немного постарше. Но ведь и вы сами скоро станете такими же, как я. Пожалуйста, прошу вас, выслушайте меня!

Между тем кольцо вокруг Льюиса Стилмэна продолжало неуклонно сжиматься, и когда армада детей плотно сомкнулась вокруг него, ему не оставалось ничего иного, кроме как истошно закричать.

2. Ричард Паркер Мальчик — садовая тачка

Даже если вы маг и волшебник, не стоит забывать о старых добрых традициях.

— А теперь слушай меня, Томис, — сказал я. — Ты мне надоел... Если ты сейчас же не сядешь и не примешься за работу через пару минут, я превращу тебя в садовую тачку. Два раза повторять не буду.

Конечно, Томис был не единственным — весь класс стоял на ушах; просто на сей раз он оказался козлом отпущения. День был ветреным, а ветер всегда угнетает детей и делает их трудноуправляемыми. К тому же я случайно узнал, что папаша Томиса сорвал большой куш на бирже, так что разболтанность мальчишки была вполне объяснима. Однако оправдывать плохое поведение чем бы то ни было — порочная практика.

Приблизительно через три минуты я спросил:

— Ну, Томис, сколько примеров ты уже сделал?

— Я еще дату пишу, — угрюмо буркнул он.

— Хорошо, — сказал я. — Ты не можешь пожаловаться, что я тебя не предупредил. — И в ту же минуту я превратил его в садовую тачку — ярко-красную металлическую садовую тачку с пневматическими шинами.

Весь класс моментально затих — как всегда при строгом обращении — и в течение получаса сделал всю работу. Когда прозвенел звонок на перерыв, я всех выпроводил, чтобы остаться одному.

— Ну ладно, Томис, — сказал я. Можешь превращаться назад.

Ничего не случилось.

Сначала я думал, что он дуется на меня, но прошло время, и я стал подозревать серьезные неполадки.

Я пошел в кабинет директора.

— Слушай, — сказал я, — только что я превратил Томиса в садовую тачку и не могу вернуть его обратно.

— Уф, — сказал директор и уставился на бумаги, разбросанные по всему столу. — Ты что, очень с этим спешишь?

— Нет, — сказал я. — И все-таки немного неприятно.

— А что это за Томис?

— Такой надутый нечесанный шалопай, вечно сопит и жует жвачку.

— Рыжий?

— Нет, это Сандерсон. А у этого волосы черные и как воронье гнездо.

— А, знаю его. Ну ладно. — Он посмотрел на часы. — Может, притащить сюда этого дружочка через полчаса?

— Хорошо, — сказал я.

Я слегка призадумался, пока поднимался по лестнице в учительскую. Танглоу заваривал чай; я посмотрел на него и вспомнил, что он занимает какой-то пост в Союзе.

— Послушай, — сказал я ему, — а что, если я заплачу взносы?

Танглоу осторожно опустил чайник:

— Что ты натворил? — спросил он. — Вышвырнул ребенка из окна второго этажа?

Я прикинулся обиженным:

— Просто я подумал, что уже пора платить, — сказал я. — Не годится собирать задолженности.

В итоге он взял у меня деньги и дал мне расписку. Когда я затолкал ее в свой бумажник, я почувствовал себя немного спокойнее.

А в классной комнате все еще стоял Томис, прислоненный к стулу, красный и неуклюжий, — как упрек в мой адрес. Я был не в состоянии заниматься серьезной работой и поэтому через десять минут, дав классу какое-то задание, взял Томиса и покатил его напрямик к директору.

— Ну вот, отлично, — сказал он. — Наконец-то садовый инвентарь начинает поступать.

— Нет, — сказал я, опрокидывая тачку на середину ковра. — Это Томис. Я тебе говорил...

— Извини, — сказал он. — Совершенно забыл... оставь его здесь, я сейчас, я сейчас же за него примусь. Как только он будет презентабелен, я его к тебе отправлю.

Я вернулся в класс и на целых два урока зарядил сочинение, но Томис не объявлялся. Я подумал, что старик снова запамятовал, так что после звонка в двенадцать часов я снова заглянул к нему напомнить. Он стоял на коленях, без жакета и галстука, пот градом катился по его лицу и падал на ковер. С трудом он поднялся, когда увидел меня.

— Я все испробовал, — сказал он, — и никак не могу его расшевелить. Ты сделал что-то неортодоксальное?

— Нет, — сказал я. — Всего-навсего обычное наказание.

— Думаю, что тебе стоило бы позвонить в Союз, — сказал он. — Запроси законодательную службу, юриста Макштайна, выясни свое положение.

— Ты хочешь сказать, мы вляпались с этим делом? — спросил я.

— Ты вляпался, — ответил директор. — И звонил бы ты сейчас, пока они не разошлись на обед.

Через десять минут я дозвонился в Союз; Макштайн, к счастью, был еще там. Слушая мою историю, он то и дело ворчал.

— Вы член Союза, я надеюсь?

— О да, — сказал я.

— Взносы уплачены?

— Конечно.

— Хорошо, — сказал он. — Надо подумать. Я перезвоню вам через час-полтора. В моей практике таких случаев не было, поэтому мне надо подумать.

— Вы не могли бы хоть приблизительно оценить мою ситуацию, — спросил я.

— Разумеется, мы полностью на вашей стороне, — сказал Макштайн. — Законодательная служба и все остальное, но...

— Что? — сказал я. — Что — но?

— Я не представляю себе ваши шансы, — ответил он и положил трубку.

День тянулся, а звонка от Макштайна все не было и не было. Директор, по горло сытый Томисом, откатил его в галерею. В перерыве я снова позвонил в Союз.

— Извините за молчание, — сказал Макштайн, узнав мой голос. — Я был очень занят.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Все это дело, — сказал Макштайн, — зависит от того, как отнесутся к нему родители. Если они начнут процесс, мне придется встретиться с вами и отработать тактику защиты.

— А тем временем, — сказал я, — Томис все еще не Томис, а садовая тачка.

— Совершенно верно. И вот что я вам хочу предложить: сегодня вечером прикатите его домой, собственноручно. Поговорите с его предками и попытайтесь понять их отношение. Кто знает, вдруг они будут вам признательны.

— Признательны? — сказал я.

— Да, в Глазгоу был случай — ребенка превратили в мясорубку. Его мать была очень довольна и не хотела, чтобы его превращали обратно. Так что, идите, поговорите и утром дайте мне знать.

— Хорошо, — сказал я.

Я подождал до четырех часов и, когда школа опустела, выкатил Томиса на улицу.

По дороге я привлекал пристальное внимание прохожих, из чего заключил, что слухи меня опередили. Множество людей, с которыми я не был знаком, кивали мне и говорили «добрый вечер», а трое или четверо выбежали из магазина поглазеть.

Наконец я подошел к дому, и мистер Томис открыл дверь.

В доме былолюдно и шумно — праздновали выигрыш на бирже. Какую-то минуту он смотрел на меня ошолобенело, а затем предпринял отчаянную попытку сосредоточиться.

— Это учитель Тедди! — взревел он, обернувшись к гостям. — Вы как раз вовремя, заходите, пропустите рюмочку.

— Нет, ну что вы, — сказал я. — Я насчет Тедди...

— Это может подождать, — сказал мистер Томис. — Давайте, заходите.

— Нет, это очень серьезно, — возразил я. — Видите ли, я сегодня утром превратил Тедди в садовую тачку, а теперь...

— А теперь зайдите и выпейте, — настоятельно произнес он.

И я зашел и выпил за здоровье мистера и миссис Томис.

— Сколько вы выиграли? — спросил я из вежливости.

— Одиннадцать тысяч фунтов, — сказал мистер Томис. — Неплохая шуточка, а?

— Да, но теперь, — твердо сказал я, — насчет Тедди.

— Этот фокус с тачкой, что ли? — сказал мистер Томис. — Сейчас с ним мы разберемся.

Он вытащил меня во двор и подошел к тачке:

— Это он? — спросил мистер Томис. Я кивнул.

— Так, Тедди, слушай меня, — угрожающе сказал он. — Или ты сию же минуту приходишь в себя, или я сам вышибаю из тебя эту дурь.

Говоря это, мистер Томис расстегивал массивный пояс, который вместе с подтяжками придавал ему некое архитектурное единство.

Садовая тачка превратилась в Тедди Томиса, рванула через сад и прошмыгнула через дыру в ограде.

— Вот, пожалуйста, — сказал мистер Томис. — Вся ваша беда в том, что вы слишком с ним церемонитесь. Пойдемте, пропустим еще по рюмочке.

3. Дэвид Монтрос Людмила

Обычно, как только Людмила переступала порог дома, бабушка тут же поднимала крик, требуя от нее объяснений, почему она так долго отсутствовала, гуляя по лесу, хотя на самом деле девочку могли просто за плохие отметки задержать в школе. Иногда старуха даже не раскрывала рта, а попросту кидала в нее подушкой, а потому Людмиле приходилось постоянно быть начеку, чтобы вовремя увернуться от мягкого снаряда. Сегодня, однако, все было иначе. Сегодня днем подушка в нее не полетела. Не было даже крика.

— Бабушка? — Людмила рискнула поднять на нее взгляд и увидела торчащие из-под подушки тонкие белые косички старухи, а также одеяла, которыми девочка сама аккуратно укрыла ее несколько часов назад. Ей хотелось сказать: «Извини меня за сегодняшнее утро, бабушка. Я буду хорошей девочкой. Пожалуйста, прости меня и скажи хоть что-нибудь. Ну пожалуйста, скажи».

Она знала, что если бабушка сейчас не заговорит, то и все оставшиеся долгие-долгие дни тоже будет молчать. Ни слова не проронит. Может, даже до тех самых пор, когда повсюду закружат белые мухи, а лачугу заполнят голоса папы и всех ее братьев, вернувшихся с жатвы.

Тихонько, чтобы не разбудить бабушку, она поставила на стол плетеную корзинку со свеклой, капустой и соблазнительным куском свиной солонины, после чего поспешила подбросить в печь побольше хвороста. Даже в самую жаркую погоду бабушка жаловалась на то, что постоянно мерзнет, и Людмиле в поисках дров приходилось каждый день совершать по лесу все большие круги. Следующей весной она попросит папу и братьев оставить ей побольше хвороста перед тем, как отправиться собирать очередной урожай. Если этим летом бабушке захотелось, чтобы в лачуге было натоплено жарче, чем в прошлом году, то на следующий год ей наверняка захочется тепла еще больше, чем даже сейчас.

Но тогда Людмиле уже исполнится тринадцать лет, и она сама научится рубить дрова. По крайней мере, сможет дотянуться до самых нижних веток березы и пихты, и тем самым хотя бы отчасти освободит взрослых. Тогда они выроют колодец и вода станет, поступать прямо в их избу, или соорудят забор вокруг огорода, чтобы зайцы и олени наконец перестали поедать их овощи. А на ближайшую зиму еды почти не оставалось. При одной мысли об этом девочке еще больше захотелось есть. Да и деньги, кажется, тоже кончились — вот разве когда папа вернется домой...

Стараясь не глядеть на бабушку, которая терпеть не могла, когда ее заставляли спать, Людмила обжарила свинину, очистила свеклу, нашинковала капусту и, вылив из ведра в котел остатки воды, поставила все это на огонь. Потом так же тихо накинула на плечи шаль и направилась через поляну к журчащему по камням ручейку, звуки которого так напоминали ей трели балалайки брата Шуры.

Если она подольше задержится на улице, бабушка все это время проспит, и тогда не так долго будет ворчать на нее перед сном. А снаружи так хорошо и спокойно; можно вслушиваться и всматриваться в окружающие деревья и кусты. Да и пахло здесь чудесно — внутри избы запах был отвратительный.

Когда Людмила вернется, она скажет бабушке, что была в школе, а потом заходила в продуктовый магазин, но та как всегда завизжит и запустит в нее подушкой. Потом они поедят супа и улягутся в постель, а через день-два, или через неделю, папа и братья будут уже дома. В их присутствии бабушка всегда вела себя гораздо спокойнее.

Но прошлой весной папа как-то сказал ей:

— Если бы тебе, дорогая Людмила, пришлось все время лежать в постели с парализованными ногами, то ты бы тоже ворчала, сердилась и постоянно ныла.

Раз папа сказал, значит так оно и было. Он вообще у нее лучший отец на свете. Когда он дома, то всегда помогает ей делать уроки, а темными зимними вечерами приходит к школе, чтобы проводить ее по лесу до дома. Их школьная учительница товарищ Варвара обычно повторяла, что люди должны трудиться по способностям, а потреблять по своим потребностям. Но ведь бабушка потребляла, а сама никакой пищи не производила. Папа сказал, что в ее возрасте это понятно — в свое время она достаточно потрудилась.

Этим летом, когда дикие звери и птицы съели почти все овощи и зерно, так что нечем даже стало кормить скотину и кур, старый Николай из продмага сказал, что зимой обязательно появятся волки. За последние три года никто в деревне не видел волков, но каждый знал, что когда люди начинают умирать с голоду, волки обязательно приходят.

Людмила никогда раньше не видела волков, но часто слышала их вой. И бабушка постоянно повторяла, что дикие звери очень любят кушать маленьких нехороших девочек.

О, как хорошо будет, когда вернутся папа и все ее семеро братьев. Наверное, это случится уже на этой неделе, потому что, как сказал старый Николай, грустно покачивая при этом головой, раннее возвращение означает плохой урожай и совсем мало еды для всех. Но папа все равно обязательно отгонит волков от их избы — раньше он всегда так делал.

Когда же они все окажутся дома, то не будет тех темных и холодных утренних часов, когда Людмиле приходилось выбираться из-под бабушкиного бока, разбивать корку льда в ведре рядом с потухшим очагом, подсовывать под старуху горшок, а потом приниматься за приготовление каши.

Иногда бабушка подолгу сидела на горшке и так сильно ругала Людмилу за то, что та плохо взбивает подушку и поправляет одеяло, что девочка даже убегала из дому и долго бродила между золотистыми березами и зелеными пихтами, направляясь к дороге, где за жилыми деревенскими домами стояла колхозная школа. В качестве наказания товарищ Варвара часто давала ей дополнительное домашнее задание, которое девочке приходилось выполнять при свечах. Если бы только бабушка делала эти свечи немножко поровнее, или хотя бы поменьше сидела на своем горшке.

Но вот появилась первая звездочка, а за ней и другие, которые становились все ярче, несмотря на взошедшую желтую луну, чем-то похожую на золотистые березы, которые она видела днем. Чудесный вечер, заполненный доносящимися из леса шорохами.

В прошлом году папа с братьями вернулись на месяц позже обычного и с громкой песней пробирались через заросли с дороги, где их высадил грузовик. Увидев Людмилу, машущую им, все бросились наперегонки, и каждому хотелось добежать к ней первым. Тот, кому это удавалось, обычно поднимал ее на руки и поцелуями заглушал радостные крики девочки, после чего передавал ее с рук на руки следующему. Но никто из них не бежал целовать бабушку.

Как хорошо будет, если Николай окажется прав, и на этот раз они вернутся пораньше. Только вот жалко людей, которым придется голодать в эту зиму; возможно, это окажется даже кто-то из их колхоза.

Какая же из семей может умереть с голода?

Только не папа, потому что он всегда был здоровым и сильным. И не мальчики, потому что они тоже молодые и сильные. Но и не бабушка, потому что хотя она и не была ни молодой, ни здоровой, по силе своей она превосходила всех их. Папа это всегда повторял, особенно когда бабушка специально спрашивала его об этом.

— Кто из нас самый сильный?

— Конечно же ты, моя дорогая маленькая матушка.

В такие моменты она кивала и ухмылялась ввалившимся ртом, а все семеро братьев начинали весело смеяться. А папа всегда становился так, чтобы бабушка его не видела, и при этом подмигивал им, словно желая показать, что именно он хотел сказать.

Но если все они были такими сильными, то оставался еще один человек, совсем слабенький — плохая маленькая девочка, которая не могла сама себе нарубить дров, ворчала, когда бабушка подолгу сидела на горшке, с ненавистью в душе приносила ей воду

для умывания, стелила постель и взбивала подушку, на которую та опускала свои тоненькие белые косички.

Бедная старуха. Так легко было ее ненавидеть, тем более старую и парализованную. Как же было полюбить ее, когда она так скверно пахла и кричала? Вот и в это утро, когда Людмила проспала школу, бабушка опять швырнула в нее подушкой, потому что та оказалась, как она пробурчала, жесткой и вся свалялась. Девочка даже заплакала. Она кинула подушку обратно и увидела, что попала прямо старухе в лицо. А уже через несколько секунд девочка бежала, не чувствуя под собой ног, к школе, и всю дорогу заливалась слезами.

Появилось еще больше звезд. При лунном свете, когда повсюду мелькали длинные и короткие тени, она перепрыгнула через ручей, пересекла поляну и подошла к дверям избы. Ведро она оставила у порога — ей не хотелось входить внутрь.

Что будет на этот раз — вопль или снова подушка в лицо? Жалоба или упрек? А что случится, если она также ответит ей криком? Или опять кинется подушкой? А может, вообще не входить и остаться здесь в ожидании папы и мальчиков?

Когда они вернутся, ей снова захочется войти в дом. И тогда их изба зазвенит от гомона и смеха. Олег вечером заиграет на скрипке, Шура — на своей балалайке, а папа будет в такт им нахлопывать в ладоши. Родион, Вакула и Кирилл спляшут гопак, после чего Людмила станцует с ними вальс — с каждым по очереди, внимательно следя за тем, чтобы никто не остался обделенным. Не каждый вечер в их доме будут музыка и танцы, потому что раз в неделю все мужчины ходят в деревню, где пьют пиво и болтают с приятелями.

Но если Людмила умрет в эту зиму, с кем же они тогда станут танцевать? Девочка шмыгнула носом и утерла его краем шали. Вообще-то умереть было не так уж и плохо. В раю она наконец сможет увидеть свою мать, хотя товарищ Варвара и говорила, что никакого рая нет. Когда она сказала об этом папе, тот ответил:

— Может и так, хотя твоя мать и в самом деле была ангелом.

Правда, он тоже не может уже вспомнить, большая она была или маленькая, красивая или невзрачная — только то, что для него она всегда была хороша, и другая, такая же хорошая, ему так и не встретилась.

Бабушка часто говорила, что ни одна женщина, а уж тем более какая-нибудь вторая жена его сына, не заслужила бы подобной преданности. А ему и не нужна была другая женщина, тем более, что есть такие чудесные семь сыновей. Что вообще может кому-то дать новая жена, кроме бесполезных воспоминаний? Хорошо еще, что Людмила оказалась последним ребенком, потому что ей всегда хотелось есть. Иногда, когда бабушка говорила про слабеньких маленьких девочек, голодных маленьких девочек, Людмиле хотелось сделать ей больно.

Два года назад, когда бабушке вдруг вздумалось встать с кровати, на которой она спала вместе с Людмилой, старуха упала на пол. Папа прибежал из-за занавески, которая разделяла их избу, а Людмила так испугалась, что даже засунула себе в рот большой палец, чего давно уже не делала. Бабушка лежала с закрытыми глазами, и дыхание ее походило на храп. Папа тогда опустил на колени рядом с ней и заплакал. Людмила тоже заплакала.

Наконец бабушка открыла глаза и завращала ими. Уже позднее она проворчала:

— Людмила... Людмила... это она столкнула меня...

Потом приехал доктор — папа хотел, чтобы ее забрали в государственную больницу. Доктор сказал, что у бабушки был удар и она никогда больше не сможет ходить. Он также сказал, что в больнице для живых-то не хватает коек, не говоря уже об умирающих, так что лучше ее не трогать с места. Она может умереть в любую минуту — от шока или просто потому, что сердце остановится, а может протянуть еще несколько лет. Но это уже их проблемы; ему же надо позаботиться о тех, кто наверняка поправится и сможет опять работать, производить продукты.

Людмиле хотелось спросить: «А как же я?» — потому что летом ей приходилось особенно туго, и если бабушка не сможет ходить, на следующий год, когда мужчины опять уйдут из дома, она уж точно не справится.

Два года назад. Бесконечное время, и ни разу ни «спасибо», ни «пожалуйста» от бабушки. Только одни вопли и кидание подушкой. Разве что однажды, прошлой зимой, когда папа был дома, он сильно рассердился.

— Хватит, старуха. Ты слишком груба с Людмилой. А работает она так, как тебе уже никогда не поработать.

Всю зиму бабушка ни с кем почти не разговаривала — так это ее обидело.

И тогда она начала щипать Людмилу по ночам; жесткие пальцы то и дело находили то ногу, то руку, а то и ухо девочки. Все щипала, щипала без конца, до тех пор, пока Людмила однажды не выдержала и с силой не оттолкнула ее от себя. Но больше старуха ни разу не падала с кровати.

Людмила вздохнула и потянулась к стоявшему у ее ног ведру. Открыв дверь, она на секунду остановилась в ожидании, что сейчас в нее снова полетит подушка. Но бабушка продолжала лежать на том самом месте, где она ее оставила. И так же, как утром, лицо ее закрывала подушка, которой она придавила старуху.

Очень осторожно Людмила поставила ведро на пол, сняла с огня котел и налила суп в тарелку. Потом взяла ложку и с удовольствием съела все до последней капли. Не глядя на кровать, она снова вылила из котла остатки супа себе в тарелку, и скоро от него ничего не осталось.

4. Эл Саррантонио Тыква

Оранжево-черный день. Полдень давно прошел.

Снаружи, под обнаженными, но все еще крепкими деревьями, по тротуарам носились тысячи листьев, похожих на тысячи ногтей, скребущих по тысячам классных досок.

Внутри же продолжался праздник.

По проходам между партами бродили вампиры, упыри и вурдалаки, кричащие друг другу: «Бу-ууу!». Повсюду висели раскрашенные в цвета Дня всех святых фигуры из гофрированной мягкой бумаги, а на классной доске — вперемежку и внахлест — дикие, безумные, страшные рисунки, исполненные цветными мелками: змеи, крысы, ведьмы на помеле. Оконные стекла были залеплены вырезанными из бумаги черными силуэтами кошек и безглазыми привидениями с громадными «О» вместо ртов.

В стоящей на столе мисс Гринби громадной тыкве подрагивало оранжевое пламя, пробивавшееся через прорези для глаз и рта и распространявшее по классу сладковатый аромат.

Мисс Гринби, молодая, веселая и полная энтузиазма, вышла в коридор, чтобы догнать блуждающего по нему маленького гоблина, и сразу же на одной из нарисованных на доске ведьм появилась корявая надпись: «Учительница». Мисс Гринби за руку привела беглеца, посмотрела на карикатуру и улыбнулась.

— Так, чья это работа? — спросила она, не надеясь услышать ответ. И не получив его, женщина попыталась изобразить на своем лице выражение грусти.

— Ну да ладно. Надеюсь, вы и сами понимаете, что я все же не такая. Разве что сегодня.

Затем она извлекла из шкафа остроконечный ведьмин колпак и широким жестом водрузила его себе на голову.

Взрыв хохота.

Праздник продолжался.

На партах появились маленькие кулечки — оранжевые и белые, — с только что оторванными макушками, наполненные оранжевой и белой засахаренной кукурузой.

Кукуруза полетела в маленькие розовые рты.

Было шумно, под аккомпанемент севшей за пианино мисс Гринби все распевали праздничные песни, а затем принялись отлавливать черную кошку, чтобы пришить

булавкой ее хвост. А потом настал черед рассказа о привидениях, который передавался от одного ученика к другому — фраза за фразой:

— Стояла темная, дождливая ночь...

— ...Питера в поле застала гроза...

— ...и он зашел в единственный дом, что стоял у дороги...

— ...в котором никого не оказалось...

— ...потому что дом пустовал и в нем жили привидения...

На последней парте первого ряда рассказ оборвался.

Все взгляды устремились в тот угол.

Новенькая.

— Рейли, — мягко произнесла мисс Гринби, — а ты разве не хочешь вместе с нами продолжить рассказ?

Впервые пришедшая в тот день в класс, тихая, застенчивая, с черной челкой и большими, всегда опущенными глазами девочка по фамилии Рейли сидела, сложив маленькие, чуть сероватые ладони и устремив прямо перед собой взгляд своих темно-карих глаз — совсем как кролик, попавший в луч автомобильной фары.

— Рейли?

Маленькие, бледные ручонки Рейли задрожали.

Мисс Гринби быстро встала и, пройдя по проходу, легонько опустила ладонь на плечо девочки.

— Рейли просто стесняется, — сказала учительница, с улыбкой глядя в неподвижную макушку девочки. Она наклонилась, чтобы оказаться вровень с лицом ученицы, и тут же увидела две крупные круглые капли, притаившиеся в уголках ее глаз. Руки девочки были по-прежнему крепко сжаты.

— Ты не хочешь присоединиться к нашей игре? — прошептала мисс Гринби, добрым взглядом окидывая всю ее маленькую фигурку. В груди женщины всколыхнулась волна сочувствия. — Разве тебе не хотелось бы подружиться с другими учениками?

Никакой реакции. Ребенок уставился прямо перед собой; кулек с засахаренной кукурузой, по-прежнему нераспечатанный и аккуратный, лежал на углу полированной, испещренной царапинами парты.

— Она просто рохля!

Это была Джуди Линтроп, одна из четырех сестер Линтроп (все в возрасте от шести до одиннадцати лет), доставлявшая порой немало хлопот.

— Перестань, Джуди... — начала было мисс Гринби.

— Рохля! — крикнул Роджер Мэплтон.

— Рохля! Рохля! Рохля! — поддержали его Питер Пакински, Рэнди Феффер, Джейн Кэмпбел.

Все устремили взгляды на Рейли — как-то она поведет себя теперь?

— Бледная маленькая рохля!

— Ну хватит! — гневно воскликнула мисс Гринби, и в классе тотчас же воцарилась тишина. Игра зашла слишком далеко.

— Рейли, — мягко проговорила женщина. Всем своим молодым сердцем она сейчас сочувствовала этой девочке. Ей хотелось закричать: — «Не робей! Не из-за чего печалиться, ведь это же все не по-настоящему, я понимаю тебя, понимаю!»

На мисс Гринби мгновенно нахлынули воспоминания о ее собственном детстве, ужасном одиночестве, а вместе с ними к горлу подкатил комок.

«Я тебя понимаю, очень хорошо понимаю!»

— Рейли, — проговорила она еще тише в безмолвии приготовившегося к празднику класса, — ты хочешь играть вместе с нами?

Молчание.

— Рейли...

— Я могу сама рассказать историю.

Мисс Гринби вздрогнула при звуке голоса девочки, настолько неожиданно он прозвучал. Ее маленькое печальное личико резко вздернулось, словно ожило, зарумянилось, стало совсем настоящим. В глазах загорелся огонек решимости — они словно вынырнули из затравленной, смущенной темноты и вытянули за собой и ее голос.

— Если вы позволите, я расскажу вам свою собственную историю.

Мисс Гринби едва не хлопнула в ладоши.

— Ну конечно же! — воскликнула женщина. — Дети, — она глянула в лица остальных учеников — у кого-то лица были заинтересованные, у других ухмыляющиеся, некоторые пытались скрыть вертевшуюся на языке насмешку, словно выжидая удобного момента, чтобы съязвить. — Рейли хочет рассказать нам свою собственную историю. Историю ко Дню всех святых? — спросила она, снова наклоняясь к девочке, а когда та кивнула, выпрямилась, улыбнулась и провела ее к своему столу перед доской.

Мисс Гринби села на свой стул.

Несколько секунд девочка стояла молча, чувствуя на себе все эти ухмыляющиеся, пренебрежительные взгляды, кое-где прикрытые масками из гофрированной бумаги, картонными чудовищами и гоблинами.

Она стояла, устремив взгляд в пол, и неожиданно заметила, что машинально принесла с собой к доске свой кулечек с кукурузой и стоит сейчас с ним перед всем классом. Мисс Гринби тоже это заметила и, чтобы предупредить какой-ни-будь неожиданный поступок Рейли, а то и ее побег из класса, встала и сказала:

— Слушай, давай я поддержу его, пока ты не кончишь, хорошо?

Взяв кулек из потных ладоней девочки, она снова села.

Рейли хранила молчание, по-прежнему устремив взгляд в пол.

Мисс Гринби собиралась уже было снова встать, чтобы в очередной раз выручить ее.

— Эта история, — неожиданно начала девочка, немного даже смутив учительницу, которая буквально шлепнулась назад на стул, — очень страшная. Она про маленького мальчика, которого звали Тыква.

Мисс Гринби затаила дыхание. Со стороны класса послышался какой-то шорох, но она одним взглядом заставила всех замолчать.

— Тыква, — продолжала Рейли тихим низким голосом, который, однако, звучал вполне отчетливо и совсем не дрожал, — был очень одинок. У него совсем не было друзей. Он был неплохим мальчиком и очень любил играть, но с ним никто не играл из-за его внешности.

Все звали его Тыквой, потому что у него была очень большая голова. По сравнению с остальным телом она росла слишком быстро, и была большой и мягкой. И волосы на ней росли только сверху, совсем немного — всего один клочок, а кожа на голове была мягкая и жирная. Ее можно было даже сжать, чтобы получились складки. И на этой голове, на ее жирном лице, было почти не видно глаз, носа и рта.

Кто-то сказал, что у Тыквы такая голова потому, что его отец работал на атомном заводе, и незадолго до рождения Тыквы у них там случилась какая-то авария. Но ведь это же была не его вина, и не его родителей, которые очень любили сына, хотя и немного побаивались — опять же из-за его вида. Да и он сам, когда смотрел на себя в зеркало, тоже боялся своего вида. Иногда ему хотелось разодрать свое лицо пальцами, изрезать его ножом или упрятать в большой пакет, а сверху написать: «Это я, и я такой же нормальный, как и вы все там». Временами ему было так плохо, что он хотел разбить свою голову о стену или пойти к железной дороге и положить ее на рельсы, чтобы поезд отрезал ее.

Рейли сделала паузу, и мисс Гринби хотела уже было прервать ее, однако, заметив воцарившуюся в классе гробовую тишину, а также сосредоточенный вид, с которым девочка рассказывала свою историю, решила придержать язык.

— В конце концов Тыкве стало так одиноко, что он решил во что бы то ни стало занять друга. Он стал разговаривать с другими учениками в классе — по одному, по очереди с каждым, но все равно никто к нему не хотел даже подходить. Он попробовал еще — все равно никто не подходил. И тогда он перестал даже пытаться.

Как-то раз он расплакался в классе — прямо на уроке истории, и никто, даже учительница, не мог его остановить. Он плакал, и слезы текли по его лицу, совсем как вода стекает по складкам на большой тыкве. Учительница хотела позвать его отца и мать и сказать им, чтобы они забрали своего сына, но даже им было непросто это сделать, потому что он сидел, крепко ухватившись руками за края стула, и все плакал, и плакал. Казалось, что у него не должно было хватить слез для такого плача, и некоторые из его одноклассников подумали даже, что голова у Тыквы наполнена водой. Но все же потом родители увели его домой, где заперли в комнате, и он плакал там, не переставая, целых три дня.

Когда прошли три дня, Тыква вышел из своей комнаты — и глаза его совсем просохли. Улыбнувшись своим уродливым ртом, он сказал, что никогда больше не будет плакать, и что ему хочется снова пойти в школу. Его отец и мать беспокоились, достаточно ли хорошо он себя чувствует, но Тыква знал, что втайне они даже почувствовали облегчение, поскольку его долгое пребывание в доме действовало им на нервы.

В то утро Тыква с улыбкой на лице пришел в школу. В руке он сжимал свой кулечек с завтраком, а голову держал гордо и прямо. И учительница, и другие ученики очень удивились, когда опять увидели его в классе, а потому на некоторое время его оставили в покое.

Но потом, в середине второго урока, один из мальчиков в классе кинул в Тыкву бумажный шарик; потом еще кто-то кинул. Кто-то прошептал, что голова его похожа на тыкву и что ему надо выращивать ее в огороде ко Дню всех святых. «А на День всех святых мы взрежем эту тыкву!» — прокричал кто-то из учеников.

Тыква сидел за своей партой, потом аккуратно достал сумку с едой и принялся ее спокойно разворачивать. Внутри лежали сэндвич, в спешке приготовленный его матерью, яблоко и пакетик с печеньем. Он все это выложил на парту, потом достал термос с молоком и тоже поставил его на парту. После всего этого он закрыл сумку и щелкнул замочками.

Потом Тыква встал и прошел к доске, держа в руке эту самую сумочку для еды. Сначала он подошел к двери, закрыл ее, а потом спокойно приблизился к столу учительницы и повернулся лицом к классу. И открыл свою сумочку.

— Мой обед и ужин, — сказал он, — мой ужин и завтрак. Из сумочки он вынул большой кухонный нож.

Все в классе начали кричать.

А потом Тыкву увезли и поместили в одно место...

Сзади неожиданно появилась мисс Гринби.

— Ну вот, время наше подошло к концу, — мягко прервала она девочку, пытаясь изобразить на своем лице улыбку, хотя в душе ей хотелось кричать от боли за этого одинокого ребенка. — Это и в самом деле была очень страшная история. Кто тебе ее рассказал?

В классе стояла мертвая тишина. Глаза Рейли снова уставились в пол.

— Я сама ее придумала, — шепотом проговорила она.

«Надо же, выдумать такое, — подумала мисс Гринби. — Я тебя понимаю, очень хорошо понимаю!» Она похлопала девочку по спине.

— Так, вот твоя кукуруза, можешь сесть на место. Девочка быстро прошла к своей парте и села, отведя глаза в сторону.

Весь класс уставился на нее.

А потом случилось то, отчего сердце мисс Гринби прямо-таки екнуло.

— Клевая история! — воскликнул Рэнди Феффер.

— Клевая!

— Угу-гу-у!

Это Роджер Мэплтон и Джейн Кэмпбел. Сидя за партой, Рейли дрожала всем телом, хотя и продолжала застенчиво улыбаться.

— Клевая история!

Где-то прозвенел звонок.

— Неужели уже урок прошел? — Мисс Гринби взглянула на большие круглые настенные часы. — А ведь и в самом деле. Ну что ж, ребята, по домам? Думаю, всем понравился наш праздник. Но запомните — нельзя есть слишком много конфет!

Из середины класса вверх взметнулась и энергично замахала чья-то рука.

— Да, Клео?

Голубоглазая, с красными веснушками на лице Клео поднялась и спросила:

— Мисс Гринби, я могу объявить, что сегодня вечером у меня дома будет организовано... ну, что-то вроде праздничного мероприятия, что ли, и я приглашаю весь класс к себе?

Мисс Гринби улыбнулась.

— Можешь, Клео, хотя, как мне кажется, тебе осталось не так уж много сказать — все уже все поняли.

— Ну вот, — сказала Клео, с улыбкой глядя на Рейли, — значит, все приглашены.

Рейли улыбнулась ей в ответ и быстро потупила глаза.

Книжки, тетрадки, кульки и конфеты — все смешалось в кучу, полетело в ранцы, вслед за чем маленькая толпа бумажных кошек и призраков, сопровождаемая внимательным взглядом праздничного тыквенного фонаря, устремилась из класса — навстречу приближающимся сумеркам.

Оранжево-черная ночь.

Вот пришел, ступая на двух ногах, черный кот; за ним проследовали два привидения в перкалевых простынях, волоча за ручки бумажные сумки; а вот и низкорослый пришелец из чужих миров. Разыгрался ветер, и по серпантину тротуаров заматались похожие на соревнующиеся машины опавшие листья. В воздухе стоял запах яблок, чувствовалось приближение зимних холодов.

Повсюду маячили тыквенные головы, а над головой висел полумесяц, игриво просвечивающий сквозь клочья высоких, мрачных облаков. Сквозь хитросплетение озябших ветвей слабо поблескивали тысячи желтоватых огоньков, припрятанных в тысячах гирлянд у входов в дома. Отовсюду доносился перезвон дверных звонков — это был час шагающих гоблинов. Все шли по-двое, по-трое, а то и по четыре кряду, эти чудища, соединенные вместе силой притяжения Дня всех святых. Одни группы проходили мимо других групп, поднимались по ступенькам крыльца, спускались по ним, делали страшные рожи, а отовсюду доносилось традиционное «Бу-уу!»). Целый миллион всевозможных «Бу-уу!»), приветствующих наступление ночи.

В один дом прошла компания гоблинов, поднявшись по ступеням крыльца, но наружу так, никто и не вышел. Дверь приоткрылась — сначала самую малость, потом шире, и группа привидений, чародеев и призраков вместо того, чтобы терпеливо дожидаться подношений, которые можно было бы попрыгать в свои сумки, проскользнула внутрь, покинув оставшуюся у них за спинами ночь — но лишь затем, чтобы окунуться в другую ночь.

Через холл все прошли на кухню, а оттуда еще по одной лестнице спустились в подвал. Сейчас он неузнаваемо преобразился. Теперь это был уже ад — угольно-черная яма, залитая мрачным, зловещим красноватым светом, льющимся из припрятанных по углам и всевозможным углублениям фонарей. Подвал самого Эдгара Алана По — а вот, кстати, и его портрет, повешенный прямо над кадкой для замачивания яблок, украшенный чучелами воронов с раскрытыми клювами и темными, бездонными глазами, поблескивающими из-под густых перьев. Это был его подвал, а точнее — подвал Маски Красной смерти.

И здесь же находились герои Эдгара По: миниатюрные образы диковинных созданий, вполне зловещие, словно сошедшие со страниц книг, и по размерам достигающие нормального ребенка. Дьяволы всех видов и разрядов в сделанных из папье-маше масках, с копытами и хвостами из красной веревки; стайка диковинных привидений; механический картонный человек; два оборотня; четыре вампира с восковыми зубами; одна мумия; одно морское чудовище с восемью щупальцами; три монстра Франкенштейна; одна невеста того же

происхождения; еще одно чудище самого непонятного образа и строения — что-то вроде медузы из полиэтиленовых мешков.

И еще Рейли.

Рейли пришла последней; тихонько, чуть дрожа, проскользнула во входную желтую дверь также последней и еще более тихо спустилась по скрипящим ступеням в подвал Эдгара По. Она проникла туда безмолвной, настороженной кошкой, едва дыша, да и одета была как кошка — в маске с усами, черных колготках и с черным веревочным хвостом; вся черная, чтобы сделаться невидимой в темноте.

Никто не заметил, как она вошла. Лишь черные, словно панцири жуков, глаза По над бадьей с яблоками зафиксировали ее появление.

Именно эта бадья и стала сейчас центром активности всех этих дьяволов, привидений и Франкенштейнов, шумно суетившихся вокруг нее и нетерпеливо дожидавшихся своей очереди в игре под внимательным присмотром глаз писателя.

— Поймал! — прокричал один красный дьявол, с торжествующим видом выхватывая изо рта блестящее яблоко. На нем не было никакой дьявольской маски — просто раскрашенное красным лицо, красное и мокрое от воды в бадье. Это был Питер, один из ехидных мальчишек, задиравших в классе новенькую.

Рейли еще плотнее вжалась всем телом в стену подвала.

— И я поймал! — воскликнул монстр Франкенштейна.

— И я! — крикнула Невеста. Два крепких красных яблока были поднесены к портрету, дабы тот мог удостовериться в факте их существования.

— Я тоже! И я! — закричали дракулы, горбуны и маленькие зеленые человечки.

Призраки и оборотни тоже закричали.

Осталось только одно яблоко.

— Кто еще не пробовал? — прокричала Клео, великолепная в своем ведьмином одеянии. Просто вылитая мисс Гринби в миниатюре. Она ударила метлой по бадье, привлекая всеобщее внимание.

— Кто еще не пробовал?

Рейли хотела спрятаться поглубже в тень, но не успела. Для этого нужна была еще более густая, совсем черная темнота, а так ее заметили.

— Рейли! Рейли! — закричала Клео. — Ну, иди, доставай свое яблоко! Но только зубами!

Под всеобщее улюлюканье девочка выставила перед собой руки — единственные, в которых не было яблока, — и ступила в круг призраков.

Ее охватил ужас. Она дрожала так сильно, что не могла даже держаться за края металлического чана, перед которым неожиданно для себя оказалась. Ей хотелось убежать из этого дома, взбежать по лестнице, пронестись в желтую дверь и скрыться в ночи.

— Окунайся! Окунайся! — нетерпеливо заверещали призраки.

Рейли посмотрела в воду и увидела свое темное отражение, совсем рядом с По, чуть мельтешившее и покосившееся от мелкой ряби из-за плававшего в воде яблока.

— Окунайся! Окунайся! — кричали кругом.

Рейли оторвала взгляд от своего отражения, повернулась, посмотрела на окружавших ее детей.

— Я не хочу!

— Окунайся!.. — хор стал затихать.

Две дюжины холодных глаз всматривались в ее прикрытое маской лицо. За всеми этими маскарадными костюмами и глазами скрывались настоящие призраки.

Кольцо вокруг Рейли стало медленно сжиматься; кто-то не удержался от свистящего смеха. Девочка дрожала, словно зажатый камнем истрепанный листок на сильном ветру.

Клео, единственная из всего круга, вышла вперед, чтобы защитить ее. Она протянула к ней руки.

— Рейли... — успокаивающим голосом начала девочка.

Кольцо решительно сжалось еще на один шаг. Над головами собравшихся в слабом пурпурном свете поблескивали наполнившиеся ожиданием глаза Эдгара По.

Совсем в отчаянии Клео проговорила:

— Рейли, расскажи нам какую-нибудь историю.

Напряжение немного спало, со всех сторон слышалось облегченное «О»!

Рейли поежилась.

— Да, расскажи историю! — сказал кто-то из глубины подвала — то ли оборотень, то ли вампир.

— Пожалуйста, не надо, — взмолилась Рейли. Ее кошачьи усы и кошачий хвост затрепетали. — Я не хочу!

— Историю! Историю! — начал скандировать круг.

— Пожалуйста, не надо!

— Расскажи конец той, первой истории!

Все узнали голос стоявшего позади круга Питера — низкий, требовательный.

И еще раз:

— Да, расскажи!

Рейли зажала ладонями уши.

— Нет!

— Расскажи!

— Нет!

— Расскажи сейчас же!

— Я думала, что вы мне друзья! — воскликнула Рейли с мольбой в голосе, вытягивая перед собой свои кошачьи руки-лапы.

— Рассказывай!

Из горла Рейли вырвался сдавленный крик.

Круг инстинктивно расширился. Все понимали, что теперь она расскажет. Ведь они приказали ей. Чтобы стать одной из них, она должна была подчиняться их приказам.

Клео беспомощно вернулась в круг, оставив Рейли стоять посередине.

Рейли осталась одна и продолжала чуть дрожать. Потом, все так же не поднимая глаз от пола, она успокоилась и на некоторое время застыла на месте. Воцарилась полная тишина. В темном подвале можно было расслышать лишь потрескивание горящей в углу свечи да легкий плеск воды в бадье, колыхавшей одинокое яблоко. Затем она подняла на них отсутствующий, какой-то отрешенный взгляд и заговорила спокойным, тихим голосом.

Девочка начала свой рассказ.

«После этого они увезли Тыкву с собой и поместили его в доме, где живут сумасшедшие. Там день и ночь стоял крик и стоны. Кто-то постоянно вопил, визжал, бился головой о стену или все время плакал. Тыкве было там очень одиноко и очень страшно.

Однако родители Тыквы любили его все же больше, чем он думал. Они решили, что ему нельзя больше оставаться в таком месте. Поэтому они придумали план, хитрый и простой план.

Однажды, придя навестить сына, они нарядили его в какой-то костюм и в таком виде увели с собой. Они увезли его далеко-далеко, где его никто бы не стал искать, на другой конец страны. Там они спрятали его, а сами стали думать, как же ему помочь. После долгих поисков они все же нашли ему доктора.

Доктор тот умел творить чудеса. Два года он бился над головой Тыквы, над его лицом и всем телом; резал это лицо, изменял его. С помощью пластмассы он превратил его в самое настоящее, нормальное лицо. И вообще изменил ему всю голову, даже сделал так, что из нее стали расти обычные волосы. Он сумел изменить ему и фигуру.

Родители Тыквы заплатили доктору кучу денег, он и в самом деле оказался настоящим гением.

Он совершенно изменил Тыкву».

Рейли ненадолго умолкла, в ее глазах вспыхнули огоньки. И призрачный круг вокруг

нее, и сам Эдгар По — все слушали, затаив дыхание.

— О!.. — не выдержал кто-то.

— Этот доктор превратил Тыкву в маленькую девочку.

Еще один «призрак» то ли силился сделать глубокий вдох, то ли маленькими порциями выпускал воздух наружу.

Глаза Рейли заблестели еще ярче.

— И теперь Тыкве, хотя он был уже не Тыква, надо было научиться многому, чтобы стать настоящей девочкой. Приходилось быть очень осторожным, когда одеваешься, и когда что-нибудь делаешь. Особенно осторожно надо было вести себя, когда разговариваешь, и вообще стараться вести себя как можно спокойнее. Он всегда очень боялся, вдруг что-то случится, если он не будет вести себя спокойно, вдруг занервничает. Ведь его лицо — красивое, милое лицо было сделано из обычной пластмассы. Но внутри него сидел настоящий Тыква, сидел взаперти и ждал, когда можно будет выйти наружу.

Рейли посмотрела на них, и внезапно ее голос как-то изменился. Он стал жестким, скрипучим. А глаза превратились в тлеющие угли.

— И ему больше всего на свете хотелось иметь друзей.

Кошачья маска слетела с ее лица, а само оно — маленькое девичье личико — вдруг стало мягким, распухшим и продолжало вспухать, как если бы внутри него кто-то надувал воздушный шар. Волосы стали закручиваться на голове, образуя на макушке тугой круглый узел. Все лицо покрылось толстыми складками.

С болезненным, каким-то резиновым звуком лопающегося арбуза голова Рейли внезапно обрела свою прежнюю форму. Ее глаза, уши и нос превратились в мягкие оранжевые треугольнички, а рот стал похож на лениво ухмыляющийся полумесяц. Она задышала тяжело, с натугой, а голос перерос в резкий, сипящий шелест.

— Ему так хотелось иметь друзей.

Медленно, размеренными движениями Рейли потянулась к складкам своего костюма, чтобы достать то, что там было спрятано.

И достала.

В черном подвале под одобрителем взглядом Эдгара По взметнулся дикий, многоголосый крик.

— Мой обед и ужин, — сказала она, — мой ужин и завтрак.

5. Томас Ф. Монтелеоне Спасти ребенка

Ужас подкрался совершенно незаметно.

В сущности, в тот момент Рассел Саузерз даже предположить не мог, что вскоре его жизнь превратится в сплошной кошмар. Он просто проводил свой обычный воскресный день — самый типичный осенний воскресный день: сидел перед телевизором марки «Зенит Хромаколор III» и наблюдал за тем, как «Гиганты» воплощали в жизнь свою новую «домашнюю заготовку» — как бы побыстрее проиграть футбольный матч. Жена Миззи между тем преспокойно читала «Нью-Йорк Таймс».

— Боже Правый! — воскликнул Рассел, глядя на то, как центрфорвард «Гигантов» в очередной, уже четвертый раз прорвался по флангу, но так и не смог донести мяч до контрольной отметки.

— О Рассел, ты только посмотри на это фото, — проговорила Миззи, показывая ему страницу из «Таймс мэгэзин».

— Один против двоих — всего-то только двоих! — и все равно никак прорваться не может! Нет, это просто невероятно...

— Рассел?

— Что, дорогая? — Он посмотрел на жену и невольно поразился тому, что она вообще решила оторвать его от футбольного матча — и это-то после тринадцати лет супружеской

жизни!

— Посмотри на эту картинку, — снова повторила она.

На экране «Зенита» вспыхнул рекламный ролик новой марки бритвенных лезвий, и он повернулся к жене. Женщина показывала ему занимавший целую полосу «Таймс мэгэзин» рекламный снимок, на котором был изображен обряженный в лохмотья ребенок с грустными глазами, сидящий на фоне опустевшей деревни. Это был один из традиционных рекламных листков, призывавших людей оказать помощь несчастным детям, пострадавшим где-то за границей от войн, голода и болезней — читателям предлагалось стать «по переписке» в некоем роде приемными родителями бедной крохи. По верхней кромке страницы крупными буквами было напечатано — «СПАСТИ РЕБЕНКА», тогда как чуть ниже и уже более мелким шрифтом сообщалось, в каких жутких условиях живут там люди. В довершение всего указывалось, сколько именно денег и куда конкретно следует перечислить, и как они будут использованы ради спасения обездоленного, голодающего дитя.

— Ну и что? — спросил Рассел, взглянув на снимок.

— Как ну и что?! Рассел, ты только посмотри на этого мальчугана. Взгляни в его большие темные глаза! О, Рассел, ну как мы можем вот так сидеть — в окружении всей этой роскоши, — когда где-то на другом конце планеты от голода погибает несчастная кроха!

— Роскоши!.. — Рекламный ролик закончился и теперь в наступление пошли уже «Пэкеры», избравшие тактику коротких перебежек и точных бросков мяча друг другу.

— Ты прекрасно понял, что именно я имела в виду... Здесь написано, что за какие-то жалкие пятнадцать долларов в месяц мы сможем стать приемными родителями ребенка, причем даже получим его фотокарточку. Кроме того, ежемесячно будем получать от него письма, и при желании сами писать ему.

— Угу... — Один из нападающих «Гигантов» только что поскользнулся и, падая, выронил мяч, снова предоставив «Пэкерам» возможность перейти в контратаку. — Боже праведный!

— Вот я и подумала, что мы должны ему чем-то помочь. Я хочу сказать, что за одно лишь кабельное телевидение мы платим в месяц гораздо больше пятнадцати долларов, правильно?

— Что? А, ну да, конечно... — На сей раз уже форвард «Пэкеро» врезался в хорошо организованную защитную линию «Гигантов». Завязалась схватка.

— Ну так как, по силам нам такие траты?

Экран телевизора заполнила очередная реклама — на сей раз уже новой модели «крайслера»; Рассел поднял на жену отсутствующий взгляд. — Какие траты?

— Стать приемными родителями «по переписке». Рассел, ты только взгляни на это фото!

— Я уже глядел на это фото, Миззи! Ну и что ты хочешь, чтобы я сделал с этой... Хорошо, ради Бога, вырежь его, вставь в рамочку и повесь над камином!

Миззи продолжала хранить спокойствие.

— Повторяю, Рассел, я хочу принять участие в программе «СПАСИТЕ РЕБЕНКА». Можем мы себе позволить это или нет?

— Что? Ты хочешь отправить деньги за границу? А откуда нам известно, что они вообще дойдут до ребенка? Да ты только посмотри на этот листок — ты вообще имеешь хоть какое-то представление, сколько может стоить полная страница рекламы в «Таймсе»? Ой не верится мне, что им вообще нужны наши вшивые пятнадцать долларов...

— Рассел, прошу тебя... — Миззи улыбнулась и характерным жестом наклонила голову — она всегда так делала, когда хотела чего-то получить от мужа. Между тем трансляция игры снова возобновилась и ему уже стало надоедать, что его постоянно отвлекают. Какого черта! Ладно, хрен с ними, с этими пятнадцатью долларами.

— Ну хорошо, Миззи... мы можем себе это позволить. — Он медленно выдохнул и снова уткнулся в экран. Все равно «Гиганты» проиграли.

Примерно через три месяца после того, как Рассел и Миззи заполнили бланк фирмы «Спасти ребенка» и направили свой первый ежемесячный взнос (за которым последовали также второй и третий), они получили от своего «усыновленного» ребенка письмо и фотокарточку. На конверте авиапочты стоял обратный адрес Кона-Пей — маленького атолла в районе Тробриандских островов. Рассел со своими скудными познаниями в географии поначалу усомнился в том, что подобное место вообще существует, однако за несколько недель до этого супруги получили официальное письмо-подтверждение от Всемирной организации «Спасти ребенка», где сообщалась дополнительная информация о ребенке.

Звали это дитя Тнен-Ку. Это была двенадцатилетняя девочка, родители которой погибли от несчастного случая во время рыбной ловли. Сейчас ребенок жил при миссионерском пункте организации под присмотром своего дяди, и одновременно местного шамана, которого звали Гока-Пон.

На потрескавшемся черно-белом снимке размерами три на пять дюймов была изображена эта самая Тнен-Ку — исхудавшая, явно еще незрелая девочка. У нее были длинные прямые темные волосы, большие и еще более темные миндалевидные глаза, острые, словно грани хрусталя, скулы и пухлые губы, отчего создавалось впечатление, что ребенок криво ухмыляется уголками рта. Одея она была в простенькую, сшитую из единого куска ткани юбку до колен — и больше ничего. Ее едва начавшие оформляться груди походили на крохотные загорелые конусы, но было во всем ее облике нечто странное, почти завораживающе-леденящее, что сразу же бросилось в глаза Расселу, когда он впервые взглянул на снимок.

Испытывая некое подобие спровоцированного любопытства, Рассел скользнул взглядом по строкам письма.

«Дорогой второй папа Рассел!

Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты согласился стать моим вторым папой. Те американские деньги, которые ты прислал, позволят мне не всегда жить в миссии. Ты сделал мою жизнь счастливой.

Тнен-Ку».

Миззи письмо разочаровало в первую очередь потому, что Рассела в ней упомянули, а про нее забыли, хотя это была целиком ее идея, а отнюдь не его!

Рассел Саузерз принялся успокаивать жену, начал говорить, что это, наверное, такая традиция у них на острове — обращаться только к мужской половине семейства, и что едва ли стоило ожидать от жителей Тробриандских островов, чтобы они вели себя с такой же учтивостью, как население северного предместья Нью-Джерси. Подобная тактика оказалась весьма эффективной и потому совсем скоро «удочеренная» Тнен-Ку стала едва ли не главной темой разговоров и объектом гордости Миззи во время светских мероприятий и партий в бридж. Более того, теперь женщина повсюду носила в своей сумочке фотографию девочки, так что буквально каждый ее знакомый имел возможность взглянуть, как выглядит ее новообретенное чадо.

Даже Рассел, хотя он и считал подобное поведение жены чуточку странным, воздерживался от каких-либо комментариев. После тринадцати лет супружеской жизни он пришел к твердой убежденности по крайней мере в том, что избыток терпимости не только никогда не вредил, но даже был во многом желательным компонентом в его взаимоотношениях с женой, и потому старался как можно чаще уступать Миззи, поскольку замечал, что это делает ее по-настоящему счастливой. При этом он также подметил, что особую радость жене доставляют именно мелочи, хотя бы вроде этой, а потому стоило ли сожалеть о каких-то пятнадцати долларах, если они способны наполнять жизнь женщины таким блаженством?

Так или иначе, но он ежемесячно отправлял на счет фонда «Спасти ребенка» чек на положенную сумму, а примерно раз в три месяца супруги получали с далеких островов коротенькое, даже в чем-то обезличенное письмо от их маленькой жительницы с

завораживающе-серьезными и невероятно темными глазами.

«Дорогой второй папа Рассел!

Я еще раз хочу сказать тебе большое спасибо за твои американские доллары.

Может быть, я теперь никогда больше не вернусь в миссию. Я очень счастлива.

Тнен-Ку».

Пожалуй, самым досадным во всех письмах этой девочки было то, что они очень походили друг на друга, и если сам Рассел был склонен довольно спокойно относиться к этому, Миззи определенно чувствовала себя задетой.

— Знаешь, Рассел, — сказала однажды жена, пребывая явно не в настроении, когда они оба сидели в кровати и читали, — мне что-то начала надоедать эта наша маленькая забава.

— Какая маленькая забава, милая? — машинально отозвался Рассел. Он уже дошел до середины «Злодеяний Манхейста» — последнего шпионского триллера про нацистов, которому даже была посвящена отдельная статья в литературном обозрении «Таймс», — хотя его, в общем-то, не особо удивила и отвлекла от чтения очередная несвоевременная и не вполне последовательная ремарка жены, ибо он давно уже понял, что Миззи и логика — понятия трудно совместимые.

— Ну, эта наша приемная дочь... — проговорила она с некоторым раздражением в голосе, словно Рассел и сам должен был догадаться, что именно терзает ее душу.

— Ты имеешь в виду Тнен-Ку? Но почему? Что случилось? — Рассел отложил книгу (он как раз прочитал довольно незамысловатую главу, в которой попавший впросак, хотя в общем-то достаточно толковый главный герой, как водится, находит себе стандартную смазливую помощницу), и посмотрел на жену.

— Ну, — продолжала Миззи, — я, конечно, понимаю — очень хорошо быть своего рода приемными родителями и все такое, и я должна бы гордиться тем, что помогаю бедному несчастному ребенку, и все же...

— Все же что? — спросил Рассел. — Что, стало надоедать, да?

— Ну, что-то в этом роде. И потом, эти ее письма — если их вообще можно назвать письмами... Они такие скучные. Никогда не напишет ничего интересного или хотя бы чуточку приятного... У меня даже складывается ощущение, что нами с тобой просто пользуются.

— Ну что ж, дорогая, мы ведь готовили себя к тому, что нас и в самом деле будут в некотором смысле использовать. Ведь, в сущности, ради этого все это и было задумано, ты не находишь?

— Может, оно и так, но мне как-то казалось, что это будет более... волнительно, что ли. Что это маленькое дитя станет испытывать большую признательность к своим приемным родителям...

Миззи посмотрела в потолок и вздохнула.

— Но от нас же требовалось все это отнюдь не ради нашего собственного удовлетворения и благополучия, а чтобы хорошо жилось в первую очередь этой самой Тнен-Ку. Разве не это самое главное во всей затее?

— Ну, я даже и не знаю. Ты помнишь ее фотографию, что они прислали... В общем, мне почему-то кажется, что это маленькое дитя отнюдь не так несчастно, как кажется. — Миззи чуть поежилась. — Знаешь, есть в ней какое-то ехидство, вот что я тебе скажу!

Рассел хохотнул.

— Что это ты так быстро сменила пластинку, а?

— Ничего я не сменила! Просто оказалось, что быть приемными родителями — это совсем не то, что я раньше себе представляла.

— Ты уверена в том, что просто не устала от всего этого, что всего лишь исчез элемент некоей новизны? Помнишь, с каким энтузиазмом ты поначалу принялась осваивать игру в нарды? Как занималась аэробикой? И как впервые стала бегать трусцой?

— Рассел, это совсем другое...

— Ну ладно, дорогая. В любой момент, как только захотим, можем оставить эту затею. Ведь никакого же контракта мы не подписывали, правильно?

Миззи посмотрела в потолок, словно задумавшись над высказанным предложением.

— Ну что ж, если ты действительно считаешь, что она не особенно нуждается в нашей помощи...

— Минутку, минутку — не забывай, что это с самого начала была твоя идея! — Рассел улыбнулся. Он знал — Миззи всегда любила повернуть дело таким образом, что вся ответственность за принимаемые ею решения ложилась на него самого.

— Ну да, конечно, только мне не хотелось бы ничего делать у тебя за спиной. А кроме того, я подумала, что нам пора было бы сменить шторы в гостиной. На солнце они сильно выгорели, и я подумала, что те пятнадцать долларов, которые мы посылаем, можно было бы...

Таким образом, семя было брошено в землю, и не прошло и месяца, как Миззи уведомила мужа о том, что им и в самом деле следует приостановить свое участие в программе «Спасти ребенка», а заодно показала ему рекламный проспект с образцами тканей, которые могли бы подойти для их выдержанной в хrome и стекле гостиной. Рассел отправил в нью-йоркское отделение фонда «Спасти ребенка» письмо, в котором уведомлял его представителей о том, что финансовое положение семьи вынуждает их прекратить выплату ежемесячных взносов. При этом он выражал надежду на то, что Тнен-Ку будет продолжать получать воспомоществование от каких-нибудь других приемных родителей, а также поблагодарил их за предоставленную возможность предложить свою помощь, пусть даже на столь ограниченное время...

Не успели они купить ткань для новых штор, как поступило очередное письмо с Тробриандских островов:

«Дорогой второй папа Рассел!

Люди из миссии сказали, что ты больше не будешь присылать мне американские доллары. Узнав об этом, я очень опечалилась. Получается, что мне опять придется жить в миссии, а мне этого очень не хочется. Гока-Пон говорит, что отец не может отказаться от своего ребенка. Разве ты не знаешь, что это запрещено? Пожалуйста, не прекращай посылать свои американские доллары. Ради меня и тебя самого.

Тнен-Ку ».

— Смотри-ка, как странно получается, — сказал Рассел за субботним завтраком. — Она пишет, что «это запрещено»... Интересно, что бы это значило? И что это за «ради меня и тебя самого»?

— Дорогой, не обращай внимания. Скорее всего, она пытается зародить в тебе чувство вины. Ведь ты же знаешь, что обычно говорят про людей, которые привыкают к получению благотворительной помощи — что они теряют всякий стимул к тому, чтобы позаботиться о самих себе, у них постепенно вырабатывается привычка к профессиональному попрошайничеству, ну и все такое. Возможно, именно прекращением подобных регулярных денежных переводов мы оказываем ей самую большую услугу, которую только можно себе вообразить. Именно теперь она может начать формироваться как настоящая личность, только сейчас у нее появляется шанс стать КЕМ-ТО.

Миззи принялась переворачивать потрескивавшую на сковороде ветчину, снимая наиболее прожарившиеся куски.

Рассел отшвырнул от себя письмо и на несколько недель совершенно выбросил его из головы — пока не получил уведомление фонда «Спасти ребенка» с просьбой, даже мольбой, пересмотреть ранее принятое решение насчет дотаций. Внешне оно очень походило на письма, поступавшие из редакций журналов, когда читатель сообщал им о нежелании возобновлять подписку. Поначалу он хотел было выкинуть его в мусорную корзину, однако

затем все же решил, что еще одно короткое послание сотрудникам этой организации раз и навсегда положит конец переписке на подобную тему. В нем он вновь сообщал, что не намерен в дальнейшем участвовать в программе «Спасти ребенка», и выражал надежду на то, что ему больше не станут докучать по данному поводу. На том дело и завершилось — по крайней мере, он сам так думал.

Двумя месяцами позже он получил исполненное от руки письмо с Тробриандских островов:

«Дорогой второй папа Рассел!

Люди из миссии сказали, что ты отказался присылать американские доллары.

Это очень плохо. Гока-Пон говорит, что тебя надо наказать.

Тнен-Ку».

Рассел — и его вполне можно было понять — был просто взбешен и немедленно сочинил очередное послание руководству программы «Спасти ребенка», приложив к нему ксерокопию того, что он назвал «неблагодарным, вызывающим и угрожающим» письмом. Он также уведомил это агентство, что если получит еще хотя бы одно послание от Тнен-Ку, то будет вынужден обратиться за помощью к закону.

Секретарь фонда «Спасти ребенка» ответил ему довольно поверхностным извинением и заверил, что больше семью Саузерзов никто и ничто не побеспокоит. Подобная весть в достаточной степени успокоила и его, и Миззи, и все шло нормально вплоть до тех пор, пока три недели спустя у них не сдохла кошка.

Точнее сказать, кошка эта, которую звали Магси, отнюдь не сдохла — ее убили: задушили, после чего тело гвоздями прибили к двери гаража поверх угловато намалеванной кровью надписи, в которой можно было разобрать имя — «Тнен-Ку». Таким образом, получалось, что девочка прислала им очередное письмо, хотя и сделала это весьма необычным способом.

Первой реакцией Миззи было состояние ужаса, тогда как Рассел просто рассвирепел. Они сообщили о случившемся в полицию, на которую данное известие особого впечатления не произвело; «Спасти ребенка» категорически снимало с себя всякую ответственность за случившееся, а адвокат Рассела уведомил его, что, разумеется, против агентства может быть возбуждено дело, хотя и базирующееся на довольно шатких основаниях, но чисто по-дружески порекомендовал ему поискать среди своих друзей какого-нибудь шутника с недоразвитым или извращенным чувством юмора.

Рассела попросту шокировало подобное в высшей степени безразличное отношение официальных представителей, равно как и отсутствие у них какой-либо ответственности. При этом он пребывал в состоянии полной растерянности относительно того, что же еще, кроме как пожаловаться, можно было предпринять в подобной ситуации. Какое-то время он хотел было написать пространное угрожающее письмо самой Тнен-Ку, однако что-то удержало его от этого шага. В конце концов, ему представлялось крайне маловероятным, чтобы ребенок мог и в самом деле иметь какое-то отношение к гибели кошки — ведь остров Кона-Пей находился в нескольких тысячах миль от Нью-Джерси. Но тогда что, черт побери, все это означало?

«Второй папа? Второй папа?..»

Голос этот внезапно разбудил Рассела посреди ночи. В первые моменты после пробуждения он поймал себя на мысли, что ее голос звучит в точности так, каким он его себе и представлял.

Чей голос?! Резко сев в постели, Рассел устремил взгляд в сторону противоположного конца кровати и тут же почувствовал, что дыхание замерло у него в груди. Там, в ногах, стояла фигура молодой девушки, окруженная зыбкой аурой подрагивающего света, глядящая прямо на него. У нее были длинные темные волосы, а на месте глаз словно зияли пустые, черные отверстия. Девушка протягивала к нему свои худенькие загорелые руки...

— Не может быть... — прошептал Рассел хриплым, испуганным голосом. Подобного страха он не испытывал еще ни разу в жизни.

«Второй папа, — сказала Тнен-Ку, — я была бы счастлива. Я была бы всю свою жизнь благодарна тебе. Я пришла бы к тебе... как сейчас... чтобы сделать тебя счастливым... чтобы ты не грустил».

Рассел моргнул и глянул на Миззи, которая спала безмятежным сном. Поначалу он удивился, почему жена никак не реагирует на слова ребенка, и лишь потом смекнул, что они звучат лишь у него в мозгу.

— Почему? — прошептал он. — Что ты хочешь сказать? Зачем ты все это делаешь?

«Я бы дала тебе вот это...»

Рассел продолжал неотрывно смотреть на девушку, которая медленно потянулась ладонями к своей талии, к простому узелку, удерживавшему юбку. Затем руки девочки с нарочитой медлительностью принялись развязывать пояс.

«Нет», — подумал Рассел, когда на него нахлынула волна противоречивых чувств. Ему хотелось отвернуться от этого видения, но что-то продолжало удерживать его взгляд. Сияющая фигура приобрела странно-эротические и одновременно угрожающие очертания, что произвело на него совершенно ошеломляющее воздействие.

Когда с узлом было покончено, Рассел стал неотрывно всматриваться в смуглость ее тела, а как только ткань начала медленно спадать, как зачарованный уставился на расширяющиеся книзу бедра и округлость вступающего в пору женской зрелости живота. Он почувствовал небывалое доселе сексуальное возбуждение, которое, словно огнем, вспыхнуло у него между ног. Тнен-Ку удерживала опавшую ткань за уголок, так что теперь она вяло свисала от живота в обрамлении более светлых бедер.

Расселу казалось, что он вот-вот взорвется от все нарастающего безумного давления, распиравшего его подрагивающее тело, а когда тонкие пальцы наконец отпустили ткань, не удержался от непроизвольного резкого возгласа, почти крика.

В то же мгновение видение девочки исчезло, а спальню вновь наполнила темнота и затухающее эхо его крика. Миззи взметнулась и вцепилась в мужа.

— Рассел, что с тобой? Да ты весь мокрый! Что случилось?

Все еще дрожа, Рассел неотрывно смотрел в сторону противоположного края кровати.

— Дурной сон, — слабым голосом произнес он. — Да, дурной сон... Все будет в порядке.

Но порядок не восстановился — ни вскоре, ни потом, ни вообще...

В течение нескольких первых дней после того, как его посетило видение Тнен-Ку, Рассел Саузерз убеждал себя в том, что всего этого на самом деле не было, что он стал свидетелем всего лишь странно-реалистичного сна, воплотившего в себе его глубокие, подсознательные плотские желания. Тем не менее, ему никак не удавалось выбросить из головы тревожный образ молоденькой девочки, снимающей с себя свою простенькую юбку. Теперь он постоянно думал о ней, это стало чем-то вроде наваждения. По пути на работу, находясь у себя в манхэттенском офисе, даже дома, сидя рядом с Миззи перед телевизором, Рассел беспрестанно терзался, вспоминая образ стоящей в ногах его кровати Тнен-Ку. Когда же удавалось в достаточной степени сконцентрироваться на нем, ему начинало казаться, что он даже слышит ее голос, зовущий его по имени.

Но это было лишь начало.

Однажды вечером, когда он сам сидел перед телевизором, попивая традиционное мартини, а Миззи занималась приготовлением ужина, Рассел внезапно похолодел: прямо поверх изображения телерепортажа о пожаре в Бруклине по экрану поползла «бегущая строка», которая гласила:

«ВТОРОЙ ПАПА РАССЕЛ, ТНЕН-КУ СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ».

— Боже праведный! — воскликнул Рассел, резко выпрямляясь в кресле, по-прежнему не сводя глаз с телеэкрана и ожидая, когда надпись проплывет по нему повторно.

Невероятно! Я этого не видел! Но ты же это видел... Он сидел, вцепившись в ручки кресла, чувствуя, как к горлу подкатил комок, и все так же дожидаясь повторного появления на экране тех же слов, которых там на самом деле не было. Ему казалось, что он начинает терять рассудок, и это испугало его еще больше. Просто он слишком много думал об этой маленькой девчонке. Перестань вспоминать о ней, вот и все!

Потрясенный, он продолжал смотреть выпуск новостей и слушать голос диктора, комментирующего мелькающие на экране сюжеты, хотя воспринимал лишь малую толику происходящего. Поначалу он собирался было рассказать жене о том, что случилось, но потом смекнул, что уж она-то точно подумает, что у него шарики за ролики закатились. Тем более, что Миззи всегда считала его сильным, прагматичным и рационально мыслящим человеком, и представил себе, как она отреагирует на подобное проявление умственной слабости. Нет, Миззи не должна ничего знать. Расселу следует самому разобраться со всем этим.

Но ведь его и в самом деле беспокоило то, что Миззи не разделяла его... его что? Галлюцинации? Чувства вины? Она пребывала в состоянии блаженного неведения, совершенно забыв про программу «Спаси ребенка», которая оказалась вытесненной каким-нибудь новым, мимолетным, но неизменно приятным увлечением. А ведь именно Миззи была инициатором всей этой затеи. «Это нечестно», — подумал Рассел...

В ту ночь она снова пришла к нему и села в ногах кровати — пленительная и завораживающая неведомой силой своего миниатюрного коричневатого тела, закутанная в подрагивающее покрывало. В руках она держала какой-то предмет, который затем медленно положила на одеяло, вслед за чем стремительно исчезла.

Горло Рассела сковала настолько сильная судорога, что он не мог даже сглотнуть, выговорить хотя бы слово, даже если бы у него возникло такое желание. Руки отчаянно дрожали, в унисон с бешено колотящимся сердцем и хрипловатым дыханием. Ему показалось, что его рассудок и в самом деле куда-то ускользает от него, и он твердо вознамерился завтра же сходить к врачу. Да, надо было взять отгул и посетить одного из его партнеров по гольфу, доктора Венатулиса.

В следующее мгновение он заметил, что на постели действительно что-то лежит — в том самом месте, где только что сидела девочка, — и снова ощутил дикий приступ страха. Резким движением откинув одеяло, Рассел накрыл ладонью предмет, сразу ощутив, что под рукой находится что-то твердое и прохладное. Что за черт?!..

Это была маленькая, явно ручной работы коробочка со сдвигающейся крышкой. Чуть встряхнув ее, он почувствовал, как что-то ударилось о внутренние стенки, и на какое-то мгновение испугался, что звук этот может разбудить Миззи. Рассел поспешно выскользнул из кровати и прошел в ванную, где зажег люминесцентные лампы вокруг зеркала и закрыл за собой дверь. Открыв коробочку, он увидел, что в ней лежат несколько маленьких, неровных деревянных палочек, размером примерно в половину кухонной спички. Создавалось ощущение, что все они гладко отполированы и сделаны из чего-то, похожего на слоновую кость... или, возможно, кость вообще. Пока Рассел стоял и отупело всматривался в содержимое коробки, до него внезапно дошло, что само ее наличие являлось материальным подтверждением реальности происходящего; таким образом, это была отнюдь не галлюцинация, он отнюдь не выдумывал все эти вещи — но ведь это означало, что Тнен-Ку действительно каким-то образом преодолела расстояние в десять тысяч миль, отделявшее ее островной дом от далекого Нью-Джерси...

Нет! — завопил его разум, отменяя подобное допущение, но одновременно продолжая рассматривать вполне осязаемое доказательство и чувствовать, как от сильного нервного напряжения глаза начинают слезиться, испытывать жгучую резь.

Вытряхнув содержимое коробочки на крышку стиральной машины, Рассел продолжал их внимательно разглядывать и внезапно заметил, что они стали медленно передвигаться. Поначалу слегка подрагивая, на какую-то долю миллиметра приподнимаясь, словно

тронутые дуновением неуловимого ветерка, косточки — Рассел теперь уже не сомневался в том, что это действительно были кости, — передвигались подобно железным иголкам под действием магнита, складываясь в некий причудливый узор. Чуть приглядевшись, Рассел узнал в нем карикатурное изображение черепа.

Непроизвольно вскрикнув, он конвульсивным движением смахнул их на пол, и они разлетелись по кафельному покрытию ванной. Это становилось слишком невероятным, слишком безумным!

— Рассел, это ты..?! — Миззи громко застучала в дверь ванной.

— Нет!.. То есть да, да, это я! А кто, черт побери, здесь еще может быть!

— Рассел, с тобой все в порядке? Что случилось? — Миззи подергала ручку двери — та оказалась заперта. — Рассел?

— О Бог ты мой, что еще?! Да, Миззи, со мной все в порядке. Иди в постель, прошу тебя. У меня просто кишечник разгулялся, вот и все...

— Мне показалось, что я услышала крик. Рассел, тебе что, нехорошо, да? Почему ты запер дверь? Ведь ты никогда не запирался в ванной, Рассел...

— Просто у меня сильная резь в желудке, вот и все. Дорогая, я... мне не хотелось тебя беспокоить. Сейчас, через пару минут выхожу.

Глянув на пол, Рассел увидел, что все то время, пока он разговаривал с женой, разметавшиеся по полу палочки продолжали медленно передвигаться, чем-то напоминая стаю крохотных животных. Из них постепенно образовывались слова, похожие на древние рунические символы, поначалу совершенно нечитаемые. Однако чем дольше он всматривался в образующийся контур, тем более отчетливо проступало содержание послания:

НАКАЗАНИЕ СМЕРТЬЮ.

Ему снова захотелось закричать, и он лишь жестоким усилием воли сдержал уже трепыхавшийся в горле вопль. Нагнувшись над полом и собирая маленькие белые палочки, он почувствовал во рту подступивший изнутри горький привкус желчи, после чего принялся лихорадочными движениями сбрасывать их в унитаз. Он несколько раз нажимал на ручку бачка, пока последний зловещий предмет не скрылся в пучине водяного водоворота.

К счастью, когда Рассел вернулся в спальню, Миззи уже крепко спала.

Он не мог заставить себя рассказать жене о мучивших его галлюцинациях, и стеснялся обратиться к врачу, тем более, с которым проводил свободное время на площадке для гольфа. Поскольку никакого реального, материального подтверждения, подлинного доказательства увиденного не существовало, он решил, что все это явилось лишь плодом деятельности его перевозбужденного, разбалансированного рассудка, подавленного чувства вины, а также не в меру разыгравшегося воображения. Поэтому он старался не обращать внимания на послания, отправляемые ему Тнен-Ку: предостерегающий заголовок в «Нью-Йорк пост», который тут же исчез с первой полосы газеты, стоило ему взять ее с уличной стойки; также похожее на череп пятно из кофейной гущи, оставшееся на дне чашки, когда он закусывал в кафе неподалеку от работы; пара темных глаз, взиравших на него из кружка спидометра его «монте-карло»; полунашептывающий голос, который, казалось, доносился из телефонной трубки между гудками; увиденный краем глаза на углу 56-й улицы рекламный ролик, сопровождавшийся словами «Тнен-Ку идет к тебе», и мгновенно исчезнувший, стоило ему более пристально всмотреться в него.

В нормальном состоянии Рассела Саузерза обязательно бы вы водили из себя и сильно тревожили все эти предвестники и знамения надвигающейся беды, внезапно появляющиеся на различных отрезках его заурядной повседневной жизни, однако на самом деле он практически смирился с этими сверхъестественными феноменами, столь неожиданно вторгшимися в его жизнь. Причина тому была весьма банальна — он попросту сходил с ума. Медленно, но неуклонно, а потому все это его уже не волновало.

«Ну и пусть, пусть идет ко мне, черт бы ее побрал! — думал он, поездом возвращаясь в

тот вечер к себе домой. — Пусть идет, чертовка проклятая... а может, я давно уже ее жду?..»

По радио объявили его станцию, и он, поднявшись и подчиняясь коллективному рефлексу всей массы пассажиров, медленно двинулся к выходу из вагона. Оказавшись на платформе, он спустился по лестнице к автомобильной стоянке, где его должна была поджидать сидевшая в «монте-карло» Миззи — они заранее договорились о том, что в назначенный час она подберет его.

Машина оказалась зажатой между большим «фордом-универсалом» и полугрузовым автомобилем, и, приближаясь к знакомому белому профилю, Рассел внезапно пережил самый настоящий шок — из-за рулевого колеса на него поглядывали обрамленные длинными прямыми волосами темные глаза Тнен-Ку. Первым его непроизвольным желанием было остановиться, замереть на месте, однако усилием воли он все же заставил себя идти дальше все той же нормальной походкой — он даже улыбнулся и помахал рукой. Да, сразу же решил он, лучше не показывать этой маленькой стерве, что она его испугала. Он сделает вид, будто ничего не произошло, а потом сразит эту дьяволицу ее же собственным оружием.

Разумеется, она никак не ожидала от него столь естественного и спокойного поведения...

Он пытался выбросить из головы все мысли о Миззи, о том, что эта маленькая ведьма сделала с его женой, как вообще оказалась на ее месте в машине, хотя, впрочем, чего уж там — как; ясно — как! Нет, лучше сконцентрироваться на том, что предстоит вскоре сделать ему самому...

— Привет, второй папа Рассел... — приветливо произнесла она, распахивая перед ним дверцу справа. Он проскользнул внутрь салона.

Тнен-Ку улыбалась и даже чуть подалась вперед, словно желая, чтобы он поцеловал ее. Маленькая стерва! Рассел скользнул взглядом мимо ее лица, глянул на нежную шею и тут же обхватил ее своими пальцами. Пока он давил, а она беспомощно извивалась рядом с ним, пытаясь высвободиться из мертвой хватки, Рассел чувствовал, как его сознание переполняют булькающие, пузырящиеся струи восторженного блаженства.

— Наконец-то я добрался до тебя! — завопил он. — Добрался, и на сей раз у тебя не будет времени улизнуть!

Тнен-Ку открыла рот, в очертаниях которого уже не было никакого ехидства или хитрой ухмылки — лишь паника и боль. Рассел еще крепче сжал шею руками и принялся раскачивать все тело взад-вперед. Его кисти и предплечья буквально оцепенели, абсолютно ничего не чувствовали, а сам он словно со стороны наблюдал за тем, как чьи-то чужие руки душат эту темно-загорелую девочку-женщину.

Глядя на то, как распухало, надувалось ее лицо, щеки приобретали сероватый оттенок, а бездонные глаза превращались в громадные белые шары, Рассел чувствовал, что все остальные его чувства разом умолкли. Померкли огни автомобильной стоянки, и потому он уже почти не различал очертаний находившегося перед ним умирающего лица. В ушах его раздавались лишь гулкие отголоски собственного пульса, и он совершенно не замечал возбужденных криков людей, скапливавшихся вокруг его «монте-карло». Не почувствовал он и того, как чьи-то сильные, решительные руки схватили его, отрывая от мертвого тела, выволокли из машины...

Стукнувшись о жесткое покрытие автостоянки, Рассел поднял взгляд на маячившее в глубине кабины искаженное, неестественно-страшное овальное лицо жены. Кто-то звал полицию, а он все продолжал лежать, видя перед глазами лишь мельтешащие тени — со всех сторон на него надвигались вечер и страх. Когда же сумеречную тишину разрезал вой полицейских сирен, Рассел ответил на него лишь пронзительным, не менее сильным воплем, а затем стал быстро погружаться в водоворот черного безумия.

В Манхэттене, в какой-то квартире кто-то развернул номер «Таймс мэгэзин», в котором целая полоса была отдана рекламному сообщению...

6. Уильям Тенн Хозяйка Сэри

Сегодня вечером, уже собираясь войти в дом, я увидел на мостовой двух маленьких девочек, чинно игравших в мяч, напевавших одну старинную девчоночью считалку. Душа у меня ушла в пятки, кровь бешено заколотилась в правом виске, и я знал, что — пропади все пропадом! — я шагу не ступлю с этого места, пока они не закончат.

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Когда они прекратили свое механическое пение, я пришел в себя. Я открыл дверь своего дома и, войдя, быстро повернул ключ. Везде — в прихожей, на кухне и в библиотеке — я включил свет. И потом, потеряв счет времени, я шагал из угла в угол, пока дыхание не выровнялось, а страшные воспоминания не уползли назад, в трещину прошедших лет.

Этот стишок! Я не боюсь детей — что бы там ни говорили мои приятели. Я не боюсь детей, но почему им обязательно нужно петь эту идиотскую песенку? Как только я появляюсь?... Как будто эти невероятно порочные создания знают, что она со мной делает...

Сэриетта Хон переехала из Вест-Индии к миссис Клейтон, когда умер ее отец. Ее мать была единственной сестрой миссис Клейтон, а за отцом, служащим колониальной администрации, родственники не числились. Поэтому ничего удивительного не было в том, что девочку переправили через Карибское море и она поселилась в Нэнвилле, в доме моей квартирной хозяйки. Естественным же образом ее определили в нэнвилльскую начальную школу, где я преподавал арифметику и естествознание в дополнение к английскому, истории и географии мисс Друри.

«Таких невыносимых детей, как эта Хон, я еще не видела! — Мисс Друри ворвалась в мой кабинет во время утреннего перерыва. — Это выродок, бесстыжий, гадкий выродок!»

Я подождал, пока в пустой комнате отзвучит эхо, забавляясь разглядыванием подчеркнуто викторианских форм мисс Друри. Ее затянутая корсетом грудь вздымалась, а многочисленные юбки колыхались и шлепали по щиколоткам, пока она в раздражении металась перед моим столом. Я отклонился назад и обхватил голову руками:

— Советую вам не горячиться. Эти две недели с начала четверти я был слишком занят, и у меня не было времени присмотреться к Сэриетте. У миссис Клейтон нет собственных детей, и с самого четверга, когда девочку привезли, она носится с ней, как с сокровищем. Если вы накажете Сэриетту, как... ну, как вы наказали Джоя Ричардса на прошлой неделе, — она этого терпеть не будет. И школьное управление — тоже.

Мисс Друри с вызовом вскинула голову: — Если бы вы проработали учителем столько же, сколько я, молодой человек, вы знали бы, что отказ от розги — это не метод для такого упрямого ублюдка, как Джой Ричардс. Он вырастет такой же винной прорвой, как его папаша, если вовремя не узнает у меня, чем пахнет розга.

— Ну, хорошо. Не забывайте только, что кое-кто из школьного управления начинает вами очень интересоваться. И потом, почему, собственно, Сэриетта Хон — выродок? Насколько я помню, она альбинос; недостаток пигментации — это случайный фактор наследственности, а вовсе не уродство, что подтверждают тысячи людей, проживших нормальную счастливую жизнь.

— Наследственность! — Она презрительно фыркнула. — Чушь собачья, эта ваша наследственность. Она выродок, я вам говорю, поганка, гнусное исчадие Сатаны. Когда я попросила ее рассказать классу о своем доме в Вест-Индии, она встала и проквакала: «Это не для дураков и не для средних умов». Вот! Если бы в этот момент не прозвенел звонок на

перерыв, я бы с нее шкуру спустила.

Она бросила педантичный взгляд на часы. — Перерыв заканчивается. Вы бы лучше проверили систему, мистер Флинн; мне кажется, утром звонок был на минуту раньше. И не позволяйте этой девчонке садиться вам на голову.

— Со мной такое не случается. — Я усмехнулся, когда она хлопнула дверью.

Через минуту в комнату ворвался смех и галдеж восьмилеток.

Я начал свой урок, посвященный делению столбиком, с того, что тайком взглянул на последний ряд. Там, как гвоздями прибитая, сидела Сэриетта Хон, послушно сложив руки на парте. На фоне красного дерева, под которое была облицована мебель в классе, ее белесые мышинные хвостики и абсолютно белая кожа зрительно приобретали желтоватый оттенок. Ее глаза, тоже слегка желтоватые, с огромными бесцветными радужками под полупрозрачными веками не мигали, когда я смотрел на нее.

Она действительно была уродиной. Рот у нее был невероятного размера, уши торчали под прямым углом к голове, а кончик длинного носа загибался вниз до верхней губы. Она носила белоснежное платье строгого покроя, взрослый вид которого никак не вязался с ее костлявой фигурой.

Закончив урок арифметики, я подошел к ней, сидевшей в гордом одиночестве.

— Может быть, ты сядешь поближе к моему столу? — спросил я медовым голосом. — Так тебе лучше будет видно доску.

Она поднялась и сделала маленький книксен:

— Благодарю вас, сэр, но там слишком солнечно, а яркий свет вреден для моего зрения. Поэтому я чувствую себя намного лучше в темноте и тени. — На ее лице неуклюже изобразилось нечто, похожее на любезную улыбку.

Я кивнул. Мне стало как-то неловко от формальной точности ее ответа.

В течение всего урока естествознания я чувствовал, что она буквально прикипела ко мне глазами. Под ее немигающим, неотвязным взглядом я начал путаться в наглядных пособиях, а ученики, догадываясь о причине, стали шептаться и вертеть головами.

Ящик с коллекцией бабочек выскользнул у меня из рук. Я нагнулся, чтобы поднять его. Вдруг какой-то изумленный вздох прошумел по всей комнате, вырвавшись из тридцати маленьких глоток:

— Смотри! Она снова это делает! — Я выпрямился.

Сэриетта Хон сидела все в той же странной, оцепенелой позе. Только волосы у нее были теперь густо-каштанового цвета, глаза — голубыми, а щеки и губы нежно порозовели.

Мои пальцы уперлись в надежную поверхность стола. Не может быть! Неужели это свет и тень проделывают такие фантастические трюки? Но — не может быть!

Даже когда я, забыв о педагогической дистанции, с открытым ртом смотрел на нее, она продолжала темнеть, а тень вокруг нее рассеивалась. Дрожащим голосом я попытался вернуться к коконам и чешуекрылым.

Через минуту я заметил, что ее лицо и волосы снова чистейшего белого цвета. Я не стал искать этому объяснения, равно как и ученики. Но урок был сорван.

— В точности то же самое она сотворила на моем уроке, — сказала за ланчем мисс Друри. — В точности то же самое! Правда, она мне показалась жгучей брюнеткой, с копной черных волос, а глазища у нее сверкали. Это было сразу после того, как она назвала меня душой — наглая стерва! Я потянулась за розгой. Тут-то она и скинулась смуглой брюнеткой. У меня бы она живо покраснела, если бы звонок не прозвенел на минуту раньше.

— Представляю себе, — сказал я. — Но при ее внешности любой световой эффект может сыграть дурную шутку со зрением. Да и вообще не уверен, что видел все это. Не хамелеон же она, в конце концов.

Старая учительница поджала губы, так что они превратились в бледную розовую линию, и перегнулась через стол, усыпанный крошками. — Не хамелеон. Ведьма! Я знаю! И Библия приказывает нам уничтожать ведьм, сжигать их со всеми потрохами.

Мой смех прокатился по грязному школьному подвалу, который служил нам столовой.

«Ну, вы и скажете!.. Восьмилетняя девчонка».

— Вот именно. И ее нужно обезвредить, пока она не выросла и не наделала гадостей! Поверьте мне, мистер Флинн, уж я-то знаю! Один из моих предков сжег тридцать ведьм в Новой Англии во время процессов. Между нами не может быть мира!

Дети в благоговейном страхе разделяли мнение мисс Друри. Они прозвали девочку-альбиноса Хозяйкой Сэри. Сэриетта, со своей стороны, с удовольствием приняла это прозвище. Когда Джой Ричардс ворвался в компанию детей, которые, скандируя песенку, сопровождали ее по улице, она остановила его.

— Оставь их в покое, Джозеф, — сказала она в своей забавной взрослой манере. — Они совершенно правы. Я в самом деле злая-злая фея.

Джой опустил свое озадаченное конопатое лицо, разжал кулаки и молча пристроился сбоку маленького кортежа. Он боготворил ее. Они всегда были вместе, — возможно, потому, что оба были аутсайдерами в этом детском обществе, а возможно, потому, что были сиротами — его вечно поддатого папашу трудно было назвать отцом. Я часто заставлял его сидящим на корточках у ее ног в сырых сумерках, когда выходил на крыльцо пансиона подышать свежим воздухом. Она останавливалась на полуслове, продолжая указывать пальцем куда-то вверх. Они оба сидели в заговорщицком молчании, пока я не уходил с крыльца.

Джою я немного нравился. Именно поэтому мне единственному он приоткрыл завесу над прежней жизнью Хозяйки Сэри. Гуляя как-то вечером, я обернулся и увидел, что Джой догоняет меня. Он только что ушел с крыльца.

— Эх. — вздохнул он. — Хозяйка Сэри столько всему научилась у Стоголо! Если бы этот парень был здесь, он показал бы старухе, где раки зимуют. Он проучил бы ее, еще как проучил бы!

— Стоголо?

— Ну да. Этот колдун, который проклял мать Сэри до того, как Сэри родилась, за то, что она засадила его в тюрьму. Мать Сэри умерла, когда рожала, а отец ее начал пить, хуже, чем мой папаша. А Сэри потом нашла Стоголо, и они подружились. Они обменялись кровью и заключили мир на могиле ее матери. И он научил ее колдовству, и родовому проклятию, и как делать любовное зелье из кабаньей печенки, и...

— Ты меня удивляешь, Джой, — прервал я его. — Верить в эти глупые предрассудки! Хозяйка Сэри выросла в обществе примитивных людей, которые не знают ничего лучшего. Но ты-то знаешь!

Он покачал ногой какой-то сорняк на обочине.

— Да, — тихо произнес он. — Да. Извините, мистер Флинн, что я про это сказал.

Он отошел, и его гибкая фигура в белой блузе и вельветовых бриджах понеслась по обочине к дому. Я пожалел, что прервал его, поскольку Джой редко откровенничал, а Сэриетта говорила только тогда когда к ней обращались, даже со своей тетей.

Погода установилась теплая.

— Поверьте моему слову, — однажды утром сказала мисс Друри. — Такой зимы я сроду не видала. Бабье лето и оттепели. — это одно дело, но когда такое продолжается изо дня в день, беспрерывно, — это Бог знает что!

— Ученые говорят, что на всей земле климат становится теплее. Конечно, сейчас трудно это заметить, но Гольфстрим...

— Гольфстри-и-и-м, — передразнила она. На ней был все тот же тяжелый чопорный наряд, и жара доводила ее взрывной темперамент до точки кипения.

— Гольфстрим! С тех пор, как это хоново отродье приехало в Нэнвилль, все перевернулось вверх дном. Мел у меня все время крошится, ящики в столе застревают, тряпки расплзаются на клочки. Эта чертовка пытается насрать на меня порчу!

— Послушайте! — Я остановился, повернувшись спиной к школе. — Все это слишком далеко заходит. Если вы не можете отказаться от своей веры в колдовство, держите ее подальше от детей. Они здесь для того, чтобы получать знания, а не слушать истерические

выдумки... выдумки...

— Чокнутой старой девы. Ну, что же вы, давайте, продолжайте, — огрызнулась она. — Я знаю, что вы так думаете, мистер Флинн. Вы к ней подмазываетесь, и поэтому она вас терпит. Но я знаю то, что я знаю, и исчадие ада, которое вы называете Сэриеттой Хон, тоже это знает. Между нами война, и битва добра и зла никогда не закончится, пока кто-нибудь из нас не погибнет!

Она повернулась в завихрении своих юбок и быстро зашагала к школе.

Мне стало страшно за ее рассудок. Я вспомнил, чем она гордилась:

— Я не прочла ни одного романа, написанного после 1893 года!

В этот день ученики заходили на урок арифметики медленно, тихо, как будто накрытые колпаком молчания. Но как только дверь закрылась за последним из них, колпак слетел и шепот пополз по комнате.

— Где Сэрриетта Хон? И Джой Ричардс, — добавил я, не находя и его тоже.

Поднялась толстушка Луиза Белл в своем накрахмаленном, мешковатом розовом платье:

— Они нарушали порядок. Мисс Друри поймала Джоя, когда он хотел срезать у нее волосы, и начала его пороть. Тогда Хозяйка Сэри встала и сказала, что она не имеет права трогать его, потому что он под ее про-тек-ци-ей. Мисс Друри нас всех прогнала, и теперь она точно обоих выпорет. Она просто бешеная!

Я немедленно подошел к задней двери. Внезапно раздался крик, голос Сэриетты! Я помчался по коридору. Крик дошел до уровня дисканта, завис на секунду и прекратился.

Когда я рванул на себя дверь кабинета мисс Друри, я был готов ко всему. Вцепившись в дверную ручку, я замер, уставившись на таблицу времен.

Джой Ричардс прижимался спиной к доске и в своей плотной пятерне сжимал длинную прядь темно-русых волос учительницы. Хозяйка Сэри, наклонив голову, стояла перед мисс Друри: на ее белой как мел шее красовался недвусмысленный рубец. А мисс Друри тупо смотрела на кусок березового прута в своей руке; раздробленные остатки розги валялись у ее ног.

Увидев меня, дети очнулись. Хозяйка Сэри выпрямилась и с поджатыми губами направилась к двери. Джой Ричардс подался вперед. Он потер прядь волос о спину учительницы, чего она совершенно не заметила. Когда он догнал девчонку у двери, я увидел, что волосы блестели от пота, стертого с блузы мисс Друри.

Хозяйка Сэри слегка кивнула, и Джой передал ей прядь волос. Она осторожно положила ее в карман платья.

Без единого слова они прошмыгнули мимо меня и побежали в класс.

Мне показалось, что они не слишком пострадали.

Я подошел к мисс Друри. Она дико тряслась, разговаривала сама с собой и не сводила глаз с остатка розги:

— Она разлетелась на кусочки. На кусочки! Я только... А она на кусочки!

Обняв старую деву за талию, я подвел ее к стулу. Она села и продолжала бормотать.

— Один раз... один раз я ее ударила. Только я замахнулась, чтобы снова... розга у меня над головой... и — на кусочки! — Она таращила глаза на березовый обломок в своей руке и раскачивалась из стороны в сторону, будто оплакивая большую потерю.

У меня был урок. Я дал ей стакан воды, попросил сторожа присмотреть за ней и поспешил в класс.

Кто-то из учеников с чисто детской злобой и мстительностью нацарапал во всю ширину доски:

Раз-два-три-элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Раздраженно повернувшись лицом к классу, в привычной обстановке я заметил перемену. Парта Джоя Ричардса пустовала.

Он занял место рядом с Хозяйкой Сэри в длинной, густой тени на последнем ряду.

К моей превеликой радости, Хозяйка Сэри и не думала вспоминать об инциденте. За обеденным столом она, как всегда, молчала, уставившись в тарелку. Не досидев до конца ужина, она незаметно поднялась и улизнула. Миссис Клейтон слишком много болтала и суежилась, чтобы это заметить.

После ужина я направился к старинному дому с острой крышей, в котором жила со своими родственниками мисс Друри. Озера пота разливались у меня под одеждой, и я был не в состоянии сосредоточиться. Ни единый листик не шевелился на деревьях в этот влажный безветренный вечер.

Старая учительница чувствовала себя намного лучше. Но она ни в какую не желала оставить свою тему, что было бы единственным способом, — как предложил я, — наладить отношения. Она энергично раскачивалась в кресле-качалке времен колонии и протестовала:

— Нет, нет, нет! Я не собираюсь мириться с этим порождением ехидны, скорее самому Вельзевулу пожму руку. А теперь она ненавидит меня еще больше, потому что — неужели вы не понимаете? — я вывела ее на чистую воду. Ей пришлось показать свое мастерство. Теперь... теперь я должна сразиться с ней и победить ее и Того, кто ей покровительствует. Я все должна обдумать, я должна... но какая же дьявольская жара. Невыносимая жара! Мозги... мозги у меня отключаются... Она вытерла лоб тяжелой кашемировой шалью.

По дороге домой я пытался найти хоть какой-нибудь выход. Где тонко, там и рвется. Нагрянет комиссия, начнут копать, и школа вылетит в трубу. Я пытался спокойно продумать все возможные варианты, но одежда прилипала к телу, и я буквально задыхался.

На крыльце было пусто. Я заметил движение в саду и пошел в ту сторону. Две тени воплотились в Хозяйку Сэри и Джоя Ричардса. Они подняли головы, будто дожидаясь, когда я обнаружу себя.

Она сидела на корточках и в руках держала куклу. На голове маленькой восковой куклы была прилеплена прядь волос в виде жесткого пучка, излюбленной прически мисс Друри. Грубая маленькая кукла, обернутая в грязный клочок миткаля, напоминавший длинный и строгий покрой всех нарядов мисс Друри. Тщательная карикатура из воска.

— Вам не кажется, что это просто глупо? — наконец спросил я. — Мисс Друри уже достаточно раскаивается в своем поступке, чтобы издеваться над ее предрассудками таким образом. Я думаю, если вы очень постараетесь, мы все станем друзьями.

Они поднялись. Сэриетта прижала куклу к груди:

— Это не глупо, мистер Флинн. Этой дурной женщине следует преподать урок. Страшный урок, который она запомнит на всю жизнь. Прошу прощения за спешку, сэр, но этой ночью мне предстоит большая работа.

Она ушла. Шелестящее белое пятно скользнуло по ступеням и исчезло в спящем доме.

Я повернулся к мальчишке.

— Джой, ты ведь толковый парень. Послушай, как мужчина мужчине...

— Извините, мистер Флинн. — Он направился к воротам. — Мне... мне нужно идти домой. — Ритмические удары теннисок по обочине стали глуше и растворились в отдалении. Я, похоже, навсегда лишился его доверия.

Этой ночью мне не спалось. Я ворочался в скомканных простынях, засыпал, вскакивал и снова засыпал.

Около полуночи я проснулся от озноба. Взбив подушку, я собирался снова впасть в забытие, когда услышал какой-то протяжный звук. Я узнал его. Это он проникал в мои сны и заставлял с ужасом таращиться в темноту. Я приподнялся.

Голос Сэриетты!

Она пела песню, быструю песенку с невразумительными словами. Голос звучал все

выше и выше, быстрее и быстрее, будто приближаясь к какой-то жуткой мертвой точке. Наконец, когда он достиг предела слышимости, она остановилась. И потом, на такой высокой ноте, от которой у меня чуть не лопнули перепонки, раздался нечеловеческий вопль: «Куру-ну-у О Стоголо-о-о-о!»

Молчание.

Заснуть снова мне удалось только через два часа.

Я проснулся от солнца, прожигавшего мне веки. Я оделся, чувствуя себя до странного измотанным и апатичным. Есть мне не хотелось, и впервые в жизни я ушел утром не позавтракав.

Жар поднимался от тротуара и пропитывал лицо и руки. Горячий булыжник жег ступни сквозь подошвы. Даже тень в здании школы не приносила облегчения.

У мисс Друри тоже не было аппетита. Ее аккуратно завернутые сэндвичи с латуком остались лежать нетронутыми на столе. Она обхватила голову своими тощими руками и смотрела на меня из-под красных век.

— Адская жарница! — прошептала она. — Сил моих нет. Не понимаю, почему все так сочувствуют этому хонову отродью. Я всего-то заставила ее сесть на солнце. Мне от этого пекла в тысячу раз хуже.

— Вы... заставили... Сэриетту... сесть...

— Вот именно! Она не привилегированная особа. А то сидит на задней парте, прохлаждается в свое удовольствие. Я пересадил ее на другое место, у большого окна, где самое солнце. Она это оценит, как пить дать. Правда, мне после этого как-то не по себе. Внутри все на части рвется. Этой ночью я глаз не сомкнула — такие кошмарные сны. Будто огромные лапы меня хватают, мучают, нож в лицо втыкают...

— Но ребенок не выносит солнечного света! Она альбинос!

— Альбинос! Рассказывайте сказки. Она ведьма. Еще немного, и она восковую куклу сделает. Джой Ричардс не для баловства пытался у меня волосы срезать. Это ему... о-ох! — Она перегнулась пополам. — Проклятые колики!

Я подождал, пока приступ пройдет, глядя на ее потное, изможденное лицо.

— Странно, что вы упомянули восковую куклу. Вы так убедили девочку в том, что она ведьма, что она действительно ее сделала. Хотите верьте, хотите нет, но прошлой ночью, когда я от вас ушел...

Она вскочила на ноги и насторожилась. Одной рукой держась за паровую трубу, она впиалась в меня взглядом:

— Она сделала восковую куклу. С меня?

— Ну, вы знаете, что такое дети. Это было ее представление о вашей внешности. Грубовато оформлено, но, в общем, небесталанно. Лично я считаю, что ее способности заслуживают поощрения.

Мисс Друри не слышала меня.

— Колики! — пробормотала она. — А я-то думала, что это колики! Она втыкает в меня булавки! Ах, ты!.. Я должна... только осторожно... Но быстро. Быстро!

Я встал и попытался положить ей руку на плечо, перегнувшись через обеденный стол:

— Держите себя в руках. Все это добром не кончится.

Она отскочила и остановилась у лестницы, быстро бормоча себе под нос: «Дубиной и палкой ее не взять, они в ее власти. Но мои руки — если я схвачу ее руками и быстро стисну, она не вырвется. Но я должна дать ей шанс, — почти рыдала она, — я должна дать ей шанс!»

Она взметнулась по лестнице с выражением решимости на лице.

Перевернув стол, я ринулся за ней.

Дети ели свой ланч за длинным столом на краю школьного двора. Но сейчас они остановились, зачарованно и испуганно за чем-то наблюдая. Сэндвичи застыли в руках у открытых ртов. Я проследил направление их взглядов.

Мисс Друри кралась вдоль здания, как вставшая на задние лапы пантера в юбке. Она пошатывалась и хваталась за стену.

В нескольких шагах от нее, в тени, сидели Сэриетта Хон и Джой Ричардс. Они пристально смотрели на восковую куклу в миткалевом платье, которая лежала на цементе за чертой прохлады. Она лежала на спине под прямыми лучами, и даже на расстоянии я видел, что она тает.

— Эй! — крикнул я. — Мисс Друри! Не делайте глупостей!

Дети испуганно обернулись на мой окрик. Мисс Друри рванулась вперед и прыгнула, а точнее, свалилась на девчонку. Джой Ричардс схватил куклу и выкатился с ней на дорогу. Тяжеловесным галопом я припустил ему наперерез. На полпути я краем глаза выхватил правую руку мисс Друри, молотившую по девчонке. Сэриетта сжалась под учительницей в маленький жалкий комок.

Присев, я смотрел на Джоя. За моей спиной дети визжали смертным визгом.

Обеими руками Джой сжимал куклу. Не в силах отвести взгляд, я видел, как воск — уже размягченный солнцем — теряет форму и вылезает в щели между его конопатыми пальцами. Он сочился сквозь миткалевое платье и падал на цемент школьного двора.

Перекрывая и глуша детские вопли, голос мисс Друри перешел в крик агонии и звучал, звучал, звучал...

Джой, выпучив глаза, смотрел через мое плечо. И все же он продолжал сжимать куклу, а я не сводил с нее глаз, отчаянно, с мольбою, пока крик звенел в моей голове, а солнце гнало потоки пота по моему лицу. Глядя, как воск вытекает у него из пальцев, Джой вдруг запел-закудахтал, истерически задыхаясь:

Раз-два-три — элери,
К нам идет Хозяйка Сэри.
Закрывай скорее двери,
Это злая-злая фея!

Мисс Друри вопила, дети визжали, Джой пел, но я не сводил глаз с маленькой восковой куклы. Я не сводил глаз с маленькой восковой куклы, тающей в маленьких скрюченных пальцах Джоя Ричардса. Я не сводил глаз с куклы.

7. Алекс Хэмилтон Всего лишь игра

Джилл толчком руки распахнула окно и прокричала поджидавшим ее друзьям:

— Эй, только без меня не уходите!

Они и не уходили, поскольку ради нее, собственно, и пришли, а пока между делом пинали мяч и собирали у забора опавшие листья.

Джилл, однако, продолжала стоять у окна, упершись коленом в стоявший рядом маленький диван, как говорится, на всякий случай — а вдруг все же вздумают уйти.

— Ну, быстрее же ты, Шар! — нетерпеливо проговорила она своей маленькой сестренке, хотя на самом деле адресовала эту фразу скорее матери, которая уже так укутала девочку, что та стала походить на большой кокон, стоящий на тоненьких ножках.

— А я-то тут при чем? — запротестовала Шарлотта. — Я бы уже давно была готова, если бы мама не укутывала меня так.

— На улице сильно похолодало, — заметила мать. — И я уже сказала, что ты не выйдешь из дома, пока как следует не оденешься.

— О, а мне обязательно брать ее с собой? — жалостливо проговорила Джилл. — Мы же все намного старше ее, и никому не хочется играть с ребенком, когда ты намного старше его.

— А вот и хочется! — надулась Шарлотта.

— Стой спокойно, — сказала мать.

— Все равно это нечестно, — продолжала настаивать старшая девочка.

— Честно, честно, — сказала за ней Шарлотта.

— Честно, честно. И вообще ты еще глупая! Ты такая маленькая, что вообще никогда не вырастешь. Всю жизнь будешь меньше и младше меня!

— Не маленькая!

— Хватит спорить! — вмешалась мать. — Что вы все время, словно две старухи! Тебе, Джилл, радоваться надо, что с младшей сестрой разрешают погулять, а ты, Шар, дорогуша, смотри, как дети играют, и потихоньку подключайся.

— Она и так подключается, в том-то все и дело. Подключается, а ее то с ног сшибут, то сама начинает обманывать других, а обвиняют во всем меня, хотя это не я, а она сама все нам портит.

— Не порчу, — хмуро проговорила Шарлотта.

— Ну, наверное, она просто не знает правил, как играть в эти игры, так ведь, мой котенок? — спросила мать, завязывая на дочке последний узел. — Ну, бегите, попрыгуньи.

Шарлотта бросилась к двери, но Джилл опередила ее и здесь.

— Я сама открою дверь. Когда ты со мной, подобными вещами буду заниматься только я.

Снаружи Энтони уже зашел в их сад и теперь помахивал каштаном, привязанным к тонкой веревке. Через секунду мальчик принялся вращать его наподобие пропеллера, который как бы подтягивал его к двери.

Джилл отвела Шарлотту чуть в сторону.

— Смотри, в лоб ей не попади своей штуковиной.

— Я им уже восемнадцать побед одержал, — проговорил тот. — А вот только сейчас Малькольма побил, хотя у него тоже девять побед.

— У Малькольма был красный каштан, — вставила Шарлотта.

— Коричневый, — возразил ей Энтони. — Они все коричневые. — Он оглядел Шарлотту с головы до ног. — Мы на холм идем, так что тебе, Чарли, с нами не по пути.

— Не называй ее Чарли, — проговорила Джилл, беря сестру за руку. — Она не мальчик.

— Я не мальчик, — повторила Шарлотта.

— Это и хорошо, потому как никудышный мальчишка бы из тебя получился. И все равно, путь туда неблизкий, а потому с нами тебе нельзя.

— Можно, — сказала Шарлотта.

— Ну пусть она пойдет, — стала просить за сестру Джилл. — Если ее не взять, меня тоже не пустят.

— Ну ладно, только пусть все время остается рядом с тобой. Будешь водить — она будет водить с тобой, и прячьтесь тоже вместе.

— Ладно, — вздохнула Джилл. Обе они двинулись следом за Энтони в сторону садовой калитки. Не оборачиваясь, мальчик ткнул пальцем себе за спину:

— Оказывается, Чарли тоже пойдет.

— Привет, Шар, — дружелюбно произнесла Молли. — Какой красивый у тебя берет. Новый, наверное?

— У меня и туфельки новые, — кивнула Шарлотта, продолжая держать сестру за руку и одновременно приподнимая одну ногу. — А синие мне уже малы.

— Ну хватит, пошли, — вмешался Малькольм. — И так уже целый час вас двоих прождали. Иначе до вечера никогда с вами не доберемся.

Шарлотта быстро повернулась в сторону Малькольма и ухватила Молли за рукав.

— А синие туфельки мама убрала в шкаф, — добавила маленькая девочка, — чтобы потом на руках их носить.

— Как это на руках? — начала было Молли.

— Не слушай ее, она все перепутала, — вмешалась Джилл. — Мама сказала, чтобы они всегда под рукой были.

— Но зачем? — не унималась Молли. — Я все еще никак понять не могу.

— Мама беременная, — прошептала Джилл.
— Да ты что?! — изумилась Молли. — Она у тебя что, всегда беременная?
— Не знаю, — сказала Джилл, — но ей это, кажется, нравится. Зато мне от этого достается. Ей ведь после обеда надо отдыхать, вот мне и приходится повсюду таскать Шар с собой.
— Когда подрасту, сама буду везде ходить, — заметила Шарлотта.
— Шар такая миленькая, — восторженно произнесла Молли. — Как бы я хотела, чтобы у меня тоже была сестренка. Да только мама никак не может забеременеть.
— Ш-шшш, — предостерегла ее Джилл.
— А она что, не знает?
— Мама хочет, чтобы это стало для нее чем-то вроде сюрприза. Хорошо бы, чтобы так оно и оказалось, потому что потом настанет уже ее черед ходить на подобные послеобеденные прогулки.
— А миссис Фишвик сказала, что перережет себе горло, если родит еще одного, — заметил Дэвид.
— А ты-то откуда знаешь, носатик? — спросила Джилл. — Ведь ты же мальчик.
— Перережет себе горло... — в тон ему повторил Энтони, после чего все остальные подхватили эти слова и принялись распевать, шагая по тротуару:

Перережет себе горло
Бумажкой в десять фунтов —
Так прямо и сказала:
«Не надо мне младенцев,
Не надо мне детей,
Уж лучше пес паршивый,
А в нем хоть сотни вшей...»

— У нас тоже есть собака, — сказала Шарлотта, а затем резко остановилась, задержала рукой и после паузы добавила: — Но у нее нет никаких вошей.
Несколько секунд все стояли, уставившись на маленькую девочку, а потом разом покатались со смеху.
На глаза девочки навернулись слезы, но она не сдавалась.
— У нас очень хорошая собака. И меня любит больше всех.
— А если она так уж тебя любит, — язвительным тоном проговорила Энтони, — что же не делает все, о чем ты ее попросишь?
— Ну хватит задиаться, Энтони, — вмешалась Джилл. — Никогда еще не встречала таких вредин.
— Да, уж Энтони-то никак не следовало этого говорить, — ухмыльнулся Малькольм. — Его пес вообще никого не любит. Даже его отца укусил.
— А тебя-то кто спрашивает? — обиделся Энтони. — Потерял свой каштан, вот и злишься.
— Пожалуй, именно поэтому я и люблю больших собак, — спокойно произнес Филип. — Им всегда нравятся младенцы.
— Я не младенец, — возразила Шарлотта.
— Никто и не говорит этого, — вспыхнула Джилл. — И вообще, замолчи, а то опять все испортишь.
— А можно мне посмотреть на твой каштан? — спросила Шарлотта, освобождаясь от руки сестры и подходя к Энтони.

Дорога, по которой шли дети, чуть изгибалась длинной пуповиной в направлении ровного и уютного подножия холма. Пока над ними маячили громады домов, светили уличные огни, а на перекрестках мигали светофоры, ребята шли осторожно, о чем-то споря, что-то напевая, но лишь вполголоса. Однако как только впереди показались знакомые

просторы открытой местности, былая скованность и зажатость словно разом покинули их.

Джон, Майкл и Дороти, которые шли с мячом впереди всех, прекратили свой спор о людях в очках. Джон пнул мяч ногой и все бросились за ним вверх по холму. Первой его подхватила Дороти, поскольку мяч, ударившись о землю, отскочил назад и попал ей прямо в руки, тогда как мальчики пробежали мимо. Кроме того, она бегала медленнее их, и потому у нее было время смекнуть, куда именно полетит мяч. Поначалу ей хотелось тут же отфутболить его куда-нибудь подальше, но она тут же передумала и добежала с мячом чуть ли не до самой вершины холма, на ходу соображая, что же с ним делать дальше. Наконец девочка опустила его на землю и собиралась уже было ловким ударом пнуть мяч, что, в общем-то, было довольно простым делом, однако в этот момент под него бросился Майкл, по-пижонски имитируя ловкий финт опытного центрфорварда.

Остальные дети тоже, казалось, сбросили с себя невидимые оковы и, сбежав с дороги, понеслись наверх, откровенно радуясь произошедшей в них перемене. На вершине холма все остановились, словно прикованные к месту резким порывом ветра, который, казалось, прижимал к головам их уши. У всех на глаза навернулись слезы. Склон простиравшегося впереди холма то вздымался, то опадал, а потом опять поднимался дальше, дальше. Раскачивались ветви деревьев, громко шелестела тяжелая сухая листва, словно отчаянно пытавшаяся освободиться от долгого гнета осени. Шарлотта остановилась и, чуть приподняв личико, посмотрела перед собой — челюсть ее немного отвисла, а руки она занесла за спину, растопырив их на манер рыбьих плавников.

— Эй, Шар! — крикнула Джилл. — Лови!

Однако девочка продолжала неотрывно смотреть в прежнем направлении. Ей хотелось ухватиться за облака, высвободиться из плена корявых ветвей. Не отрывая взгляда, она смотрела на облако, до предела вытянувшись в струну, и в итоге она кувырком завалилась на траву и, лежа на ней, захихикала.

— О, Шар! — раздраженно воскликнула старшая сестра, резким движением ставя ее на ноги. Шарлотта кулем обмякла у нее в руках, даже ноги подогнула в коленях.

— А ну-ка, вставай и стой как следует, а то все подумают, что ты просто маленькая глупая девчонка, которая и стоять-то как следует не умеет, не то чтобы играть вместе со всеми.

— Я не маленькая девчонка, — машинально проговорила Шарлотта, но все же стрельнула взглядом в сторону остальных детей и увидела, что они давно спустились вниз и неровной цепочкой взбираются на соседний холм. На фоне окружающих возвышенностей, громадных деревьев, уходящих в небо у нее над головой, и проплывающих по небу мягких облаков они показались ей совсем маленькими. Ей почему-то не понравилось подобное сравнение и она боязливо глянула в сторону рядом стоящей сестры.

— Если ты сейчас же не пойдешь вместе со всеми и не перестанешь отравлять людям настроение, я вообще брошу тебя здесь! — пригрозила Джилл.

— Никого я не отравляю, — возразила Шарлотта и бросилась вниз по склону. Кто-то послал ей мяч, а может, просто ударил по нему, однако мяч полетел прямо к Шарлотте. Красный и громадный, он оказался прямо у нее перед глазами. Девочка хотела было ударить по нему ногой, но промахнулась, завалилась всем телом на мяч и через пару секунд снова оказалась у самого подножия холма. Берет свалился у нее с головы, она зажала его между зубами, чтобы держать мяч обеими руками, и так, неся его перед собой, побежала по долине между двумя невысокими холмами.

За спиной у нее слышались крики бегущих следом ребят, вскоре послышался и топот ног первого настигавшего ее мальчика. Сейчас девочка стала ощущать себя полноправным членом игры, и потому старалась во что бы то ни стало убежать с мячом как можно дальше. Если бы ей удалось оторваться от ближайшего преследователя, то потом она могла бы развернуться и кинуть мяч в одного из преследователей, скорее всего в того, кто находился от нее дальше всех, возможно, на самой вершине холма. И все бы тогда закричали: — «Смотрите, вы видели когда-нибудь, чтобы маленькая девочка так далеко бросала мяч!»

Однако в этот самый момент она почувствовала, что чья-то рука ухватила ее за пальто. Она продолжала и дальше семенить ножками, хотя чувствовала, что больше не продвинулась ни на метр. Еще через мгновение рука мальчика обхватила ее поперек груди и стала тянуться к мячу. Стараясь не допустить этого, Шарлотта в отчаянии отшвырнула мяч подальше от себя — куда угодно, только бы подальше. Тот перелетел через кусты, шлепнулся о землю прямо перед ватагой ребят, отскочил куда-то в сторону и исчез из виду. Через несколько секунд к ней подбежал Энтони, а Малькольм, который продолжал держать ее за пальто, громко прокричал:

— Это не Чарли, а самая настоящая вреднятина! Она кинула мяч в пруд. Готов поклясться, что она нарочно это сделала!

Подросла также Джилл, которая заверила его в том, что это не так — все получилось совершенно случайно. В конце концов, это было всего лишь игрой.

— Пусть теперь сама и достает. Она его бросила, а не кто-нибудь. Если не достанет, сама полезешь — она твоя сестра.

— Почему это девочки должны лазить за мячами? — вмешалась Молли.

— А потому, что девочкам не надо кидать их куда не следует, — сказал Энтони. — Я, во всяком случае, туда не полезу.

— Ну что ты глупости говоришь! — воскликнула Молли. — Она же маленькая.

— Я не маленькая, — трагическим голосом произнесла Шарлотта.

— А давайте кидать в него чем-нибудь, чтобы он подплыл к тому берегу, — с энтузиазмом в голосе предложил Джон.

— Чем же мы будем кидать-то? — возразил Малькольм, с мрачным удовлетворением взирая на плававший посередине пруда мяч. Это даже как-то смягчало для него горечь от утраты каштана.

Джилл презрительно растолкала локтями мальчишек.

— Какие же вы все-таки дети! Мальчишки еще называются! Испугались какой-то лужи.

Она скинула туфли, сняла носки и вошла в воду. Дно под ногами было ужасно вязкое, но сам пруд оказался совсем мелким, так что даже вдали от берега вода едва достигала середины ее икр. Подняв мяч, она обернулась и увидела, что Шарлотта тоже сняла туфельки и собирается двинуться следом за ней.

— Не давайте ей намокнуть! — завопила Джилл, бросаясь назад, подняв тучи брызг и однажды даже едва не завалившись всем телом в воду. Ей все же удалось подоспеть вовремя и ухватить Шарлотту у самой кромки воды. Она сильно швырнула мокрый мяч прямо в лицо Энтони, вслед за чем шлепнула Шарлотту.

Та приложила ладонь к плечу, на которое опустилась рука Джилл. Все затаили дыхание в ожидании неминуемых слез, но Шарлотта продолжала смотреть на сестру, по-прежнему поглаживая плечо. Ее маленькое личико потемнело от обиды. Она так и не отвела от нее своего взгляда, пока старшая сестренка напяливала берет ей на голову — получилось как накидка на чайник, до самых бровей. А потом Шарлотта проговорила:

— Я тебя ненавижу!

И, повернувшись, заковыляла прочь.

— Ну и ладно, я тоже тебя ненавижу, — спокойно бросила ей вслед Джилл, надевая носки и обуваясь. — И еще сильнее буду ненавидеть, если ты сейчас же не вернешься и не обуешься. И, — безжалостно добавила она, — если и в самом деле буду ненавидеть еще сильнее, то и шлепнуть в следующий раз тоже могу посильнее.

Шарлотта вернулась и взяла туфельки. Молли хотела было помочь ей, но та отвернулась от нее и, раздраженно согнувшись, оттолкнула крохотной попойкой.

— Пусть себе дуется, — сказала Джилл, — у нее так бывает — помолчит немного, а потом все забудет. Это не больше, чем на пару минут. Боюсь, так и вырастет «с заскоком». Я в ее возрасте никогда такой не была.

— Это, наверное, потому, что ты была первой, — заметила Молли.

— Ну ладно, не будем надрываться, — успокаивающим тоном произнесла Джилл, сама

не замечая того, что цитирует собственную мать, — а то она дуется, а все вокруг нее на одной ножке прыгают.

Конец этой фразы услышал Энтони — он уже чувствовал, что теряет свою руководящую роль в компании, и потому громко запел:

Она надорвала себе сердце
И оно развалилось на части,
И вот что она тогда сказала:
«Девчонки — неудачницы,
Девчонки — ротозейки.
Уж лучше буду ходить в брюках,
Чем путаться в каких-то юбках!»

Он побежал вперед и с силой пнул мяч в сторону вершины холма. Никто, однако, не побежал — все просто стояли и смотрели, как он медленно пролетел по пологой дуге, после чего закатился в небольшую выемку на извилистой тропинке.

— Ну, кто теперь за ним побежит? — спросил Майкл.

— Сам беги, — отозвался Энтони. — Это же твой мяч.

— Ну хорошо, — проговорил Майкл, направляясь за мячом, — только назад я его больше не принесу.

— Слушайте, вам не кажется, что это глупо — все время ссориться и обижаться друг на друга? — заметил Филип. — Давайте лучше во что-нибудь поиграем.

— Давайте, — кивнул Малькольм. — Например, в «платочек».

— Нет! — возразила Дороти. — В «платочек» промерзнешь до костей, если не окажешься в самой середине.

— Ну, тогда в салочки.

— Нет, — сказал Энтони. — Чарли так и будет все время водить.

— Я не Чарли, и не все время, — сказала Шарлотта.

— Слушайте, все замолчите. Я скажу вам, во что мы будем играть...

— А давайте в «мамочкины шаги», — предложила толстушка Пегги, которая вообще предпочитала игры, где не надо было никого догонять.

— Пусть Энтони выберет игру, — сказала Молли.

— Итак, будем играть в прятки, — объявил Энтони, — но только не здесь — тут вообще негде прятаться. Давайте перейдем на другую сторону Белой Свиньи. Я знаю там потрясающие места, где можно спрятаться.

Белой Свиньей назывался один из холмов.

До Белой Свиньи надо было еще дойти. По пути они повстречали собаку, которая, как выяснилось, вовсе не потерялась; увидели пару велосипедов, которые, как и их обладатели, лежали друг на друге; Майкл подобрал несколько каштанов, один из которых, как он предполагал, наверняка побьет Энтони (правда, надо было предварительно опробовать его на более мягких соперниках). Пегги нашла листок, который истлел настолько, что от него остались одни жилки, а Филип отыскал ветку, с помощью которой, по его утверждению, можно было находить воду. Джон взобрался на дерево, с которого принялся ухать по-свиному, заодно отыскал гнездо, правда, без яиц, а когда слезал на землю, ободрал о кору всю коленку.

В зависимости от рельефа конкретной местности они перепробовали несколько игр, а когда все же вздумали сыграть в салочки, выяснилось, что Филип бежит быстрее всех, Энтони занял второе место, а Джилл — третье. Шарлотте также разрешили принять участие в игре и даже дали некоторую фору, однако фора, как выяснилось, оказалась недостаточной, поскольку она все равно прибежала последней.

Когда они пересекали Белую Свинью, девочка с довольным видом пристроилась рядом с Энтони и даже попыталась взять его за руку. Тот удивленно посмотрел на нее и сказал:

— Ты слишком большая, чтобы брать тебя за руку.
— Ничего не большая, — возразила Шарлотта.
— А я говорю, большая, — повторил Энтони, высвобождая руку, после чего — чтобы она больше не смущала его — вовсе засунул руки в карманы.

— Я хочу посидеть, — сказала Шарлотта.
— Посидишь, когда мы будем играть в прятки, — сказал ей Энтони.
Шарлотта чуть отстала от него и дождалась, когда к ней подойдет Джилл.
— Энтони говорит, что я уже большая, — доложила она.
— Ей, похоже, кажется, что она становится то большой, то маленькой, — сказала Джилл, поворачиваясь к Молли. — Хорошо бы, если бы и в самом деле она быстро подросла. А вот здорово бы было, если бы люди вырастали так же быстро, как и собаки!

— Я всегда была меньше своей кузины, — откликнулась Молли, — а теперь вдруг опередила ее. В этом году подросла на целых два дюйма.

Оказавшись в седловине Белой Свины, все сразу поняли, почему Энтони выбрал именно это место. Если там, откуда они пришли, территория была в общем-то ровная, разве что чуть волнистая, с редкими вкраплениями деревьев и кустов, то здесь место оказалось гораздо более диким. Вся территория была испещрена ямами, оставшимися после некогда проводившихся здесь земляных работ, а дальше, за ними, начинались густые заросли деревьев, между которыми кое-где проглядывали следы деятельности строительных рабочих. Те из ребят, кто уже начал было уставать от долгого перехода, заметно приободрились, увидев столь дикое место для новой игры, а Малькольм смекнул, что Энтони наверняка всех обыграет, поскольку он один из всей их компании уже бывал в этих местах.

Джилл стала возбужденно объяснять Шарлотте правила игры.

— Все, что тебе надо сделать, это найти подходящее место, чтобы в нем можно было спрятаться. Это совсем простая игра, и ты сможешь играть в нее не хуже остальных. Только тебе надо будет очень тихо сидеть, совсем неслышно, а то тебя засекут, и в таком случае тебе придется помогать тому, кто тебя обнаружил, искать остальных. Но самой подставляться нельзя — это нечестно. Поняла?

— Я сесть хочу, — сказала Шарлотта.

— Ну ладно, Шар, сейчас сядешь. Только сначала найди себе хорошее укромное местечко, в котором можно было бы спрятаться, а потом сиди в нем, сколько хочешь, во всяком случае, до тех пор, пока тебя не найдут.

Первым водить выпало Джону. Он спустился в одну из ям и уткнулся лицом в меловую стену — ему надо было считать до ста.

— Вслух считай, — распорядился Энтони, — чтобы все тебя слышали.

Джилл увидела, как Энтони быстро куда-то побежал. Проследив за направлением его движения, она поняла, что он уже заранее знал, где лучше всего можно спрятаться. Смотрел ему вслед и Малькольм — мальчик решил, что как только его застукают, он постарается сделать так, чтобы следующим нашли именно Энтони.

— Ну, Шар, пошли, — сказала Джилл, — я помогу тебе найти место, в котором можно будет спрятаться. Но только побыстрее двигайся, потому что он считает до ста, а мне еще надо самой где-нибудь укрыться.

— А ты будешь за меня считать, когда дойдет моя очередь водить? — спросила Шарлотта.

— Придется, наверное, — нетерпеливо пробормотала Джилл, поторапливая младшую сестру и одновременно оглядывая незнакомую местность. До нее доносился голос Джона, который чуть ли не выкрикивал сменяющие друг друга числа.

Наконец девочка отыскала прекрасное сухое местечко, огороженное густыми зарослями кустов — поросль была невысокая, но все же, если присесть, за ней можно было неплохо укрыться. Там она и решила расположить Шарлотту.

— Значит так, если тебя никто не найдет, то ты выиграла. А теперь будь хорошей девочкой и постарайся не испортить всю игру.

Шарлотта кивнула и, испытывая радостное возбуждение, уселась в зарослях кустарника. Она чувствовала, что Джилл подобрала ей действительно отличное место, а потому была уверена в том, что обязательно выиграет, и тогда все скажут: «Вы только посмотрите, какая умная эта Шар — так спряталась, что ее никто не смог найти!»

Однако, как только сестра убежала, ей вдруг представилось, что Джон обязательно наткнется, а то и наступит на нее. «Если это случится, — подумала девочка, лежа в кустах, — то опять получится, что я испортила всю игру».

— Иду искать! — объявил Джон.

Джилл все же не хватило времени, и потому, когда мальчик обернулся, она еще продолжала устраиваться на облюбованном месте. Не успела она как следует спрятаться между стволами двух поваленных деревьев, как он заметил в той стороне какое-то шевеление. Совесть подсказывала ему, что надо поискать еще где-то, однако глаза почему-то словно приклеились к этому самому месту, и, как только Джон перехватил взгляд Джилл, по выражению его лица стало ясно, что он действительно заметил ее. Таким образом, Джилл нашли первой.

Шарлотта с нарастающей тревогой наблюдала за происходящим. Теперь она уже усомнилась в надежности своего собственного укрытия. Ведь если Джилл оказалась такой неумелой, что не смогла самой себе подобрать подходящее место, получалось, что она вообще не умела играть в эту игру.

Поиски продолжались довольно долго, поскольку места оказались незнакомыми, причем всякий раз, когда кого-нибудь находили, ему или ей приходилось объяснять, почему именно их обнаружили, и добавлять при этом, что они несколько раз были на грани обнаружения. Последним нашли Энтони, причем, как только это произошло, он сразу же заявил, что надо начать игру по-новой. Впрочем, оставалась еще Шарлотта, однако Джилл заявила, что ее сестренка немного устала, а потому они вполне могут начать снова, оставив ее там, где она сейчас находится.

— Годится, — кивнул Энтони, — она уже давным-давно говорила, что хочет присесть. Джилл, тебе водить — тебя ведь первой застукали. Ну давайте, шевелитесь, а то не останется времени еще на одну игру. На сей раз можно считать только до пятидесяти.

Джилл решила приберечь Шарлотту напоследок. Во-первых, ей казалось нечестным сразу же найти сестру в том месте, которое она сама же ей показала; во-вторых, ей не хотелось, чтобы маленькая девочка бегала, спотыкаясь и падая, между всеми этими кусками проволоки и прочим мусором, обильно встречавшимся на каждом шагу (что и говорить, если как следует приглядеться, место и в самом деле было основательно засорено всяким хламом); и в-третьих, она намеревалась преподнести Шарлотте своего рода подарок — пусть потом похвастается, что ее так и не нашли ни в первый раз, ни во второй.

Первым она застучала Энтони. У нее почему-то сразу возникло предположение, где именно он может спрятаться — в бочке для сбора дождевой воды с дыркой сбоку, через которую можно было подглядывать. Место, конечно, было довольно эффектное, хотя не так уж трудно было догадаться, что там кто-то может спрятаться.

Энтони помог ей найти остальных, причем сделал это с какой-то даже оскорбительной легкостью, а потому вторая игра оказалась намного короче первой.

Тем не менее, мальчик решил, что на третий заход у них все равно уже не остается времени. Начинало темнеть, а ему еще надо было готовить уроки. Малькольм поддержал его — ему тоже надо было перед тем, как лечь спать, заняться своим каштаном и как следует укрепить его. Оба мальчика двинулись обратно, медленно поднимаясь по склону Белой Свиньи.

Из меловой ямы вытащили доселе лежавший там мяч, и от чьего-то резкого удара он полетел в сторону дома. Следом пошла Пегги, любуясь своим полуистлевшим листом и рассматривая его на просвет на фоне причудливо окрашенного вечернего неба. Двигалась она, словно в трансе, ориентируясь лишь на голоса других.

Кроме Джилл осталась одна лишь Молли, но и та нерешительно поглядывала то на

подругу, то в сторону удаляющихся детей.

— Иди, если хочешь, — сказала ей Джилл, — а мне надо еще Шар забрать. Но я знаю, где она прячется.

Она побежала к тому месту, где оставила сестренку, но почему-то не нашла ее там.

— Шар! — позвала она, всматриваясь в кусты, — мы уходим домой.

Ответа не последовало.

— Шар?

Ветер легонько колыхал траву; к щеке девочки на какую-то долю секунды прижался взмывший с земли и подхваченный воздушным потоком листок — скользнул по ней и улетел дальше.

— Шар! — Джилл старалась не давать волю нервам. — Тебя нашли. Выходи. Ты выиграла, но пора уже идти домой.

Однако Шарлотта подыскивала себе другое, гораздо более надежное, явно выигрышное местечко, и именно в нем сейчас находилась.

— Подождите! Подождите! — крикнула Джилл остальным.

Энтони хмыкнул.

— Ну да, ей хорошо кричать, чтобы подождали. Ее-то дом ближе всех. Она и так вернется первой.

Группа детей продолжала двигаться в прежнем направлении. Сейчас, когда они внезапно осознали, как далеко оказались от дома, шаг их даже несколько убыстрился.

Молли повернулась и крикнула подруге: — Джилл, ну давай же, поздно уже! — но та даже не остановилась.

Джилл перебегала от одного укромного места к другому. Теперь, с наступлением темноты, все они выглядели уже иначе; она даже по нескольку раз заглядывала в одно и то же место, прежде, чем понимала, что уже была здесь.

— Шар! — кричала она. — Ведь это же только игра! Выходи!

Она готова была вытрясти из Шар всю душу — вот найдет ее и станет трясти, трясти, трясти...

— Шар! — в очередной раз прокричала она и, не выдержав напряжения, зарыдала.

К порывам ветра стали примешиваться первые капли дождя.

Где-то вдалеке в некоторых домах стали зажигать свет.

8. Лоуренс Коннолли Подвал миссис Хафбугер

Было начало лета. Начало вечера. И миссис Хафбугер, как подметила группа девятилетних мальчишек, вот уже примерно неделю не выходила из своего дома.

Каштан уже начал всерьез подумывать о том, чтобы пойти домой, когда Максу Свонсону наконец удалось открыть окно. Лэнни глянул на пухлые щеки Макса, перевел взгляд на окно, потом снова на Макса.

— А побольше нельзя было открыть?

Макс бросил натужные попытки и посмотрел на Лэнни, как будто перед ним был какой-то червяк.

— А может, сопливый нос, сам попробуешь?

— Может и попробую — если захочу. Да только что-то не хочется.

— А может, мне хочется вот сейчас спуститься и расквасить тебе нос, — в тон ему проговорил Макс, стоя на ящике из-под лимонада «Севен-Ап», который Каштан нашел неподалеку от бухты. Каштан подобрал его, подумав, что он может для чего-нибудь пригодиться, но Макс распорядился им по-своему и отобрал у него находку. С тех самых пор, когда Каштана выперли из начальной школы Богородицы, Макс замучил его, постоянно отравляя ему жизнь. Если бы не Макс, начальная школа Томаса Эдисона показалась бы ему сущим раем. Большинство новых приятелей, которых он там приобрел, были в общем-то

хлюпиками — большинство, но только не Макс.

— Слушай, Макс, и в самом деле узковато получилось, — заметил Вилли Хэйнек, становясь на мыски и заглядывая в приоткрытое окно.

Макс дернул еще раз.

— Перекосило там, что ли, черт бы ее побрал.

— А ты пролезть сможешь? — спросил Лэнни.

— Я что тебе, кусок фанеры, что ли?

— Может, Шон? — предположил Лэнни. — Готов поспорить, Шон пролезет.

Макс улыбнулся.

— Это уж точно. — Потом огляделся вокруг себя.

— Эй, Каштан! А ты что там стоишь, а?

Это было еще одно, что Каштану не нравилось в Максе — тот звал его Каштаном, причем это получалось у него как-то особенно презрительно-дразняще, и всякий раз, когда этот толстяк так называл его, он сам начинал казаться себе чем-то вроде деревянного чурбана. Он уже начал сожалеть о том, что вообще рассказал парням из школы Эдисона о своем прозвище в предыдущей школе.

В общем-то, это было не так уж и важно. Макс шел по жизни с явным намерением подбирать все, что ему приглянется, и Каштан, глаз которого несколько лет назад испытал горечь столкновения с садовыми граблями, был весьма приметной личностью. В самом деле, легко ли спокойно пройти мимо человека, левый глаз которого очень похож на конский каштан.

— Эй, Каштан! Ты что там, заснул? А ну, иди сюда.

— Что?

— Ты полезешь внутрь, — сказал Макс.

Каштан посмотрел на довольно узкую щель между оконной рамой и подоконником. Освещение тоже было ни к черту — солнце уже успело скрыться за горизонтом, а круглая летняя луна еще не взошла. Впрочем, там и смотреть-то было особенно не на что — узкая полоска черной тени на фоне темно-серой стены дома миссис Хафбугер.

Дом этот представлял из себя довольно ветхое строение с облупившейся краской и кое-где провисшими покосившимися водосточными трубами, хотя с близкого расстояния это не особенно бросалось в глаза. Зато старина его бросалась в глаза с первого взгляда. Лет ему было, наверное, не меньше, чем его хозяйке — под сто. О том, что ей самой лет сто, можно было догадаться, глядя на то, как она передвигается. Во всем Западном Фентоне не найти было более скрюченной женщины, чем миссис Хафбугер.

Четверка ребят уже около трех недель наблюдала за ней с противоположного берега ручья, сидя на поросшем деревьями холме, по высоте почти достигавшем тот, на котором стоял дом миссис Хафбугер. Подолгу они сидели так у дровяного склада Лэнни, попивая апельсиновый напиток и сражаясь за право посмотреть в телескоп Каштана.

Впрочем, особо там смотреть было не на что. Полное ее имя было Ева Хафбугер, и то, что однажды ребята в шутку назвали ее Гамбургер, стало поводом для безудержных приступов смеха. Со временем шутка приелась, перестала вызывать смех, однако прозвище как-то удержалось, словно приклеилось к ничего не ведавшей о нем женщине.

Пятнадцать лет назад она овдовела и с тех пор жила совершенно одна. Муж ее, Альберт Хафбугер, как говорится, «сыграл в ящик», очевидно, домогаясь лучшей супружеской доли на небесах, а детей у них не было. Таким образом, все, что ребятя могла узреть из своей дровяной «крепости» на другом берегу ручья, были лишь приходы и уходы этой старой женщины с блеклым, каким-то отсутствующим взглядом. Иногда она возвращалась с покупками из магазина «Кидди Март», а изредка уезжала из дома где-то примерно за час до наступления темноты и возвращалась уже после того, как ребята расходились по домам...

Однако для девятилетних мальчишек, не знающих толком, чем бы занять свободное летнее время, в этом, конечно, не было ничего особо интересного, и наблюдали они за ней лишь потому, что «крепость» предоставляла для этого прекрасную возможность. А еще они

про себя обозвали ее ведьмой — опять же потому, что она была очень старой.

Они часто видели, как старуха отъезжала от дома, вцепившись испещренными коричневатыми пятнами руками в рулевое колесо своего «бьюика» образца сорок седьмого года, а потом стращали друг друга глупыми выдуманными историями о том, куда она якобы уезжала, и что, по их мнению, собиралась там делать. В историях этих были в изобилии представлены всевозможные монстры, привидения, упыри и прочие кровососы...

Однако во всех этих забавах они и на пушечный выстрел не приближались к самому тому, что ни на есть настоящему кошмару, и так было вплоть до тех пор, пока миссис Хафбугер в обычный для себя час однажды вдруг не вышла из своего дома. Случилось это во вторник.

Не увидели они ее и в среду.

Появилась она лишь в четверг — вышла, наряженная в типичное старушечье платье, и остановилась возле своего «бьюика». Вид у нее был неважнецкий, прямо-таки больной. Лэнни смотрел в телескоп, хотя остальной троице все было прекрасно видно и без него. Опустив руку на капот машины, женщина смотрела вниз вдоль холма, в сторону дороги, которая вела к «Кидди Март» и даже дальше — туда, где за туманной дымкой сейчас заходило солнце и где была Филадельфия. Долго она простояла так, а потом провела рукой по глазам и вернулась в дом.

В пятницу она наружу не вышла.

В субботу шел дождь. Крыши над их деревянной «крепостью» не было, а потому все они собрались у Вилли и стали рассказывать про нее всевозможные истории.

Когда же она не появилась и в воскресенье, Макс сказал, что надо проверить — не померла ли старуха. Но так и не проверили.

Не пошли они туда и в понедельник, когда она также не показалась из дома.

Но когда снова наступил вторник — когда долгий и скучный день стал постепенно переходить в вечерние сумерки, — они все же решили сходить и посмотреть. Увидели они только то, что и предполагали увидеть — пока Макс не приподнял раму.

Каштан посмотрел на окно и поймал себя на мысли о том, что вся эта затея отнюдь не представляется ему хоть сколько-нибудь забавной.

— Макс, я, наверное, не пролезу.

— Хватит трепаться. Ты даже еще не пробовал.

— Ну и что я буду там делать, если все-таки пролезу внутрь?

Макс соскочил с ящика «Севен Ап» на землю. Он был очень толстый — пожалуй, самый толстый из всех ребят, которых Каштану доводилось когда-либо видеть. В Эдисоне было всего несколько парней — и те старше их по возрасту, — которые осмеливались называть его Максимум Свонсон или Крошка-Дыня, зато одному-единственному девятилетнему мальчишке, который вздумал последовать их примеру, пришлось на глазах у Макса съесть зеленую муху — только тогда он отстал от него. Этим мальчишкой и был Каштан. И зеленая муха стоила того.

— Как пролезешь внутрь, — сказал Макс, — откроешь нам входную дверь, и мы войдем в дом.

— А если она не откроется? — не отставал Каштан.

— Не говори глупостей. Это же дверь, так ведь? И сейчас она просто заперта, вот и все. От тебя требуется лишь забраться внутрь и открыть ее.

— А может, ему не хочется, — вмешался Вилли, который сейчас смотрел на дом и думал о том, что внутри могут находиться всякие Опасные Штуки. Под Опасными Штуками Вилли обычно подразумевал животных. Размер при этом роли не играл — любое животное крупнее белки было для него Опасной Штукой.

Однако никаких возражений Макс не принимал и уже успел схватить Каштана своими лапищами.

— Ему очень хочется туда залезть, правда ведь, Каштан?

Он рывком поднял Каштана и поставил его на ящик. Тот глянул себе под ноги и разглядел между потертыми летними кроссовками красные буквы, сложенные в слова: «ВЫ

ЛЮБИТЕ ЕГО — ОН ЛЮБИТ ВАС».

Потом он заглянул в открытое пространство окна под рамой.

— Какой-то там чудной запах.

— Ну давай, Каштан, попробуй пролезть!

Каштан сунул голову в проем. Запах в доме и в самом деле был спертый, непривычный.

— Что ты там видишь? — спросил Вилли.

Каштан принялся всматриваться в темноту. Вся комната была заставлена старой мебелью. Стол. Стулья. Диван, через обивку которого наружу проступали его внутренности. На обоях остались водяные разводы, а сами они в некоторых местах отслоились от стен. С потолка свисали клочья засохшей краски. На полу ничего не лежало, и только в углу около окна виднелось накрытое решеткой отверстие, которое, по всей видимости, вело в подвал.

— Выглядит, как в сказке про привидения, — сказал Каштан.

— Внутрь пролезть сможешь? — спросил Макс.

— Не знаю. Очень уж узко.

— Ну так узнай, что там и как! — проговорил Макс, и Каштан тут же почувствовал, как ладони толстяка обхватили его лодыжки и приподняли над ящиком.

— Эй!

Каштан полез вперед, пока не закачался, лежа животом на подоконнике и глядя на пол комнаты. Из нагрудного кармана рубашки что-то выскользнуло, упало на пол, чуть задержалось на самой кромке решетки, несколько мгновений покачалось, подобно одноногому танцору, пытающемуся сохранить равновесие — и наконец свалилось, соскользнуло вбок, провалившись в прикрытое металлической решеткой отверстие в полу.

— Мой ключ!

— Что он сказал? — спросил Макс.

— Колючий! — пронзительно взвизгнул Вилли, сразу подумав об Опасной Штуке.

Макс снова взобрался на ящик и заглянул через грязное стекло внутрь.

— Нет там ничего колючего.

Каштан понимал, что путь назад был ему теперь отрезан. Надо было лезть дальше — это был единственный ключ матери от входной двери. Она специально дала ему его сегодня утром, чтобы он мог войти в дом, пока сама она будет гонять чаи у миссис Грубер. Глупо, конечно, было постоянно закрывать входную дверь. В этом смысле мать очень походила на Вилли. Ее постоянно что-то пугало — особенно после чтения газет. В последнее время она вдруг стала страшно переживать, если он не приходил домой в полдевятого, хотя винить во всех этих пропажах детей в Филадельфии следовало в первую очередь Бюро по розыску пропавших людей. Каштан же постоянно приходил домой без четверти девять, за что регулярно был бит. Ему очень хотелось, чтобы мать наконец перестала читать газеты.

А он еще старался не забыть вернуть ей ключи, когда она вернется от миссис Грубер...

— Я сказал «мой ключ», — проговорил мальчик. — Он в подпол провалился.

Ну, на этот раз она вообще приберет его. Заберет к себе телевизор и спрячет его комиксы. Запрет на ключ его велосипед, а из него самого сделает мальчика при алтаре, вроде этого слюнтяя Стиви Стидла. Накинется на него, как тогда, когда они с Томми Бейкером ворвались в католическую школу в поисках вампиров — только на сей раз ему будет намного хуже...

Все это время он почти не отдавал себе отчета в том, что и так уже наполовину проник в дом — лишь повернув голову и увидев глазающее через давно немытое стекло лицо Макса, он до конца оценил свое положение.

— Ну вот, пролез же, — проговорил Макс. — Видели? Этот маленький червяк куда угодно пролезет.

Каштан огляделся. Теперь комната и в самом деле показалась ему такой, словно ее населяли привидения, и воздух в ней был затхлый, спертый, словно помещение целый год не проветривали. Он опустил на колени и заглянул через решетку внутрь, но так ничего и не

разобрал. Было слишком темно. Значит, придется спускаться в подвал.

Макс постучал по стеклу.

— Эй, Каштан! Ты про дверь не забыл?

Он снова повернул голову. Теперь уже вся троица взгромоздилась на ящик, прижавшись лицами к грязному стеклу.

С одной стороны стоял Вилли — его нечесанные волосы торчали в разные стороны, взгляд, как всегда, испуганный. С другой стороны застыл Лэнни — гораздо более самоуверенный, чем обычно. В середине разместился Макс. Каштан подумал, что сейчас они похожи на трех поросят, глядящих из окна на серого волка.

— Ну давай, червяк! Дверь!

Он прошел через комнату и оказался в просторном холле. Разглядел укрепленный на стене выключатель, щелкнул им — высоко под потолком загорелась лампочка и помещение залил тусклый сорокаваттный свет, отчего стали еще более отчетливо видны обшарпанные стены и темный пол. Теперь он мог разглядеть даже слабо проступавший узор на обоях — от пола до потолка сплошные цветочки-василечки и завитки танцующих детей, почти стертые и едва различимые от частых протираний мокрой тряпкой или щеткой. Потолок был под стать остальному убранству комнаты — потрескавшийся, облупившийся. Не уступал ему и пол — деревянный, голый.

Он подошел ко входной двери, ухватился рукой за ее ручку, попытался нажать — та не поворачивалась; тогда подергал — из этого также ничего не вышло. В сердцах он пнул дверь ногой и впридачу ударил по ней кулаком. Все без толку — она оказалась крепко запертой с обеих сторон.

Он еще раз ударил — это было все равно, что пинать дерево.

Каштан вернулся к окну.

— Она не открывается, — сказал он.

Макс просто взбесился.

— А может, разобьем, к черту, это окно?

— Но ведь это же запрещено, — усомнился Вилли, а когда Макс ничего не ответил, добавил: — Я лучше домой пойду.

— Эй, подождите-ка минутку! — Каштан высунул голову из окна. — Нам надо сначала найти мой ключ.

— Ну и как же мы это сделаем, если ты не впускаешь нас внутрь? — полувопросительно произнес Макс.

Вилли продолжал настаивать:

— Слушай, Макс, давай пойдем по домам.

Тот сделал вид, что даже не услышал сказанного.

— Как хоть там, внутри-то? — спросил он.

— Обычный старый дом.

— Ведьма тоже там?

— Я ее не видел.

— Ну вот, совсем даже неинтересно, — заметил Лэнни, стоя на том самом месте, где совсем недавно стоял Каштан, раздумывая над тем, не пойти ли ему и в самом деле домой. — Ну ладно, Шон, вылезай оттуда и пошли по домам.

— Но ключ же! — воскликнул Каштан.

— А это что, так важно? — спросил Вилли.

— Меня убьют, если узнают, что я потерял ключ! — сказал мальчик.

— Чудные вы какие-то, ребята, — заметил Макс.

— Ну ладно, — кивнул Лэнни, — мы тебя подождем.

— Но только побыстрее там, — сказал Вилли. — Не нравится мне что-то здесь.

— А мне что-то не нравится твоя физиономия, — заявил Макс.

Каштан снова просунул голову и плечи в оконный проем, в очередной раз выглянул наружу, после чего опять повернулся к холлу, гадая, почему подобные вещи всегда

случаются именно с ним.

На сей раз он изменил направление своего движения и пошел в глубь дома, миновав ведущую на темный второй этаж лестницу. В конце холла располагалась еще одна комната. Слабый свет пробивался и туда, так что он смог разглядеть стол, несколько шкафчиков, и через секунду различил — поначалу совсем слабо — звук стекающей воды. Ему сразу же захотелось повернуться и бежать отсюда прочь, забыв и про ключи, и про ожидающую его дома сцену...

Звук воды затих, зато тут же послышалисьдвигающиеся в направлении холла шаги. Из-за двери показалось чье-то маленькое лицо.

На короткое, сковавшее все внутренности парализующим страхом мгновение ему показалось, что он вот-вот надует в штаны. Затем, когда миновал этот первый страх, а в сознании все еще трепыхались отголоски только что пережитого ужаса, он понял, что видит перед собой маленькую девочку.

Они долго стояли так и смотрели друг на друга. Каштан ждал, что сейчас она позовет старуху, однако девочка не стала этого делать, а просто стояла, пока наконец не спросила:

— Ты что, новенький?

— А?

— Что это у тебя с глазом?

У нее были темные волосы и очень даже хорошенькое лицо.

— С ястребом однажды сцепился, — ответил он. Это была его обычная версия случившегося, которой он хотел произвести на окружающих должное впечатление. — Пришлось свернуть ему шею.

— О! — Она держала в руке стакан с водой. Сделав небольшой глоток, девочка вылила остальную воду прямо на пол. — Я слышала, как ты ходишь, и поначалу подумала, что это Билли или Пол. Но я тебя не знаю.

— Я только что сюда пробрался.

— Значит, ты не с ней пришел?

— Я пришел с Максом.

— Макс Палмер? — спросила она.

— У-у, Макс Свонсон.

— Я и его не знаю.

— Я... вообще-то мне не полагалось бы быть здесь, — промямлил он. — Просто обронил материны ключи, понимаешь. Кажется, они упали в ваш подвал.

Девочка явно смутилась.

— Это все была идея Макса, — продолжал он. — Если бы он сам смог пролезть в окно, меня бы здесь вообще не было... Ты не покажешь мне, где у вас подвал?

— А ты не знаешь?

— Нет.

— О Бог мой...

Сверху донесся смех.

По лестнице с шумом спускались четверо мальчиков: трое скакали, сидя на подушках, а один съезжал по перилам. Спустившись вниз, они принялись колотить друг друга подушками.

Затем, увидев Каштана, резко остановились.

— Что это у тебя с глазом?

— Ястреб, — ответила за него девочка.

Посыпались новые вопросы, во многом похожие на те, которые задавала ему девочка.

Один из мальчиков взял мелок и принялся что-то рисовать им на стене. Каштан стоял и смотрел. Мелок вывел крупное лицо с длинным носом, прищуренными глазами в очках — это была та самая старуха.

— А тебе не попадет за это? — поинтересовался Каштан.

У нарисованного лица были толстые губы и длинный язык — последний далеко

высовывался изо рта, подхватывая на лету сочившиеся из носа капли.

— А что она нам сделает? — спросил художник.

— Тебе надо подняться наверх, — сказал другой мальчик. — Она все еще в постели. Умирает, похоже.

— Это ваша бабушка? — спросил Каштан.

— Не-а, — ответил третий. — Хотя ей хотелось бы. Старая кошелка. А ты и правда через окно залез?

— Ага.

— Ну, тогда тебе обязательно надо подняться к ней. Клянусь, вот уж страху-то на нее напустишь. Знаешь что, ты подойди к ней поближе и выкати этот свой глаз. Ты им видишь?

— Нет.

— Ну, тогда просто сделай вид. Она за весь день так пока ни разу как следует и не завопила.

Каштан посмотрел в сторону лестницы.

— Ну, иди.

Сверху снова послышался чей-то смех. Мальчиков и девочек.

— Сначала мне ключ надо найти.

— Я поищу его за тебя, — сказала девочка. — А ты поднимайся.

— А она не взбесится? — спросил он. — Я же все-таки без спроса вломился...

— В этом-то вся и затея, — проговорил мальчик с мелком, — заставить ее взбеситься. Старая перечница.

Каштан снова посмотрел на лестницу. Мальчики встали позади него и принялись толкать в спину, и прежде, чем он успел осознать это, Каштан пошел вверх по ступенькам.

Лестница была узкая, и там царил тот же затхлый запах, который он почувствовал, едва оказавшись в этом доме. Он щелкнул еще одним выключателем и только сейчас заметил, что все стены лестничного пролета испещрены аналогичными, сделанными мелком рисунками. Миновав их, он оказался на площадке второго этажа — как раз в тот момент, когда из двери в конце холла показалась еще одна группа детей. Они пробежали мимо него, ухватились за перила, издав при этом звук тормозящих автомобильных колес, и заглянули вниз. Один из мальчиков посмотрел на него и остановился.

— Ну, на сей раз мы ее достали. Вот было здорово!

Через пару секунд все исчезли, кубарем скатились на первый этаж, после чего закричали, завопили, засмеялись.

Каштан глянул на открытую дверь холла и повернул очередной настенный выключатель. На стене рядом с дверью было крупно написано черным мелком:

ЖИЛИЩЕ ПЕЩЕРНОЙ СВИНЬИ.

Он двинулся в том направлении, чуть прислонил руку к двери и заглянул внутрь. На кровати лежала миссис Хафбугер — старая и явно больная. На груди и животе у нее громоздилась куча грязной земли, рассыпанная по всей постели. Да, они и в самом деле ее «достали», даже очень.

Мягко ступая, он прошел в комнату, пошел вдоль кровати. При ближайшем рассмотрении женщина казалась даже еще более старой, чем всегда, и чем-то походила на скелет. Ему показалось, что под одеялами, под всей этой грязью вообще нет никакого тела. Наконец старуха открыла глаза и посмотрела на него. Он же неотрывно пялился на кучу земли, совершенно не подозревая о том, что она наблюдает за ним, пока не услышал ее шепот:

— Который же ты будешь?

Он прямо даже подпрыгнул на месте.

— Я тебя, кажется, сюда не приводила, — проговорила женщина.

— Нет, — покачал головой мальчик. Он смотрел на нее, не решаясь продолжить фразу, и видел, что иссохшая сероватая кожа плотно обтянула ее подбородок и щеки — лицевые кости, казалось, готовы были в любой момент прорвать тонкую оболочку и проступить

наружу.

— Они завалили вас землей, — наконец проговорил он.

Старуха опустила взгляд, поморщилась, как если бы впервые заметила темную кучу у себя на груди. Голова ее задрожала и снова откинулась на подушку, почти не смяв ее под собой.

— Это из подвала, — проговорила она. — Знаешь, они черт-те знает во что превратили мой подвал. — Потом глубоко вздохнула или попыталась было сделать это. Лицо ее исказила гримаса, обнажив пустую впадину рта и темные десны. — Они постоянно обижают меня. Я к ним — со всей любовью, а они обижают меня.

— Вы их тетя или еще кто-то?

— Нет, просто я привезла их сюда. Все, чего я хотела... все, чего я... все, что... Как тебя зовут?

— Шон.

— Прекрасное имя... прекрасное... прекрасное... Знаешь, я покупала им всякие вещи. Ездил и покупала всякие вещи. Привозила все это домой, заворачивала в подарочную бумагу... повсюду ездила... как увижу где-нибудь одинокого мальчика или девочку, которые играют сами с собой, обязательно заговорю с ним или с ней. Я ведь прекрасно знаю, что такое одиночество. Все знаю. Я говорила им, что у меня есть для них подарки, и они садились... ко мне в машину. А потом мы разворачивали мои покупки, пели песни и уезжали... Разве кто-нибудь заподозрит старуху? Так я с ними и уходила... Уезжала... и никто не мог заподозрить, что... что... Как, ты сказал, тебя зовут?

— Шон.

— Да, правильно. Но это не я тебя привезла сюда, так ведь?

— Я сам пролез — через окно.

— Надо будет и тебе что-нибудь купить, Шон. Когда я поправлюсь, мы вместе отправимся в «Кидди Март» и купим тебе... купим тебе... что хочешь... все, что тебе захочется. Сначала все завернем в красивую бумагу — чтобы ты мог потом развернуть... как подарок на рождество или ко дню рождения... Когда я поправлюсь. Когда голова перестанет болеть. О, как же у меня болит голова. Словно бараны сталкиваются своими рогами...

— Ничего мне не надо покупать.

Она устремила на него совершенно безумный взгляд — лицо исказила судорога, тонкие губы скривились.

— Я была так добра к ним, а они вон что сделали. Говорят, что не хотят здесь больше оставаться, и я должна... разрешить им... и вот, что я получила взамен. Ты должен побывать в моем подвале. О, мой... Я так старалась, а взамен получила...

— Очистить вас от этой грязи?

— Грязи?

— Они завалили вашу постель землей. Вы что, забыли?

Она снова посмотрела на него.

— Ну надо же. А я думала, что это было вчера... или... Ну конечно, когда у тебя так болит голова, может что угодно случиться. Да, да, стряхни с меня все это.

Он чуть изогнулся над кроватью и принялся смахивать комья глины на пол. Земля стала гулко ударяться о деревянные доски.

— А ты совсем другой, так ведь? — спросила она. — Я не заставлю тебя оставаться здесь.

— Оставаться?

— У меня. Как в семье.

— Что, и домой не вернуться?

— Это стало бы твоим домом.

В ее взгляде появилось что-то страшное — что-то такое, что Каштану очень не понравилось.

— Я бы мог приходить к вам в гости, — сказал мальчик. — А сейчас мне надо уходить,

и...

— Нет! — Ее голова оторвалась от подушки, желтые глаза жутко закатились — прямо как у Старого Крикуна перед тем, как они пристрелили его.

Внезапно он вспомнил про ключ и троих друзей, ожидающих его снаружи.

— Мне надо идти.

Он повернулся и побежал по лестнице вниз, затем остановился и посмотрел, не преследует ли она его. Нет, все в порядке. Голова старухи снова откинулась на подушку, веки сомкнулись. Но сейчас ему было уже страшно. Все-таки чокнутая она была, это точно.

Он побежал дальше по лестнице, высматривая тех ребят, ту девочку, которая обещала ему найти ключ. Но в холле их не было. И в кухне тоже.

— Эй! — крикнул он.

Ответа не последовало — слышно было только эхо его собственного голоса в пустом доме.

Рядом с камином виднелась распахнутая дверь, за которой начиналась уходящая вниз лестница. Значит, они спустились в подвал. Он просунул руку за дверь и стал нащупывать выключатель, но на стене его не оказалось. Он огляделся. Прямо у него над головой от одинокой голой лампочки свисал грязный шнурок. Он потянул его — стало светлее. Внизу, у самого основания лестницы, с потолка свисал точно такой же шнур — еще одна лампа без абажура.

Он стал спускаться.

— Эй, ребята! Вы там? Что вы делаете в такой темноте? — Он дернул второй шнурок. Снова вспыхнул свет и поначалу ему показалось, что подвал совершенно пуст.

А потом он увидел их. Они расположились в один ряд — десять маленьких бугорков, чуть возвышающихся над полом подвала.

И на одном из них лежал его ключ.

Чувствуя, как у него кружится голова, он двинулся дальше. «Ты должен побывать в моем подвале... Я была так добра к ним, а они вон что сделали...»

Он опустился на землю, на свои заляпанные травой колени. Что же эта безумная старуха?..

Руки его потянулись к ключу, скользнули мимо него, уткнулись в мягкую кучу земли. «Говорят, что не хотят здесь больше оставаться, и я должна...»

И тогда он увидел...

В то же мгновение он снова вскочил на ноги, спотыкаясь, бросился вверх по лестнице, побежал через холл. На стенах не было никаких рисунков. И детей никаких не было.

Дергаясь из стороны в сторону, он опрометью вбежал в темную гостиную. На небе уже появилась луна, которая слабо просвечивала между деревьями, заглядывала в окно.

Подпрыгнув и помогая себе руками, мальчик выбрался наружу и побежал. Его терзал страх. Он думал о той старухе. О том, как она спускается по лестнице. Как хватает его, пока он пытается пролезть в окно, удерживает его своими холодными, мертвыми пальцами, тащит назад, волочит в подвал. «О, Боженька, помоги мне — это Каштан с тобой разговаривает. Помоги мне выбраться отсюда, и я стану... кем только захочешь... только помоги мне убраться отсюда!»

Он уже преодолел половину пути — все так же спотыкаясь, чуть не падая, через что-то продираясь, отталкиваясь, подтягиваясь и моля Бога только об одном — чтобы его не поймали. Однажды он все же упал, всем телом распластался на траве. Жесткая земля словно бросилась ему навстречу. Ударившись о нее, он покатился в сторону, теряя ориентацию, но все же цепляясь за землю; наконец снова вскочил на ноги и побежал вниз по склону холма.

Вода в ручье была холодная, но он кинулся в самую глубокую его часть, забыв про устилавшие дно камни.

Они его не дождались. Ни один не дождался. Даже Макс — тот самый воображала Макс, который якобы вообще ничего на свете не боялся. Все ушли домой. А может, они просто спрятались где-то там поблизости, притаились, ожидая, когда он выберется через

окно, чтобы схватить его? Может, они все еще там, ждут и гадают, что же случилось...

Впрочем, это уже не имело никакого значения. Вообще ничего не имело значения. Только бежать — куда угодно, лишь бы подальше от того дома.

Он пробежал мимо деревянной «крепости» Лэнни, затем бросился вниз по холму в сторону шоссе, а потом понесся через поле к дому. У него разболелся живот, саднило грудь. Одежда вымокла в ручье, руки покрылись ссадинами от падений в том доме.

Но он не останавливался. Он продолжал видеть перед собой то маленькое лицо в неглубокой могиле. Маленькие глаза, которые так и остались открытыми. Маленький нос. Темные волосы. Теперь, пролежав столько времени в земле, она уже не казалась такой хорошенькой...

Наконец он оказался на своей улице, свернул за угол, перелез через стену. Дом. Дверь. Он всем телом шмякнулся о деревянную панель, забыв про ключ, колотя ее руками, пиная...

Внутри работал телевизор. Смех. Передача для всей семьи. Счастливые люди. Счастливый конец.

Мать подошла к двери.

— Ну что, Шон, опять взялся за старое? Уже десятый час. Ты что, не знаешь, что по улицам бродит полно сумасшедших!..

Но он уже не слышал ее. Перед глазами продолжала стоять лишь маленькая девочка, вззирающая на него из своей глинистой могилы. А в ушах звучал лишь его собственный истошный вопль.

9. Танит Ли Юстас

С Юстасом мы дружим давно. В сущности, он мой единственный друг. Правда, он почти лысый — если не считать волос, которые растут у него между пальцами; и говорит он глухим, немного рыкающим голосом, а при ходьбе иногда неожиданно заваливается на спину.

Но я не обращаю на это внимания, поскольку он единственный, кто старается не замечать, что у меня три ноги.

10. Эвелин Э. Смит Тераграм

Странная, необъяснимая тишина установилась в классной комнате. Было уже далеко за полдень, но ученики не шумели. Вместо того чтобы рваться на свободу знойных улиц, они сидели, будто впад в глубокую летаргию. Она добралась даже до учительницы, которая беспрерывно дергала своей птичьей головой с черными завитушками, пытаясь прогнать истому механическим действием и с раздражением чувствуя себя мученицей во имя долга.

Тишина была сверхъестественная, она прерывалась лишь монотонной декламацией ученика и резкими замечаниями учительницы. Даже шепот не нарушал эту тишину. У учеников не было ни сил, ни желания делиться друг с другом секретами. Где-то вдалеке звякнули колокольчики на тележке мороженщика и задумчиво зажужжала машина для стрижки газонов.

Маргарет нежилась у открытого окна, с упоением подставляя под золотые лучи обнаженные руки и ноги. Она наклонила голову, чтобы ласковое солнце прикоснулось к ее затылку, где коротко стриженные рыжеватые волосы доходили до воротничка.

Острое наслаждение разлилось по ее венам, ритмически отдаваясь в крови, переполнявшей каждую клеточку тела. Тщательно выводя буквы, она писала в тетради: «Маргарет. Маргарет. Маргарет».

Это занятие моментально наскучило ей, хотя раньше никогда не надоедало, и она написала в обратном порядке: «Тераграм. Тераграм. Тераграм».

Затем она принялась рисовать — но не картинки, а маленькие бессмысленные значки, которые, как смутно она ощущала, имели какое-то значение, но чего-то ей еще чуть-чуть не хватало, чтобы его понять. Когда-нибудь, набравшись знаний, она поймет. А сейчас она была слишком молода. У нее еще было время.

Все время мира.

Один значок она рисовала с особым удовольствием — пятиконечную звезду. Рисовать ее нужно было, не отрывая ручку от бумаги. Она нарисовала несколько звезд таким образом и удовлетворенно вздохнула.

Большая радужная муха, привлеченная густым запахом чернил, с любопытством жужжала над партой, отливая сине-зеленым и золотым блеском. Она отогнала ее.

«Я Маргарет, — мысленно произнесла она, вздрогнув от тайного осознания собственной личности.

— Вчера я не была Маргарет, — по крайней мере, такой Маргарет. А завтра, кто знает, какой я буду завтра?»

Она восхищенно посмотрела на белую кожу своих рук. Когда-то она расстраивалась из-за того, что загар к ней не пристает. Ее кожа всегда оставалась молочно-белой, почти сказочно-белой, сколько бы времени она ни проводила под солнцем. Теперь она понимала, что ее белизна была не просто красивой, — она была правильной. Именно такой она и должна быть.

Сейчас ей казалось, будто платье плотнее облегает грудь и будто что-то глубоко внутри шептало: перемена произойдет внезапно, как куколка превращается в бабочку, — и сразу, а не постепенно, как у людей.

И снова она написала «Маргарет», а затем — «Тераграм». А потом, немного подумав, она добавила: «Тринадцать»... и восхитительную пятиконечную звезду, концы которой соединялись линиями через центр.

— Маргарет!

Этот голос не был вкрадчивым шепотом ее мыслей. Он донесся извне и был жестким, властным и бесцеремонным.

— Маргарет! — повторила учительница, повысив голос. — Ты будешь, наконец, меня слушать?

Маргарет подняла глаза — большие, зеленые, мерцавшие изнутри, — и уставилась на учительницу.

— Простите, — сказала она, и голос ее был густым и мягким, как топлёные сливки. Но искреннего раскаяния в нем не было.

В ответ голос учительницы стал еще жестче:

— Мы говорили о Жанне д'Арк, Маргарет. Я спросила, что ты можешь нам рассказать о ней.

Маргарет ответила, угрюмо, делая промежутки между словами, будто извлечение их было для нее тяжким и противным занятием:

— Она была ведьмой, — сказала она. — И англичане ее сожгли.

Она опустила голову, чтобы теплый луч снова упал ей на шею, и прикрыла глаза, приготовясь к возврату блаженства и восторга.

Тонкие губы учительницы скривились:

— Они говорили, что она была ведьмой. Но, конечно, она не была настоящей ведьмой. А, Маргарет? Не так ли? Отвечай!

Маргарет подняла голову. Солнечный свет придал ее волосам на макушке медный оттенок и отразился в ее глазах в виде танцующих огоньков. Она посмотрела на учительницу сквозь прикрытые веки.

— Конечно, она не была настоящей ведьмой, — сказала она, — иначе они бы не смогли ее сжечь!

Ученики шевельнулись, почувствовав возможность развлечься.

— Маргарет! — Учительница угрожающе постучала по столу карандашом, хотя

действительной причины для этого не было. — Что за ерунду ты несешь?

— Хотя... нет. — Еще медленней, будто губы и язык принадлежали ей, а слова были чужими, она сказала: — Я ошиблась. Ведьма продолжает жить, но тело ее может быть сожжено! Так что, — великодушно заключила Маргарет, — Жанна была, наверное, настоящей ведьмой. Но не очень хорошей.

Ученики сонно хихикнули.

— Маргарет! — Голос учительницы задрожал. Нижняя часть лица тоже задрожала — там, где кожа была дряблой, несмотря на ее худобу. Зрелище было не из приятных, и Маргарет закрыла глаза, чтобы от него избавиться.

— Ведьм нет и быть не может! — неистово запротестовала учительница. — Жанна д'Арк была святой.

— Моя прапрапра-... не знаю, какая пра-, но очень дальняя бабушка была ведьмой, — пробормотала Маргарет, приоткрыв глаза. — Англичане сожгли ее, хотя она тоже была англичанкой. Но она не была святой, — уголки ее полных розовых губ вздрагнули, — и в самом деле, святой ее никто не назвал бы!

Учительница побагровела от возмущения:

— Я должна поговорить с твоей матерью, которая забивает тебе голову всяким вздором! — скрипуче произнесла она. — Родители не понимают...

Неожиданным резким жестом Маргарет отогнала блестящую муху, которая яростно кружилась над ее головой.

— И она тоже не умерла! — со злостью заявила она. — Вы можете сжечь ведьму. Вы можете сказать, что ее нет. Но никто не может лишить ее жизни. Она живет вечно, и никогда вам и таким, как вы, не удастся ее уничтожить!

— Довольно, Маргарет! — взвилась учительница. И, понизив голос, но не так, чтобы ее совсем не было слышно, добавила:

— Какая наглость! Невыносимый ребенок! Мне действительно придется поговорить с ее матерью в ближайшее время.

Маргарет снова окунулась в свое блаженство. Теплый свет омывал ее молодое тело, пот тонкими ручейками струился по ее вискам и слегка пощипывал глаза. «Маргарет» — механически написала она. — Тераграм. Тринадцать. И нарисовала несколько чудесных звезд и другие фигуры.

О, как замечательно быть Маргарет, быть тринадцатилетней! Почему это было так особенно хорошо, она не могла сказать. Возможно, все в тринадцать лет чувствуют себя так...

Но вот что она знала наверняка: мама никогда не рассказывала ей о той, далекой Маргарет. Очень, очень давно это было — два, три, четыре, пять столетий назад. Слишком много времени прошло. Мама рассказывала ей о легенде, по которой одна из ее далеких прародительниц была ведьмой, но это было все...

Как же она узнала? И почему ей хотелось убить учительницу, когда та сказала, что Жанна д'Арк была святой?

Какое это имеет значение?

Солнечные лучи становились горячей, горячей, почти огненно горячими. Она попыталась отклониться, но почувствовала, будто связана по рукам и ногам.

Связана...

Жар от костра становился нестерпимо жгучим. Хворост у ее ног уже весь занялся пламенем, и скоро его языки коснутся прекрасной белой кожи, которой она так гордилась. Они сожгут все ее прекрасное тело. Будет ли у нее еще когда-нибудь такое гладкое и обольстительное тело? Вся эта белизна обуглится и превратится в черную сажу. Как жаль!

Но не было никого, кто пожалел бы Маргарет Брентлей, кроме нее самой, и не было бога, которому она могла бы помолиться. Ее боги уже не могли спасти ее, и только легкий ветерок обдувал ее лицо.

Это было странно: ветер охлаждал ее щеки и лоб, а она горела. Она чувствовала жар приближающегося пламени, но внутри все было холодным, как лед. Сквозь едкий удушливый дым она еще почувствует запахи грязи, пота, навоза и духов, которыми был пропитан двор, — привычные запахи, которые она больше никогда не вдыхала на этой земле в таком сочетании.

Она попыталась отвернуть лицо в сторону, но была так крепко связана, что не могла двигать даже головой. Веревки глубоко впились в ее плоть, но ей уже так недолго оставалось быть нежной и белой, что красные полосы теперь не имели никакого значения.

Один из лучников рассмеялся, когда она закашлялась. Другие принялись ходить вокруг костра, сверкая в отблесках пламени белыми зубами и стрелами, торчащими из-за поясов. Не каждый день они могли насладиться зрелищем казни молодой и красивой ведьмы, чье тело было так откровенно обнажено и так трепетало, медленно поджариваясь.

Все, кто глазел на нее, знали, что крики сжигаемой ведьмы — это небесная музыка, приятная слуху богослушного народа.

Но она не будет кричать. Будь она проклята, если доставит им такое удовольствие! Собственное проклятие заставило ее засмеяться.

За лучниками на своем черном жеребце неподвижно сидел Джон Элейн, с лицом таким же суровым, как у одной из статуй в соборе, построенном на деньги его отца. Темный плащ с капюшоном, в который он был укутан, скрывал волосы цвета вороньего крыла, так обожаемые им самим, и в скачущем свете костра его точеное лицо казалось лицом старика.

Однако ему было только двадцать один — на пять лет больше, чем ей.

Говорят, если ведьма по-настоящему полюбит, ее гибель неизбежна, как только остынет пыл ее любовника. Она знала об этом и знала, что это случится. Но неужели он думает, что, сжигая ее тело, он спасет свою душу? Наивный, трусливый дурак! Он ошибается, ошибается — его душа уже осуждена на вечные муки!

Она открыла обгаренный пламенем рот и захохотала так дерзко и презрительно, что даже лучники отшатнулись. Некоторые перекрестились, и ей показалось, что Элейн переменился на мгновение в лице и что-то заблестело в его ясных серых глазах. Но это могла быть всего лишь игра света.

— Что ты смеешься, ведьма? — спросил стоявший вблизи лучник, мужчина, который часто качал ее на коленях, когда она была маленькой, а теперь делал вид, будто незнаком с ней... — Ты смеешься над огнем, который сейчас навсегда уничтожит тебя?

— Неужели ты думаешь, что этот жалкий огонек может сжечь ведьму? — воскликнула она, и глаза ее засверкали от ярости.

— Огонь всегда убивал ведьм, — мрачно сказал он. — И тебя он тоже убьет.

— Тело — да. Но остальное — никогда! Берегитесь! Ты, Дженкин, и ты, и ты! Берегитесь вы и ваши жены, и ваши дети, и скот свой берегите, потому что на вас мое проклятие, отныне и навеки!

Лучник в ужасе отпрянул, его щеки мертвенно побледнели.

— Клянусь, мой господин, — сказал он Элейну, — нет человека, более преданного Церкви, чем я. Но я очень люблю свою добрую жену и своих маленьких детей и я не могу...

— Не обращай на ведьму внимания, — сказал вельможа все с той же невозмутимостью.

Но когда-то он любил ее. Он сам этого пожелал. Он засыпал в ее объятиях, а в первую ночь она была еще девушкой, и он был единственным мужчиной, который прикоснулся к ней. Да что там! — единственным существом, которое когда-либо к ней прикасалось, что бы люди ни говорили. Но они настроили его против нее, и он предал ее, и она знала, что это случится. Беря сегодня от жизни ее маленькие радости, ведьма прекрасно знает, что готовит ей будущее, — и это одно из ее наказаний.

Он предал ее, чтобы спасти собственную шкуру; он отвернулся от нее, боясь обвинений и костра. А из окна башни, издеваясь над ее мучениями и отчаянием, смотрела чернушка Элисон, уродливая племянница аббата, с которой Элейн должен обвенчаться в Уитсантайде. Обвенчаться на веки вечные.

Но пусть женитьба окажется для Элейна страшнее костра, которого он избежал. Пожелай другой мужчина благородного происхождения жениться на этой похотливой черномазой жабе, ничем не удалось бы Элейну откреститься, и горел бы он сейчас рядом с нею. Аббат знает, как лучше распорядиться золотом и обширными землями, которые отходят к Церкви.

— Не обращай на ведьму внимания! — повторил Элейн. — Когда ведьма горит, она умирает, и душу ее ждут вечные муки. — Он перекрестился. — Так говорит Церковь.

— Ведьма никогда не умирает! — воскликнула Маргарет. Ее голос был тверд, несмотря на адскую боль от лизнувшего ее кожу огня. — Я буду жить снова и снова. Ты знаешь, у меня есть дочь — в ней течет твоя кровь. Ее спрятали, и ты никогда ее не найдешь, не пытайся. Она будет ведьмой. Да, и каждая вторая из ее дочерей будет ведьмой через каждое следующее поколение и, становясь женщиной, она будет принимать мой облик. Мое ремесло я передам по наследству избранным, самым способным, и моя душа пройдет через века, становясь сильнее с каждым разом... Ты произвел на свет целый выводок ведьм, мой повелитель. Ты доволен?

Молодой человек с лицом старика не ответил. Его губы шевельнулись лишь для того, чтобы приказать: «Подбросьте хвороста в огонь».

Пламя поднялось высоко, вызывая жгучую, стремительную агонию в ее теле, которое было, к несчастью, человеческим. Огонь... жжет... больно...

Маргарет вскрикнула.

— Маргарет! — Учительница испуганно поднялась со стула. — Что случилось, девочка?

Маргарет протерла глаза и сонно посмотрела на нее:

— Ничего. Извините. Здесь так печет, и... и у меня закружилась голова.

Класс засмеялся, будто давно этого ждал.

Учительница опустила на стул.

— Неудивительно! Нужно было хорошо подумать, прежде чем садиться на солнцепеке. Ты могла получить солнечный удар. Кто-нибудь из мальчиков, опустите штору.

Один из учеников поднялся.

Теперь Маргарет оказалась в тени. Но тень была теплой и мягкой, и лицо, накрытое ею, было лицом Маргарет. Она была Маргарет и еще кем-то. Она поняла это вместе с тем первым ощущением, странным, новым и почти пугающим. Но сейчас оно уже не пугало. Теперь она знала, что будет ведьмой, когда станет женщиной. Но — когда она станет женщиной?

Маргарет Брентлей умерла в шестнадцать, когда уже была матерью. В то время девочки рано становились женщинами. Наверное, та Маргарет решила, что тринадцать лет — это возраст взрослой женщины.

Новая Маргарет с наслаждением разглядывала свои гибкие руки и длинные, молочно-белые пальцы, которые выводили «Маргарет. Маргарет. Тераграм. Тераграм...» и продолжали рисовать звезды и другие знаки, менее доступные для ее ума, но — как теперь она понимала — не простые закорючки.

«Как будто они не мои, — думала она, любуясь своими изящными пальцами. — Но я могу управлять ими. Я могу управлять... управлять...»

Неугомонная синегрбая муха снова закружилась у ее лица, самозабвенно жужжа.

«Чтоб ты! — воскликнула Маргарет, но беззвучно, мысленно — так как, хотя уже и не боялась учительницы, но все же не была совсем уверена. — Чтоб ты сдохла!»

Муха упала на парту и мгновенно замерла. Она проткнула ее своим пером. Насекомое было совершенно мертвым.

Мертвым. Она была ведьмой. Настоящей ведьмой! У нее была сила и власть. Она раскинула свои гибкие руки, чтобы охватить в воздухе почти осязаемый восторг.

— Маргарет! — раздался голос учительницы — резкий, враждебный. — Маргарет, ты

опять меня не слушаешь!

Голос был гадким, учительница была гадкой — и старой. Ни то, ни другое не имело право на существование. Маргарет любит все только красивое. И молодое.

Широко раскрыв свои зеленые глаза с тяжелыми веками, Маргарет направила на учительницу немигающий взгляд...

11. Алекс Хэмилтон

Поднять зайца

Энергичными движениями Бэмбраф принялся заводить будильник. В глубине души он не исключал, что в назначенный час Кроучер и Тилли могут вдруг заартачиться. В последний раз, когда кто-то попытался было сбежать из интерната, ему устроили экзекуцию — собачьим поводком высекли (даже в комнате старшей экономки было слышно), и целый месяц не отпускали в город.

Сам Бэмбраф никуда убегать не собирался — на следующий день ему предстояло выступать третьим номером против «Кольтов» из начальной школы Уиггета, а кроме того, после этого семестра он и сам должен был перейти в школу Уиггета, правда, уже среднюю, так что для него во всей этой затее не было никакого смысла. Зато Кроучеру и Тилли предстояло еще два года проторчать в «подготовилке», прежде чем их куда-нибудь переведут. Про себя они решили, что Бэмбраф поступил как настоящий товарищ, решив связаться в это дело, хотя мог и уклониться, поскольку если вскроется, что он им помогал, то ему тоже несдобровать.

Будильник принадлежал Морби — его ему дала мать. Мальчик предпочитал никому не давать часы, поскольку мать не разрешала этою делать, а кроме того, он и сам не исключал такую возможность, что часы могут отобрать, если потом дознаются, какую роль он сыграл во всей этой истории с побегом.

— Не веди себя, как щенок в яслях, — сказал ему Бэмбраф. — Ты же им даже никогда не пользуешься.

— Я по нему время узнаю, — ответил Морби.

— Время можно узнать по любым часам. Или, когда понадобится, можешь у меня спрашивать, сколько сейчас времени.

— Но ты ведь не знаешь, как им пользоваться, — продолжал канючить Морби. — Там есть такая специальная ручка, а ты не знаешь, как ее заводить...

— Ну так покажи, если знаешь. Но если что-то не так скажешь, ух потом достанется тебе!

Несколько голосов в палате также заверили Морби, что ему «ух как достанется», если он вообще каким-нибудь образом сорвет намечающееся мероприятие. Кроучер и Тилли сидели на краешках своих кроватей и с робким видом слушали, как Перро и Диксон восторгались их решением бежать из школы.

Неожиданно в палату вошел мистер Хэрборд — ему надо было выключить свет — и увидел Морби, все так же стоявшего рядом с постелью Бэмбрафа с будильником в руках.

— А ну, все по постелям, — скомандовал мистер Хэрборд. — Морби, что ты там торчишь босиком и без ночной рубашки?

Морби с виноватым видом отвернулся, а Бэмбраф протянул руку и выхватил у него часы.

— Это я виноват, сэр. Попросил его вернуть мне мой будильник.

Вся палата пришла в восторг от смелости и находчивости Бэмбрафа.

— Раньше надо было о таких вещах думать, — бросил мистер Хэрборд, — а не когда время свет гасить. И тебя, Морби, это никак не оправдывает. Я тебе уже говорил насчет того, чтобы ты в полуголом виде не бегал по палате. Ты только посмотри на себя — штаны болтаются, пуговицы на пижаме расстегнуты. А ну, парень, приведи себя в порядок и марш в постель. Если еще раз в подобном виде застану тебя, получишь такой урок, который надолго

тебе запомнится!

Морби уступил часы и побежал назад к своей постели. В тот момент он твердо решил присоединиться к Тилли и Кроучеру, когда те соберутся удирать.

— Ну что ты так на кровать-то плюхаешься, пружины же все растянешь! О Бог мой! — воскликнул мистер Хэрборд. — Так, все улеглись?

— Сэр, я еще зубы не почистил, — проговорил Джонсон, который вообще не отличался крепким здоровьем.

Мистер Хэрборд задержал руку у выключателя и посмотрел на часы.

— Ну так давай поживее! Слушай, Джонсон, почему у тебя всегда что-нибудь не так, а?!

— Сэр, он уже чистил зубы, чистил! — раздалось несколько голосов. Всем хотелось, чтобы мистер Джонсон поскорее ушел, и тогда они могли бы продолжить обсуждение задуманного Кроучером и Тилли плана.

— А, значит опять старые шутки вздумал шутить? — ощерился мистер Хэрборд.

— Так можно мне выйти? — спросил Джонсон.

— Можно мне выйти — что? — переспросил мистер Хэрборд, явно намекая на приставку «сэр» в конце фразы.

— Можно мне выйти в туалет? — повторил Джонсон, как-то стеснительно покачивая головой.

Раздался взрыв смеха. Мистер Хэрборд покраснел.

— Да, ты можешь выйти, — проговорил он. — А потом пятьдесят раз напишешь мне фразу: «Я не должен дерзить старшим».

— О, сэр! А как по буквам будет — «дерзить»?

— Слушай-ка, Джонсон! Еще раз повторяю: ты у меня когда-нибудь дождешься!

После того как Джонсон шмыгнул мимо него в сторону туалета, откуда через несколько секунд послышался плеск воды и звуки повторной чистки зубов, мистер Хэрборд повернулся к Бэмбрафу и сердечным тоном произнес:

— Сегодня, Бэмбраф, я буду спать спокойно. Мне почему-то кажется, что завтра у тебя получится игра что надо. Правда, я слышал, что «Уиггеты» заметно укрепили фланги, особенно в тех местах, где сами собираются идти на прорыв.

— Я знаю, сэр, — отозвался Бэмбраф. — Я сегодня отточил несколько приемов, сэр. Мистер Эдамс раскусил их планы, сэр.

— Да, — кивнул мистер Хэрборд, — я тоже об этом слышал. Правда, мистер Эдамс говорил, что ты несколько раз промазал по мячу... Но ничего. Самое главное, старайся держать голову пониже — во всяком случае, я бы именно так поступил. Кстати, это ко всем относится! Все, спокойной ночи, мальчики.

— Спокойной ночи, сэр.

Свет погас. Джонсон проскользнул за спиной мистера Хэрборда. Тот шагнул к нему, взял из рук зубную щетку, тяжело вздохнул и вышел из палаты. Как только затих звук его шагов, Дэнби громко прошептал:

— Джонсон, какой же ты дуралей! Если бы ты не спросил его, как это по буквам пишется, тебя бы завтра отпустили в город. А теперь вот сиди теперь.

— А мне все равно, — отозвался Джонсон. — Если зубы не чистить, они все выпадут.

— Но ведь не сразу же, идиот ты этакий! Один раз можно и не почистить. И потом, ты же их уже чистил сегодня. Если их так часто чистить, они еще скорее выпадут.

— Теперь он от него не отстанет, — заметил Кроучер. — Меня он вообще заставил переписать две страницы по-латыни, а все-то за то, что я сорвал фуражку с головы Белла, а когда я сказал, что это нечестно, добавил, чтобы я до конца главы все переписал, а это еще целая страница.

— А мне все равно, — повторил Джонсон. — Я уже заранее целых сто раз написал это самое «Я не должен дерзить», так что пускай теперь этот сухарь бабку свою учит, как яйца варить.

— Дуралей, он же сразу заметит разницу, — вмешался Листер. — Старые чернила быстро темнеют.

— А я карандашом написал, — торжествующим тоном произнес Джонсон.

— Карандашом не разрешается! — чуть ли не хором проговорили несколько голосов.

— А по-моему, он уже со всеми вел себя, как самая грязная свинья, — тонким, почти писклявым голосом заявил Тилли, — и уж если я действительно сбегу из этой вонючей дыры, то никогда больше сюда не вернусь!

— У тебя все готово? — спросил Бэмбраф.

— Спортивные костюмы сложили в свои шкафчики — мы заранее приготовили, когда относили чистые простыни экономке. Старина Тилли попросил у нее тогда разрешение на это и она не возражала, но в самый последний момент Уилсон чуть все не испортил — ему, видите ли, тоже захотелось помочь ей. Но после того случая, когда он вырядился в ее платье, она ему не разрешила.

— Да, повезло вам, — кивнул Бэмбраф, — потому что Уилсон обязательно бы обо всем проболтался.

— Но ведь в спортивных костюмах вас не посадят в поезд, — заметил Дэнби.

— Ну да, посадят, — возразил ему Бэмбраф.

— Что-то я не видел пока, чтобы в поездах ездили в спортивной одежде, — снова усомнился Дэнби.

— То-то оно и видно, что ты вообще ничего не знаешь о таких вещах. Похоже, ни разу не ездил на специальных поездах для футбольных болельщиков, а то бы знал, что там все пассажиры сплошь в спортивных костюмах.

— Но они же не с болельщиками поедут, — не сдавался Дэнби. — Лично мне кажется, что это глупо — сбегать в спортивной одежде.

— Ну что ты об этом знаешь? — воскликнул Кроучер. — У тебя вообще кишка тонка, чтобы сбежать куда-нибудь, вот потому ты и не разбираешься. В спортивном костюме же намного легче бежать. Для того люди их и носят.

— Так, я как следует подумал обо всем этом, — встрял в разговор Морби, — и решил: я тоже с вами побегу. Не могу больше здесь оставаться. Самое противное место на земле.

— Нельзя, — заявил Верной. — Ты не скопил денег на билет.

— Мать дала мне два фунта на день рождения, — отозвался Морби, — и я их приберег.

— Деньги при тебе? — спросил Бэмбраф.

— Да, — кивнул Морби.

— Ну так дай один фунт Кроучеру, а другой — Тилли.

— Нет, — возразил мальчик, — они мои.

— Не нужны нам его деньги, — сказал Кроучер. — И сам он тоже нам не нужен.

— Это мой будильник, — заявил Морби, — почему же мне тогда нельзя с вами?

— Потому что ты не запасся спортивным костюмом, — объяснил Тилли.

— Но я ненавижу это место даже еще больше, чем вы, — пожаловался Морби.

— Ну так сам разработай свой собственный план, — заметил Тилли, — и убегай сам по себе. А это все — наша идея, и нам не нужны посторонние.

— Морби вообще всегда у всех списывает, — презрительно проговорил Бэмбраф, — а потому я предлагаю объявить ему бойкот.

— Ну, тогда и не будите меня, когда часы остановятся, — обиженно произнес Морби. — И не просите о помощи. И вообще, это мои часы.

— Ну смотри, — пригрозил Бэмбраф, — если не поможешь, обещаю, что по шее ты от меня точно получишь.

— Ну ладно, — буркнул Морби, — но только учти, что счет в завтрашней игре я буду вести, и все твои пробежки и удары тоже я буду записывать — если, конечно, вообще стану их записывать.

— Нет, это нельзя делать. Тебя за это исключат.

— Ну, это только по-твоему. И потом, если меня и исключат, это даже лучше будет —

поскорее унесу отсюда ноги. В конце концов, чтобы отсюда смыться, совсем необязательно убегать, разве не так?

— Морби, ты просто глупый. Все знают, что ты глупый, и не надо показывать это лишний раз. Ведь если тебя исключат, то тебя потом ни в одну другую школу не примут, а если пойдешь в армию, то никогда не станешь офицером, а на хорошую работу захочешь устроиться — только швейцаром и возьмут, или что-нибудь вроде этого, а то и вовсе камни будешь дробить, как каторжник какой-то, и вообще тебя отовсюду вышвырнут, потому что ты будешь никому не нужен. В общем, сам знаешь, что тебя ждет, если исключат из школы.

— У моего отца денег больше, чем у твоего, так что, скорее всего, это ты будешь просить у меня работу, а не я у тебя — это, что касается работы, — и если мой отец тебя все же куда-нибудь пристроит, то ты все равно не продвинешься высоко, разве что я замолвлю за тебя словечко, да только ты от меня этого никогда не дождешься, а потому...

— Все это меня совершенно не касается, даже если бы у твоего отца были все деньги в мире, потому что я вообще пойду служить в армию, а армия это не работа, это — армия, и если ты хочешь там продвинуться, то тебе вовсе необязательно клянчить у таких толстяков, как твой отец, потому что в армии не пристраивают, а повышают по службе, и когда меня повысят, я приду к твоему отцу и заставлю его сделать так, что весь его бизнес станет моим. А может и вообще велю обоих вас расстрелять.

— Ты не можешь этого сделать, Бэмбраф, потому что...

Дверь неожиданно распахнулась.

На пороге стоял мистер Хэрборд.

— Так, кто здесь разговаривает?

Молчание.

— Я жду.

Ответа нет.

— Это ты, Вернон?

— Нет, сэр, это не я.

— Дэнби?

— Нет, сэр.

— Подмоур, мне кажется, это я твой голос слышал?

— Нет, сэр, это не так.

— Ну так вот, если я сейчас же не лягу спать, то потом накажу всю палату. Харрис?

— Нет, сэр.

— Это я говорил, — произнес Кроучер.

— Ага, ну что ж, по крайней мере, хоть одному хватило смелости честно признаться. Так ты что, Кроучер, сам с собой разговаривал?

Молчание.

— А ты знаешь, что говорят по этому поводу? Что сами с собой разговаривают только те, у кого двух клепок в голове не хватает. Правда, мне лично кажется, что если здесь кому их и не хватает, так это какому-то шалопаю, который позволяет Кроучеру взять всю вину на себя. Не думаю, Кроучер, чтобы у тебя возникло желание снова поговорить с этим человеком, как ты полагаешь? Или считаешь, что получить всю порцию самому лучше, чем разделить ее напополам с другим, а?

— Сэр, это я разговаривал с Кроучером, — проговорил Тилли.

— А-а! — произнес мистер Хэрборд, и вся палата про себя облегченно вздохнула, смекнув, что Кроучер и Тилли поступили очень даже по-умному. Просто все знали, что старый Хэрборд любил держать ребят в напряжении и неведении относительно того, какое наказание уготовил им на следующий день, и никогда не был скор на расправу. Потому что, если бы это был старый Эдамс, то он, скорее всего, попросту погнал бы всех в умывальную, да еще бы тапочками стал кидаться. Но Тилли и Кроучера уже завтра здесь не будет, а потому все испытали еще большее возбуждение, поняв про себя, что это лишний раз подтверждает серьезность их намерений бежать из интерната.

— Ну что ж, Кроучер и Тилли, как вы отнесетесь к идее, если завтра утром, сразу после молитвы, мы немного побеседуем с вами на эту тему? Да, лучше всего сразу утром. А потом пойдете на завтрак с мыслями о том, что получили хороший заряд на весь день. Спокойной ночи!

Мистер Хэрборд закрыл дверь.

Больше никто уже не разговаривал, хотя через минуту со стороны койки Бэмбрафа раздался негромкий шум — это он заводил будильник.

Потом он принялся смазывать маслом свою бейсбольную битку, после чего поставил ее рядом с койкой, легонько погладил рукой — то ли для удачи в завтрашнем матче, то ли просто, чтобы убедиться в том, что она там стоит, — а затем повернулся на бок и быстро заснул.

Морби лежал, подложив руки под голову — он ждал, когда Бэмбраф уснет, чтобы можно было забрать назад свой будильник, — но заснул еще до того, как успел привести свой план в действие.

Джонсон же думал о том, какая участь ждет Кроучера и Тилли, когда их поймают. Интересно, высекут ли их дважды — один раз за побег, и еще раз — за то, что разговаривали после отбоя? И, если так, то за что будет первое наказание? И последуют ли они одно за другим? Правда, он отнюдь не был уверен в том, что вообще будет что-нибудь подобное. «Все это так, туфта», — предположил он. Сам он уже убежал пару раз, но ничего особенного за этим не последовало. Его даже не высекли. Зато Кроучеру доставалось на орехи, причем довольно часто, и об этом все знали. И, если верить предположениям остальных, на сей раз это будет что-то особо страшное.

Его возбуждение достигло такой степени, что он почувствовал жгучее желание исполнить «первый номер». Теперь ему действительно надо было выйти в туалет, причем отнюдь не для того, чтобы почистить зубы, но было уже поздно. И мистер Хэрборд, наверное, стоит сейчас за дверью, и ждет, когда он выйдет, чтобы шлепнуть как следует.

Он укрылся одеялом с головой и, выждав еще минуту, дал волю своему пузырю — помочился прямо в постель. Сразу же наступило долгожданное облегчение, после чего он осторожно высунул голову из-под одеяла. Потом огляделся вокруг, гадая про себя, догадался ли кто-нибудь о том, что он только что сделал.

Однако в палате стояла полная тишина. Фары проносящихся по улице машин высвечивали на потолке затейливые, сменяющие друг друга нагромождения темных и светлых полос, и он зачарованно наблюдал за их движением, покуда темнота в палате не сгустилась еще больше, и сам он тоже не начал погружаться в свою собственную, лишь ему одному принадлежащую темень. Как бы ему хотелось, чтобы будильник не потревожил его сон. Больше всего на свете он не любил, когда его будили посреди ночи. Но, если стибрить часы, чтобы этого и в самом деле не случилось, то Бэмбраф обязательно потом его поколотит, а кроме того, Кроучер и Тилли не смогут сбежать, и тогда их не высекут, хотя они того явно заслуживали — а то очень уж возгордились по поводу своей затеи. Но почему сам он даже после своих побегов не приобрел такую же популярность? Думая об этом, он машинально посасывал мятную лепешку, и так и заснул, придавив языком нерастворившуюся ее половинку к щеке.

Дэнби почти уже спал, когда внезапно почувствовал чье-то присутствие рядом со своей койкой. Он тут же высвободил руки из-под одеяла, приготовившись к самообороне, однако уже через секунду понял, что кто бы это ни был, пришел он не к нему, а к Кроучеру, который лежал на соседней койке. И тут же услышал шепот Тилли:

— Кроуч, а Кроуч! Ты спишь?

— А? Что? — спросил Кроучер.

— Не могу никак заснуть.

— А надо бы.

— Не могу и все.

— А ты сделай вид, что тебе не надо спать. Это лучше всего помогает.

— А... все равно знаю, что надо.

— Ну, подумай тогда о том, что возвращаешься домой. Как там сейчас твоя семья, ну и все такое.

— Я знаю. Это меня и пугает. Я ведь не написал им ничего.

— Я тоже не написал. А какой смысл писать. Они читают твои письма в надежде, что ты напишешь что-нибудь о школе.

— Но я не знаю, что скажет отец.

— Ну, это-то я знаю. Меня отец поколотит. Ну и ладно. По крайней мере, это уж точно, что обратно сюда он меня не отправит. В общем-то, отец у меня неплохой старик.

— Зато у моего никогда точно не знаешь, о чем он думает. Чудной немного в том, что касается денег. И если ему втемяшится, что он угрожал на меня столько денег, чтобы я учился здесь, и вдруг выяснится, что я не отработал все до последнего пенса, тогда он может просто взбеситься. Нет, честно, может даже до смерти прибить.

— Но все равно, Тилли, тебе нельзя оставаться. Ты же обещал.

— Да ты что. Я рад, что убегаю. А в общем-то, что и говорить, я это делаю в основном ради тебя.

— Хватит болтать-то, — смущенно проговорил Кроучер. — С тобой здесь обращаются даже еще хуже, чем со мной. Ты замечал, что Насос тебе всегда самую плохую работу подсовывает? Да он тебя просто ненавидит.

— Я тоже его ненавижу, так что мы квиты.

— Интересно, Тилли, а как бы так сделать, чтобы в другой школе мы тоже оказались вместе, а?

— Боюсь, из этого ничего не выйдет. А давай попросим об этом своих — ты своего отца, а я — своего.

— Обещаю.

— Знаешь, Кроуч, ты мне еще больше нравишься теперь. Ну ладно, пойду лягу.

— Давай. Только фонарь не забудь.

— Не забуду. Я его веревкой к поясу привязал. А ты сэндвичи не забыл?

— Нет. Два с повидлом и два с тушенкой.

— А вдруг нам не продадут билеты?

— С чего это, если у тебя есть деньги? Ну, а если даже так, сделаем вид, что просто осматриваем электровоз, а в самый последний момент заскочим внутрь.

— Как бы мне хотелось, Кроуч, чтобы все это поскорее кончилось.

— Если сейчас заснешь, время пройдет гораздо быстрее.

— Я изо всех сил стараюсь сосредоточиться на своей собаке, что осталась дома, и готов поспорить, что уже через минуту буду спать как убитый.

— Ну и молодец. Давай лапу.

— Держи.

Кроучер и Тилли пожали друг другу руки, и Тилли стал на ощупь пробираться к своей койке. Присел на край ее и стал шарить по карманам, проверяя, не забыл ли чего. Он сказал себе, что бы ни случилось, Кроучера он не подведет. Потом подумал о том, как им все же повезло, что они оказались именно в интернате «Сэйнсбэри», где все были на их стороне. В «Рэттрее» из подобной затеи у них бы ничего не вышло — там слишком много ябед и прочих вонючек. А кроме того, в «Рэттрее» окна не выходят на улицу.

Он посмотрел в сторону окна, через которое они с Кроучером скоро убегут. На небе появилась луна, похожая на толстую, сладкую, желтую ириску, а легкий ветерок чуть колыхал занавески над койкой Бэмбрафа. Сейчас Тилли были видны почти все койки в его конце палаты, на которых он различал очертания тел спящих мальчиков. Если бы он не знал точно, кто где спит, он бы ни за что их не узнал. Ему бы очень хотелось оказаться одним из них — чтобы также не надо было никуда убегать. Неуклюжими движениями он снова уложил одежду на стул и заполз под одеяло. Время, похоже было, чертовски позднее...

Он попытался думать о своей собаке, но в голову приходила только мысль о том, как ее у него забирают, а после усыпляют, потому что собаку ему подарили лишь в качестве награды за то, что он сдал все экзамены и поступил в школу. Как же все-таки чертовски несправедливо это по отношению к собаке — вот так забрать назад и усыпить, а все только потому, что он не смог удержаться в этой школе. Слезы жалости к несчастному животному поползли из уголков его глаз, стали стекать к ушам. Как бы ему хотелось быть таким же, как все остальные мальчики! Или вообще быть взрослым. Или совсем не иметь собаки. Или, как Кроучер, знать, кем он станет, когда вырастет. Или быть первым учеником в классе, или отличиться в спорте, как Бэмбраф. Или чтобы у него была сестренка, и чтобы отец понимал его. Но сейчас ему больше всего хотелось наконец заснуть и перестать думать обо всем том, о чем он обычно никогда не думает. На следующей неделе его кузина выходит замуж, и она специально сказала ему, чтобы на каникулы он приехал к ним и получил свою долю угощения. Окруженный ледяными глыбами собственного несчастья, он сжался в комочек, стараясь отгородиться ото всего, что происходило снаружи, однако сон и там отыскал его.

Кроучер же думал о Тилли. Если бы это не было так необходимо Тилли, сам бы он никогда не отважился на такой шаг. С ним самим они могли бы делать все, что им заблагорассудится — он уже привык. Но когда они стали доносить Тилли, ему на память пришли все те случаи, когда сам он только вступал в полосу бесконечных наказаний и упреков. А в этом интернате наказывали по-особому: как если бы ты порезал палец, тебе его забинтовали, а как только начало подживать, сорвали повязку и снова пошла кровь. Если раньше тебя не наказывали, то и потом не будут, но если однажды началось, то все, конца этому уже не будет. А Тилли они просто возненавидели: что бы он ни сделал, его всегда ловили, а значит, специально подстерегали, подлавливали, потому что не бывает же так, чтобы ловили каждый раз.

Зато некоторых парней никогда не удавалось сцапать. Взять хотя бы Дэнби — тот вообще однажды на урок математики не пришел, и ничего, никто не заметил. Мистер Анструтер тогда сам немного опоздал и не стал проверять наличие учеников по списку. Такое случилось лишь однажды, но зато если Тилли хоть на секунду опоздает, его обязательно потом оставят после урока, а уж если книжку какую забудет, то все — вообще завтрака лишат. И ведь что интересно: все кругом видели, что Тилли отнюдь не такой уж плохой, все — только не учителя. «В этой школе, — думал Кроучер, — им просто нравится делать некоторых людей плохими».

А вообще-то он был рад тому, что подружился с Тилли. Сейчас, когда они уже стали друзьями, он точно знал: бывает так, что поначалу думаешь про человека что-нибудь плохое, а потом вдруг оказывается, что он не хуже других. Но самое хорошее в Тилли было то, что он дружил только с теми, кто ему по-настоящему нравился. И уж если такой человек с кем-то подружится, то потом никогда на него не обижаются, потому как понимает, что самое главное — это иметь друга. И в таком деле, как побег из школы, тоже лучшего человека ему было не сыскать, потому что даже если на уроках ты не самый способный ученик, зато в людях разбираешься лучше любого другого и можешь разработать гениальный план. И это его идея была сбежать именно в спортивных костюмах, потому что если кто и заметит, как они бегут через поля, то наверняка подумают, что ребята просто тренируются, занимаются спортом.

«Настанет такой день, — думал Кроучер, переворачивая подушку прохладной стороной к щеке, — когда я научу старину Тилли драться как следует, чтобы он смог завалить любого здоровяка вроде Бэмбрафа, который только тем и занимается, что угрожает другим расправой. Впрочем, Бэмбраф тоже нормальный парень — ведь иначе бы он не стал им помогать. Да, на Бэмбрафа можно положиться».

Кроучер поудобнее расправил на своем маленьком плотном теле пижамную куртку, после чего вытянулся, готовый наконец уснуть, и действительно — погрузился в сон легко и беззаботно, словно заходил в плавательный бассейн.

Бэмбраф в точности выполнил все, как обещал. При первых звуках звонка проснулся, нажал кнопку и тут же вскочил с постели. Потом подбежал к койке Кроучера и принялся трясти его за плечо.

Тот непонимающе уставился на него.

— Время брать след, — сказал Бэмбраф, уставившись на него холодным взглядом.

— А, да... — пробормотал Кроучер, медленно приподнимаясь на локте. Рано вставать для него всегда было очень трудно.

— Так вы как, убегаете? — спросил Бэмбраф после минутного разглядывания лежащего.

— Ага, — промямлил Кроучер.

— Ну, тогда я бужу остальных.

Тилли проснулся еще до того, как его принялись трясти, и буквально ужаснулся, заметив, что уже рассвело — они совсем забыли, что летом рано светает. От возбуждения он едва ворочал пальцами и даже оторвал пуговицу, пока снимал пижамную куртку.

Теперь он стоял рядом с койкой — обнаженный, неподвижный, не зная, что делать дальше. Вокруг него сустились остальные мальчики, которые суматошными движениями срывали со своих коек простыни; потом принялись связывать их, чтобы таким образом он и Кроучер могли спуститься из окна на улицу. Задействованы были все — кроме Джонсона, который сказал, что еще только пять часов и он не намерен так рано убирать свою постель. Верной и Дэнби начали было что-то объяснять ему, однако Бэмбраф прервал их, сказав, что у них нет времени повторять одно и то же ради одного-единственного человека, и потому они втроем просто взяли и приподняли койку Джонсона. Тот приземлился как раз на голову и оказался зажат между пружинным матрасом и стеной, но по-прежнему пытался завернуться в постельное белье, пока к ним на подмогу не подоспел Уэйкфилд, после чего они выволокли его в проход и так и оставили лежать на полу.

— Фу, черт! — внезапно воскликнул Верной. — Джонсон, ты просто вонючая обезьяна! Посмотрите, что он наделал — простыни-то все мокрые.

— Оставь его, — скомандовал Бэмбраф. — Если ему так нравится, сегодня мы все поможемся на его постель. Нам и без него хватит простыней.

Вскоре импровизированная веревка была готова. Кроучер лично проверил каждый узел, желая убедиться, что ребята не смухлевали. Всем, кто не умел вязать настоящий рифовый узел, было сказано отойти в сторону. Кортлет потихоньку пробрался на лестничную площадку и вернулся оттуда с крюком от пожарной веревки — всю ее можно было принести, если только отцепить держатели, прикреплявшие веревку к стене, но это, в свою очередь, включило бы всю систему пожарной тревоги. Наконец приладили и крюк, зацепив его за край подоконника. После этого всю кучу связанных простыней выбросили в окно и минут пять ждали — существовала опасность того, что мистер Хэрборд может заметить висящий у него за окном белый жгут.

Тилли и Кроучер между тем стояли у окна и молча смотрели на простирившиеся вдали поля. Если не считать легкой дымки тумана, стлавшейся над зеленью травы, все оставалось совершенно неподвижным. У Тилли возникла смешная мысль о том, что за пределами интерната вообще все вымерло, и ему почему-то захотелось увидеть снаружи хоть одно живое существо — идущего человека, собаку, кого угодно. Вместо этого он заметил лишь то, как легкий ветерок чуть колышет верхушки деревьев, шелест листьев которых показался ему каким-то нетерпеливым, и даже угрожающим.

— Так, все в порядке, — сказал Бэмбраф. — Старик Хэрборд дрыхнет, иначе бы уже был здесь.

Выглянув в окно и посмотрев на виднеющуюся внизу улицу, Тилли почувствовал внезапный приступ тошноты. Последняя простыня опустилась на тротуар и теперь легонько елозила по нему, и он невольно подумал, что того, кому она потом достанется, ждет крепкая выволочка — ведь белая ткань вся вывозится в грязь.

Что-то легонько толкнуло его в поясницу: он обернулся и увидел Морби. Паренек

ничего ему не сказал и лишь сунул в ладонь Тилли однофунтовую бумажку. Тилли покачал головой.

— Пожалуйста! — пробормотал Морби. — Пожалуйста. И возвращать не надо, честно.

— Но ведь ты оголодаешь, если не будешь обжираться своими тортами, — жестоко проговорил Тилли.

— Ну и ладно, — сказал Морби. — И мне вообще наплевать на то, что с вами случится. А когда спуститесь наполовину, я отцеплю крюк и вы вдребезги разобьетесь о мостовую.

— О, вы только послушайте старину Морби, — сказал Верной, — всегда-то ему надо попытаться быть не таким, как все.

Бэмбраф резко обернулся и бросил:

— Морби, я, кажется, сказал тебе, чтобы ты стоял на стреме?

Прежде чем Морби успел что-либо ответить, между ними ловко протиснулся Дэнби.

— Бэмбраф, а можно я встану на стреме?

— Нет, мне было поручено стоять на стреме, — запротестовал Морби. — Мы так договорились. Ты не вправе менять собственные решения.

— Вправе, вправе, — парировал Дэнби, — особенно когда на стреме оказываются всякие олухи.

— Ладно, будете оба стоять, — решил Бэмбраф. — Дэнби — со стороны учительской, а Морби — в коридоре. Не хватало еще, чтобы они нас застучали в разгар подготовки.

В это самое мгновение стоявшие у окна заметили яркий свет, внезапно вспыхнувший у вершины холма по направлению к железнодорожной станции — это от лобового стекла движущейся автомашины отразился первый луч восходящего солнца. Могло показаться, будто им кто-то подает сигнал.

— Ну, нам, пожалуй, тянуть не следует, — проговорил Кроучер. — Тилли, мне первому спускаться?

Он повернул к другу бледное как мел лицо и посмотрел на него широко раскрытыми, чуть навывкате глазами — теми самыми, из-за которых Уилсон однажды назвал его лягушонком, хотя и поплатился за это разбитым в кровь носом.

Тилли кивнул. Сейчас ему казалось невероятным, что он вообще осмелился на подобный шаг — сбежать из школы, отрезать себя от всех своих приятелей... А может, именно сейчас что-то их остановит, вбегут Морби или Дэнби и зашумят: «Атас! Атас!» — но в комнате продолжала стоять тишина, зато все ребята полукругом столпились вокруг них.

— Тилли, а зачем тебе фонарь? — спросил Бэмбраф.

Тилли глянул на фонарь и почувствовал себя глупо. Чуть пошевелил его и пожал плечами.

— Сейчас уже поздно снимать. Он крепко привязан.

Кроучер свесил одну ногу по другую сторону подоконника.

Бэмбраф подбадривающе улыбнулся. Спускался он в точности, как им показывал на уроках физкультуры мистер Эдамс. Как только крюк дернулся, а простыни вздрогнули от напряжения, Тилли почувствовал, что ему сейчас станет плохо, однако все же выглянул наружу, чтобы посмотреть, как там Кроучер. Тот коротко глянул на него — напряженно, сосредоточенно, как если бы до этого ни разу в жизни не видел, но после этого тотчас же перевел взгляд на связанные простыни. Тилли уже пожалел, что не полез первым — сейчас бы он был уже почти внизу.

Оказавшись на земле, Кроучер дернул веревку и взмахнул над головой обеими руками, потом глянул в обоих направлениях вдоль дороги и снова зовуще замахал рукой.

Тилли сбросил сначала котомку Кроучера, потом свою — тот аккуратно положил их на траву, словно с подчеркнутым вниманием заботился о том, как бы они не испачкались, после чего снова подошел к веревке. Сейчас, когда Кроучер натянул ее, Тилли заметил, что они связали слишком много простыней, поскольку болтавшийся по земле белый хвост оказался слишком длинным. Он отступил на шаг в глубь палаты и сделал глубокий вдох. Сейчас, когда все его естество вдруг восстало против задуманного ими дикого плана, все предметы

вокруг стали пугающе крохотными, а окно, через которое ему предстояло пролезть, вообще сузилось до малюсенького отверстия, которое можно было закрыть карманным блокнотом.

— Ты следующий, — напомнил Верной.

Он оглянулся и окинул их взглядом — подбадривающих, чуть ли не выталкивающих его наружу. Как бы ему сейчас хотелось броситься — как он делал уже сотни раз — к своей постели, побежать, гулко топая ногами по лестнице... Но все постели были разобраны, без простыней, впрочем, все кроме одной — Джонсона. Значит, у него это снова началось, если опять не удержался. Тилли очень бы хотелось тоже заболеть, чтобы все считали его немного не в себе, но при этом никто бы не обращал на него ни малейшего внимания.

— Ну, Тилли, давай, — сказал кто-то, — Кроучер ждет. Быстрее, пока кто-нибудь не зашел.

Когда Тилли вылезал из окна, последнее, что выхватил его взгляд, было лицо Бэмбрафа, чуть ли не вплотную прижатое к его лицу — глаза возбужденно сияют, длинная нижняя челюсть как-то странно и смешно съехала набок...

Хорошо, что на веревке оказались узлы — удобнее было держаться. И спускаться по ней было гораздо легче, чем по гимнастическому канату у них в спортзале, да и руки не так сильно жгло. Однако ноги его при этом всякий раз забывали, что после каждой очередной простыни внизу его поджидала следующая, а за ней еще одна, и еще, и потому ему пришлось пережить несколько неприятных моментов, когда он одними лишь руками цеплялся за спасительную веревку.

В одно из мгновений, когда он находился как раз напротив окон комнаты мистера Хэрборда, ему вдруг показалось, что сейчас он качнется, влетит внутрь помещения, и тут же представил себе выражение лица воспитателя, когда он приземлится на его постель вместе с дождем осколков стекла. Однако, как только он оказался почти вплотную к окну, причем так близко, что смог даже разглядеть в утреннем полумраке контуры одной из висящих на стене картин мистера Хэрборда, веревка внезапно напряглась — это Кроучер снизу потянул ее на себя, желая придать ей большую устойчивость. И все же свисавший с пояса фонарь царапнул по оконному стеклу, издав при этом легкий клинкающий звук.

Кончиками ботинок Тилли встал на край оконного выступа — иначе мог в этот момент просто свалиться вниз. Секунд пять он совершенно не двигался, ожидая того мгновения, когда появится лицо мистера Хэрборда, который одним холодным, саркастичным словом смахнет его в объятия смерти. Но мистер Хэрборд, похоже, спал очень крепко, и Тилли стал спускаться дальше, короткими, судорожными движениями перебирая веревку. Как только его голова спустилась ниже подоконника комнаты воспитателя, он почувствовал себя более уверенно, причем с каждым мгновением эта его уверенность в себе продолжала нарастать. Последние несколько простыней он проскользнул совсем быстро, после чего приземлился и шлепнулся на зад у самых ног Кроучера.

Тот помог другу подняться.

— Молодец, Тилли, — сказал Кроучер, и Тилли понял, что мучения его были не зряшным делом. «Простынная» веревка дернулась у них перед глазами и стремительно понеслась вверх. Они глянули в том же направлении и увидели лица воспитанников интерната «Сэйнсбэри», казавшиеся сейчас белыми пятнами на темно-красном фоне кирпичной стены. А потом беглецы, взмахнув руками, устремились вперед, да так безоглядно и быстро, что едва не попали под внезапно выскользнувший из-за угла одинокий грузовик.

Предварительно они договорились, что как только окажутся на первом поле, сразу же побегут налево вдоль окаймлявшей его живой изгороди — это давало им возможность время от времени оглядываться в сторону школы, чтобы посмотреть, нет ли погони. Если бы в окне появилась голова кого-либо из учителей или хотя бы экономки (которая еще накануне основательно напугала их, заявив за завтраком, что всегда встает на несколько часов раньше остальных сотрудников, чтобы иметь возможность переделать массу дополнительной работы, которая постоянно сваливается на нее из-за их же, учеников, неаккуратности), то

тогда они сразу же устремились бы в сторону деревьев, и заодно пособирали бы в гнездах птичьих яйца. Одним словом, побег оказывался не такой уж плохой затеей.

Тилли присел на корточки у кромки кустарника и спросил:

— Интересно, что они там сейчас делают?

— Постели заправляют, причем с курьерской скоростью.

— Ты что, думаешь, они снова улягутся спать? Я бы не смог.

— Бэмбраф сможет. Сегодня ему предстоит ответственная игра. Если покажет хороший результат, разряд могут дать. Я слышал, как мистер Эдамс говорил об этом с Пэрвисом.

— А знаешь, Кроуч, мне даже неловко как-то перед мистером Эдамсом. Он ведь никогда мне ничего плохого не делал.

— Да, — согласился тот, — он честный. Я бы на его месте вообще не стал работать в такой школе. Ушел бы в морское плавание или что-нибудь в этом роде.

— Ты мог бы и спортом заниматься — конечно, за деньги.

— А мистер Эдамс не смог бы, — заметил Кроучер. — Он не из того теста.

— Единственный, кто не вел себя, как свинья.

— Если мы когда-нибудь вернемся сюда, чтоб взорвать этот чертов интернат, надо будет дать ему возможность убежать первым.

— И больше никому.

— Никому! — решительно подтвердил Кроучер. — А теперь давай убираться отсюда, причем как можно дальше.

Они поднялись и, пригибаясь, потрусили вдоль кромки кустарника, после чего по маленькому земляному мостику перебрались на соседнее поле — настолько крутое, что росшие на нем трава и сорняки остались нескошенными. Взбираясь на холм, они изредка останавливались, упираясь коленями в землю и помогая друг другу. Подлесок был покрыт обильной росой, так что, когда они наконец добрались до вершины холма, их кроссовки окончательно промокли. Однако они и не думали унывать, плененные видом раскинувшейся у их ног и залитой солнцем долины. Восходящее светило расстилало вдоль нее свои могучие лучи, решительно выпаривавшие из травы обильную влагу, которая, словно плененные солдаты, без боя сдавалась на милость победителя.

Тилли схватил друга за руку. Ему хотелось рассказать Кроучеру о том, какое странное было лицо у Бэмбрафа, когда он в последний момент увидел его в окне, однако он так и не успел воплотить в слова возникшие странные предчувствия. Он уже подумал было предложить ему другим путем побежать к станции, но та была уже совсем рядом — не более чем в двух милях от них.

— Что? — удивленно спросил Кроучер.

— Да нет, ничего, — пробормотал Тилли.

— В последний раз в Лондоне сильно моросило, — заметил Кроучер.

Двигаясь рядом друг с другом, они побежали вниз по холму в направлении станции.

— Так, все правильно, — сказал Бэмбраф, когда их силуэты скрылись за холмом. — Думаю, что мы дали им достаточно времени, чтобы оторваться. Морби, иди, разбуди мистера Хэрборда и скажи ему, что случилось.

— А почему я? — спросил Морби.

— Если не пойдешь, я скажу ему, что ты тоже хотел сбежать.

— Ну ладно, — кивнул мальчик, — но я все равно скажу Кроучеру, что это ты их заложил.

— Кого волнует сейчас Кроучер? Тоже мне, дешевка.

— Да и потом, — заметил Верной, — если мы не доложим, нам всем попадет.

— Нельзя убегать из школы, — добавил Дэнби, — это никому не разрешается.

— А я убегал, — заявил Джонсон. — Я убегал.

— Ну, ты всегда куда-нибудь убегаешь, так что ты не в счет, — проговорил Дэнби. — А все равно постоянно здесь торчишь, не так, что ли?

— Так, — признал Джонсон, — но уж когда в следующий раз побегу, никому заранее не скажу.

— Не обращайтесь внимания на Джонсона, — скомандовал Бэмбраф, — пусть себе лежит.

— Куда это вы все собрались? — спросил Джонсон, садясь в кровати и в панике наблюдая за тем, как мальчики начали одеваться.

— Побежим помогать ловить Тилли и Кроучера, — отозвался Морби от дверей.

— Мистер Хэрборд в вашей помощи не нуждается, — заявил Джонсон, тем не менее, также одеваясь. — Он всегда сам выезжает за теми, кто сбегает. На машине.

— Да, — кивнул Бэмбраф, — тебя, разумеется, поймают именно на машине, а все потому, что ты дурень набитый. Вчера вечером Тилли разбил его машину. Тилли и Кроучер не то, что ты — они знают, как убежать.

— Да ты что?! — воскликнул Дэнби. — Да он же теперь их вообще убьет.

— Зато, если они доберутся до Лондона, то повсюду растреляют, что мы здесь все — сплошные трусы, — сказал Бэмбраф. — Теперь тебе понятно, почему их надо поймать?

Мистер Хэрборд в спешке одевался. Повернувшись к стоявшему в дверях мальчику, он сказал:

— Морби, а ты знаешь, что я не люблю доносчиков?

— Нет, сэр.

— Скажи Бэмбрафу и Дэнби — пусть гараж откроют. Вот ключи.

— Да, сэр.

— С тобой я разберусь потом, когда вернусь. Но мне хотелось бы узнать одну вещь.

— Что именно, сэр?

— Что Кроучер и Тилли сделали лично тебе?

— Ничего, сэр.

— А ведь это подло, Морби... Да, ребята, иногда я совершенно отказываюсь вас понимать.

— Бывает, сэр.

— Ну ладно, не стой там, как свечка. Пока ты тут стоишь, эти черти убегают.

Морби как ветром сдуло. Мистер Хэрборд подошел к окну и посмотрел в бинокль. Далеко-далеко по долине к станции приближался поезд.

— Слышишь? — проговорил задыхающийся Кроучер. — Поезд! Не успеем!

— Все в порядке, — отозвался Тилли. — Это не с той стороны. Это из Лондона.

— Тилли, ты просто молодчина!

— Ты тоже, Кроуч.

— Может, пока съедим по сэндвичу?

— Нет, — покачал головой Тилли, — раз уж начали, останавливаться нельзя — во всем, что делаешь.

— Что бы теперь с нами ни случилось, я рад, что мы это затеяли.

— Я тоже.

— Готов поспорить, теперь многие парни побегут.

— Смотри-ка, Кроуч! Это не машина мистера Эдамса — вон там, перед станцией?

Они молча стояли рядом, устремив взоры вперед.

— А может, он как раз сошел с этого поезда? — неуверенно предположил Тилли. — Наверное, из Лондона вернулся.

— А почему не на машине?

— Я не знаю, Кроуч. Бог его знает, почему он не на машине ездил. Этих воспитателей вообще толком никогда не поймешь.

— Ждать больше нельзя.

— Я знаю, Кроуч.

За спинами у них, растянувшись в цепь, во главе с воспитателем мистером Хэрбордом, бежали воспитанники интерната «Сэйнсбэри», намеревавшиеся зажать беглецов в «клещи». У Бэмбрафа был свисток.

— Мы можем по дороге уехать, — наконец проговорил Кроучер.

— На попутке? Эге, да так нас вообще может черт знает куда занести!

— Куда бы ни занесло — все лучше, чем здесь оставаться.

Они побежали по дороге. Почти сразу же позади послышался шум приближающейся машины. Оба паренька отчаянно замахали водителю — тот тоже приветливо махнул им в ответ, а вдобавок еще и улыбнулся на прощание, проносясь мимо. И все — больше ни одной машины в течение трех или четырех минут. Пустота и тишина.

— Вон еще одна! Давай встанем посередине дороги, — предложил Кроучер.

Но это была машина мистера Эдамса. Они кинулись назад, перепрыгивая через канаву, срезая угол в направлении полей. Несясь по траве, оба слышали, как за спиной урчит мотор машины. Слева от них послышался звук свистка.

— Все, не могу больше! — взмолился задыхающийся Тилли.

— А я буду бежать, пока замертво не свалюсь! — отозвался Кроучер.

Вершина холма была испещрена фигурками бегущих детей.

— У меня в боку закололо! — выдохнул Тилли, сбавляя шаг.

— Нападай! — крикнул Бэмбраф.

Мистер Хэрборд увидел, как быстро сомкнулись концы преследовавшей беглецов цепи.

— Ну дела! — только и пробормотал он. Пальцы его конвульсивно подрагивали.

12. Роберт Л. Макграс Оплаченный счет

Чули Росс был странным пареньком, это точно. Для — девятилетнего мальчика он вел себя даже еще более чудно, чем щенок охотничьей собаки. И не то, чтобы он был тупой — просто не такой, как все. Как говорится, малость «того». Очень уж книжки любил читать. В Санрайзе на него почти не обращали внимания, и потому, когда в то утро почти все его жители занимались подготовкой к торжественной церемонии, на которой на шею самого почетного гостя — Тэннера Хиггинса — собирались накинуть «галстук-удавку», никому и в голову не пришло прогнать мальчика, болтавшегося поблизости от них с черным котенком на руках. На него вообще даже не посмотрели — никто.

— Пора кончать с ним! — гаркнул кто-то.

— Пусть скажет последнее слово, — прозвучал еще один голос. — Нельзя вздернуть человека без последнего слова — его дух потом семьдесят лет подряд будет за тобой гоняться и гавкать по семь раз на день!

Там собралась вся честная компания Санрайза: Рим Катлер, с белой гривой волос на голове, — за неимением судьи, проповедника, шерифа и некоторых других официальных должностных лиц он время от времени становился то одним, то другим, то третьим, в зависимости от того, в ком конкретно возникала потребность; Сет Андерс, синий от наколок, — когда-то он плавал в Индию, где ему все тело разукрасили причудливыми индийскими изречениями; виновник торжества, богобоязненный Тэннер Хиггинс — некогда школьный учитель, спокойный, из тех «тихих омутов, где черти водятся», обвиненный в убийстве своего лучшего друга; и еще чертова дюжина других граждан, каждый из которых горел желанием поскорее покончить с этим делом — желательно до восхода солнца, как того требовала традиция города.

— Так, хорошо! — проревел Рим Катлер. — Ясное дело, что каждый человек перед казнью имеет право на последнее слово. Ну, говори, Тэннер, только не тяни, — у нас мало времени, и оно дорого.

— К чему все это? — проговорил Тэннер Хиггинс, сидя на лошади со связанными за спиной руками. — Мы ведь уже все выяснили.

— И тебе больше нечего сказать? — спросил Рим Катлер.

— Я не убивал его! — прокричал Тэннер Хиггинс. — И вообще не имею к этому никакого отношения!

Рим Катлер смачно сплюнул в пыль.

— А кто же это сделал?

— Я уже сказал вам: не знаю, — ответил Тэннер и обреченно покачал головой.

— Топор твой, так ведь? — спросил Катлер.

— Да, топор мой, но я его не убивал!

— И ухаживал он за твоей девушкой, правильно?

— Да, она была моей девушкой! Но я бы не стал из-за женщины убивать человека!

— Ну, может, тогда из-за денег? — предположил Катлер. — Поговаривали, что денежки у Джека Бронсона водились. Как знать, может, из-за них.

— Послушайте, в последний раз говорю вам — не убивал я его! Он был хорошим человеком — моим лучшим другом! Не мог я убить его! И вообще никого не смог бы убить!

— Слушай, Рим, мы только тратим время, — прервал их Сет Андерс. — Солнце всходит. Давай кончать с этой бодягой!

— Ну ладно, — проговорил Катлер. — Парни, подведите лошадь вот сюда.

— Мистер Катлер, сэр! — прозвучал высокий, почти писклявый и настойчивый голос.

— Что? Это ты? А ну-ка, иди домой, Чули. Здесь не место детям.

— Мистер Катлер, вы... вы хотите высечь Тэннера Хиггинса плеткой?

— Ну... — Рим Катлер огляделся, чувствуя некоторую неловкость. — Пожалуй, можно сказать и так. А теперь уходи-ка отсюда, иди, откуда пришел.

— Мистер Катлер, он ничего не сделал, он ничего не сделал!

— Слушайте, уберет кто-нибудь этого сопляка или нет?

— Мистер Катлер, он не убивал Джека Бронсона. Не убивал!

— А ну, проваливай отсюда, сказано тебе! Здесь не место детям!

Сет Андерс нагнулся, чтобы подхватить паренька и подтащить его к своему седлу, но черный котенок резко повернулся и на запястье мужчины появились несколько багровых полосок. — Ну ты, маленький гаденыш...

— Я знаю, кто это сделал, — проговорил Чули Росс, поглаживая своего черного любимца. — Я знаю, кто убил Джека Бронсона.

На какое-то мгновение воцарилась тишина.

— О чем это ты там толкуешь, сынок? — когда требовалось, Рим Катлер умел говорить довольно мягко.

— Я... я знаю, кто убил Джека Бронсона. И это был не мистер Хиггинс.

— У, — хмыкнул Сет Андерс. — Может, ты его и пристукнул, а?

Все так же поглаживая котенка, Чули посмотрел на него и ничего не сказал.

— Ну ладно, сынок, — проговорил Рим Катлер. — Ты знаешь, кто это сделал. И ты скажешь нам, кто.

— А это обязательно? — Чули огляделся вокруг себя.

— Обязательно, сынок, обязательно, — кивнул Катлер. — Сегодня мы вершим правосудие.

— Это был... это был... — Чули переводил взгляд с одного мужчины на другого. Словно легкая волна пробежала по рядам собравшихся.

— Ну, давай, сынок. Говори!

— Это был — он!

Маленький палец вытянулся вперед. Семнадцать пар глаз, включая котенка, устремили свои взоры в сторону одного-единственного человека.

— Черта с два! — воскликнул побагровевший Сет Лидере. — Вы что, верите этому придурку?

— Никто пока этого и не говорит, — протяжно произнес Рим Катлер. — Но сегодня мы никого уже не вздернем, солнце-то взошло.

Далеко на востоке красный шар прорвал тонкую полоску горизонта. Взгляды присутствующих соскользнули с Сета Андерса, метнулись в сторону восходящего светила, затем как-то неловко прошлись по головам остальных людей, ненадолго задерживаясь на Тэннере Хиггинсе, Риме Катлере, Чули Россе и черном котенке.

— А с чего это ты взял, Чули, что Сет Андерс убил Джека Бронсона? — мягко спросил Рим Катлер.

— Я... я видел, как он это сделал, — коротко бросил мальчик. — Я... я там прятался.

— Лжешь, проклятый! — прокричал Сет Андерс, пожалуй, чуть громче, чем следовало бы.

— Чули, — негромко проговорил Катлер, — а ты сам-то понимаешь, о чем говоришь? Ты уверен, что... — он окинул взглядом присутствующих, — что не вычитал об этом в одной из своих книжек?

— Я видел, как он это сделал, — продолжал настаивать Чули. — Я видел. И Джек тоже.

— Ты хочешь сказать, Джек Бронсон?

— Нет, Джек — это мой котенок, — ответил Чули. — Мы оба видели, как он это сделал.

— Но послушай, — терпеливо проговорил Рим Катлер, — разве старина Сет может кого-нибудь обидеть? С чего бы это Сету вздумалось убить Джека Бронсона?

Мальчик посмотрел на Андерса, взгляд его при этом не дрогнул.

— Деньги, — сказал он. — Это все из-за денег.

Сет Андерс быстро спешил и устремился вперед, пытаясь схватить мальчика. Черный котенок снова выгнул шею, зашипел и едва не царапнул протянувшуюся было руку.

— Джек, мой котенок, не любит его.

Теперь все взоры были обращены уже на Сета Андерса — и в самом деле, его совсем недавно пунцовое лицо стало белее ларя из-под муки.

— Это — это он! — вырвался из глотки Андерса сдавленный шепот.

— Ты что, приятель? Совсем рехнулся?

— Это — это он — вернулся... Он! Он! — Раннее утро окрасилось протяжным криком, на смену которому пришли надрывные рыдания.

— Чули, — проговорил Рим Катлер, — а ну-ка, бери своего котенка и сматывайся отсюда, да чтобы духу твоего не было.

Паренек побежал, да так, что только пятки засверкали.

— Ну что-о, — снова проревел Катлер, — хочешь что-нибудь сказать, Сет?

— Я... я это сделал, — наконец выдавил Андерс из себя. — Я не знал, что он вернется. Не знал! Я не ожидал этого!

— И ты воспользовался топором Тэннера? — продолжал Катлер.

— Я... я попросил у него... Но я не хотел убивать... А он мне не хотел дать денег, — сказал он со стоном. — Я не знал, что он вернется!

— Парни, признаю, что мы едва не совершили ошибку, — проговорил Рим Катлер. — Признаю, что мы в долгу перед Тэннером Хиггинсом. Обещаю вам, лично обещаю, что постараюсь загладить свою вину.

Сидевший на лошади человек как-то обмяк, рубашка на его спине потемнела от пота.

— И я признаю, что в долгу перед Чули Россом, — спокойно промолвил Тэннер Хиггинс. — А может, и еще перед кем-то.

Он поднял глаза к небу; остальные на него уже не смотрели — глаза их были устремлены к земле.

— Пожалуй, Сет, тебе лучше пойти с нами, — сказал Катлер, обращаясь скорее к собравшимся. — Можешь даже идти впереди нас.

Одним резким движением он перерезал путы на руках Хиггинса. Потом похлопал его по ноге, чуть поколебался и пошел прочь.

Тэннер Хиггинс чуть подождал, а потом, когда все разошлись, слез с лошади и направился в сторону мальчика, который незаметно от всех вернулся назад.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, Чули, — проговорил он. — Ты совершил смелый поступок.

Он протянул руку, и мальчик, смутившись, пожал ее.

— Но тебе надо было бы сказать им об этом раньше, несколько дней назад, когда они вершили свой суд. Почему ты раньше ничего им не сказал?

— Я... я не знал, что они собираются сделать, — ответил паренек. — Мистер Хиггинс...

— Да, Чули?

— Мистер Хиггинс, а что имел в виду Сет Андерс, когда сказал: «Это он!» О чем он говорил? Кто вернулся?

— Ну, я думаю, он посчитал, что твой черный котенок — это и есть Джек Бронсон, который вернулся специально, чтобы всюду преследовать его. Они называют это переселением душ — что-то вроде суеверия такого.

— Вроде того, что черные кошки приносят беду?

— Совершенно верно, Чули. Поскольку твоего котенка зовут Джек, ну и все такое, Андерс подумал, что дух Джека Бронсона вернулся на землю в образе котенка и стал его преследовать.

— Мистер Хиггинс, я хочу вам еще что-то сказать.

— Да, Чули?

— Джек Бронсон не мог переселиться в моего котенка. Это... это кошка, и по-настоящему ее звать Джеки. Только я подумал, что они станут смеяться надо мной, вот и назвал ее Джеком.

Тэннер Хиггинс вытер лоб тыльной стороной ладони, после чего снова взглянул на небо.

— Мистер Хиггинс...

— Что-нибудь еще, Чули?

— Да, сэр. Знаете, на самом деле я не видел, как Сет Андерс убивал Джека Бронсона. Я... просто я подумал, что он мог убить его.

— Ты? — что?..

— Я подумал, что, возможно, это он и есть. Он всегда насмехался надо мной за то, что я люблю книжки читать.

— О... — Тэннер Хиггинс покачал головой.

— Ну и ладно, зато теперь, мистер Хиггинс, пожалуй, мы с вами квиты.

— Квиты? Что ты хочешь сказать, Чули?

— Я оказал вам услугу, — ответил Чули Росс, — но я и вернул вам долг.

— За что, Чули? Ты же не был мне ничего должен.

Мальчик погладил дремавшего у него на руках котенка.

— Это еще как посмотреть, мистер Хиггинс. А вы что, забыли? Ведь это же вы научили меня читать.

13. Гай Каллингфорд Моя бесчестная леди

Выбрав себе уютное местечко в глубине леса, я сидел, почитывая какую-то книжонку, когда окружающая меня листва чуть раздвинулась и из нее выглянуло лицо маленькой девочки. На первый взгляд, она показалась мне не лучше и не хуже любой другой представительницы племени будущих женщин — набор невзрачных и совершенно неопределенных черт, лицо ее обрамляли сплетенные словно из светлой пакли косы, впрочем, достаточно длинные, чтобы почти доставать ей до плеч. На девочке было относительно чистое платье, а на босых ногах красовались стоптанные сандалии.

— Извините меня, мистер, — проговорила она, устремив на меня твердый взгляд своих добрых глазенок.

— Пожалуйста-пожалуйста, — дружелюбно произнес я. — Ведь лес достаточно велик, чтобы в нем хватило места для нас обоих, даже если мы будем держаться на некотором расстоянии друг от друга.

После этого я снова уткнулся в книгу, и хотя взгляд мой был устремлен исключительно в напечатанный текст, я продолжал чувствовать, что ее глаза продолжают сверлить меня подобно двум маленьким буравчикам.

— А как ты относишься к тому, чтобы оставить меня в покое? — спросил я. — Ну, будь хорошей девочкой.

Она даже не предприняла попытки сдвинуться с места, явно придерживаясь своей собственной, но отнюдь не моей логики мышления. Прошло еще несколько секунд, когда она заговорила снова:

— А там под деревом какой-то дядя пристаёт к какой-то тете, — промямлила она и, чуть повернувшись, сделала указующий жест рукой.

Я почувствовал, что начинаю медленно краснеть.

— Это совершенно не мое и, кстати сказать, не твое дело. А ну, беги быстро домой, маленькая любопытная девчонка. Знать тебя не желаю!

Она продолжала стоять, словно вкопанная, — так продолжалось добрую минуту, в течение которой девочка хранила молчание, потирая одну лодыжку о другую, пока наконец не произнесла:

— А как бы вы отнеслись к тому, что кто-то втыкает вам нож в живот?

— Что?! — Я вскочил на ноги, судорожно захлопывая книгу. — Почему же ты с самого начала ничего об этом не сказала? Где это? Под... под каким деревом, говоришь?

Она пулей понеслась впереди меня. Мы спустились примерно на двадцать футов по склону холма, после чего маячивший впереди меня хвост ее платья скрылся в густом подлеске. Я, естественно, последовал за ней. Едва оказавшись у основания высокого дерева, я резко остановился и безмолвно уставился на представшую моему взору картину.

Действительно, на слое прошлогодней листвы лежала женщина, положив голову на выступавшие из земли корни раскидистого бука. Нож, очевидно, попал ей в самое сердце, поскольку она была мертва, как и окружавшие ее листья, с той лишь разницей, пожалуй, что женщина находилась там не так долго, как они. Мне всегда казалось, что во внезапной смерти есть что-то глубоко шокирующее, тем более, что женщине этой на вид было не более двадцати лет. К тому же, она была довольно миловидная. Из груди ее торчала рукоятка ножа — при виде ее я внезапно почувствовал, как в желудке у меня словно что-то поднялось. Я повернулся, чтобы броситься прочь от этого места, и тут же обнаружил, что маленькое создание, которое привело меня на это место, бесследно исчезло. Скорее всего, девчонка скрылась, пока я лихорадочно оценивал сложившуюся ситуацию. Таким образом, времени на то, чтобы лишиться чувств, у меня уже не было, и я с неожиданной отчетливостью понял, что попал в довольно скверную ситуацию. Сейчас эта маленькая попрыгунья была для меня в буквальном смысле дороже любых сокровищ; она одна могла подтвердить мое алиби, равно как и то, что я лишь прибыл на место преступления и ничего больше. Короче говоря, мне следовало как можно скорее отыскать ее.

Я быстро спустился с холма и направился к тому месту, где располагался небольшой пруд-лягушатник, в котором плескалась ребятня примерно того же возраста, что и она. Я метался из стороны в сторону, и хотя там были десятки маленьких девочек, так и не смог разглядеть ту единственную, которая была мне нужна. Должен сказать по правде, что когда я остановился, пот градом катился у меня по лицу. Прошло, наверное, минут десять, прежде чем я оставил дальнейшие поиски и задался вопросом: что же теперь делать?

Разумеется, больше всего мне хотелось тогда повернуться и убежать оттуда, да так, как я не бегал еще никогда в жизни. Если бы у меня была шляпа, которую можно было натянуть по самые глаза, то я, скорее всего, именно так и поступил, однако голова моя оставалась непокрытой, и, в свете последующих событий, вел я себя в те минуты, как заявил бы любой заинтересованный наблюдатель, по меньшей мере, странно. Наверняка там оказалось

несколько мамаш, у которых выдалась пара-другая секунд, чтобы оторваться от своего любимого Бобби, безоглядно шлепающего по воде, и зафиксировать в сознании образ некоего мужчины, проявляющего интерес к маленьким девочкам. Возможно, кое-кто из них готов был даже обмолвиться на эту тему с полицейским. И, о Боже, как на грех, там же, разве чуть поодаль от них, действительно маячила фигура полицейского, спрятавшегося в тени под деревьями, величаво взиравшего на проказы малолетних отпрысков и явно готового прийти на помощь при первом же признаке беды от водяных забав.

Перед моим мысленным взором всплыла чудовищная картина: я в бегах, спасаюсь от преследующих меня полицейских, которые мечтают допросить меня в связи с делом об убийстве неизвестной мне девушки. Сказать по правде, я всегда придерживался правила, гласящего, что из двух зол выбирают наименьшее, а потому, не тратя времени даром, направился к этому самому полицейскому, как если бы в его монолитной фигуре была сокрыта моя единственная надежда на спасение.

— Офицер... — проговорил я предательски надтреснутым голосом, — офицер, я хотел бы сообщить вам о совершенном преступлении.

Казалось, известие это потрясло его. Это был довольно молодой человек, и вид у него в ту минуту был такой, словно вся кровь, циркулировавшая в его теле, стремительно утекла в сапоги. Однако он тут же взял себя в руки, задал мне несколько уточняющих вопросов, после чего мы вместе пошли вверх по склону, причем сердце мое билось гораздо яростнее, чем того требовала крутизна холма.

Разумеется, после этого я прошел еще несколько стадий допросов у все возрастающих по рангу полицейских чинов — сначала состоялась беседа с сержантом, затем с инспектором, а потом с ними обоими. Я твердо придерживался своей истории случившегося, и эти, насколько я мог судить по их поведению, вполне достойные люди, можно сказать, мне почти поверили.

Смутило же их одно из тех поистине фантастических совпадений, которых никогда не встретишь на страницах детективных романов. Когда первый полицейский проводил меня в участок, я по-прежнему сжимал в руке ту самую проклятую книжонку, которую читал в лесу, и первое, что увидел взявший ее у меня сержант, была красующаяся на обложке мертвая блондинка с кинжалом в сердце. Должен сказать, что я даже не обращал внимания на эту примитивно намалеванную картинку, пока ее не сунули мне буквально под нос. За неимением других, более существенных улик, вроде крови, вырванных клочьев волос или уличающих отпечатков пальцев, они, ясное дело, попытались было выжать максимум из того, что все же имелось в их распоряжении. Со своей стороны, я, обороняясь изо всех сил, твердо держался истории с маленькой девочкой, которая, собственно, и ввергла меня в этот переплет. Кроме нее, у меня никого и ничего не было.

— Как жалко, что вы не знаете ее имени, — прокомментировал мое сообщение инспектор, как мне показалось, уже с оттенком некоторой сухости в голосе.

— Я, в общем-то, не имею привычки бегать по лесу, выспрашивая у странных маленьких девочек, как их зовут, — был мой ответ. — Не настолько же сильно они меня интересуют.

Инспектор кивнул и произнес:

— Ну что ж, если все то, что вы нам рассказали, действительно правда, то вам совершенно не о чем беспокоиться. Если это дитя действительно бродит по земле, мы его отыщем.

— Что ж, тогда мне действительно не стоит волноваться, — заявил я.

— Хорошо еще, что в школах каникулы не начались, — сказал сержант. — Пройдемся по ним частой гребенкой и отыщем ее, вот и все... — Он сделал многозначительную паузу и почесал кончик носа. Насколько я смог заметить, его самого не вполне удовлетворил подобный метод поисков.

В течение следующих двадцати четырех часов мне довелось достаточно хорошо узнать этого сержанта — равно как и познакомиться с местными школами. Что касается самой

ребятни, то наши визиты оказывались для них приятной и неожиданной переменой между занятиями, тогда как учителя испытывали по этому же поводу гораздо меньший энтузиазм. Наконец в школе для девочек под поэтическим названием «Омега» мы наткнулись на нее.

После короткого разговора с директрисой мы прошли в класс, где проводились занятия с нужной нам возрастной группой. В нем сидело примерно двадцать четыре милейших создания, среди которых притаилось и то, которое мы искали, кстати, почти неразличимое на фоне остальных — разумеется, для всех, кроме меня. Она сидела за партой во втором ряду от доски. Нас заранее предупредили, чтобы мы неосторожным вопросом не потревожили нежные души, и потому сержант голосом, в котором явственно чувствовались ароматы молока с медом, спросил, не видел ли кто-либо из детей «вот этого джентльмена» (жест в мою сторону) раньше. Вверх взметнулся лес рук, и лишь одна продолжала спокойно лежать на парте — вы уже догадались, чья именно.

— Где? — спросил сержант.

— Пожалуйста, пожалуйста! — чуть ли не хором понеслись отовсюду детские голоса, пока директриса не пришла на выручку и не выудила из общей массы солистку.

— Пожалуйста, мэм. Мы все видели его у пруда в лесу Хэммервуд в тот самый день, когда зарезали ту молодую тетю.

Директриса стрельнула в мою сторону ледяным взглядом, как если бы я нес персональную ответственность за любое психическое потрясение, которое могут пережить эти невинные создания. Я тут же попросил сержанта уделить мне пару минут для частной беседы. Когда мы укрылись за школьной доской, я прошептал ему на ухо, что девочка, которая не подняла руку, и была той самой особой, которую мы с ним разыскивали. Выйдя наружу, он легким движением руки впустил свои усы — сначала левый, потом правый, — после чего проговорил:

— Я хотел бы спросить вот ту маленькую девочку во втором ряду, не видела ли она когда-либо раньше этого джентльмена?

— Ну, Руби Гэнт, отвечай дяде, — проворковала директриса, обращаясь к маленькой негоднице. — Тебе никто здесь не сделает ничего плохого.

На невыразительном лице ребенка не проступило ни малейшего намека на какое-то выражение. С ответом она тоже явно не спешила, вперила в меня отсутствующе-серьезный взгляд своих глаз.

— Я никогда в жизни не видела его, мисс Берч, — наконец произнесла она. — Я вообще не знаю этого джентльмена, и... — в это мгновение губы ее раздвинулись в ухмылке, обнажив ряд крохотных ровных зубов. — Да и не хочу знать.

По классу прошелестел всеобщий смешок, причем мисс Берч даже пальцем не пошевелила, чтобы прервать его. Вместо этого она сдержанным тоном спросила:

— Значит, ты не была с остальными у пруда?

— Нет, мисс Берч, Руби не была с нами у пруда, — ответила девочка, сидевшая позади «моей» Гэнт. — Она сказала, что сразу пойдет домой.

— Это так, Руби?

— Да, мисс Берч. Я хотела присмотреть за маленьким братиком, чтобы мама могла немного отдохнуть.

Только нимба не хватало над этой соломенного цвета короной.

— Я всегда считала Руби очень честной девочкой, — тихо заметила мисс Берч, обращаясь к сержанту.

Вот так все получилось. Ну и что, скажите, мне оставалось делать?

Разумеется, в конце концов им пришлось отпустить меня, поскольку никаких улик против моей персоны у них не было и быть не могло. Им не удалось обнаружить никакой связи между мной и убитой девушкой, и они не решились строить обвинение на основании одной лишь пошловатой книжной обложки. Тем не менее, мне сообщили, что десятки женщин добровольно вызвались проинформировать полицию о том, с каким выражением

лица я бродил в тот день по берегу пруда. Ну, вы сами понимаете, стандартный набор: дикий, пылающий взгляд, маниакальная одержимость в жестикуляции, и так далее, и тому подобное. Несмотря на массу предоставленных мне возможностей, я так ни на дюйм и не отошел от своей версии случившегося, а у самой полиции против меня ничего не было. И к тому же я хорошо характеризовался по месту работы.

Насколько мне самому все это представлялось, им так и не удалось бы отыскать преступника, совершившего то убийство в лесу. Как и в большинстве других случаев с обнаружением убитых девушек, оказалось, что погибшая вообще не имела с мужчинами никаких отношений; по всеобщим откликам, это была спокойная, сдержанная, уважающая себя девушка. Как бы то ни было, но именно ее, бедняжку, и убили. Нож тоже оказался самым что ни на есть обычным — такой найдешь у любого бой-скаута. Хотя он и был отточен, как бритва, никаких следов на нем обнаружить не удалось. Что же до слоя опавшей листвы, то, в отличие от цветочной клумбы, он едва ли годился в качестве источника информации о форме и длине каблука злоумышленника. Если бы мне самому взбрело в голову совершить убийство, едва ли бы я обделал это дельце с большей аккуратностью.

В конце концов полицейское управление было вынуждено признать свое поражение, и я окончательно покинул это заведение с незапятнанной репутацией. Правда, я лишился своей работы, квартиры, друзей, а в довершение всего ни одна девушка в нашем районе не желала с тех пор и на пушечный выстрел приближаться к моей персоне. На протяжении нескольких недель после этого если какая особа и позволяла мне сопровождать ее, то всякий раз это была одна из самых осторожных девушек на свете. Я и шагу не мог ступить без полицейского сопровождения — правда, очень-очень ненавязчивого, и стоило где-нибудь раздастся хотя бы малейшему пisku, как тащившийся в хвосте человек тут же оказывался у меня под боком.

Тем не менее я отказывался уезжать из нашего района — по крайней мере, пока отказывался. Вместо этого я подыскал себе новое жилье с глухонемой хозяйкой, работу, где мне платили половину полагающейся ставки, и так и жил, коротая время, которое, как известно, всему лучший лекарь.

Однако теперь я уже не просто ждал — я выжидал. Прошли еще три месяца, и я снова остался один — даже без полицейской опеки, — и тогда наконец решил, что настало время заняться делом. Говорят, что детская память коротка, и потому я решил не тратить время зря. Однажды, где-то к четырем часам дня, когда в школе «Омега» заканчивались уроки, я оказался поблизости от ее дверей. Свою добычу я выследил без особого труда — за истекшие три месяца она практически не изменилась. Не составило мне особого труда и отделить ее от остальной ватаги девчонок, поскольку на ближайшем же перекрестке она пошла своей дорогой. Пожалуй, все было как и в тот день у пруда — она вела себя скорее как самая настоящая индивидуалистка. Для завязывания разговора я решил воспользоваться приманкой и в этих целях вот уже несколько дней таскал с собой большой пакет с ирисками.

— Привет, Руби, — сказал я, пристраиваясь к ней рядом и предлагая пакет. — Бери конфетку.

Узнала она меня сразу и при этом отнюдь не испугалась, а лишь покачала головой и сказала:

— Мама говорит, чтобы я никогда не брала конфеты у посторонних.

— А я и не посторонний. Ты что, забыла, что я тот самый дядя, которого ты чуть было на всю жизнь не упрятала за решетку.

— И поделом. Не надо было грубить мне.

Она снова продемонстрировала свою знаменитую ухмылку. Впрочем, сразу было видно, что на меня лично она никакого зла не держит.

— А кроме того... — продолжала девочка.

— Что, кроме того?

— Я не хотела, чтобы у меня самой были неприятности. Не хотела привлекать к себе внимание, понимаете?

Бог ты мой! И все это варилось в той «кастрюльке», что она носит на плечах, и которой от роду-то всего лет восемь или около того! Оказывается, я ее совершенно не интересовал и все, чего она хотела, это лишь спасти свою собственную тонкую шкурку.

Она наверняка знает, кто убил ту девушку...

Я постарался ничем не выдать своего возбуждения и, подстраиваясь под ее шаг, как можно беззаботнее проговорил:

— Значит, ты видела того парня, который сделал это? А я-то думал, что ты просто врешь!

— Только вот этого не надо. Разумеется, я его видела. По крайней мере, со спины. Он как раз тогда наклонился над ней.

— Иными словами, лица его ты не видела. Ну что ж, значит, ты его ни за что не узнаешь.

— А вот захочу и смогу. На нем был синий костюм.

— У моего дяди Берта тоже есть синий костюм. Ну что ты за чертовщину мелешь! Да каждый...

— А вот ругаться тоже не надо. Мама говорит, что это нехорошо.

— Да ну тебя и твою маму! Сказал бы я тебе, кто такая твоя мама — она такая же большая лгунья, как и ты, если говорит, что ты сидела дома с малышом, хотя на самом деле шныряла по лесу и подсматривала за людьми.

— Не может же она постоянно смотреть на часы, так ведь? С моим маленьким братиком этого никак нельзя. И ничего я не шныряла, мистер Умник, а просто играла там под деревьями.

— Значит, говоришь, знаешь того парня?

— Я не сказала, что знаю. Я сказала, что могу указать на него пальцем — если захочу, конечно.

— Так почему же ты этого не сделаешь?

— Это меня не касается, — проговорила она с затаенным триумфом в голосе.

Зато меня это даже очень касалось; и в данный конкретный момент меня больше всего касалось то, чтобы как можно дольше говорить с ней, пока не удастся добиться поставленной цели. Я где-то слышал, что маленькие девочки любят поддразнивать друг друга и что в девяти случаях из десяти такая тактика срабатывает.

Поэтому я собрался с силами и проговорил, стараясь вложить в собственные слова весь сарказм, который к тому времени во мне скопился:

— Эге, Руби Гэнт, ничего-то ты не знаешь!

— Знаю.

— Ты все выдумываешь.

— Не выдумываю.

— А вот и выдумываешь. Ты вообще не видела того парня, а если и видела, то все равно ни за что не отличишь его от любого другого.

— Я сказала вам, что на нем был синий костюм.

— Ну и где он живет?

— Не знаю я, где он живет, зато знаю, где он находится сию минуту.

— Ты просто маленькая лгунья!

— Не лгунья.

— А вот и лгунья.

Я уже сам было увлекся этой игрой, когда она вдруг капитулировала.

— А если я отведу вас туда, вы мне тогда поверите?

— Ну, скажешь тоже. Разумеется, если отведешь — поверю.

Она снова посмотрела на меня тем своим серьезно-отсутствующим взглядом, который, похоже, являлся частью ее маскировки.

— А если я покажу, поклянетесь, что никому не расскажете?

— Конечно, поклянусь.

— Тогда повторяйте за мной.

— Что повторять? Что я должен сказать?

Она облизала свой грязный палец и подняла его над головой.

— Видите, мой палец мокрый... ну, повторяйте.

Я облизал собственный палец и последовал ее инструкциям.

— Видишь, мой палец сухой.

— Видишь, мой палец сухой.

— Перережь мне глотку, если я солгу. — Она со зловещим видом провела пальцем по своему тоненькому горлу.

Я повторил детскую клятву, хотя, разумеется, и в мыслях не имел выполнять ее. Я посчитал бы себя последним идиотом, если бы решил, что должен нести какие-то обязательства перед этим ребенком.

Тем не менее, моя клятва, похоже, удовлетворила ее.

— Ну, тогда пошли, — сказала она.

Она вприпрыжку побежала вперед, и я, как и в прошлый раз, двинулся следом за ней. Вся разница заключалась лишь в том, что на сей раз на ней было простенькое пальтецо из дешевой ткани и шли мы не по лесной тропе, а по асфальтовому тротуару.

Мы прошли по переулку, потом свернули в другой, пока не оказались на Хай-стрит. Вокруг нас сновали люди, занятые преимущественно покупками, и девочка, как угорь, мелькала между ними, тогда как мне не оставалось ничего другого, кроме как неуклюже имитировать ее движения, то и дело натываясь на прохожих. Наверное, у меня был довольно нелепый вид, когда я следовал за этой тщедушной девчонкой с таким видом, словно от этого зависела вся моя жизнь. Однако в те минуты меня не особенно волновала мысль о том, каким я могу показаться со стороны, и сердце мое отчаянно колотилось, поскольку я чувствовал, что впереди меня ждет нечто действительно важное.

В конце концов мы дошли до перекрестка, где Хай-стрит соединялась с проходившим через весь город проспектом.

Руби Гэнт неожиданно остановилась, отчего я едва не налетел на нее.

Девочка резко отпрыгнула назад и, глядя на меня снизу вверх, легонько ткнула пальцем себе за спину.

— Он там стоит. Ну, что я говорила?

Он и в самом деле стоял там, повернувшись к нам спиной, в синей форме, белых перчатках, регулируя уличное движение — тот самый молоденький полицейский, к которому я подошел тогда там, в лесу у пруда.

Несколько секунд я простоял, неподвижно взирая а него, а в голове у меня творилось нечто невообразимое. После чего повернулся к Руби. И знаете что? Этого маленького дьяволенка рядом со мной уже не было. В общем, она в очередной раз проделала со мной тот же самый трюк. Не девчонка, а молния какая-то, к тому же хорошо смазанная маслом.

Бесполезно было и выискивать ее среди толпы — такой маленький ребенок мог укрыться практически где угодно: заскочила на время в ближайший магазин или вовсе уже находилась на полпути к дому.

Итак, я снова оказался под тем самым деревом. Повернувшись, я медленно побрел по Хай-стрит, машинально уклоняясь от летящих навстречу прохожих и тщетно пытаясь хоть как-то разобраться во всей этой истории. Получалось, что мисс Руби Гэнт в очередной раз в своей неповторимой манере провела меня за нос. Значит, этой своей выходкой, явившейся плодом сиюминутного воображения, она решила в очередной и последний раз проучить меня за ту мою попытку покритиковать ее не слишком тактичное поведение в лесу?

Не могла ли ее зловещая изобретательность подсказать ей выбрать именно полицейского как наименее вероятного из всех возможных кандидатов в подозреваемые по такому делу? Неужели она все еще продолжала насмехаться и надо мной, и над всем тем, что случилось?

Да и знала ли она на самом деле, кто убил ту девушку в лесу? Была ли история про

синий костюм лишь очередным порождением ее безудержной фантазии, или под ней имелась какая-то вполне осязаемая почва?

Что и говорить, полицейский оказался тогда, можно сказать, на самом месте происшествия или, по крайней мере, поблизости от него, и ему не стоило ни малейшего труда в тот день в считанные секунды отойти от дерева, спуститься с холма и оказаться на своем посту у пруда. И то, что я совершенно не представлял себе возможного мотива убийства, отнюдь не означало, что такого мотива не существовало вовсе.

Когда я еще сам был мальчишкой, мне всегда хотелось держаться как можно дальше от любых представителей правоохранительных органов, и потому легко мог представить себе, какое впечатление может произвести на ребенка в возрасте Руби, равно как и на все ее окружение, сама идея того, что в этой истории замешан именно полицейский. (Вы обратили внимание на то, что я предпочел не пользоваться термином «нежный» возраст?) И все же было где-то даже приятно осознавать, что во всем том, что это дитя сделало со мной, была не только злобная шалость малолетки, но и некий более значительный смысл.

Медленно бредя назад, я невольно припомнил одно обстоятельство, а именно — как смертельно побледнел тот полицейский, когда я сообщил ему об обнаруженном трупе. Могло ли быть так, что полицейский, даже совсем неопытный, оказался настолько слабонервным человеком?

Но даже если и допустить, что Руби в самом деле сделала мне своеобразный подарок, указав на настоящего убийцу, какую пользу мог из всего этого извлечь лично я? Можно было представить себе, с каким выражением лица встретит меня полицейский сержант, когда я заявлюсь к нему в участок с подобной версией на устах.

Внезапно я как бы взглянул на это дело с точки зрения полиции и тут же понял, что все это — сплошная ложь, а точнее, дьявольская смесь правды и вранья, на которой специализировалась и сама Руби.

«Ну что ж, что было, то прошло, — подумал я. — Спасибо Руби — теперь я навечно останусь человеком, у которого есть „прошлое“... но нельзя было позволить ей осложнить мне жизнь на будущее».

Я почувствовал, что для поддержания духа мне надо что-нибудь выпить, и пусть этот напиток окажется самым обычным крепким кофе, и неважно, что мысль об этом пришла мне в голову в тот самый момент, когда я проходил мимо одного из молочных баров. Одним словом, я решительно толкнул дверь и вошел внутрь помещения.

Это было одно из типичных заведений подобного рода, внешне напоминающее трамвайный вагон, в котором в передней части стоят столики, а кухня и все прочее располагаются сзади. Я был уже на полпути к стойке, когда мое внимание привлекло нечто, заставившее меня буквально застыть на месте.

Там, на одном из табуретов, почти спиной ко мне, сидело это маленькое дьявольское создание: худые локти уперлись в стойку, крохотные обезьяньи лапки сжимали стакан с каким-то напитком.

Однако она не пила — вместо этого она с неподдельным восхищением, словно находясь в экстазе от заворожившего ее зрелища, взирала на лицо молодого Адониса, царившего в пространстве за стойкой. Парень был худощавый, с темными волосами и красив, как гремучая змея. Ну, вы знаете такой тип внешности.

В ушах у меня завис какой-то жужжащий звук. Я стоял совершенно спокойно, но где-то в глубине меня возникло внезапное видение ясной и ошеломляющей истины, для подтверждения которой подчас не требуется никаких доказательств.

Затем я перевел взгляд на Руби.

Парень только что намазал маслом несколько кусков хлеба, очевидно, предназначенных для бутербродов, и продолжал сжимать в правой руке нож, машинально пробуя указательным пальцем левой руки, насколько острое у него лезвие.

Ни я, ни девчонка его совершенно не интересовали.

Все его внимание было обращено на пару молоденьких девушек, которые сидели за

столиком рядом со стойкой и разговаривали с той подчеркнутой оживленностью, которая появляется в их жестах всякий раз, когда поблизости оказывается любой, хотя бы относительно привлекательный молодой парень. Полуприкрыв глаза, он взирал на них, словно видел открывающиеся перед собой загадочные и одновременно сладостные перспективы.

Затем, словно притянутый магнитом, он положил нож и устремился вперед, миновал замороженную Руби и принялся убирать с их столика пустые чашки.

Одетый в короткую белую курточку, он склонился над девушками и принялся неслышно нашептывать им какие-то, очевидно, достаточно соблазнительные фразы-предложения, одновременно выставив на мое обозрение заднюю часть своих брюк какого-то на редкость отвратительного цвета. Я решил отказаться от ранее задуманной идеи освежить горло в этом заведении.

Резко развернувшись, я зашагал вперед, и быстрее, чем кто-либо успеет произнести слова «хладнокровное убийство», покинул это заведение.

Я согласен, неясного во всем этом — хоть отбавляй, и мне бы самому хотелось бы как следует разобраться в кое-каких деталях.

Например, каким образом моя очаровательная Руби вообще отыскала этого типа?

Возможно ли было, чтобы она систематически выискивала его, ориентируясь по характерным особенностям одежды? Или она знала его и раньше? А может, все это — самая обычная случайность, по принципу, как говорится, «новичкам всегда везет»?

Как долго собирался он потчевать ее бесплатным мороженым, горячим шоколадом и прочими лакомствами, чтобы заставить держать язык за зубами?

И что случится, когда ему все это порядком надоест?

Или когда... впрочем, хватит.

Эти и им подобные вопросы, скорее всего, так и останутся для меня полнейшей загадкой.

Когда сходятся два тигра, мне лучше убраться пододру-поздорову.

14. Филлис Макленнан До свидания, мисс Паттерсон

Пятый класс мисс Агнес Паттерсон не шевелясь сидел — под горгоньим взглядом своей учительницы в ожидании следующего пункта ее тщательно продуманного плана. Неподвижные, с прямыми спинами, аккуратно сложив руки на партах, с выражением уважительного послушания на лицах, они, казалось, и не подозревали, что это был последний день перед пасхальными каникулами, что занятия заканчиваются и что весна ждет их за открытыми окнами. Казалось, что ни в деревьях, подернутых розовым дымком, ни в беспечном щебете птиц, ни в теплом дыхании влажной земли с ее новой жизнью не было для них ни малейшей прелести. Ни один из них не смотрел в окно. Кроме занятий, было еще нечто, стоявшее на подоконнике, что отвращало из взгляды от этого места: пустая хомячья клетка.

Клетка не предназначалась для нового жильца. Она стояла здесь исключительно для того, чтобы напоминать им о провале их природоведческих наблюдений, — выверты современного образования, которые мисс Паттерсон никогда не одобряла. Группа, которой было поручено ухаживать за зверьком, забыла взять его домой на время рождественских каникул, а учительница, увидев в этой оплошности чудесную возможность преподать суровый урок Ответственности, оставила животное на произвол судьбы, на которую обрекли его нерадивые попечители. Вернувшись после каникул, они обнаружили его мертвым, лежащим на спине, с оскаленными зубками, окоченевшего и холодного. Мисс Паттерсон красочно описала муки, которые должен был испытывать умирающий от голода и жажды хомячок, и этим довела большинство детей до истерики. Одно было ясно: никто из них уже не посмеет бросить взгляд в сторону страшной клетки, какие бы удивительные дела ни

происходили за окном. Они сидели пришибленные, полностью под контролем. Если бы учительница ударила кнутом, они бы встали на задние лапки.

Все, кроме Коринны.

Дерзкая маленькая чертовка Коринна! Она сидела в углу, как кошка, которая забрела сюда по случайной прихоти, — то наблюдая за происходящим непроницаемо-тлеющим кошачьим взглядом, то уходя в себя, в свои таинственные мысли. У нее была репутация смутьянки. Ее переводили из класса в класс после того, как учителя по очереди отказывались с ней справляться. Родителей вызывали в школу, но они не пожелали обсуждать этот вопрос, как подобает родителям. Они сказали, что их дочь пошла в школу потому, что этого требует закон, — так вот, пусть закон и отвечает за ее поведение. Это не их забота.

В классе мисс Паттерсон она была чуть больше недели, и хотя еще не успела ничего натворить, от одного ее присутствия класс начинало лихорадить. Дети становились беспокойными, нервными, как овцы, учуявшие волка. Ее презрение к их занятиям было очевидным. Когда ее вызывали, она отказывалась отвечать на вопросы, не выполняла домашних заданий, сдавала чистые листы, и — имея перед собой такой пример — остальные начинали постепенно отбиваться от рук.

Но мисс Паттерсон не беспокоилась. С трудными детьми она работала уже двадцать лет и умела ставить их на место. Ее методы были если не деликатны, то эффективны. Когда на контрольной по арифметике, которую сдала Коринна, мисс Паттерсон обнаружила только ее имя, в ход было пущено наиболее действенное оружие. Мисс Паттерсон раздала контрольные и обратилась к ученикам. Голос у нее был, как мед на кончике ножа.

— Мы знаем, что у слонов — гигантский мозг, и значит, те, кто написал отличные работы, — слоны. Встаньте, слоны, чтобы вас все видели... О, у нас много слонов, правда?... У мышей — маленький мозг, они невнимательны и поэтому делают ошибки, но зато они быстрые и ловкие. Встаньте, мыши!.. Блохи — это крохотные паразиты, у которых вообще нет мозгов. В нашем классе нет блох, правда?... Хотя, постойте, у нас все-таки есть одна. Коринна не ответила ни на единый вопрос в этой контрольной! Она не смогла ответить! Встань, Коринна. Вот ты-то и есть самая настоящая маленькая блоха!

Она торжествующе улыбнулась и посмотрела на Коринну, надеясь полюбоваться ее крахом.

— Если я блоха, то вы — старая летучая мышь.

Такую дерзость невозможно было себе представить. Мисс Паттерсон замерла и сидела, как парализованная, чувствуя, как челюсть ее бессильно отвисает и лицо начинает гореть. Пригвожденная глазами Коринны — злыми, желтыми и безжалостными, как у ястреба, — она поняла. Как же могла она раньше этого не понимать? Как могла она не видеть того, что видела теперь так ясно? Этот ребенок был совсем не таким, как другие.

— Ты — летучая мышь, — зловеще повторила Коринна; ее ведьмовские глаза становились огромными и сверкающими. Она крадучись подошла к столу и скользнула за него, как змея. А следом за ней, будто очнувшись, будто привязанные к ней, увеличивая ее волю совместными усилиями, дети устремились к своей учительнице. Все они столпились вокруг ее стола и смотрели...

... Неужели они так выросли? Или это она стала такой маленькой? Они маячили высоко над ней, сияя дикой радостью.

Агнес Паттерсон взмахнула крыльями и попыталась удрать, путаясь между их ногами и призывая на помощь голосом, слишком высоким для человеческого уха. Дети визжали от радости, бежали за ней, гоняли ее из угла в угол, набрасывались на нее, когда она пыталась спрятаться. Наконец, помощь пришла — из соседней комнаты явился мистер Морган, привлеченный тараромом.

— Что здесь происходит?

— Это наша летучая мышь! — крикнула Коринна. — По природоведению! Она сбежала!

— Да, да! — закричали дети. — Мы хотим ее поймать и посадить обратно в клетку!

— А где мисс Паттерсон? Ей нужно было предупредить меня об отсутствии, я бы ее заменил... Ну, ладно.

Он стащил с себя пиджак, одним искусным броском накрыл истерически чирикающее создание и затолкнул его в клетку. Закрыв дверцу, он взглянул на часы:

— Скоро будет звонок. Сидите тихо, дети. Я буду следить за вами из своей комнаты.

Они заняли свои места и сидели, пока не прозвенел звонок. Они сидели молча, но встречались их ликующие взгляды, и ладошки прикрывали хихиканье, когда победно смотрели они на маленького зверька, который, лихорадочно дыша, съежился у задней стенки своей тюрьмы. Когда урок закончился, они собрали свои вещи и бесшумно, в безупречном порядке, вышли, не привлекая внимания к себе и своей беспризорной классной комнате. Коринна подождала, пока все выйдут. Затем она подошла к клетке и стала перед ней. Пленница еще больше вжалась в стенку, но ничего плохого с ней не сделали.

— До свидания, мисс Патерсон, — прошептала Коринна. — Желаю вам приятных каникул.

Она на цыпочках вышла и закрыла за собой дверь.

15. Алекс Хэмилтон Железная дорога

По вечерам они взбирались по крутой и узкой лестнице и оказывались в просторной комнате, располагавшейся под самой крышей дома. Сам Гектор Коли обычно поднимался туда быстрым и легким шагом, тогда как мальчик с недовольным видом волочился за ним, вяло переставляя ноги. Мансарду в семье называли «комнатой Брайана», хотя самому Брайану казалось, что она сверху донизу и вдоль и поперек заполнена персоной его отца.

Это было продолговатое помещение с невысокими стенами и скошенным потолком, чем-то отдаленно напоминавшее собой нижнюю половину чуть наклоненной буквы А. В одном ее конце располагался громадный бак для воды, тогда как вся остальная часть, как принято было считать, принадлежала Брайану.

Коли водил в ней игрушечные поезда. Мальчик в основном наблюдал.

В те вечера, когда отец увлеченно занимался любимым делом, то регулируя миниатюрное сцепление между вагонами, то заново укладывая пути, а то подводя к крохотным домикам электричество, чтобы они светились изнутри, Брайан обычно стоял в сторонке и тупо глазел в единственное имевшееся на чердаке квадратное окно, за которым медленно догорал закат.

Коли просто бесило то, что Брайан не проявляет ко всему этому ни малейшего интереса, и время от времени восклицал:

— Никак я тебя не пойму, Брайан! Чего ты вообще хочешь? Да другие мальчишки руку бы позволили себе отрубить, лишь бы занять такую комнату, которую я для тебя построил.

В такие минуты мальчик переводил взгляд на отца и начинал нервно потирать руки; потом поспешно подавался вперед и принимался осматривать детали сложной конструкции.

— А сделай так, чтобы он через перекресток проезжал, — иногда говорил он, и то лишь скорее, чтобы польстить отцу.

Однако не успевал еще маленький чудесный флейшмановский моторчик повести состав под уклон к перекрестку с шоссе — что восхитительным образом заставляло подъезжавшие к нему сбоку две или три машины резко тормозить, — как мальчик снова переводил взгляд куда-то в сторону, например, на сидящую на стене муху или на луну, которую медленно заволакивали тучи.

— Я просто и не знаю, что делать, — позже жаловался Коли жене, — его ничего не интересует. Иногда слова от него за весь вечер не услышишь, буквально клещами вытягивать приходится.

— А может, он просто не дорос до таких сложных игр? — робко вопрошала жена. — Знаешь, я как посмотрю на все эти конструкции, так сразу думаю, что вообще бы там ничего

не поняла — все эти сигналы, контрольные переключатели, семафоры, которые то загораются, то гаснут, поезда — туда летят, сюда летят... Как все же хорошо, что с меня никогда не спрашивают ничего более сложного, чем управляться со своей вязальной машиной.

— Я совершенно не о том, — нетерпеливо возражал ей Коли. — Я же не жду от него, чтобы он в одночасье научился синхронизировать движение одновременно десяти составов и параллельно обеспечивать безопасность их передвижения. Я всего лишь пытаюсь зажечь в его душе искру энтузиазма. Я хочу сказать, что жертвую на него свое время, не говоря уже о деньгах — хотя счет, между нами, уже идет на тысячи, — и создаю макет, подобного которому, готов на что угодно поспорить, нет больше ни в одном другом доме во всей Англии, а он не хочет продемонстрировать даже капельку вежливости и внимательно послушать, когда я ему что-то объясняю. Хорошо это по-твоему, а?

— Дорогой, я отлично понимаю твои чувства, но мне кажется, что в десятилетнем возрасте это немножко...

— Ну что ты чепуху-то городишь! — восклицал Коли. — Десять лет — это давно уже не младенец. В десять лет я уже мог разобрать новые часы, а потом собрать их снова, да так, что они начинали ходить лучше, чем новые.

— Ну, дорогой, не всем же быть такими, как ты. У всех, что ли, такой дар к механике? Я надеюсь, со временем Брайан еще себя в чем-нибудь проявит.

— Ну вот, опять за свое! Да ты посмотри, что ему учителя-то пишут: «Мог бы достичь гораздо большего, если бы усерднее...», «не хватает усидчивости, чтобы усвоить...» и так далее. И все с расчетом на то, что отец потом подберет ему местечко поудобнее да поуютнее. Нет, Мег, что бы ты там ни говорила, а мне совершенно ясно одно: мальчишка просто ленится.

— Но ведь по некоторым предметам он учится гораздо лучше, чем по другим.

— Ерунда! — с чувством восклицал Коли. — Каждый человек способен сделать абсолютно все, надо только постараться как следует.

Как-то вечером, терпеливо послушав некоторое время обычные жалобы мужа, женщина неожиданно прервала его:

— Кстати, а где он?

— Там же, где и был. Я дал ему новый паровоз, прямо в упаковке. Хочу посмотреть, хватит ли ему смекалки поставить его на рельсы и подсоединить состав. И если, когда я вернусь, он все еще будет лежать в коробке...

— Так вот, дорогой, — проговорила жена, удивляя его непривычной запальчивостью своего тона, — давай раз и навсегда разберемся со всем этим делом. Знаешь, мне уже порядком надоело сидеть здесь, читать или смотреть телевизор, и все время знать, что вы там воюете друг с другом. Если его все это и в самом деле не интересует, так, может, вообще прекратим эту затею? Я знаю, что эта железная дорога всегда была для тебя предметом особой гордости, но, честное слово, лучше уж ее вообще выбросить, чем и дальше терпеть подобное.

Пораженный, он повернулся и, не сказав ни слова, ушел наверх.

Мальчик сидел на корточках, уткнувшись локтем в колено и положив щеку на ладонь. Его прямые темные волосы упали со лба, закрывая половину лица; другая рука безвольно свисала вдоль тела, а указательный палец машинально катал по полу туда-сюда игрушечный вагончик.

Паровоз стоял на рельсах — Брайан поместил его во главе весьма необычной коллекции всевозможных вагонов: пульманов, грузовых платформ, вагонов-ресторанов, ремонтных платформ, лесовозов, нефтеналивных цистерн — всего, что первым попало под руку.

— Брайан, садись за пульт управления, — коротко бросил Коли.

Мальчик молча сделал то, что ему было сказано.

— Я хочу, чтобы ты сегодня повел этот состав, — проговорил отец. — Только учти, что

я и пальцем не пошевелил, чтобы помочь тебе. Впрочем, вести я себя стану честно, — критиковать твои действия тоже не стану. Просто буду стоять, как будто меня здесь и нет. Если на то пошло, то с учетом всего того, что ты уже узнал, я вполне мог бы и сам ехать в этом поезде. Представь, что я и в самом деле тоже в нем еду, и веди себя соответственно...

Он старался говорить так, чтобы голос не выдал ни его раздражения, ни тем более гнева. Мальчик на мгновение чуть повернулся и пристально посмотрел на отца, после чего принялся рассматривать пульт управления.

— ...не спеши... хорошенько все продумай... ничего не делай наспех... сначала пораскинь мозгами... если бы ты знал, какую восхитительную модель я тебе подарил... я сажусь в вагон... на площадку машиниста, если тебе так больше нравится... устроим гала-представление, все будет работать, иллюминация сияет... но сначала дай мне время взобраться по ступенькам... И учти, сынок, теперь я в твоих руках...

Коли стоял на железнодорожном полотне. Прямо напротив него — чуть поодаль от основной ветки — высилась громада паровоза. Он медленно двинулся навстречу составу.

В сущности, он даже не удивился тому, что оказался в том же масштабе измерения, что и находившаяся перед ним модель. Каждый человек способен сделать абсолютно все, надо только постараться как следует. Ему всегда хотелось повести поезд, находясь в кабине машиниста, и вот — он приближается к ней.

Однако уже через пару шагов он чуть ли не по колено провалился в слой балласта, лежавший под путями. А, ну да, поролон. Он ухмыльнулся. «Надо было заранее подумать об этом», — сказал он себе.

Коли остановился рядом с двигателем, посмотрел на паровой котел и даже присвистнул от возбуждения при виде такой красоты. Ну надо же, какую прелесть могут сотворить эти немцы буквально из всего, за что только ни возьмутся. Все подогнано, все сверкает, ни одной лишней линии. Роскошная, шикарная, совершенная работа! Он мысленно пожелал его создателям долгих лет жизни. Это была уже не игрушка, а самая настоящая вещь.

Коли осторожно ступал по крохотным, острым камушкам-песчинкам, парочка из которых чуть было не прорвала подошвы его туфель. Глянув под ноги, он заметил согнутую под прямым углом блестящую металлическую полоску, и через секунду понял, что это была одна из скоб, стягивавших края крышки коробки, в которой лежал паровоз. Коротко хохотнув над собственной увлеченностью этой забавой, он поднял металлическую скобу и, поднатужившись, распрямил ее.

Коли подошел к колесу и похлопал его рукой. Естественно, сделано оно было, как говорится, на совесть — солидное и прочное, — и он провел ладонью по его новенькой, гладкой окружности. Потом поднял руку и положил ее на глянцевую поверхность парового котла — сделать это можно было лишь потому, что котел оставался холодным. Он снова улыбнулся: это, понятно, немного не по-настоящему, хотя можно было бы продумать какую-нибудь электросистему, которая бы подогревала воду в котле. Что и говорить, когда всерьез занимаешься подобными делами, начинаешь обращать внимание даже на самые ничтожные мелочи.

То, что он заметил через мгновение, заставило его нахмуриться. Сцепление паровоза с первым вагоном — пульмановским — Брайан в одиночку наладить не смог или не удосужился, и теперь его передние колеса чуть возвышались над рельсами. Коли прошел к тендеру и заглянул вниз, чтобы убедиться в собственной догадке. Так оно и есть — черт бы побрал этого шалопая!

Он уже хотел было крикнуть сыну и указать на неисправность, но в последний момент вспомнил свое обещание ни во что не вмешиваться и потому решил сам устранить неполадку. Для этого нужно было всего лишь повернуть кронштейн, и тогда спица попала бы в нужную прорезь с тыльной стороны тендера, ну, а остальное было сделать уже совсем просто. Он сунул рычаг под кронштейн и, навалившись на него всем телом, постарался чуть сдвинуть вагон.

Через минуту отчаянных усилий, в течение которой вагон едва покачивался, но с места, разумеется, так и не сдвинулся, Коли выпрямился и снял пиджак. Оказалось, что он до сих пор не снял костюм, в котором ходил на работу в офис. Как бы ему хотелось оказаться сейчас в своих старых фланелевых брюках и просторной рубашке; впрочем, хорошо было уже то, что хоть не в шлепанцах пришел. По спине струились ручейки пота. В последнее время он практически не занимался по утрам зарядкой, хотя регулярное посещение поля для гольфа, где приходилось обойти подчас все восемнадцать лунок — когда шагом, а когда и бегом (без клюшек, разумеется), — все же пошло ему на пользу.

Затем он снова принялся подтягивать кронштейн, как и в первый раз, давя на рычаг всей массой своего тела. Неожиданно металлическая деталь резко подалась вперед, скользнула по гладкой, отполированной поверхности, спица нашла полагающееся ей отверстие, и весь вагон с оглушительным грохотом опустился на рельсы. В то же мгновение рычаг отскочил назад и, подобно распрямляющейся пружине метнувшись вверх, одним концом ударил его по руке снизу, рядом с плечом.

Коли подумал, что он сейчас потеряет сознание — настолько сильной, невыносимой была боль. Вся рука начисто онемела — чувствительность сохранилась лишь в месте удара, и, следовало признать, с отчаянной очевидностью напомнила ему, что это его собственное тело. Почти машинально он наклонился за пиджаком; подцепив его кончиками пальцев, он побрел назад к паровозу и стал медленно забираться в кабину машиниста. Там он оперся о какую-то неподвижную деталь и стал постепенно приходить в себя.

Коли все еще ощупывал ушибленное место, проверяя, цела ли кость, когда без какого-либо предварительного сигнала состав резко дернулся с места. Круто развернувшись, он ухватился за край окна кабины и только этим уберег себя от падения. Даже без учета последствий только что перенесенного удара ему хотелось подождать еще несколько минут и как следует подумать над тем, стоит ли продолжать эту затею с путешествием на игрушечном поезде.

Поначалу он даже не мог толком понять, где именно находится. В этом фантастическом ландшафте, освещенном, но не согреваемом тремя электрическими солнцами, очертания всех ранее знакомых предметов неузнаваемо изменились. Ощущения были в чем-то сродни тем, которые испытывает человек, хорошо знающий какие-то места при дневном свете, когда он оказывается в них после наступления сумерек.

В ярком сиянии лампы под потолком и двух настенных бра все вокруг сверкало и переливалось. Контрастные и отчетливо различимые для Коли, но совершенно незаметные для сидящего за пультом управления мальчика, повсюду метались длинные, причудливые тени, отбрасываемые всеми возвышающимися предметами. Сами же эти предметы буквально искрились отражаемым ими светом, лучи которого метались, разбрызгивались в разные стороны, отбрасываемые стенами и крышами домов, листвой деревьев, лежащими на полосе отчуждения кучами угля, одеждой и лицами стоящих мужчин и женщин. Само полотно железной дороги сияло, кружило и многократно перекручивалось, устремляясь вперед между ветряными мельницами и фермами, гаражами, полями и полустанками, которые также вносили свою лепту во всеобщую какофонию безудержного, неутомимого сверкания.

Коли зажмурился, стараясь превозмочь резь в глазах от невыносимо яркого света. Поезд между тем плавно несея вперед, постепенно набирая скорость. «Как бы то ни было, а Брайан неплохо начал, — подумал отец. — Похоже, я недооценил его наблюдательность».

Он сконцентрировал взгляд на обширном сером пространстве, раскинувшемся параллельно железнодорожному полотну, по которому сейчас мчался поезд, и похожему на вытянутое прямоугольное поле, поросшее густым кустарником с курчавыми верхушками. Что, черт побери, это может быть? Коли не помнил, чтобы сооружал хоть что-то подобное. Впрочем, что бы это ни было, сейчас, когда сам он оказался в том же масштабе, что и его игрушечный мир, представшее его взору зрелище отнюдь не казалось ему натуральным, хоть сколько-нибудь похожим на настоящее. Легкий ветерок покачивал росшие чуть поодаль

небольшие кучки деревьев, и в следующую секунду до него наконец дошло: ну, конечно, это же просто кусок ковра, который он постелил в одном конце комнаты, да еще постоянно напоминал посетителям, чтобы во избежание возможных поломок они ходили только по нему.

Но, если это ковер, то... Коли метнулся к другому окну и в самый последний момент перед тем, как паровоз начал заворачивать за угол, увидел макушку сына, склонившегося над пультом управления.

Она находилась от него на расстоянии нескольких миль! И какая громадная! Какая... Боже, ну что за сравнение... нелепо-гротескная! Линия пробора в волосах, белой чертой рассекавшая череп, показалась ему из кабины паровоза лесной просекой, прорубаемой перед прокладкой железной дороги. Под нависшей на лоб челкой можно было спрятать целый дом, а тень сына на фоне пылающего белого неба казалась громадной грозовой тучей.

Поезд пошел на поворот, Брайан исчез из поля зрения, и Коли резко встряхнул головой, словно хотел выбросить из головы возникшие видения, подобно тому, как выбравшаяся из реки собака стряхивает с себя остатки воды. «Что-то у меня слишком воображение разыгралось», — раздраженно подумал Коли, и все же тыльную сторону его ладони, в которой был зажат игрушечный рычаг, сейчас покрывали крупные капли пота.

Он заметил, что поезд чуть прибавил скорость; телеграфные столбы сменялись через каждую секунду, а то и чаще. Он чувствовал, что ушибленная рука вновь обретает способность двигаться, и ощущение это вернуло ему былую уверенность в своих силах. «Интересно, — промелькнуло у него в мозгу, — когда я снова обрету прежние габариты, эта рана сохранит свои размеры пропорционально увеличившемуся телу или же останется едва заметной царапкой?»

Коли почувствовал, что задувавший из окна ветер усилился, и хотел уже было надеть пиджак, когда поезд снова повернул и он потерял равновесие. Падая, он невольно взмахнул рукой, в которой был зажат пиджак, и струя воздуха, как пушинку, вытянула его за окно.

На сей раз падение оказалось безболезненным, однако потеря пиджака сильно раздосадовала его, и он, поднимаясь на ноги, смачно выругался. «Вот ведь черт, понастроили поворотов! — Как если бы это происходило впервые. — Впрочем, ладно, неважно, обойдусь и без пиджака. Может, оно даже и хорошо немного проветриться. Вот только если бы этот чертов свет не бил прямо в глаза. Да приглуши огни-то, не понимаешь, что ли?»

Как если бы его кто-то и в самом деле услышал, все три солнца разом погасли.

На какое-то мгновение окруживший его мрак показался сплошной чернотой.

Паровоз почти бесшумно несясь сквозь непроглядную темень. Коли стал на ощупь отыскивать, за что бы можно было ухватиться. «Да, неловко как-то получается», — пробормотал он себе под нос. Однако тьма продолжалась не так уж и долго — видимо, как подумал Коли, Брайан что-то там разглядел на пульте, щелкнул выключателями, после чего огни во всех домах, на полустанках, фермах и мельницах снова ярко вспыхнули.

— Ну вот, теперь любо-дорого взглянуть! — одобрительно проговорил Коли. — Я всегда знал, что толковую соорудил штуку, но лишь теперь понимаю, насколько она хороша. Разве кто-то может пожаловаться? — И продолжал: — Пожалуй, все оценят мои усилия сделать так, чтобы даже самому маленькому существу здесь было удобно.

В данном случае он обращался к людям, населявшим тот мир, по которому сейчас мчался его паровоз.

А потом, когда разом исчезли все стены мансарды, подумал: «Если бы Брайан не почувствовал, что старик уже не сидит в кресле у него за спиной и не заглядывает через плечо, наверное, так бы и не понял никогда, как прекрасно все это работает. А что, приятно было бы сейчас и вправду опуститься в кресло и подождать, пока огни не вспыхнут снова. Надо только не пропустить момент, когда сын наиграется и начнет тормозить состав».

Они как раз проезжали перекресток, и Коли выглянул наружу. Из вереницы скопившихся у шлагбаума фигур он выхватил взглядом одну — ту, которая стояла прямо по центру освещенного пятна тротуара и махала ему рукой. Он картинно помахал ей в ответ.

Лицо махавшего человека выражало неподдельное ликование, улыбка была в буквальном смысле до ушей.

— Приятный малый, — заметил Коли.

Постепенно он испытывал все большее наслаждение от происходящего.

В успокаивающем темпе паровоз выехал на длинный и прямой участок пути, который заканчивался вокзалом, обозначенным на плакатах и указателях как «Коливилль». Это была самая крупная и наиболее хорошо оснащенная из всех имевшихся на пути следования пяти станций, и Коли предположил, что Брайан наверняка решит сделать там остановку. А интересно будет посмотреть, как он справится с этой вообще-то не такой уж хитрой задачей. При этом предполагалось, что пассажиры станут выносить из вагонов свои вещи, надевать плащи и обижаться на машиниста за то, что слишком резко тормозит.

Где-то вдалеке перед собой Коли разглядел приближающиеся огни вокзала и даже увидел длинную вереницу людей, стоящих в очереди на посадку. «А еще ведь у меня немало народу расставлено у перекрестков на подходах к Коливиллю», — подумал он. Внезапно на спускающейся с холма дороге, которая незадолго до вокзала пересекалась с железнодорожным полотном, засверкали фары стремительно приближающейся открытой спортивной машины. Коли мгновенно сопоставил скорости машины и поезда и пришел к выводу, что на месте пересечения они окажутся чуть ли не одновременно.

— Вот ведь молодая обезьяна! — едва слышно выдохнул Коли. — Авария же может быть...

На какое-то мгновение он напрягся, но затем вспомнил, что именно на этом перекрестке была задействована синхронизация, которая автоматически затормозит машину. В ушах его зазвучал визжащий, пронзительный скрежет металла по металлу — это сработала блокировка, установленная на монорельсе, по которому двигалась машина, и та резко остановилась, словно наткнулась на невидимый барьер.

«С восьмидесяти миль в час до полной остановки — и все за какую-то долю секунды, — подумал Коли. — Да, не очень-то правдоподобно получается. Впрочем, мальчик здесь ни при чем — надо будет потом посмотреть, нельзя ли там что-то подрегулировать».

Пока локомотив медленно проезжал перекресток, он обратил внимание на то, что на лице водителя машины не были прорисованы отдельные черты. Даже глаз не было!

— Чем смотришь-то?! — крикнул ему Коли, тогда как фигура водителя с квадратными плечами продолжала ровно и неподвижно восседать в кабине в ожидании, когда проедет поезд.

Наконец поезд остановился в Коливилле.

— Восхитительно! — воскликнул Коли. — Просто замечательно!

Как ему хотелось сейчас пожать Брайану руку. Надо же, все-таки смог довести, причем как гладко все прошло! Он переживал приятное волнение. На какое-то мгновение подумал было о том, чтобы на вокзале выйти наружу и немного прогуляться вдоль состава, посмотреть, как он будет трогаться с места, а потом, когда поезд совершит полный круг, снова сесть в него, но передумал: у него не было уверенности в том, что в следующий раз мальчик поведет экспресс по тому же пути, да и народу на вокзале скопилось слишком много, чтобы заниматься такими экспериментами. В общем, он не стал выходить наружу.

Коли высунулся из окна кабины машиниста и глянул вдоль состава на вереницу стоящих в очереди пассажиров. Его даже немного удивило то обстоятельство, что никто из них не двигался. Так они и стояли со своим багажом — кто в руках его держал, кто поставил у ног, — в ожидании поезда, а когда тот наконец прибыл, оказалось, что никто даже не думает сойти с места. Он встретился взглядом с кондуктором — оказывается, тот уже давно пристально наблюдал за ним. У мужчины было темно-красное, почти коричневое лицо, а на одной ноге отсутствовала передняя часть стопы. «Наверное, крепко поддает, — подумал Коли, — и к тому же имеет на то причины».

Непосредственно за кондуктором стояла очаровательная блондинка за два метра ростом — одна грудь у нее определенно была больше другой, хотя во всем остальном

девочка была, как говорится, что надо. Рядом с ней стоял маленький мальчик в костюме и школьной кепке. Правда, лицом он больше походил на мужчину средних лет. Еще дальше отчаянно резвился беззубый мастиф, чуть ли не вырывая поводок из рук джентльмена в деловом костюме и фетровой шляпе. Внешность у него была просто безупречная, если не считать того, что он забыл надеть воротничок и галстук.

Кончиком указательного пальца Коли почесал нос.

— Я и представить себе не мог, что здесь так много всяких забавных типов, — с грустью проговорил он.

Кондуктор взирал на него с откровенной злобой, блондинка — с гордым видом.

Паровоз стал отъезжать от вокзала. Коли снял башмак и принялся колотить им по правому переднему стеклу кабины — оно было матовым и затрудняло обзор, но потом улыбнулся при мысли о том, что напишет конструкторам железной дороги и выскажет критическое замечание. А что? Как и все немцы, они — люди педантичные, а потому отнесутся к его критике со всей серьезностью и учтут на будущее, чтобы впредь не допустить подобной оплошности.

За Коливиллем дорога чуть изгибалась и проходила между невысокими холмами. Сам по себе Коливилль являлся скорее «спальным городом», зато в его предместьях располагалось немало процветающих ферм — между холмами там и тут просматривались клочки вспаханной земли. У подножия одной из возвышенностей располагался хорошо оборудованный сельский клуб. Это место Коли оборудовал с особой выдумкой: дальний край сельскохозяйственных угодий упирался в восточную стену мансарды, на которую он приклеил громадное, тянущееся во всю ее ширь фото, изображающее горную гряду, как бы являющуюся продолжением панорамы сельской местности. Сам он считал это место едва ли не самым красивым и тщательно проработанным участком всего макета.

Рядом с заборами фермерских построек стояли дети — все махали ему рукой. Деревенские мужики тоже махали, а вокруг них весело резвились овцы и собаки, последние даже махали хвостами. Медленно вращалось колесо водяной мельницы; она работала от батареек, но все равно смотрелась как настоящая. Туда-сюда сновали пышнотелые молочницы.

«Чудесное место для отпуска», — сентиментально подумал Коли. Он чуть ли не по пояс высунулся из окна кабины, чтобы получше разглядеть окружавшую его панораму, и едва не лишился головы от пронесшегося мимо товарного поезда.

Встречный состав подкрался совсем незаметно, бесшумно выскользнув из-за поворота по наружной колее, и Коли, в самый последний момент заметив промелькнувшую тень, успел юркнуть назад.

Ошеломленный, он прислонился лбом к холодному металлу оконной рамы.

— Идиот! — сказал он, обращаясь к самому себе, объятый страхом и гневом.

Скорость у товарняка была приличная, и в нем было всего пять вагонов — все пустые.

— Полегче, старина! — обратился он к невидимому сыну, с трудом переводя дыхание, — не надо пробовать все сразу.

Впервые за все время поездки ему пришло в голову, что неплохо бы на случай возможной опасности подготовиться к тому, чтобы спрыгнуть с поезда. Пока что Брайан довольно умело справлялся с механизмами, однако малейшее невниманье... По спине Коли скользнул легкий холодок.

Он глянул в хвост состава, на котором ехал. Да и неплохо было бы пройти в задние вагоны...

Он отошел на три шага, чуть разбежался, спрыгнул на тендер — и разорвал штанину о жесткую глыбу с острыми краями, которая была призвана имитировать кучу угля. К тому же она оказалась довольно скользкой, и он чуть было не съехал по ней вниз, однако все же нащупал пальцами и мысками туфель небольшие выбоины и вмятины, позволившие ему удержаться.

Теперь состав проезжал вдоль набережной. Внизу под собой он мог различить фигуры

молоденьких женщин в купальных костюмах, загорающих на берегу стеклянного бассейна. Вокруг в подобострастных позах застыли одетые в униформу официанты, протягивающие напитки расположившимся под пляжными зонтиками мужчинам в коротких рубашках. С учетом того, что все это происходило в ночное время, было во всей этой сцене что-то жутковатое, наводящее на мысль о тайных удовольствиях, особенно принимая во внимание тот факт, что одна из красоток высунула из сверкающих желтовато-коричневых кустов свои белые ноги. Ведь это вполне мог быть и труп, хотя никому из присутствующих там представителей сладкой жизни это и в голову не приходило.

Сидя на жесткой черной глыбе, Коли неловко заерзал, чуть подаваясь всем телом вперед. Он уже пожалел, что покинул насиженное местечко, поскольку ветер здесь был гораздо сильнее, чем он мог себе представить.

Он сменил позу и теперь сидел на жесткой, неровной поверхности тендера. Позади сельского клуба виднелись горы. Потом он принялся нащупывать ногой какой-нибудь упор, чтобы, оттолкнувшись от него, перескочить с тендера в располагавшийся у него за спиной пульмановский вагон, но решил повременить с этим маневром вплоть до тех пор, пока состав не пройдет через длинный туннель. Кроме того, вскоре должен был начаться ровный пологий уклон, и в таких условиях он предпочел бы, чтобы место, куда можно было прыгнуть, оказалось все же понадежнее. Ко всему прочему, в туннеле будет довольно темно.

Внезапно он вспомнил, как утром в воскресенье укреплял над туннелем макет горы. Вся проблема тогда заключалась в материале — надо было как следует закрепить его гвоздями, но так, чтобы не испортить окружающий ландшафт.

О, черт, эти гвозди!..

Наверняка некоторые из них пробили туннель насквозь! Раньше ему и в голову не приходило побеспокоиться об этом, поскольку сами составы совершенно свободно проходили по туннелю — но каково придется ему, сидящему на верхотуре тендера? В отчаянии он принялся оглядываться, по-прежнему не оставляя надежды заблаговременно соскочить с поезда.

К сожалению, мысль об этом пришла слишком поздно — туннель словно всосал его в свое чрево. Он перекатился на живот и стал молиться.

В туннеле было очень темно, очертания окружающих предметов едва проступали. В одном месте, где часть конструкции, присоединенная на скорую руку при помощи куска крашеной холстины, чуть отошла в сторону, снаружи проникал слабый, едва различимый свет, однако и его оказалось достаточно, чтобы разглядеть торчащий сверху гвоздь, и в самую последнюю секунду успеть отклониться в сторону. Зато другой гвоздь он вообще не разглядел — торчавший вертикально вниз, тот задел воротник рубашки, о чем Коли догадался по резкому рывку ткани, туго, почти удушающе обхватившей горло. Все тело дернулось вверх — быстро, даже как-то конвульсивно, так что он вообще не успел среагировать. На какое-то мгновение он, казалось, завис в воздухе, подвешенный на кончике гвоздя, но затем ткань рубашки не выдержала, треснула, и он снова грохнулся на жесткую поверхность поезда.

Приземление оказалось жестким, болезненным, причем Коли даже сам не мог понять, куда именно он опустился. Ясно было лишь то, что это не крыша. Затем он ощутил короткий удар, словно по колену саданули мыском сапога, и тут же перегнулся пополам через некое подобие поручней или перил. Руки машинально вцепились в металлические трубы. Коли никак не мог понять, где находится, и лишь слышал под собой бешеный перестук колес. Зажмурившись от боли в колене и ощущая глухой стук между лопатками, он продолжал находиться в прежнем полу висячем положении, дожидаясь конца туннеля и появления столь желанного света.

И то, и другое появилось внезапно.

Первым его чувством было, как ни странно, облегчение — как выяснилось, он упал почти на то самое место, куда намеревался было прыгнуть перед заходом состава в туннель.

Однако уже через секунду, едва встав на ноги в дверях пульмановского вагона, он

почувствовал сильную, жгучую боль в спине. Неловко засунув руку за спину, Коли обнаружил, что рубашка разорвана от воротника вплоть до брючного ремня. Расстегнув пуговицы, он снял две образовавшиеся половины и, держа их в одной руке, принялся свободной ощупывать спину.

— О Бог мой, — потрясенно пробормотал Коли, прикасаясь к краям раны, — да я же истекаю кровью не хуже заколотой свиньи!

Медленными движениями он свернул рубашку наподобие широкого бинта, обмотал им грудь, пропустил под мышками и завязал концы под подбородком — получилось что-то вроде перевернутого бюстгальтера. Пока он проделывал все это, постанывая от потрясения после случившегося не меньше, чем от собственно боли, состав продолжал набирать скорость и когда пошел под уклон, к его былым переживаниям примешалось ощущение самого настоящего ужаса.

— Надо немедленно кончать с этим, — хрипло проговорил Коли. — Я сейчас же подам мальчику знак, чтобы отключил электроэнергию.

Он качнулся в сторону пульмана и тут же припомнил, что по другую сторону от него располагалась открытая платформа — практически пустая, если не считать нагруженных на нее нескольких бревен. Если бы ему удалось оседлать одно из них, возможно, тогда бы Брайан заметил и его самого, и его сигнал.

Откуда ни возьмись, перед глазами Коли появился колоссальных размеров человеческий торс. Он был одет в белый плащ или халат, и лицо у него было какое-то неровное, рябое, что ли, с одним глубоко запавшим глазом, тогда как на месте другого виднелся лишь цветовой мазок, уходящий в сторону скулы.

— Уходи! Убирайся отсюда! — закричал Коли, принявшись бешено колотить незнакомца. Один из ударов пришелся по верхней части груди человека — тот чуть качнулся, а затем, даже не согнувшись, завалился на спину. Материал, из которого он был сделан, оказался совсем легким, в сущности, всего лишь смесь пластмассы и раскрашенных тряпок.

Коли посмотрел на расprostертую у его ног куклу и провел окровавленной ладонью по лбу. «Только не надо впасть в истерику», — предостерег он себя, после чего переступил через неподвижно лежащее тело, стараясь ступать подальше от откинутой в сторону руки. При этом он с отвращением заметил, что пальцы у лежащего были то ли перепончатые, то ли затянутые паутиной, к тому же сизовато-голубого оттенка и блестящие. Проведя кончиком языка по губам, Коли почувствовал привкус крови.

— Напрягись, — сказал он себе, непроизвольно повторяя команду, слышанную когда-то в далеком детстве. — Не позволяй воображению слишком разыграться, иначе — конец.

Коли пошел по вагону, с трудом волоча ноги между рядами пассажиров, бесстрастных и удобно расположившихся в своих креслах, вполне довольных тем обществом, в котором они оказались, и не обращающих ни малейшего внимания на нарастающую скорость поезда — буквально впаянных в свои сиденья. Затем скользнул взглядом по сияющему панцирю убежденного почитателя портвейна и глянул в окно.

Сюжеты окружающего пейзажа менялись с калейдоскопической быстротой, временами переходя в вихрь почти неразличимых цветов. Вагон стал покачиваться.

Коли не выдержал и побежал. Донесшийся снизу гулкий грохот подсказал ему, что поезд проезжает по подвесному мосту. Мост этот был предметом особой его гордости — он работал над ним несколько месяцев, купил не целиком, а по частям, а затем увлеченно мастерил из фанеры и кусков проволоки. Впрочем, сейчас ему было не до восторгов по поводу результатов своих трудов.

— Надо обязательно сделать так, чтобы он обратил на меня внимание, иначе мне конец.

Однако за пульманом оказался еще один вагон — на сей раз ресторан. В спешке Коли совсем про него забыл. Он кинулся по проходу, крепко держась за столики, чтобы не упасть от все усиливавшейся качки. «Наверное, уже не меньше семидесяти», — подумал он и тут же с горечью поймал себя на мысли о том, что на самом деле скорость поезда лишь где-то около

четыре мили в час.

Во время одного из рывков его резко кинуло на стол, и он только тогда смекнул, что стоявшая на нем лампа представляла собой громоздкий, достаточно увесистый предмет; он с натугой покачал одну из них, и та сломалась у самого основания. Сидевшие за столом пассажиры со сложенными на коленях руками продолжали молча взирать друг на друга, совершенно спокойно реагируя на неожиданное вторжение странного англичанина с бешено горящими глазами.

А тот — обнаженный по пояс, забинтованный окровавленными тряпками, с дюжиной свежих саднящих ссадин — на несколько секунд задержался у их столика, судорожно сжимая в руках лампу и тяжело дыша, после чего устремился дальше по проходу. По спине его стекала струйка крови, поскольку рубашка оказалась все же ненадежным бинтом, чтобы прикрыть полученную им в туннеле рану.

Оказавшись у противоположных дверей вагона-ресторана, Коли сразу устремил взгляд на открытую платформу, на которой под натянутой цепью лежали четыре бревна. Он швырнул лампу перед собой и она благополучно опустилась прямо между двумя деревянными чушками, после чего сам напрягся перед предстоящим прыжком.

В принципе, ему должно было хватить сил для подобного маневра, и все же в полете он зацепился ногой за цепь и грохнулся лицом вниз, но ухитрился избежать катастрофы лишь благодаря тому, что успел рукой ухватиться за одно из бревен. Резко выпрямившись, он сел и огляделся вокруг.

На несколько секунд панораму впереди перекрыл силуэт стремительно несущегося навстречу очередного поезда.

— О Боже, — прошептал Коли, — что же он делает? Разве он сможет управлять одновременно несколькими составами?

Экспресс приближался к концу длинного прямого прогона, после чего, приближаясь к крутому повороту направо, стал сбавлять скорость. Значит, в течение какого-то времени он будет проходить как раз под пультом управления, за которым в настоящее время восседал Брайан. Такой момент упускать было нельзя. Он подтянул тело вперед, уселся на бревно и стал ждать.

Поворот поезд проходил на пониженной скорости, однако все же колеса его отчаянно скрежетали. Коли всем сердцем чувствовал, что сейчас вся нагрузка приходится на наружные колеса. Наконец он увидел сидящего за пультом Брайана.

Отец отчаянно замахал мальчику.

Казалось, Брайан чуть привстал со стула — его тень гигантским облаком метнулась перед ним, устремляясь вперед и чуть вверх, в сторону покатога потолка. Сияние висевшей позади него настенной бра было просто невыносимым. Коли совершенно не разобрал лица сына: это был сплошной черный силуэт, и потому нельзя было определить, заметил ли он чего-нибудь или нет.

В отчаянном усилии Коли швырнул лампу вперед и увидел, как она по невысокой параболе пролетела над тянувшейся вдоль железнодорожного полотна дорогой, стукнулась в край белеющей поперек носка лодыжки сына и исчезла в зависавшей позади нее темноте. Громадная фигура еще больше подалась вперед, теперь уже возвышаясь над стремительно проносящимся экспрессом.

На сей раз Коли был уверен в том, что его наконец увидели. Он принялся ожесточенно махать руками, давая понять, что следует совсем вырубить ток. Мальчик в ответ также помахал ему рукой. Коли едва не сделалось плохо. Он посмотрел вниз на свои руки, эти маленькие, жалкие выразители охватившего его отчаяния. Впрочем, не исключалась возможность и того, что Брайан все же толком не разглядел его.

Но ведь должен же он был понять, что с составом что-то не в порядке; такого он просто не мог не заметить.

Они пронеслись мимо еще одной станции, причем скорость на поворотах уже не снижалась. Состав пулей пронесся мимо разделительных барьеров сортировочной станции.

Стоявший кругом шум походил на пулеметную очередь. Коли заметил, что в игру вступил еще один состав; кокетливо поблескивая хромом, в южном направлении отправился поезд, ведомый сдвоенными дизельными локомотивами.

«Это он уже просто выпендривается, — мрачно подумал Коли. — Ему хочется пустить в ход все чертовы поезда, которые имеются в нашем распоряжении».

Теперь он точно знал, что единственным путем к спасению для него оставалось каким-то образом соскочить с поезда. Черт, если бы он только не был так зверски вымотан!..

Вообще-то Коли почти никогда не уставал, тогда как остальные люди казались на его фоне просто сонными мухами. Приступая к осуществлению того или иного проекта, он частенько замечал, как другие его участники на определенном этапе работы отходили в сторону, словно от корпуса мчащейся вперед ракеты отделялись ненужные ей ступени. Сам же Гектор Коли неизменно достигал конечной цели, находясь в превосходной форме. Но сейчас устал и он, чувствуя, что значительная потеря крови и потрясение от пережитого поставили его на грань полного нервного истощения.

«Остался, правда, еще шанс сойти в Коливилле», — подумал он. По-видимому, мальчик все же выделял эту станцию среди остальных, а потому он решил поберечь остаток сил для решающего броска, когда они доедут до этого пункта.

Согнувшись, он лег на гладкий металл, из которого было сделано бревно, и, как если бы это была любовница, обнял его. Бревно холодило и освежало кожу лица и груди. Перед глазами мелькала расплывчатая, нерезкая панорама громадной серой равнины — они приближались к тому самому перекрестку неподалеку от Коливилля. И снова все тот же маленький спортивный автомобиль сделал вынужденную остановку перед железнодорожной колеей. За ним выстроились в ряд другие машины.

Однако на сей раз состав не стал снижать скорость. На какую-то долю секунды перед Коли промелькнули красновато-коричневое лицо кондуктора, гигантская блондинка, злорадное выражение лица явно перезрелого школьника. Ожидающие прибытия поезда люди реагировали вполне спокойно; махающие продолжали махать. Наконец, когда Коливилль остался позади, сидящий на бревне человек понял, что прыгать ему все же придется. Теперь он думал наперед.

В мозгу пронеслась тоскливая мысль о плавательном бассейне в сельском клубе. Если бы там в самом деле была вода! Он невольно поморщился при одной мысли о соприкосновении с твердью стекла.

Но тогда где же еще? И как? Перед въездом в туннель запрыгнуть на его крышу? Нет, скала над ним слишком крутая — это было бы все равно, что броситься на кирпичную стену. Тогда он вспомнил про деревья, росшие вдоль длинного прямого прогона. В последний раз, когда поезд проносился как раз под их кронами, он находился в пульмановском вагоне. А что, если подпрыгнуть и, ухватившись за ветви одного из них, дождаться, пока внизу не прогремывает весь состав?

В этот момент Коли потерял сознание.

Вновь придя в себя, он заметил, что поезд как раз выезжает из туннеля. «Интересно, — подумал он, — сколько кругов я уже так сделал? Похоже, отнюдь не один». Окинув со своей возвышающейся точки расстилавшуюся вокруг панораму сельской местности, он увидел, что практически по всем путям сейчас ехали поезда, а по дорогам сновала масса машин — на восток, запад, север и юг.

Сбоку на него мощно задувал холодный ветер — завывающий, грозный. Казалось, что он способен вырвать у него с головы все волосы до последнего, прямо с корнями. Рукава рубашки хлопали, как обезумевшие от страха, запертые в клетки чайки. Повернув голову туда, откуда дул этот ветер, Коли смело посмотрел в глаза надвигающемуся кошмару.

Теперь его сын уже не сидел за контрольным пультом. Вместо этого он, присев на корточки, устанавливал на обширном сером лугу ковра мощный вентилятор. В образовавшихся завихрениях воздуха все относительно легкие предметы сметались, переворачивались и уносились прочь — махавшие руками сельские работяги, дети, хрупкие

конструкции бумажных коттеджей. Разрушалось и само здание вокзала Коливилля, хотя стоявшие у края платформы люди продолжали терпеливо поджидать приближение поезда.

Брайан улыбался, и Коли заметил эту его улыбку.

Затем, когда он уже подумывал о том, чтобы прекратить эту схватку с искусственной стихией разбушевавшегося урагана и разжать руки, мальчик убрал вентилятор и поставил его на прежнее место.

Однако сам он за пульт управления уже не сел, а вместо этого вышел из комнаты и хлопнул за собой дверь, издав оглушающий, похожий на артиллерийский залп хлопок.

Состав прошел длинный прямой прогон и, проносясь по подвесному мосту, начал приближаться к нижнему повороту; скорость его была теперь не менее ста миль в час. Коли смотрел на мелькавшие у него над головой ветви нависающих деревьев. Он вскарабкался на бревно и стал осторожно переступать ногами, выбирая максимально устойчивую позу и готовясь к финальному прыжку. Он понимал, что уже с первого раза все надо сделать как следует, а самое главное — уклониться от стремительно надвигающейся громады следующих сзади вагонов.

Красное, желтое, коричневое, зеленое — это мелькали проносящиеся мимо деревья...

Он резко подпрыгнул.

В ладони вонзились тысячи колючек, но ветка тут же обломилась, и он со всего размаха ударился о дверь следующего вагона.

Чуть изогнув спину, он так и остался лежать на том месте, где упал. Теперь он был окончательно сломлен и ждал лишь одного — крушения состава.

Однако крушение не состоялось. Залетев на поворот, поезд со скрежетом вписался в него и с какой-то непоколебимой яростью устремился навстречу следующему прогону, проходящему под теперь уже опустевшим пультом управления. Где-то позади себя Коли услышал — хотя и не видел происходящего — грохот соскакивающих с рельсов легких железнодорожных платформ и нефтеналивных цистерн. На какой-то момент послышался резкий, скрежещущий звук тормозных механизмов, но затем что-то громко хрустнуло — очевидно, лопнул шарнир — и колеса закрутились в прежнем темпе. Состав продолжал мчаться вперед.

Когда мимо замелькали очертания сортировочной станции, снова послышалась ожесточенная дробь перестука колес.

Коли быстро вскочил на ноги. Теперь вся сила воли, которая управляла составом, но несколько минут назад покинула эту комнату, оказалась сосредоточена в его крохотном тельце, и была тем единственным, что не претерпело уменьшения в масштабе один к тремстам. Коли внезапно вспомнил, что в самом начале своего злосчастного путешествия он чуть ли не по колено увяз в похожем на резиновую губку слое балластного материала, по которому были уложены рельсы. Но ведь в зоне сортировочной станции этого материала было чуть ли не целые гектары! Он снова прошел к платформе с бревнами и поспешно огляделся вокруг.

— Поролон, — сказал он себе, — а никакой не балласт.

И в то же мгновение прыгнул вперед, словно перед ним распахнулась пуховая постель.

Несколько секунд он пребывал в состоянии поистине роскошной неподвижности, наблюдая, как состав уносится в направлении разрушенного Коливилля. Потом вздохнул — надо же такому случиться!..

А где-то внизу, стоя у входной двери, Брайан застегивал плащ. Мать встревоженно смотрела на сына.

— Мне кажется, отцу бы сейчас хотелось, чтобы ты помог ему в управлении поездами. Да и поздно уже куда-то идти.

— Нет, он сам меня прогнал.

Мать вздохнула. Она стала невольно прокручивать в голове предстоящую сцену объяснений с мужем, когда тот наконец соизволит спуститься из мансарды. Наверное, даже

от ужина откажется, а потом, оставшись голодным, станет еще больше злиться.

— Ну, недолго...

— Я только до Билли дойду. Он говорит, у них в саду каждый вечер появляется ежик, вот мы и хотим посмотреть на него.

— Ладно, только застегнись хорошенько.

Коли заставил себя подняться на ноги. Он пребывал в полном одиночестве — фигура из плоти и крови, окруженная миром фальши.

— После всего случившегося я к ним больше даже пальцем не прикоснусь, — тихо проговорил он.

Это было его решение, но оно же оказалось и пророчеством. Свистящий звук налетающего дизеля — вот, пожалуй, и все, что он услышал и вообще почувствовал, прежде чем тот сокрушил его. И скорость-то у него была всего каких-то три мили в час, или, если хотите, шестьдесят.

Смерть наступила мгновенно.

Точнее, почти мгновенно — он все же успел подумать: «Ну надо же, как глупо погибать вот таким крохотным — наверное, даже и не найдут здесь! И все станут гадать, куда это я запропастился...»

Теперь ему уже хотелось покинуть этот ничтожно малый мир, который, как ни странно, оказался для него слишком большим. Это и было его предсмертным желанием.

Ни у кого не вызвало сомнения то, что речь идет об убийстве, когда они обнаружили Коли лежащим поперек игрушечного мира, являвшегося его самым большим увлечением и предметом гордости. При этом тело его было настолько изувечено, искорежено и окровавлено, что всем стало ясно: подобные увечья ему мог нанести лишь маньяк, обладающий громадной, всесокрушающей силой.

— Похоже, когда на него напали, он так и продолжал играть со своими моделями, — заметил полицейский инспектор. — Ток был все еще не отключен, и на него наехало не меньше десятка поездов. Сказать по правде, вид у него был такой, словно по нему прошли десять настоящих составов.

16. Маргарет Сэн-Клер Ясновидец

— У вас также возникли какие-то сомнения? — спросил — Уэлмен.

Он взял со стола крохотную таблетку, положил на язык и быстро запил ее глотком воды.

— Впрочем, эта реакция представляется мне вполне естественной и понятной. Разве могло быть иначе? Больше чем уверен, что значительная часть наших сотрудников испытала те же чувства, когда руководство студии решило включить этого мальчика Герберта в очередную передачу. Мы имели все основания предполагать, что нас ожидает полнейший крах, коль скоро вздумали попотчевать зрителя такими находками.

Под внимательным взглядом Рида Уэлмен потер жесткий подбородок и невольно опустил глаза.

— Но, как выяснилось, я, да и все мы, ошибались, — продолжал он, словно в подтверждение своих слов стукнув ладонью по столу. — Ошибались, да еще как — на все сто процентов! Вы можете себе представить, что уже первая передача с участием этого мальчугана — причем, учтите, никакой предварительной рекламы не было и в помине, — вызвала настоящую лавину зрительских откликов. Как мне сообщили, пятнадцать тысяч писем, или что-то около того. Ну, а сегодняшние показатели...

Он чуть подался вперед и прошептал что-то Риду на ухо.

— Впечатляет, — кивнул тот.

— Эти данные мы пока не подтвердили официально, дабы не позволить газетчикам заподозрить нас в подтасовке фактов. Но знайте, что так оно и есть, это — чистая правда. Показатели передачи с участием этого мальчика перекрывают рейтинг любого шоу, а чтобы перевезти всю корреспонденцию, содержащую отклики на его выступления, понадобятся по меньшей мере два почтовых вагона. Одним словом, Рид, мне очень приятно, более того, я рад, что вы, специалисты, наконец-то решили приглядеться к этому пареньку повнимательнее.

— Кстати, как он сейчас?

— Лучше некуда. Ведет себя просто, держится вполне спокойно... Знаете, по-человечески он мне очень симпатичен. Зато его папаша — это, что называется, «личность».

— И все же, что вы можете сказать о самой передаче?

— Вас интересует подоплека всего этого? Хотите знать, каким образом Герберту все это удастся? Об этом-то мы как раз и хотели вас спросить. У нас же самих голова просто кругом идет. Никто не имеет ни малейшего представления.

— Разумеется, — продолжал Уэлмен, — кое-какие детали передачи я вам проясню. В эфир она выходит дважды в неделю — в понедельник и пятницу. При этом мальчик никогда не пользуется какими-либо записями, шпаргалками, и это окончательно сбивает нас с толку. — Он удивленно поднял брови. — По его словам, любые конспекты сковывают его воображение, затрудняют полет мысли.

В его распоряжение предоставляются двенадцать минут эфирного времени, и в течение их он рассказывает зрителям всякую всячину. Например, пересказывает, что у них сегодня было в школе, делится мыслями о книге, которую недавно прочитал или только собирается прочитать — в общем, все то, чего и можно ожидать от школьника его лет. И при этом обязательно выскажет одно-два пророчества. Одно — обязательно, но не более трех. Временной промежуток до предрекаемых событий, то есть когда все это должно произойти, — максимум двое суток. По его словам, дальше его взор не простирается.

— И что, все это действительно сбывается? — спросил Рид, хотя вопрос его прозвучал скорее как утвердительная фраза.

— В том-то все и дело — сбывается, причем в точности! — воскликнул Уэлмен. — Прошлый апрель — авиакатастрофа на Гуаме; очередной ураган, чуть ли не полностью погубивший прибрежную зону Мексиканского залива; итоги проходящих выборов — это и многое другое, и все происходит в точности так, как он предсказывает. Вам известно, что в дни передачи, то есть в понедельник и пятницу, у нас в студии дежурит официальный сотрудник ФБР, которому предписано следить за тем, чтобы во время своих сеансов ясновидения малец не сболтнул чего-то такого, что могло бы угрожать интересам национальной безопасности? Вот уж если кто по-настоящему серьезно и присматривается к нему, так это они! Как только мне стало известно, что и академические круги также им заинтересовались, я вторично, причем с особой тщательностью, перечитал все материалы об этом мальчике. Передаче-то уже более полутора лет, а выходит она, повторяю, дважды в неделю. Так вот, я подсчитал, что всего Герберт высказал сто шесть предсказаний, и все они, повторяю, абсолютно все, сбылись.

В настоящее время он пользуется у телезрителей таким доверием, что... — Уэлмен нетерпеливо взмахнул рукой, стараясь подыскать выражение поточнее, — ...что, предскажи он конец света или, например, результаты розыгрыша «Большого шлема», все бы приняли это за чистую монету. Нет-нет, Рид, я не преувеличиваю. В сфере телевидения этот Герберт — самое грандиозное открытие после изобретения селеновой пленки. Именно поэтому вы не можете, вы просто не должны умалять значения данного феномена. Кстати, хотите посмотреть очередную передачу с его участием? Она как раз через пару минут начинается.

Они прошли через запутанный лабиринт коридоров и наконец оказались в Восьмой студии, где уже сидел этот самый юный чародей — Герберт Пиннер.

«В общем-то, — подумал Рид, — именно так я себе и представлял этого воспитанного пятнадцатилетнего мальчика, почти юношу. — Рид наблюдал за ним через

звуконепроницаемое стекло. — Среднего роста, с интеллигентным лицом, вполне приятным, хотя, возможно, несколько напряженным, даже обеспокоенным».

К очередной своей передаче Герберт готовился с подчеркнутым спокойствием и сосредоточенностью, которые, в принципе, могли выдавать его волнение.

И вот передача началась.

— ...А сейчас я дочитываю одну очень любопытную книгу, — делился Герберт со зрителями. — Называется она «Граф Монте-Кристо». Надеюсь, большинство из вас ее уже прочитало или когда-нибудь прочтает. — Он даже показал обложку лежавшей перед ним книги, дабы всем стало яснее, о чем идет речь.

— И еще меня очень заинтересовал трактат по астрономии, автором которого является некий Дункан. Как только я прочитал несколько глав, мне сразу же захотелось занять свой собственный телескоп. Отец намекнул, что к концу семестра подарит мне его, разумеется, если я получу хорошие отметки по всем предметам. Вот тогда-то я и сообщу вам о том, что я в него увижу.

Если говорить о ближайших событиях, то сегодня ночью жители северных районов Восточного побережья испытают сильные подземные толчки. Материальный ущерб, как и в прошлый раз, окажется весьма значительным, но дело, к счастью, обойдется без человеческих жертв. Кроме того, завтра, примерно к десяти часам утра, наконец-то поступят обнадеживающие сведения о Шарлотте Фокс, которая в прошлую среду пропала в районе Сьерры и с тех пор о ней ничего не было слышно. Девушка сломала ногу, а так ничего серьезного с ней не случилось.

Как только у меня будет свой телескоп, я обязательно стану членом «Общества исследователей пульсаров». Дело в том, что пульсация небесных светил сопровождается периодическими изменениями их блеска, на что влияет ряд факторов...

Сразу по окончании передачи Уэлмен познакомил Рида с мальчиком, и психолог утвердился в своем предварительном мнении о том, что это вполне приятный, симпатичный, хотя и несколько замкнутый подросток.

— Я и сам не знаю, почему у меня все это получается, — проговорил Герберт после того, как ему был задан ряд уточняющих вопросов. — Нет-нет, это никакие не картинки и, тем более, не фразы. Это... ну, как бы лучше сказать, чтобы было понятнее... это то, что творится у меня внутри, в душе, что ли. Я по-другому и сказать-то не могу. Но я обратил внимание на то, что чтобы правильно предсказать какое-то событие или явление, я должен заранее что-то почитать о его природе, происхождении. С землетрясениями несколько проще — тут каждый представляет себе, что при этом происходит. Но насчет Шарлотты Фокс я узнал лишь после того, как мне стало известно, что девушка пропала. Просто у меня было такое чувство, что кто-то обязательно найдет — кого-то или что-то.

— Таким образом, — уточнил Рид, в задумчивости чуть морща лоб, — если несколько перефразировать твои слова, то, чтобы предсказать то или иное событие, ты должен предварительно иметь о нем какую-то информацию, так?

— Скорее всего, именно так, — кивнул Герберт. — Знаете, то, что я ощущаю, чем-то похоже на световое пятно, которое появляется у меня внутри, в душе, наверное. Оно очень нечеткое, расплывчатое, и описать, что оно изображает, практически невозможно. Это как смотреть на источник света с закрытыми глазами — видишь, что светло, но что именно горит — непонятно. Именно для того, чтобы разобраться в том, что это такое, мне и приходится так много читать. Чем больше у меня накопится знаний, тем легче будет делать пророчества. Но как появляется это пятно и почему все это происходит, я не знаю. Но вы же сами видите — срабатывает ведь.

К ним приблизился отец мальчика — невысокий мужчина плотного телосложения и, судя по жестам, весьма энергичный и деятельный.

— Ну что, решили присмотреться к моему Герберту, как следует изучить его? — с веселой ноткой в голосе спросил он, предварительно представившись. — Ну что ж, прекрасно! Не хотел бы показаться вам бестактным, но, как мне представляется, что-то вы

припозднились, господа ученые. Раньше надо было начинать.

— Здесь нет ничего бестактного, — улыбнулся Рид. — Вы же сами знаете, что чтобы начать какие-то исследования, необходимо предварительно добиться соответствующих ассигнований...

— Ладно уж, не лукавьте, — с хитринкой проговорил мистер Пиннер. — Скажите прямо: хотим знать, когда и где будет следующее землетрясение. Ведь одно дело — слушать предсказания моего Герберта, тогда как самому понять, как и почему это происходит — совсем другое, так ведь? Ну так вот, скажу вам, что землетрясение действительно произойдет, причем не далее, чем этой ночью. А насчет этой самой Фокс, то здесь все точно, ее и в самом деле найдут. Пиннеры трепаться не любят!

Первый подземный толчок был зафиксирован вечером, в пятнадцать минут десятого. Рид как раз сидел в кресле, увлеченно читая последний научный отчет Психологического общества, когда ощутил неприятный, ни на что не похожий гул, который с каждой секундой все более усиливался. Еще через минуту пол у него под ногами заходил ходуном.

Придя на следующее утро на работу, он тотчас же позвонил своему знакомому сейсмологу по фамилии Гэффнер. Голос последнего показался ему решительным и даже чуть грубоватым.

— Ну что вы такое говорите! Еще никто и никогда не умел с достаточной точностью предсказывать землетрясения. Какое там за сутки — за час и то невозможно это сделать!.. Иначе почему же мы не предупреждаем власти о необходимости срочной эвакуации населения из зоны грядущего бедствия? Вы что думаете, мы хотим, чтобы были все эти жертвы? Определить потенциальную, наиболее вероятную зону землетрясения — это да, такое в принципе возможно, но не более того. Да и то данные об этом являются плодом многолетних исследований. Но назвать точные день и час... Сами подумайте, можете вы спросить астронома, когда родится новая звезда? А, вот так-то. А что это у вас вдруг прорезался интерес к сейсмологии? Или наслушались вчера этого юнца Пиннера?

— Ну... в общем, да. Вот хотим повнимательнее изучить его.

— Да что вы! То есть, если я правильно вас понял, раньше вы на него и внимания не обращали? Ничего себе, психологи — все это время жить, словно в башне из слоновой кости! Да, ученые, называется...

— А скажите, как вы считаете, игра стоит свеч?

— Вы не меня спрашивайте, а вчерашнее землетрясение, и оно ответит вам — да.

В обеденный перерыв выйдя на улицу, Рид подошел к газетному киоску и сразу увидел броские заголовки: «Мисс Фокс наконец найдена».

И все же ему не хотелось пороть горячку.

Раздумья его продолжались до среды, то есть до того самого дня, когда надо было представлять отчет о результатах проведенных им предварительных исследований. Впрочем, медлительность его следовало объяснить не нежеланием впустую тратить университетские деньги и не боязнью потерять столь драгоценное время. Просто ему было страшно, по-настоящему страшно.

Но вот срок настал. Он позвонил своему руководителю и сообщил, что никакой надобности в грандиозных финансировании нет — он вполне ограничится содействием двух сотрудников, с которыми в ближайшую пятницу отправится на телестудию.

Прибыв в Восьмую студию, они обнаружили там Герберта, которого окружили чуть ли не все задействованные в передаче сотрудники, в том числе, естественно, и сам Уэлмен. Здесь же из угла в угол вышагивал старший Пиннер, лицо и вся поза которого выражали безграничное отчаяние. В общую дискуссию встрял даже угрюмый сотрудник ФБР, доселе предпочитавший молча отсиживаться в углу. Что же до самого мальчика, то он сидел за столом и лишь методично качал головой, приговаривая — тихо так, почти шепотом:

— Нет, нет, не могу... нет, нет.

— Но в чем дело-то, ты хоть это можешь сказать? — раздраженно настаивал отец. — Мальчик мой, ну объясни, почему ты не хочешь делать сегодня передачу?

— Не не хочу, а не могу, — отрезал Герберт. — И не надо спрашивать, почему да отчего.

Рид обратил внимание на то, что подросток постоянно сжимал кулаки — с силой, почти яростно, отчего даже суставы пальцев побелели.

— Герби, послушай меня. Я обещаю, что у тебя будет все, что только твоя душенька пожелает. Ты меня хорошо понял? Да, тот телескоп, о котором ты всегда мечтал — не будем ждать конца семестра, купим его сегодня же! Да, именно сегодня, вечером!

— Не нужен мне никакой телескоп, — угрюмо проговорил мальчик. — Ни к чему он мне теперь.

— Ладно, а доску эту свою... скейт-борд, хочешь, а? Или даже плавательный бассейн? Ну скажи мне, чего бы тебе хотелось?

— Ничего мне не надо, — отвечал Герберт.

Отец продолжал кружить возле стола, где сидел мальчик; вид у него был пришибленный. Наконец, заметив стоявшего в стороне Рида, он стремительно засеменил к нему, проворно переставляя свои коротковатые ноги.

— Ну сделайте же что-нибудь, мистер Рид, чтобы он снова заработал! — в отчаянии проговорил мужчина.

Рид досадливо поморщил лоб. В принципе, если разобраться, в этом его работа и заключалась. С трудом протиснувшись к столу, он опустил ладонь на плечо мальчика.

— Герберт, то, что говорят эти люди — это правда? Тебе не хочется больше участвовать в этой передаче?

Герберт поднял на него свой взгляд, и психолог прочитал в глазах подростка такую усталость, даже боль, что невольно испытал чувство вины и сострадания.

— Да нет, я просто... не могу. Поймите меня, мистер Рид, я просто не в состоянии больше делать это.

Теперь уже Рид до боли прикусил губу. Как психолог он был обязан разбираться также в проблемах межличностного общения и оказывать воздействие на людей.

— Если сегодня ты не выйдешь в эфир, то очень многих подведешь, тебе это известно? — спросил Рид.

Герберт сразу как-то помрачнел.

— Не могу я, — снова повторил он.

— А о людях, которые тебя слышат и видят, ты подумал? Они ведь могут сильно испугаться. Ты молчишь — и они думают, что случится что-то страшное. Ты можешь заранее сказать, что кому придет в голову?

— Скорее всего, вы правы, мистер Рид, — кивнул мальчик, — но ведь я...

— Ты обязан сделать это, Герберт.

Неожиданно мальчик как-то обмяк.

— Ладно, — кивнул он, — попробую...

По помещению студии пронесся вздох облегчения. Все устремились в просмотровую. Кто-то нервно рассмеялся, послышался возбужденный шепот. Кризис миновал, катастрофа обошла их стороной.

В первой части передачи все прошло нормально, как и было запланировано. Правда, голос мальчика звучал не так уверенно и естественно, как обычно, да и руки немного дрожали, хотя заметно это было лишь тем, кто знал подоплеку событий. Наконец, когда миновали первые пять минут передачи, Герберт отложил в сторону какие-то чертежи и схемы, которые до этого показывал зрителям, и с непривычной даже для него угрюмостью в голосе произнес:

— А сейчас мне хотелось бы поговорить с вами о дне завтрашнем. Дело в том, что завтра...

Он сделал паузу, натужно сглотнул.

— То, что ждет нас всех завтра, будет не похоже на то, что мы видим сегодня. Это будет начало нового мира, новой жизни, которая совершенно отличается от дня

сегодняшнего. Это будет лучшая жизнь...

Едва услышав эти слова, Рид невольно испытал смутное недоверие. Оглядевшись, он заметил, что все, кто стоял рядом с ним, с неотрывным вниманием вслушиваются в слова мальчика. Уэлмен, который стоял с разинутым ртом, машинально водил пальцем по галстуку, разрисованному ползающими по нему улитками.

— Всем нам хорошо известно, — продолжал мальчик, — что жизнь наша далеко не проста. Человечество пережило массу войн; были в его истории и голод, и эпидемии. Случались и экономические кризисы, преодолевать которые оказывалось крайне трудно; при этом люди умирали от голода, хотя в наших кладовых было полно всякого добра, и от вполне излечимых, но требовавших дорогостоящего лечения болезней. Своими действиями мы истощали ресурсы земли, и потому угроза всеобщего голода становилась все более реальной. Страдания окружали нас со всех сторон...

— Но уже завтра, — голос мальчика заметно усилился, — все переменится. Люди не станут воевать, они будут жить, как братья. Не будут убивать друг друга, забудут о бомбах и снарядах. Вся наша Земля, оба ее полушария, превратятся в благоухающий сад, и плоды в нем будут принадлежать всем людям, которые наконец обретут настоящее счастье, и умирать станут, только когда сильно состарятся. Никто не вспомнит, что такое страх. Впервые за всю историю своего существования люди станут жить так, как и должны жить, как и положено жить роду человеческому.

Во всех городах расцветет культура; всюду будет звучать музыка, развиваться искусство, люди станут читать больше книг. Все население земли примет участие в этом процессе. Человечество станет намного мудрее и взрослее, чем теперь, счастливее и по-хорошему богаче — невиданно богаче. Потом же... — Герберт чуть смутился, будто забыл то, что только что хотел сказать. — Потом человечество всерьез приступит к освоению космоса. Оно покорит Венеру, Марс, Юпитер... Долетит до самых границ Солнечной системы, увидит, как выглядят Уран и Плутон. А потом перед ним откроется путь к звездам... Ну вот и все на сегодня. Желаю вам доброй ночи. Пусть она пройдет для вас спокойно.

Несколько мгновений после окончания передачи никто не только не проронил ни слова, но и вообще не шелохнулся. Потом послышался легкий шепот, постепенно перешедший в нестройный ропот. Рид огляделся по сторонам и без тени удивления отметил, что лица присутствующих постепенно бледнеют, а глаза их как-то беспомощно моргают.

— Ко всему этому узнать бы, займет ли в ожидающем нас будущем какое-то место и наше родное телевидение... — озабоченно проговорил Уэлмен, обращаясь не столько к окружающим, сколько к самому себе.

Пальцы его при этом продолжали нетерпеливо теревить ползущих по галстуку улиток.

— Телевидение будет и тогда! Ведь телевидение — это то лучшее, что люди возьмут с собой в светлое будущее из дня сегодняшнего!

Уэлмен повернулся к отцу мальчика, который, казалось, готов был весь спрятаться в свой носовой платок.

— Я бы посоветовал вам увести его отсюда, да побыстрее, а то ненароком совсем задавят мальчика.

Пиннер кивнул, промокнул влажные глаза, после чего скрылся в загроможденной студии толпе, но тут же вынырнул обратно, волоча за руку Герберта. Энергично двигая локтями, Рид поспешил им на подмогу, так что в результате совместных усилий они наконец выбрались в коридор и вскоре оказались на улице.

Не дожидаясь особого приглашения, психолог первым забрался в такси и, развернувшись на переднем сиденье, оказался почти лицом к лицу с мальчиком. Тот сидел съежившись и все такой же замкнутый, хотя на губах его играла тень удовлетворенной улыбки.

— Во избежание гибели под ногами толпы, — проговорил Рид главе семейства, — я бы посоветовал вам не ехать сейчас домой, а найти какой-нибудь отель и некоторое время

пожить там. Это намного безопаснее.

Пиннер-старший согласно кивнул.

— Отель «Триллер», — обратился он к шоферу. — И, пожалуйста, не спешите. Нам надо кое о чем подумать и поговорить.

Он обнял сына, прижал его тщедушное тело к себе. Взгляд его возбужденно горел.

— Герби, сыночек, если бы ты знал, как я горжусь тобой! Не было и нет на свете более счастливого отца. Твои слова... то, что ты сказал там... Это было прекрасно, нет, просто великолепно!

Шофер резко сбросил газ, почти остановил машину, а затем обернулся и устремил на сидевшую сзади пару изумленный взгляд.

— Вы — молодой мистер Пиннер? — спросил он. — Вот это да! Да я ведь только что смотрел по телевизору ваше выступление! Позвольте пожать вам руку!

Мальчик чуть заколебался, потом все же наклонился и протянул ладонь шоферу. Тот стал с благодарностью трясти ее.

— Если бы вы знали, как я вам признателен, мистер Герберт. Ваши слова тронули меня за живое. Видите ли, я воевал на фронте...

Машина медленно продвигалась в сторону центральной части города. Вскоре Рид понял, что излишне было просить водителя ехать помедленнее. Из-за высыпавших наружу толп людей на улицах было совершенно не протолкнуться — как на тротуарах, так и на мостовой. Теперь их машина двигалась гораздо медленнее окружавших ее со всех сторон пешеходов. Рид поспешно задернул занавески, чтобы не привлекать досужих взглядов к сидевшему на заднем сиденье мальчику.

Повсюду раздавались выкрики разносчиков экстренных выпусков газет. В какое-то мгновение, когда машина совсем было встала на месте, Пиннер-старший выскочил наружу и вскоре вернулся, держа в руках охапки газет.

«НАЧАЛО НОВОГО МИРА» — красовался аршинный заголовок на одной из них. «ТОРЖЕСТВО МИРА И БЛАГОДЕНСТВИЯ» — возвещала другая. «ДОЛГОЖДАННЫЙ МИР ДЛЯ ВСЕХ» — можно было прочитать на первой полосе третьей.

— Как же все это прекрасно, мой мальчик! — воскликнул Пиннер. Его глаза сияли, как два бриллианта; он с чувством сжал локоть сына. — Какое великолепие! Ты сам-то счастлив?

— Да, — устало кивнул мальчик.

Добравшись наконец до отеля, они быстро сняли номер на шестом этаже. Где-то внизу возбужденно гудела толпа.

— Ну, располагайся, сынок, — проговорил глава семьи. — Может, удастся хоть немного отдохнуть. У тебя и в самом деле усталый вид. Впрочем, так уж ли это удивительно — такая передача, такой расход энергии.

Он принялся бесцельно ходить по номеру, после чего снова обратился к сыну. Лицо его светилось лучезарной улыбкой.

— Ты не возражаешь, если я выйду наружу и немного проветрюсь? Терпеть не могу подолгу оставаться на одном месте, тем более в замкнутом пространстве. Да и любопытно взглянуть собственными глазами, что творится на улицах.

Он уже держался за дверную ручку.

— Ну разумеется, папа, иди, в чем же дело, — все так же вяло проговорил сидевший в кресле мальчик.

Рид и Герберт остались наедине. Внезапно подросток обхватил руками голову и издал протяжный стон.

— Как же тебя понимать, Герберт, — приятным голосом проговорил психолог. — А еще говорил, что можешь заглядывать вперед не более, чем на пару суток.

— Так оно и есть, — проговорил мальчик, все так же уставившись взглядом в пол.

— Но ведь твое сегодняшнее предсказание...

Гул собравшейся внизу людской массы временами перерастал в овацию, отголоски

которой прорывались даже сквозь оконные стекла номера. И все же у Рида было такое ощущение, что их окружает полная тишина. Наконец мальчик медленно оторвал голову от рук.

— Вас интересует, как все будет на самом деле? — неожиданно спросил он.

Рид даже не сразу понял, чего он сам хочет и что надеется услышать от мальчика. Когда он наконец принял решение, его вновь, как и тогда в студии, охватил приступ безотчетного страха.

— Да, — промолвил он.

Герберт встал, приблизился к окну и выглянул наружу, но не на бушующую внизу толпу народа, а на последние отблески догорающего солнца.

— А знаете, я бы так ничего и не понял во всем этом, даже если бы и узнал, — проговорил он, оборачиваясь. — Спасибо той книге.

Губы мальчика чуть заметно подрагивали.

— Скорее всего, просто ощутил бы приближение чего-то страшного, но так и не понял, чего именно. Но теперь мне все ясно. Вы не видели последнее издание учебника по астрономии? Вот, взгляните...

Он протянул руку и указал пальцем в ту сторону горизонта, где совсем недавно виднелся краешек заходящего солнца.

— Завтра всего этого уже не будет.

— Чего не будет? Что ты имеешь в виду? — пробормотал Рид, чувствуя, что страх словно прибавил ему сил. — О чем ты?

— Я о том... дело в том, что завтра солнце у же будет совсем другим. Как знать, может, это даже к лучшему. Мне так хотелось, чтобы все стали счастливыми. Только не сердитесь, мистер Рид, что я сказал неправду. Вы же сами мне сказали, что надо чувствовать ответственность перед другими людьми.

Теперь Рид смотрел на него почти с ненавистью.

— Да что ты сказал-то, черт тебя побери? Какую неправду ты сказал? Почему завтра солнце будет другим?

— Завтра солнце... вот, опять забыл — как называется звезда, которая горит-горит, а потом вдруг взрывается и многократно увеличивается в размерах?

— Новая?! — истошно вскрикнул Рид.

— Да, новая... Ну так вот, завтра наше солнце взорвется.

17. Джеймс Макками-младший

Отмщение

Эрвин — отец никогда не называл его так, поскольку выбор имени мальчика принадлежал его покойной матери — медленно шел через поле со стороны старой каменоломни и подбирал с земли отпиленные деревянные чурки, которые ему предстояло затем сложить в располагавшемся рядом с домом старом сарае, где у них хранились инструменты.

Лето было в разгаре, однако в это раннее утро калифорнийский воздух был свеж и даже прохладен. Про себя Эрвин думал о том, что отцу следовало бы давно пригнать с центральной усадьбы небольшой грузовик и одним махом перевезти на нем все деревяшки, вместо того, чтобы заставлять его совершать эти бесконечные челночные ходки и делать все вручную. Однако отец до сих пор никак не мог собраться сделать это, хотя по-прежнему требовал от мальчика, чтобы тот регулярно — вот как в это воскресное утро — затапливал в комнате печь.

Так и тащился Эрвин — высокий, худощавый мальчик, одетый в поношенные и грязные синие джинсы и коричневый шерстяной свитер, — в направлении маленького каркасного домика, время от времени неловко поправляя одной рукой сползавшие на кончик носа очки в металлической оправе, стекла в которых даже запотели от его стараний.

Двигался он медленно, но упорно, стараясь не наступать на кустики крапивы — его светлая, почти прозрачная кожа была очень чувствительна к любым раздражениям. Кроме того, он краем глаза поглядывал на оставшуюся высокую траву, где всегда могла затаиться гремучая змея. В следующем августе Эрвину должно было исполниться двенадцать лет, однако он уже достаточно хорошо знал дорогу к дому от ранчо, на котором его отец числился наемным рабочим.

Неожиданно на память мальчику пришел его пес Боло — при мысли о нем у Эрвина, как и прежде, перехватило в горле, очки, как ему показалось, запотели еще больше, а в глазах противно защипало. Боло прожил с ним больше четырех лет и мальчик не расставался с ним ни днем, ни ночью.

Проходя мимо сарая, в котором стояла водяная помпа, Эрвин внимательно прислушался к ритмичному урчанию ее мотора. Он только накануне починил ее приводной ремень, и тот пока неплохо справлялся со своими обязанностями. И все же давно уже следовало заменить этот ремень на новый, вот только отец никак не соглашался пойти на такие траты. Вместо этого он постоянно заставлял мальчика следить за тем, чтобы старый работал как часы, и если случались сбои, то на голову мальчика немедленно обрушивался поток безудержной брани и проклятий.

Эрвин занес дрова в дом и сложил их в просторной кухне у печи. Сам дом был очень старым и уже более пятидесяти лет служил жильем многим работавшим на ранчо людям и их семьям. И все же, пока была жива мать Эрвина, жить в нем было не только можно, но и даже в чем-то приятно. В нем всегда было чисто и тепло, и так приятно пахло свежеевыпеченным хлебом. Сейчас же в доме все изменилось, в том числе и запах — теперь в нем постоянно пахло дешевым вином, хотя Эрвин и старался сразу же выбрасывать за отцом пустые бутылки.

Мальчик сунул в печь старые газеты, немного бересты, а сверху положил более крупные дрова. Едва он чиркнул спичкой, как в кухне появился отец — он только что вышел из спальни, глаза его были мутно-красными, а на щеках чернела щетина. Похоже, он так и проспал все ночь в одежде, в которой вернулся накануне с работы на ранчо. Сивушный запах в помещении заметно усилился.

— Вовремя сподобился, ничего не скажешь, — буркнул отец, тяжело и нетвердо ступая в направлении кухонной раковины. — Сколько раз тебе повторять, чтобы к делам приступал вовремя, а?

Затем он наполнил стакан водой из крана, жадно опрокинул ее в себя, потом налил еще. Отец Эрвина был крупным, ссутулившимся мужчиной с поникшими плечами и темной, задубленной кожей.

— Но я и так рано встал, — отозвался Эрвин.

Отец приканчивал уже третий стакан.

— Как только начало светать, я и поднялся, — продолжал мальчик. — Надо еще было похоронить Боло.

Наконец отец повернулся в его сторону, небрежно скользнул взглядом по фигуре сына и почувствовал внезапную вспышку ярости, порожденную отчаянной головной болью и неутолимой жаждой.

— Никогда вовремя ничего не делаешь, сколько тебе ни говоришь!

Эрвин посмотрел сквозь очки на свои руки.

— За что ты убил его? — негромко спросил он отца.

Тот нахмурился, сдвинув густые, черные брови.

— За что я убил этого никчемного пса? А почему бы мне было не пристукнуть его?

Мужчина умолк, чуть отвел взгляд, и Эрвин понял, что сейчас он вспоминает, как накануне пинал, бил, швырял собаку — без конца, пока...

— И все же я не понял, за что? — повторил Эрвин. — Зачем... зачем ты сделал это?

Отец несколько секунд смотрел на него, потом повернулся к раковине и несколько раз плеснул себе в лицо водой. Он так и не ответил. «И не ответит, — подумал Эрвин. — У него

всегда так — если что-то не нравится, вообще ничего не говорит». И так было постоянно после того, как мать Эрвина...

Мальчик поджал тонкие губы, чувствуя, как к нему снова возвращаются воспоминания. Мать его умерла три года назад, а он мысленно снова и снова возвращался к ней. В ту ночь мутный голос отца грохотал особенно громко, яростно, тогда как сам мальчик лежал, съезжившись под одеялом на своей койке у крыльца и прижимая к груди маленькое тельце Боло. В тот день им с Боло пришлось немало отшагать, а потому оба сильно устали. Потом отец заревел с особо зловещей силой, а через несколько секунд послышались какие-то шаркающие звуки — впрочем, мальчику и раньше доводилось видеть, как спотыкается отец, когда основательно напьется. Несмотря на мучивший его страх, мальчик все же медленно погрузился в сон.

А потом наступило утро. Едва рассвело, и дом вошел отец — лицо посеревшее, глаза ввалились, налились кровью. Даже не глянув на мальчика и не сказав ему, что произошло, он сразу прошел к телефону. Уже позже Эрвин не раз вспоминал, как радовалась мать, что в их доме наконец появился телефон, установить который она столько раз просила, просто умоляла отца — и вот к этому телефону он и направился в то утро, чтобы куда-то позвонить и сказать, что мать лежит на краю каменоломни. Лежит на земле. Мертвая.

После того дня мальчик не раз пытался узнать у отца, как получилось, что в столь неурочный час мать оказалась на каменоломне, где обвалившийся кусок породы не просто раздробил ей голову, но и ее саму чуть не похоронил под своими обломками — ведь она же вообще никогда не ходила в то место. Однако отец всякий раз резко обрывал его расспросы, а потом и вовсе отказывался говорить на эту тему.

Люди в форме тоже задавали отцу те же вопросы насчет того, как мать оказалась на краю каменоломни, на что он раз за разом тупо отвечал им одно и то же: «Я не знаю — она была хорошая женщина, хорошая женщина». Эрвина тогда еще удивило, как может отец без конца произносить такие слова, тогда как сам он ходил ежедневно, смердя зловонным перегаром и обращаясь с ней грубо, очень грубо, просто ужасно.

Эрвин постарался выбросить из головы эти горькие воспоминания и даже чуть расправил свои худые плечи.

Снова появился отец — с очередным стаканом воды в руке.

— Сходи-ка лучше проверь ремень на помпе, а то еще чего доброго опять лопнет. И к машине не подходи, нечего тебе там делать, понял?

Остановки механизма помпы из-за порванного ремня и последующее прекращение подачи воды в дом со временем стали для отца болезненным вопросом. Они служили теми искрами, от которых мгновенно вспыхивала его ярость, вздымались волны новой раздраженной озлобленности. Эрвин проверил, как горит огонь в печке, на несколько секунд задержавшись рядом с ней и прикрыв глаза — только чтобы вспомнить, как все было раньше.

На маленькой полочке, где прежде стоял телефон, сейчас было пусто, и Эрвин в очередной раз припомнил, как радовалась мать, когда в их доме наконец установили телефон.

— Ведь от нас до ближайшего жилья целых четыре мили, — частенько повторяла она, — а так я чувствую себя в полной безопасности, да и удобно опять же...

Сейчас все это ушло в прошлое: отец решил не тратить на ненужную ему «забаву».

— Пошевеливайся, — крикнул он сыну, отрываясь от стакана с водой.

Эрвин вынул из ящика с инструментами пару стареньких плоскогубцев, сунул их в брючный карман и вышел на улицу.

Чувствуя в душе закипающее негодование, он не сразу направился в сарай, где стояла помпа, а вместо этого двинулся по захлавленной дорожке, походя чиркнув кончиками пальцев по кузову запылившегося «седана» образца 1950 года. Эрвину вообще нравились всякие механизмы, и каждый раз, когда отца не было поблизости, он открывал капот и подолгу рассматривал мотор машины, ослабляя и закручивая всевозможные гайки,

отсоединяя от свечей проволочные контакты, протирая их и устанавливая на прежнее место. Ему очень хотелось самому смастерить какой-нибудь механизм, но у него не было для этого ни материалов, ни соответствующих инструментов — вот разве что эта пара стареньких плоскогубцев.

Наконец он миновал инструментальную кладовку — в общем-то она так только называлась, поскольку никаких инструментов в ней не было, разве что грабли, лопата и старая, проржавевшая пила, — прошел еще дальше, остановившись ярдах в сорока позади нее, и опустился на колени рядом с холмиком свежевскопанной земли. С одного края холмика он положил большой камень, и стал нежно гладить его шершавую поверхность, чувствуя, как снова в глазах появляется резь и через стекла очков опять ничего невозможно разглядеть.

Боло не был чистокровной гончей — разве что наполовину, — однако вид у него был от этого не хуже, корпус чуть покрупнее да нос более длинный.

А как быстро он бегал, и какое у него было отменное чутье — не хуже, чем у любой охотничьей собаки. У Эрвина, разумеется, не было ружья, но, если бы он обзавелся им, то благодаря Боло уже давно настрелял бы не меньше тысячи зайцев и диких кроликов — вот сколько мог выследить его любимый Боло. Мистер Киндлер, которому принадлежало находившееся в четырех милях от них ранчо, как-то сказал Эрвину, что у него прекрасный охотничий пес — такой хороший, что лучше его он вообще никогда не видел. Он даже целых четыре раза брал Боло с собой на охоту и всякий раз возвращался с кроликом.

Теперь из-под очков Эрвина уже лились потоки слез, горячими струями обжигавшие щеки мальчика. Он вспоминал, как выглядел Боло, когда переходил на бег, как отталкивался от земли своими короткими и мускулистыми задними лапами — иногда казалось, что он даже ветер может перегнать. А сейчас Эрвину очень хотелось забыть про то, как заскулил Боло, когда по его телу пришелся первый удар отцовского ботинка...

Чуть пошатываясь, мальчик поднялся на ноги, ничего не видя вокруг себя. Теперь он уже признался себе в том, что попросту расплакался, а потому вынул из кармана грязный платок, насухо вытер глаза и снова надел очки.

Затем мальчик отправился назад, миновал «инструментальную кладовку» и подошел к сараю, в котором стояла помпа. На сей раз он не услышал стука ее двигателя и искренне пожелал, чтобы это было лишь потому, что все баки и трубы заполнены водой, а не потому, что в очередной раз лопнул ремень. С каждым разом у него оставалось все меньше надежды на то, что ему удастся залатать его — такой он был старый, весь изношенный.

Мальчик открыл дверь посеревшей от непогоды деревянной постройки, в которой стояла помпа, и заглянул внутрь. Пол в сарае был покрыт грязью, никогда не просыхавшей из-за сочившейся из труб воды, а в воздухе стоял затхлый запах плесени. Эрвин проверил ремень и убедился в том, что с ним пока все в порядке. Значит, мотор остановился лишь потому, что вся система была заполнена водой.

И в то же мгновение он увидел еще что-то. Глаза его широко распахнулись, ион непроизвольно отшатнулся назад, стараясь, однако, двигаться медленно и осторожно. Он пристально всматривался в полумрак сарая, после чего резко повернулся и побежал к дому.

А потом внезапно остановился. Просто замер на месте, чувствуя, как лицо заливают краски возбуждения. Теперь он простоял уже несколько дольше, нахмутив лоб и глядя себе под ноги. Его мать всегда говорила, что у ее сына смекалистая голова, и сколько бы отец ни ворчал по поводу его тщедушного телосложения, когда дело доходило до «соображалки», Эрвину не было равных, здесь он мог побить кого угодно.

Мальчик снова повернулся и поспешно направился в сторону машины. Скользя взглядом в сторону дома, он поднял капот и вынул из кармана плоскогубцы. Пальцы его ловко орудовали инструментом, после чего он снова захлопнул капот и вернулся в кладовку. Там он взял грабли, понес их к сараю с помпой, снова быстро посмотрел в сторону дома, после чего заглянул внутрь постройки. Помпа снова заработала. Тогда Эрвин развернул грабли рукояткой вперед и медленно поднял ее, пока она не достала до прикрепленного на

стене рубильника. Несильным движением руки он ткнул в него палкой, и помпа остановилась.

Эрвин отступил назад, все так же сжимая в руках грабли, неспешно вернулся в сарай, где лежали остальные инструменты, и остановился, окутанный полумраком затхлого помещения. Теперь мальчик ждал, преисполненный надежд на удачу.

Одна минута сменяла другую, но наконец из дома вышел отец — мрачный и злой.

— Помпа опять остановилась! — заорал он. — Сейчас же почини ее! Ты слышишь, что я сказал? Иди и сделай что-нибудь!

Эрвин никак не откликнулся и продолжал стоять на прежнем месте.

Несколько секунд отец окидывал пылающим взглядом простирившийся перед ним двор, после чего энергично зашагал в сторону строения с помпой, на ходу костеря и проклиная все и вся. Пнув дверь ногой, он вошел внутрь. Эрвин ждал, что будет дальше. В ушах мальчика напряженно пульсировала кровь.

Спустя несколько секунд из сарая раздался громкий и короткий крик, после чего отец, недоуменно вращая глазами, стремительно выбежал наружу. Так он простоял несколько секунд, сжимая одной рукой икру правой ноги, а затем резко крутанулся на месте, пошатнулся и упал, но тут же поднялся и побежал к дому, все так же исторгая из себя суматошные крики и ругательства.

Ярдах в десяти от дома он снова остановился, в отчаянном, диком жесте раскинул руки и закричал:

— Эрвин! Эрвин!

Мальчик никогда не слышал, чтобы отец звал его по имени — похоже, для него это было чем-то вроде проклятия и ничем больше, — и потому столь неожиданное обращение удивило паренька. Однако он и на этот раз не отозвался. Даже не шелохнулся. Он ждал.

Ждал до тех пор, пока отец наконец не бросился к машине, заскочил в нее, вжал в пол педаль стартера.

Что-то в машине протяжно заверещало, заскрипело, задвигалось — так продолжалось несколько секунд.

Однако машина не заводилась. И тогда отец снова закричал, теперь его лицо побелело от страха и паники. Эрвина немало удивила подобная реакция отца, который буквально обезумел от страха и даже не попытался сделать на ноге крестообразный разрез, не стал высасывать яд. Он лишь судорожно давил на педаль стартера и безостановочно вопил:

— Эрвин! Эрвин!

Мальчик толком не знал, сколько времени простоял так в сарае. Наверное, немало. Когда же он наконец вышел из полумрака строения под яркие лучи солнца, стартер уже не верещал — и отец перестал вопить.

Когда мальчик подошел к машине, вокруг стояла пронзительная тишина. Он обошел неподвижную фигуру мужчины и снова открыл капот. «Странно, — подумал он, — до чего же тихо кругом».

Впрочем, он уже привык к тишине и одиночеству. И все же когда он снова подсоединил к распределителю зажигания нужные провода, как следует подтянув их плоскогубцами, сел за руль и повел машину в сторону центральной усадьбы, чтобы рассказать людям об отце и укусившей его гремучей змее, Эрвин снова почувствовал себя очень одиноким. Как бы ему хотелось, чтобы перед ним сейчас снова бежал Боло, отталкиваясь от земли своими коротковатыми и сильными задними лапами. Мальчик почувствовал, как стекла его очков снова начали запотевать, и все же на душе его полегчало. Заметно полегчало.

18. Алан Норс Второе зрение

Дневник Эми Бэллэнтайн, отрывки из которого мы публикуем, ранее написан

фактически не был. Отчет о событиях и впечатлениях хранился в ее памяти в упорядоченном виде около девяти лет (она затрудняется сказать, когда начала его), и необходимо понять, что при передаче доля неточности в публикации, предпринятой здесь, неизбежна.

Вторник, 16 мая. Сегодня, около двух, Лэмбертсон вернулся из Бостона. Он выглядел уставшим; кажется, я никогда не видела его таким уставшим. Но это была не просто усталость. Может быть, злость, срыв? Трудно сказать. Больше всего это было похоже на поражение. Выйдя из вертолета, он сразу же пошел в свой офис, даже не заглянув в лабораторию.

И все-таки хорошо, что он вернулся! За это время я успела перевести дух. Когда Лэмбертсон уехал, его заменил Дейкин, но его нельзя принимать всерьез, бедняжку. Так иногда хотелось поддеть его и посадить в лужу, что я целую неделю почти ничего не делала. Лэмбертсон вернулся, и уж он-то из меня соки выжмет, но все равно я рада. Никогда не подумала бы, что буду так скучать по нему, когда он уедет.

Но надо бы ему сейчас отдохнуть, если он вообще отдыхает! И надо бы мне узнать — это главное, — зачем он ездил в Бостон. Ясно, что он не хотел ехать.

Я хотела считать с него всю информацию, но подумала, что он был бы недоволен. Лэмбертсон просто не желал разговаривать. Он даже не сказал мне, что вернулся, хотя знал, что я засекала его на дороге за пять миль. (Я уже могу это делать, благодаря Лэмбертсону. Расстояние для меня ничего не значит, если я о нем не думаю.)

И вот все, что мне удалось уловить, — это какие-то клочки и обрывки с поверхности его сознания. Что-то обо мне и докторе Кастере, и об этом противном коротышке, Эронсе или Бэронсе, или еще как-то. Не могу вспомнить, но что-то я о нем раньше слыхала. Надо, пожалуй, в этом покопаться.

Но если он видел доктора Кастера, почему он мне об этом не говорит?

Среда, 17 мая. Это был тот самый Эронс, которого я видела в Бостоне, и теперь мне ясно: произошло что-то неладное. Я знаю этого человека. Я запомнила его давно, еще в Бердсли, задолго до того, как попасть в Центр исследований. Он был консультантом по психиатрии, и вряд ли я смогу забыть его, даже если очень захочу!

Вот почему я уверена, что дела идут неважно.

Лэмбертсон встретился и с доктором Кастером тоже, но начальник послал его в Бостон потому, что с ним хотел поговорить Эронс. Я не должна была ничего об этом знать, но вчера вечером Лэмбертсон спустился к ужину. Он даже не посмотрел на меня, подлец. Я поймала его. Я предупредила его, что собираюсь подсмотреть, а потом мигом считала его, пока он не перескочил на бостонское движение. (Он знает, что я терпеть не могу машин.)

Я уловила немного, но вполне достаточно. Было что-то очень неприятное в словах Эронса, но это я не совсем поняла. Они были в его офисе. Лэмбертсон сказал:

— Я не думаю, что она к этому готова, и я не собираюсь ее уговаривать. Почему до всех вас не доходит, что она еще ребенок, и человек, а не какое-нибудь подопытное животное?

Нет ни малейшего покоя. Каждый только и норовит захватить, а отдавать — кукиш с маслом!

Эронс был невозмутим. Он смотрел печально и укоризненно. Я прекрасно его вижу: невысокий, лысоватый, с маленькими бегающими глазками на самодовольном личике.

— Майкл, в конце концов, ей двадцать три года. Она давно вышла из пеленок.

— Но занимаются с ней только два года, чтоб хоть чему-нибудь ее научить.

— Да, но ведь нельзя дать этому исчезнуть, так ведь? Будь благоразумен, Майкл. Никто не возражает, что ты отлично поработал с девочкой, и, естественно, тебя задевает мысль, что кто-то другой будет с ней работать. Но если ты считаешь, что все расходы можно покрыть за счет налогов...

— Я не хочу, чтобы ею кто-либо пользовался, вот и все. Говорю тебе, я не буду ее

заставлять, даже если она согласится. Ее нельзя трогать, по крайней мере, два года. — Лэмбертсон был зол и срывался. И сейчас, через три дня, он все еще сердит.

— Ты уверен, что твое отношение полностью... профессионально? (Что бы Эронс не имел в виду, это было подло. Лэмбертсон это понял, и — боже мой! Бумаги летят на стол, дверь хлопает, ругательства! И это спокойный, выдержанный Лэмбертсон — можете себе представить? А потом, когда злость прошла, — чувство отвращения и провала. Вот это и поразило меня, когда вчера он вернулся. Он не мог этого скрыть, как ни старался.)

Да, не удивительно, что он устал. Я отлично помню Эронса. Тогда у него не было ко мне никакого интереса. Он называл меня дикаркой. У нас нет ни времени, ни людей, чтобы содержать ее в государственном учреждении. Она должна содержаться так же, как любой другой дефективный ребенок. Возможно, она плюс-дефективный ребенок. Возможно, она плюс-дефективная, а не минус, но все равно, такой же инвалид, как слепые и глухие.

Старина Эронс. Это было много лет назад, когда мне едва исполнилось тринадцать. Еще до того, как доктор Кастер заинтересовался мной, обследовал меня и сделал офтальмоскопию; до того, как я впервые услышала о Лэмбертсоне и Центре. Тогда меня только кормили и относились, как к странной зверушке.

Эронсу повезло, что в Бостон поехал Лэмбертсон, а не я. И если Эронс приедет сюда, чтобы со мной работать, он только зря потратит время, потому что я натяну ему такой нос, так его опозорю, что он пожалеет, что явился. Но все равно я не понимаю. Неужели я калека, как говорит Эронс? Разве иметь высшую психику, быть «пси-хай» — ненормально? Я так не думаю, но что думает об этом Лэмбертсон? Иногда я сама попадаю впросак, когда пытаюсь прочитать мысли Лэмбертсона. Хотелось бы знать, что на самом деле он думает.

Среда, вечером. Сегодня вечером я спросила Лэмбертсона, что сказал доктор Кастер.

— Он хочет встретиться с тобой на следующей неделе, — сказал он. — Но, Эми, он ничего не обещает. Он даже не очень надеется.

— Но его письмо! Он сказал, что исследования не показали отклонений в анатомии.

Лэмбертсон откинулся назад, зажег трубку и покачал головой. За эту неделю он постарел на десять лет. Все так говорят. Он похудел и выглядит так, будто вообще не спит.

— Кастер боится, что дело не в анатомии, Эми.

— Ну, а в чем же, в конце концов?

— Он не знает. Это не совсем научно, — говорит он, — но, может быть, ты теряешь то, чем не пользуешься.

— Но это просто глупо. — Я пожевала губу.

— Может быть.

— Он считает, что нет никаких шансов?

— Шанс есть, разумеется. Ты знаешь, он делает все, что в его силах. Просто никто не хочет, чтобы ты надеялась зря.

Немного, но хоть что-то. Лэмбертсон был таким разбитым. У меня не хватило совести спросить его, чего хотел Эронс, хотя я и знала, что ему нужно от этого избавиться. Завтра, наверное, будет удобнее.

День я провела с Чарли Дэйкином в лаборатории и для разнообразия сделала небольшую работу. Я ленилась по-свински, а бедный Чарли решил, что это его вина. Девяносто процентов времени я читаю его, как с листа, и боюсь, что он об этом подозревает. Я могу точно сказать, когда он перестает думать о деле и начинает думать обо мне. Вдруг до него доходит, что я его читаю, и потом он весь день переживает. Интересно — почему? Неужели он думает, что меня это шокирует? Или удивляет? Или оскорбляет? Бедный Чарли!

Подозреваю, что я довольно привлекательна. Я вижу это в каждом мужчине, который проходит мимо. Интересно — почему? То есть, почему я, а не Марджери из Главного управления? Она симпатичная девушка, но на нее никто не оборачивается. Есть, наверное, здесь какая-то тонкость, которую я упускаю, да и вряд ли когда-нибудь пойму.

Я не собираюсь давить на Лэмбертсона — надеюсь, завтра он сам расколется. Он

начинает меня не на шутку пугать. Здесь у него большой авторитет, но расходы оплачивают другие люди, и поэтому, если он чего-то боится, я начинаю бояться тоже.

Четверг, 18 мая. Сегодня мы с Лэмбертсоном ходили в лабораторию проводить испытания на реакцию. Эта программа почти закончена — так же, как остальные, над которыми я работаю, но это не слишком много. У эксперимента было две цели: измерить время моей стимул-реакции и сравнить его с нормальной схемой; точно определить, в какой момент я улавливаю мыслительный импульс от человека, на которого направлена. Дело здесь не в увеличении скорости. Я реагирую уже так быстро, что это больше никого не удивляет, и здесь мне развивать ничего не нужно. Но в какой именно точке процесса я ловлю импульс? В самом начале? Когда мысль только формулируется или когда она уже окончательно завершена? Лэмбертсон думает, что в самом начале и что над этим направлением мне стоит работать.

Разумеется, мы ничего не добились даже с хитроумным устройством случайного выбора, которое Дейкин изобрел для программы. Ни мне, ни Лэмбертсону не было известно, какой импульс пошлет эта коробка. Он просто нажимал кнопку, и импульс шел. Он ловил его и реагировал. Я ловила от него и реагировала, а потом мы сверяли время реакции. Сегодня эта штука задала нам жару, будто пришлось тащить на себе десятитонный грузовик. Конечно, я реагировала быстрее Лэмбертсона — на две секунды, но время наших реакций стандартизировано, поэтому, когда мы скорректировали мое опережение, оказалось, что я ловлю импульс приблизительно через 0,07 секунды после него.

Грубо, конечно, и недостаточно быстро, но мы не можем работать на стабильной основе. Лэмбертсон говорит, что это наибольшее приближение, возможное без пробы коры мозга. Но здесь я стою на своем. Может быть, внутри моя голова из чистого золота, но я никому не позволю буравить мой череп, чтобы ее пощупать. Нет уж!

Впрочем, это несправедливо, потому что звучит так, будто Лэмбертсон пытается меня принудить. Вовсе нет. Я вычитала его на этот счет и знаю, что он этого не позволит. «Давай сначала изучим все, что возможно изучить без этого, — говорит он. — Позже, если ты сама захочешь, — может быть. Но сейчас ты еще не в состоянии решать самостоятельно».

Наверное, он прав, но почему же не в состоянии? Почему он обращается со мной, как с ребенком? Разве я ребенок? Всего того — всего абсолютно, — что усвоил мой мозг за двадцать три года, разве недостаточно, чтобы принимать собственные решения? Лэмбертсон говорит: «Да, конечно, ты все усваиваешь, но не знаешь, что с этим делать». Но со временем у меня должен быть прогресс в этом отношении.

Иногда я боюсь, потому что ничего не понимаю, а ответ может оказаться совершенно ужасным. Я не знаю, куда все это катится. Хуже того — я не знаю, до чего это докатится сейчас. Как велика разница между сознанием моим и Лэмбертсона? Я — «пси-хай», а он — нет. Ладно. Но только ли в этом дело? Люди вроде Эронса считают, что не только. Они считают, что дело в разнице между человеческими способностями и какими-то иными.

И я боюсь этого, потому что это неправда. Я такой же человек, как все. Но получается, что я должна это доказывать. Не знаю, смогу ли я. Вот поэтому доктор Кастер и должен мне помочь. Все зависит от него. На следующей неделе я должна быть в Бостоне для последних обследований и испытаний.

Если доктор Кастер что-нибудь сделает, как все изменится! Может быть, тогда я смогу выбраться из этой жуткой неразберихи и забыть все, как страшный сон. А пока я только «пси-хай», я никогда не смогу этого сделать.

Пятница, 19 мая. Сегодня Лэмбертсон раскололся и рассказал, что ему предлагал Эронс. Все оказалось хуже, чем я ожидала. Он настаивал на одной вещи, которой я уже давно боюсь.

— Он хочет, чтобы ты работала на исправление человека, — сказал Лэмбертсон. — Его заклинило на гипотезе латентности. Он считает, что в каждом человеке есть скрытый пси-

потенциал и, чтобы вытащить его наружу, необходим только мощный стимул от того, кто обладает им в полной мере.

— Да, — сказала я. — Вы тоже так думаете?

— Кто знает? — Лэмбертсон со злостью стукнул карандашом по столу. — Нет, я так не думаю, но какое это имеет значение. Ни малейшего. Ведь это не значит, что я прав. Никто не знает ответа — ни я, ни Эронс, вообще никто. И Эронс хочет использовать тебя, чтобы найти его.

Я медленно кивнула:

— Понятно. Значит, меня хотят использовать, как совершенный электростимулятор, — сказала я. — Догадываюсь, что вы ответите Эронсу.

Он молчал, и я не могла его прочесть. Затем он посмотрел на меня:

— Эми, я не уверен, что мы можем ответить ему именно так.

Я уставилась на него:

— Вы хотите сказать, что он может меня заставить?

— Он говорит, что ты находишься на содержании у государства, а раз оно обеспечивает тебя и заботится о тебе, то, значит, имеет право пользоваться твоими способностями. Ты нуждаешься в опеке и защите. Ты сама знаешь, что в миле за этими стенами тебе не выжить.

Я ошолбенела:

— Но доктор Кастер...

— Доктор Кастер пытается помочь. Но пока не многое удастся. Если получится — тогда другой разговор. Но я не могу больше отпираться, Эми. У Эронса сильнее аргументы. Ты — «пси-хай». Такой совершенной, открытой, пластичной психической организации еще ни у кого не было. Ты первая. Раньше у некоторых обнаруживались способности, но они не умели ими управлять. А ты умеешь, на высочайшем уровне. Ты — есть, и ты — единственная.

— Но со мной произошло несчастье, — возразила я. — Смешались гены.

— Тебе отлично известно, что это не так, — сказал Лэмбертсон. — Мы знаем твои хромосомы лучше, чем твое лицо. Они такие же, как у всех. И нет никаких оснований думать, что у твоих детей пси-потенциал будет больше, чем у Чарли Дейкина. Когда ты умрешь, на этом все кончится.

Какая-то волна поднималась во мне, и я не могла больше сдерживаться.

— Вы считаете, что я должна работать на Эронса, — подавленно сказала я.

Он колебался.

— Боюсь, что тебе придется, рано или поздно. У Эронса есть несколько кандидатов в Бостоне. Он уверен, что они латенты. Он говорил уже об этом с нашим директором. Он убедил их, что ты сможешь работать с его людьми, развивать их, что ты сможешь открыть дорогу в мир нового человека.

Терпение мое лопнуло. Дело не в Эронсе, не в Лэмбертсоне, не в Дейкине, — ни в ком. Дело во всех них, целой толпе, которая растет с каждым годом.

— А теперь послушайте меня, — сказала я. — Кто-нибудь из вас когда-нибудь интересовался, чего я хочу? Хотя бы раз? Хотя бы раз, когда вы уставали от великих забот о человечестве, такая мысль приходила вам в голову? Кто-нибудь задумался о том, что со мной происходит с тех пор, как все началось? А не мешало бы подумать. И сию же минуту.

— Эми, ты знаешь, я не хочу тебя принуждать.

— Послушайте, Лэмбертсон. Мои родители избавились от меня, когда поняли, что я из себя представляю. Вы знали об этом? Они ненавидели меня, потому что я их пугала! Меня это не очень расстраивало — мне казалось, я знаю, из-за чего они меня ненавидят. Я даже не плакала, когда уезжала в Бердсли. Они собирались навещать меня каждую неделю, и знаете, сколько раз они удосужились приехать? Ни разу — с тех пор, как сбывли меня с рук. А там, в Бердсли, Эронс обследовал меня и заключил, что я калека. Тогда он ничего обо мне не знал, но решил, что «пси» — это дефект. С этого все и началось. В Бердсли я делала то, что

требовал от меня Эронс. Никогда я не делала того, чего сама хотела, — только то, чего хотели они, из года в год. А потом появились вы, я приехала в Центр и стала делать то, чего от меня требовали вы.

Я понимала, что обижаю его. Наверное, этого мне не хотелось — обидеть его, обидеть всех. Он качал головой, не отрывая от меня взгляда:

— Эми, будь справедлива. Я старался, ты знаешь, как я старался.

— Старались — что? Развить меня? Да, но зачем? Научить меня использовать свои способности? Да, но зачем? Разве для меня вы это делали? Неужто в самом деле для меня? Или это была очередная хитрость, как и все остальное, — чтобы сделать меня удобнее в обращении?

Он дал мне такую пощечину, что меня подбросило. Я видела ужасную боль и обиду в его глазах и чувствовала, что его ладонь горит не меньше, чем моя щека. А потом что-то перевернулось в его мозгу, и я увидела такое, чего раньше никогда не замечала.

Этот человек любил меня. Невероятно, не правда ли? Он любил меня. Меня, которая звала его исключительно Лэмбертсон, которая не могла представить себя говорящей «Майкл» и тем более «Майк». Только Лэмбертсон, который сделал это, или Лэмбертсон, который подумал это.

Но он никогда мне этого не скажет. Он так решил. Я была слишком беспомощна. Я слишком в нем нуждалась. Я нуждалась в любви, но не в той, которую Лэмбертсон хотел мне дать, — и поэтому она должна быть спрятана, скрыта, подавлена. Я нуждалась в самом глубоком понимании, но оно должно быть абсолютно бескорыстным, иначе я не раскроюсь, — и поэтому должна быть стена — стена, за которую я никогда не проникну и которую он сам не сможет разрушить.

Лэмбертсон сделал это. Для меня. И все это открылось — так неожиданно, что у меня перехватило дыхание. Мне хотелось броситься ему на шею, но вместо этого я опустила на стул, безнадежно качая головой. Я ненавидела себя. Как никогда в жизни.

— Если бы только я могла уйти куда-нибудь, — сказала я. — Куда-нибудь, где меня никто не знает, где я могла бы хоть немного побыть одна, закрыть двери, ни о чем не думать и представить на минуту, просто представить, что я совершенно нормальна.

— Я понимаю тебя, — сказал Лэмбертсон. — Но тебе нельзя, сама знаешь. Если только Кастер действительно поможет.

Мы посидели еще немного. Потом я сказала:

— Пусть Эронс приезжает. Пусть привозит, кого хочет. Я буду делать все, что ему нужно. До встречи с Кастером.

Это тоже было тяжело, но иначе. Это задевало нас обоих, а не каждого в отдельности. И почему-то сейчас было уже не так обидно.

Понедельник, 22 мая. Сегодня утром из Бостона приехал Эронс с девушкой по имени Мэри Боултон, и мы приступили к работе.

Кажется, я начинаю понимать, как собака чувствует, когда кто-то хочет пнуть ее ногой, но побаивается. У меня запекло в затылке, когда этот человек вошел в комнату заседаний. Я надеялась, что он изменился с тех пор, как я видела его в последний раз. Но оказалось, что это я изменилась, а не он. Я больше не боялась его; он только утомил меня за десять минут своего присутствия.

Но девушка! Интересно, что он ей наплел? На вид ей было не больше шестнадцати, и она была ужасно напугана. Сначала я подумала, что она боится Эронса, но ошиблась. Она боялась меня.

Все утро я пыталась найти к ней подход. Бедная девочка едва шевелила языком. Она вся дрожала, когда они приехали. Мы прогулялись с ней по парку, и мало-помалу я начала проникать в нее, прикасаясь к зоне внушения, — чтобы дать ей обвыкнуться и успокоить. Вскоре она уже улыбалась. Она сказала, что ей нравится лагуна, и когда мы шли к центральному корпусу, она смеялась, рассказывала о себе, постепенно раскрепощаясь.

И тогда я дала ей полный заряд — быстро, на секунду-другую.

— Не бойся, я ненавижу его, да, но тебе я не причиню зла. Дай мне войти, не сопротивляйся. Мы должны работать, как одна команда.

Это потрясло ее. Она побелела и чуть не грохнулась. Затем она медленно кивнула.

— Понятно, — сказала она. — Это где-то внутри глубоко.

— Правильно. Это не повредит тебе. Я обещаю.

Она снова кивнула:

— Пойдем скорее. Мне кажется, я могу попробовать.

Мы принялись за работу.

Сначала я ничего не видела — так же, как и она. Сначала ничего не было — ни проблеска, ни просвета. Уходя глубже, я нащупала что-то, но только намек, только обещание чего-то сильного, глубокого и скрытого. Но где? В чем ее сила? Где ее слабое место? Я не могла понять.

Мы начали с игральных костей. Грубый пример, конечно, но не хуже других. Кости — не измерительный прибор, но для этого была здесь я. Я была измерительным прибором. Кости были только объектами. Два довольно чувствительных бальзамовых кубика, выпрыгивающих из коробки, преодолевая гравитацию. Сначала я ей показала. Затем, когда кость выпрыгнула, поймала ее и довела до конца.

— Бери по одному, сначала красный. Поработай с ним, вот так. Теперь попробуй оба. Еще раз, внимательней. Вот теперь хорошо.

Она сидела, не шевелясь. Она старалась; пот выступил у нее на лбу. Эронс нервничал, курил и сжимал кулаки, наблюдая за красным и зеленым кубиками, скакавшими на белом фоне. Лэмбертсон тоже следил, но за девушкой, а не за кубиками.

Это была тяжелая работа. Постепенно она начала схватывать; в ее мозгу что-то забрезжило. Я попыталась это усилить, подтащить к выходу. Похоже на то, будто идешь по колено в грязи — липкой, скользкой, вязкой. Я чувствовала, что она все больше увлекается, и понемногу начала оставлять ее одну.

— Хорошо, — сказала я. — Достаточно.

Она повернулась ко мне с восторгом в глазах:

— У меня... у меня получилось.

Эронс поднялся, тяжело дыша: «Сработало?»

— Сработало. Не очень ясно, но что-то есть. Все, что ей необходимо, — это время, помощь и терпение.

— Но ведь сработало! Лэмбертсон! Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что я был прав! Это значит, что другие тоже могут так же, как она! — Он потер руки. — Мы можем устроить здесь рабочую лабораторию и заниматься с тремя-четырьмя одновременно. Это широкий путь, Майкл! Неужели ты не понимаешь, что это значит?

Лэмбертсон кивнул и пристально посмотрел на меня:

— Да, я понимаю.

— Я завтра же займусь приготовлениями.

— Только не завтра. Тебе придется подождать до следующей недели.

— Почему?

— Потому что так хочет Эми, вот почему.

Эронс раздраженно смотрел то на него, то на меня. Наконец он пожал плечами:

— Если вы настаиваете.

— Мы поговорим об этом на следующей неделе, — сказала я. Я так устала, что даже смотреть на него мне было трудно. Я встала и улыбнулась моей девочке. «Бедный ребенок, — подумала я. — Так довольна и так этому радуется. Ни малейшего понятия, на что ее толкают».

Эронс, разумеется, ей никогда этого не скажет.

Когда они ушли, мы с Лэмбертсоном прогулялись у лагуны. Был тихий прохладный

вечер; у берега возились утки.

Каждый год утка приходила сюда со своими выводками и подводила утят к воде. Они никак не хотели следовать за ней, и тогда она сердилась и щелкала клювом, то и дело возвращаясь назад, чтобы подтолкнуть какого-нибудь лентяя.

Мы долго стояли у берега и молчали. Лэмбертсон поцеловал меня. Это был наш первый поцелуй.

— Мы можем сбежать отсюда, — прошептала я ему на ухо. — Мы можем сбежать от Эронса, от Центра, от всех — куда глаза глядят.

Он покачал головой:

— Не надо, Эми.

— Мы можем! Я встречусь с доктором Кастером, и он скажет, что все хорошо; я знаю, что он это скажет. Мне больше не нужен будет Центр, и никто мне не будет нужен, кроме тебя!

Он не отвечал. Но я знала, что он и не мог ничего ответить.

Пятница, 26 мая. Вчера мы ездили в Бостон к доктору Кастеру. Кажется, все кончено. Теперь я даже не могу вообразить, что еще можно что-либо сделать.

На следующей неделе приезжает Эронс, и я буду работать с ним по плану, который он разработал. Он считает, что нам предстоят три года работы, прежде чем можно будет что-либо опубликовать, то есть, когда мы будем уверены в полном развитии пси-потенциала у латентов. Может быть, — мне все равно. Возможно, за три года я смогу увлечься, так или иначе. Смогу, наверное, — все равно мне больше ничего не остается.

Анатомических нарушений у меня нет — доктор Кастер был прав. «Отличные глаза, красивые серые глаза, — говорит он, — зрительные и слуховые нервы в полнейшем порядке. Нарушение не здесь. Оно глубже. Так глубоко, что уже ничего не исправишь».

«Ты теряешь то, чем не пользуешься», — вот что он сказал, извиняясь за грубость формулировки. На мне это, как клеймо. Давным-давно, когда я еще ничего не знала, «пси» было настолько сильным, что начало компенсироваться, вбирая в себя опыт чужих восприятий, — такая копилка богатых, ясных, оформленных впечатлений, с которой не было необходимости иметь свои. И поэтому кое-что осталось во мне, как крючки, на которые ничего не ловится. Теория, конечно, но иначе не объяснить.

Но разве я не права в том, что все это я ненавижу? Больше всего на свете я хочу увидеть Лэмбертсона, увидеть, как он улыбается и раскуривает свою трубку, услышать его смех. Я хочу знать, что такое на самом деле цвет, как на самом деле звучит музыка, не пропущенная через чьи-то уши.

Я хочу увидеть закат, хотя бы раз. Хотя бы раз я хочу увидеть, как утка ведет своих утят к воде. Вместо этого я вижу и слышу то, что не дано никому другому, и тот факт, что я слепая и глухая, как пень, не имеет никакого значения. В конце концов, я всегда была такой.

Может быть, на следующей неделе я спрошу Эронса, что он об этом думает. Интересно будет узнать, что он скажет.

19. Роберт Эшли Пытливые души

В сущности, Мэри была очаровательной маленькой девочкой — но лишь до тех пор, пока ей не отрезали голову. О, занятие это доставило им массу удовольствия... Впрочем, позвольте мне вернуться немного назад и начать все сначала.

Так вот, «ими» я называю двух самых обычных, спокойных и даже тихих мальчиков, которые жили в соседнем доме. Настоящих друзей у Мэри не было, и потому она изредка играла с этими мальчиками, которые к тому же были родными братьями. Другие маленькие девочки вроде нее, жившие по-соседству, недолго любили Мэри и нередко дразнили по поводу и без повода. Может, это было потому, что всякий раз, когда мать Мэри видела, как

ее дочь играет с другими девочками, она сразу же звала ее домой, поскольку считала всех других девочек — разумеется, кроме собственной дочери, — испорченными, плохими и вообще неподходящими для того, чтобы ее ребенок проводил с ними свое время. Видимо, мамочка считала, что они пагубно влияют на Мэри. Не исключено, что в чем-то она была и права, хотя сама девочка определенно думала иначе. А вот Джон и Дэвид — те самые соседские мальчики — оказались приятным исключением; такие спокойные, даже тихие, они очень нравились женщине и производили на нее самое благоприятное впечатление.

Имея массу всевозможных достоинств, Джон и Дэвид к тому же были очень любознательными детьми. Любая новая игрушка, которая оказывалась у них в руках, тут же подвергалась самому скрупулезному осмотру — как снаружи, так и изнутри, — поскольку им очень хотелось узнать, как именно она устроена.

Таким образом, мы подошли непосредственно к вопросу о том, почему и как именно Мэри лишилась своей головы. Незадолго до того инцидента оба мальчика вспороли тело комнатной мыши и остались разочарованными, поскольку смотреть там, в сущности, было не на что. Довольно скоро отложив объект своего недавнего интереса в сторону, они принялись отыскивать что-то более сложное и занимательное. И вскоре Джон и Дэвид решили остановить свой выбор именно на Мэри.

Следует признать, что их интересовала даже не вся девочка, а только ее голова. Раньше им уже приходилось слышать или читать где-то о том, что в голове у человека находится такая штука — мозг, который управляет работой всего остального тела, однако как именно он устроен и, тем более, как работает этот самый мозг, они не имели понятия, поскольку никто так и не удосужился просветить их на этот счет. Таким образом, у них не оставалось иного выхода, кроме как разобраться во всем этом самим, и когда они задумались над тем, кого же избрать в качестве объекта своего исследования, их выбор остановился на соседке — Мэри, которую они знали, пожалуй, лучше других соседских детей.

Тот день был понедельником — первым днем школьных каникул, а потому времени у них было предостаточно, чтобы с головой окунуться в исследование этой самой мэриной головы. Для своих забав они уже давно использовали старый садовый сарай, в котором было довольно просторно и никто не мешал. Первым делом, разумеется, пришлось позаботиться о необходимом инструментарии — в качестве его были заготовлены старые и немного ржавые садовые ножницы, острый кухонный нож, полдюжины иголок разной длины и маленькая пилка из набора «Конструктор».

Когда все было готово, настал черед звать Мэри.

Выйдя из сарая на улицу, братья подошли к забору ее дома и спросили, не хочет ли она поиграть с ними. Мэри, конечно же, согласилась и с радостью поспешила за мальчиками, поскольку они всегда придумывали что-то новое и очень интересное. В сущности, так оно и было — фантазия у ребят работала отменно. Едва переступив порог сарая, Джон (а он был немного постарше Дэвида) не мешкая схватил нож и всадил его в горло ничего не подозревающей девочки. Та не издала даже слабого звука — лишь несколько считанных секунд простояла, как вкопанная, а затем кулем рухнула на дощатый пол сарая.

Дэвид все это время стоял за спиной у брата и с неподдельным восхищением наблюдал за тем, как из горла соседки вырывается пульсирующая, тугая струя крови. Впрочем, Джон все же допустил одну промашку — вовремя не отошел в сторону, и теперь рукав его рубашки оказался основательно испачканным кровью. Пока он стоял в раздумьях над тем, что делать дальше, братец взял со стола пилу и протянул ее Джону, присовокупив к этому жесту мнение на тот счет, что неплохо-мол для начала отпилить эту самую голову. Тот молча одобрил его совет и приставил лезвие пилы почти к тому самому месту, куда пару минут назад всадил свой нож, после чего сделал несколько пробных движений.

Братьям сразу же стало ясно, что эта работа довольно грязная, поскольку кровь никак не желала останавливаться и продолжала вытекать из тела. Но Джон решил не отступать и через несколько минут добился немалого прогресса: почти достиг середины позвоночника. Все так же не вынимая лезвие пилы из тела девочки, он уступил место брату — пусть он и

младший, но свою порцию удовольствия должен был получить. Дэвид словно того и ждал — он рьяно взялся за дело, и после нескольких размашистых движений пилы голова Мэри резко запрокинулась назад. Мягкие ткани шеи оказались перепиленными, позвоночник тоже держался на нескольких хрящах, так что этот этап работы оказался в общем-то успешно завершенным.

Позволив себе небольшой отдых, Джон снова ухватился за пилу. Ему хотелось поскорее покончить с мелочами; в результате его энергичных усилий уже через несколько секунд голова наконец полностью отделилась от туловища и даже чуть откатилась в сторону. Но и Дэвид все это время был начеку — он тут же подхватил ее и понес к столу, оставляя после себя на полу тоненький багровый след. Затем оба мальчика тщательно вытерли с ладоней остатки подсыхающей липкой жидкости и улыбнулись друг другу — при виде достигнутого души их радостно пели. Впереди же их ждало собственно исследование.

Первым делом Дэвид взял иголку, воткнул ее в левый глаз Мэри и принялся выковыривать его. Глазное яблоко проворно поворачивалось вокруг своей оси, однако почему-то не спешило вылезать из глубокой впадины. Тогда Джон решил помочь младшему брату и одним движением ножниц взрезал верхнее веко, после чего они при помощи двух длинных иголок все же вытащили глаз наружу. Отрезав последние куски соединительной ткани, они полностью оголили глаз и опустили его в специально предназначенную для этих целей алюминиевую миску, намереваясь чуть позже более пристально разобраться с его строением.

Теперь же их ждала главная проблема — сама голова. Джон взял кухонный нож и сделал им надрез на лбу девочки (точнее, ее головы). Все же сказывалась неопытность: с одного раза не получилось, и потому он принялся полосовать лезвием по коже, пока наконец не добрался до черепа. Услужливый Дэвид тут же протянул брату иголку, с помощью которой тот поддел край ткани, а другой рукой просунул под нее концы ножниц и вырезал почти ровный прямоугольный лоскут.

Несмотря на некоторый приобретенный опыт, получилось опять довольно грязно, и теперь оба мальчика без особого удовольствия взирали на зазубренные, обмочаленные края разреза и едва видневшуюся под темными сгустками крови белесую черепную кость. Джон снова взялся за нож, намереваясь продолжить работу именно этим инструментом, хотя про себя уже отметил, что на поверку дело оказалось не таким простым, как им это представлялось сначала. Однако отступать им было некуда и потому следующие полчаса братья посвятили скрупулезному срезанию с макушки скальпа — кусок за куском, лоскут за лоскутом, прямо с волосами. Все это также было сложено в миску как объект для последующего, более пристального изучения. И все же в итоге им удалось обнажить обширную зону черепа, пригодную для последующей распилки кости.

Джон не без основания считал себя более сильным и потому первым взялся за пилу. Для начала он несильно поводил лезвием по черепу, стремясь проделать на нем небольшую бороздку, чтобы в дальнейшем оно не соскальзывало в сторону и двигалось более ровно. И все же его ждало разочарование: процесс явно застопорился, поскольку кость оказалась на редкость твердой. Ценой невероятных усилий ему все же удалось добиться кое-какого результата — в голове образовался небольшой сквозной распил. Дэвид тут же принялся расковыривать его концами ножниц, после чего постарался просунуть внутрь палец; добившись своего, он пошевелил кончиком пальца. Более того, он даже подцепил им краешек мозга, подтянул его к самому краю отверстия, намереваясь оторвать или отрезать образовавшийся бугорок, и внимательно рассмотреть его.

Джон также не оставался в стороне; он аккуратно разрезал кусок мозга ножом, невольно подивившись тому, что это дается ему практически без каких-либо усилий. Положив препарат на стол, он еще несколько раз полоснул по нему лезвием, делая косые надрезы, причем после каждого братья брали кусочек в руки и подносили поближе к свету, чтобы лучше было видно. Им хотелось разглядеть все до мельчайших подробностей.

Они действительно с головой ушли в... эту самую голову, когда из дальнего конца сада

до них донесся голос матери. Оказывается, братья так увлеклись, что даже не заметили, что настало время обеда. В очередной раз тщательно оттерев руки от остатков крови, они медленно направились в сторону дома, предварительно договорившись после окончания трапезы вернуться в сад и продолжить работу. Кроме того, братья решили, что тогда же можно будет заняться и остальными частями головы — как выяснилось, там еще много чего оставалось. Как знать, вдруг им удастся даже сердце вынуть? Вот только одна проблема стояла со всей своей остротой — время. Неизвестно было, хватит ли его, чтобы покончить со всем этим делом до вечернего чая. Но зато, когда вечером с работы вернется отец, они обязательно познакомят его с результатами своего исследования. Это уж точно.

20. Розмари Тимперли Кукла

Начиналось все вроде бы совершенно обыденно и нормально. Алан вовремя вернулся с работы — несколько месяцев назад он устроился в компанию, специализировавшуюся на сносе старых и ветхих зданий.

— Смотри-ка, что я совершенно случайно отыскал сегодня в подвале одного дома, — сказал он, обращаясь к жене.

Джоан подняла на мужа взгляд.

— Что это?

— Какая-то старинная кукла.

На самом деле предмет, который Алан держал в руках, можно было лишь с очень большой долей условности назвать куклой. Скорее это был небрежно оструганный кусок деревяшки с неровной головой и угловатыми плечами; ног у туловища вообще не было, и нигде не было заметно ни малейшего следа краски, ни хотя бы одного-единственного прикосновения более тонкого инструмента, нежели самый заурядный топор.

— Знаешь, ей, наверное, лет сто, не меньше, — сказал Алан. — А нашел я ее в Клаверхолле — мы как раз собираемся его сносить. Как мне сказали, в прошлом веке там располагался детский приют для сирот. Похоже на то, что одна из его обитательниц и была хозяйкой этого уродца. — Он кивнул в сторону куклы.

— И правда, какая странная... — проговорила Джоан, беря куклу в руки и внимательно разглядывая ее. — Интересно, а она не может представлять собой какую-нибудь историческую или художественную ценность?

— Вряд ли. А знаешь, я не исключаю, что Альме она может понравиться.

Джоан весело рассмеялась. Их семилетняя дочь Альма, пожалуй, больше всего на свете не любила играть в куклы. Их друзья и знакомые часто приносили в дом и дарили ей всевозможные подарки подобного рода, причем некоторые из них были очень красивыми и довольно дорогими, однако девочка относилась к ним равнодушно, а то и с чувством неприязни. Рано или поздно все они находили свой окончательный приют в кладовой, где их единственными спутниками в играх и забавах являлись лишь солнечные лучи и клубы пыли.

Пока родители так разговаривали, в комнату неожиданно вошла Альма. Это была миниатюрная, бледная девочка с темными волосами и большими карими глазами.

— Что это у тебя такое? — сразу спросила она, заметив, что мать держит в руках незнакомый предмет.

— Да вот, моя дорогая, твой папа где-то отыскал старинную куклу. Ну, что скажешь? Нравится?

Альма с подчеркнутым интересом, словно это было какое-то редкое животное, уставилась на куклу; потом протянула руку и легонько прикоснулась к ее деревянной голове и неровным, угловатым плечам.

— Нравится. А можно я сегодня лягу с ней спать?

— Ну конечно, моя дорогая, — ответила мать, явно удивленная подобной реакцией девочки. Неприязнь дочери к куклам временами даже немного тревожила ее, поскольку сама

она в далеком теперь детстве очень любила — как и большинство девочек — играть в куклы.

И действительно, в тот вечер Альма улеглась в постель, положив рядом с собой новую игрушку. Уединившись в собственной спальне, супруги негромко подсмеивались над столь странной трансформацией дочери и ее внезапно прорезавшейся любовью к куклам.

Альма решила назвать свою новую подругу Розалиной.

Несколько дней спустя радость родителей по поводу произошедшей в дочери перемене стала медленно идти на убыль. Альма буквально ни на минуту не расставалась с деревянной куклой, ставшей ее любимицей, гуляла с ней, спала, уложив на подушку рядом с головой, но при этом сама становилась какой-то все более нервной, дерганой; к тому же по ночам девочку стали мучить кошмары. Джоан первая увидела в кукле причину столь тревожных изменений в самочувствии и настроении дочери.

— Ты не находишь, что в этой ее страсти, в том, что она ни на секунду не расстается с куклой, есть что-то ненормальное? — спросила она как-то мужа. — Да и эта ее привычка каждый вечер укладываться спать в обнимку с деревяшкой тоже мне не очень нравится.

— А, ерунда все это, — успокоил ее Алан. — Ты же сама знаешь, что ей обязательно надо, чтобы ночью рядом с ней лежала какая-нибудь игрушка.

— Не скажи. Плюшевый медвежонок или какая-нибудь по-настоящему красивая кукла, — это еще можно понять, но подобное творение... Скажу тебе больше: лично мне эта кукла с каждым днем начинает казаться все более и более омерзительной.

Не успела женщина завершить фразу, как из спальни девочки донесся пронзительный вопль. Мать сразу же устремилась вверх.

Альма лежала в кровати и, похоже, довольно крепко спала, хотя губы ее слабо шевелились.

— Я не хотела сделать ничего плохого, — услышала Джоан тихий, постанывающий голос девочки. — Только не наказывайте меня больше, хорошо?

Она решила не прерывать сон дочери и лишь нежно погладила ее по головке, ласково приговаривая:

— Ну, ничего, ничего, мое золотко, все нормально, все хорошо, успокойся.

Вскоре Альма, так и не проснувшись, затихла и повернулась на другой бок.

Сзади к Джоан неслышно подошел Алан.

— Знаешь, давай заберем у нее эту Розалину, — прошептала женщина мужу.

Медленно и осторожно она сдвинула в сторону одеяло и увидела, что дочь даже во сне крепко сжимает деревянное тельце куклы. Джоан легонько потянула ее на себя.

— Нет! Нет! Не надо... — поспешно пробормотала девочка, все так же не открывая глаз и не пробуждаясь от сна. — Мадам, я сделаю все, что вы попросите, только разрешите ей остаться со мной. Обещаю вам, что целую неделю не подойду к обеденному столу... Обещаю, честное слово.

— Прошу тебя, Джоан, не надо. Ты же видишь... — решил вмешаться Алан.

Женщина снова укрыла дочь одеялом, после чего родители дождались, когда она окончательно успокоится, и тихо вышли из комнаты.

— Ну и что же нам теперь делать? — спросила мать.

— Ничего особенного, — спокойно ответил Алан. — Просто ребенку приснился дурной сон. Переутомилась, наверное, за день...

— Ну нет, надо как-то разобраться с этой проклятой куклой! Кстати, а ты не мог бы побольше разузнать о ней, что она такое и откуда вообще взялась?

— Да я ведь уже рассказывал тебе, где наткнулся на нее.

— Ты меня не понял. Я имею в виду специалистов — есть такие знатоки-кукольники, все знают про игрушки и тому подобное.

На деле просьбу Джоан оказалось не так-то просто выполнить. После нескольких дней безуспешных поисков Алану все же удалось отыскать в одной из газет адрес одной женщины по фамилии Лэтеринтон, которая именovala себя по-научному — «плангонологом». Она обладала внушительной коллекцией всевозможных кукол и выражала намерение купить у

читателей «новые образцы» или, по крайней мере, получить дополнительную информацию относительно объектов своего увлечения.

Написав этой самой мисс Лэтеринтон короткое письмо, Алан договорился с ней о встрече. Однако после этого перед супругами встала другая, пожалуй, еще более сложная про-плодных попыток матери все же удалось чем-то отвлечь внимание Альмы, и Алан, проворно схватив деревянное создание, ловко спрятал его под пиджаком.

Когда Алан прибыл на квартиру мисс Лэтеринтон, ему показалось, что он оказался в кукольном магазине. И в самом деле, его со всех сторон окружали куклы — самых разных национальностей, возрастов, одетые во всевозможные наряды. Кровать женщины, книжные полки, шкафы, стулья и даже пол были завалены всевозможными куклами. Впрочем, их хозяйка тоже чем-то походила на куклу — такая же миниатюрная, чистенькая и с розовым кукольным личиком.

— Пожалуйста, проходите, — проговорила она стоявшему в дверях Алану. — Только прошу вас, осторожно, а то ненароком заденете кого-нибудь из моих милочек.

«Милочки» вперили в Алана взгляды своих немигающих стеклянных глаз; впрочем, у некоторых вместо них просто чернели отверстия глазниц.

— Мне было очень приятно получить ваше письмо, — проговорила хозяйка квартиры. — Насколько я поняла, у вас есть что-то такое, что могло бы пополнить мою коллекцию?

— Боюсь, что вынужден вас разочаровать, — несмело проговорил Алан. — В сущности, я пришел скорее за консультацией. Я хотел бы попросить вас взглянуть на одну куклу и услышать ваше мнение о ней, узнать, что вообще можно сказать об этой игрушке.

С этими словами он вынул Розалину из сумки и протянул мисс Лэтеринтон.

Женщина неожиданно нежно, как-то по-особенному мягко взяла куклу в свои ладони, держа ее так, словно это был живой ребенок.

— Старенькая... — едва слышно проговорила она. — Много страдала и бедствовала... — А потом уже более громким и даже деловым тоном добавила: — Я узнаю этот тип. Сейчас такие уже никто не делает, тогда как в прошлом веке они были довольно широко распространены. У меня есть один экземпляр, очень похожий на нее, — ее изготовили в 1850 году. Да, по нынешним временам это большая редкость, хотя когда-то их можно было встретить повсеместно, тем более, что стоили они совсем недорого.

— Скажите, мисс Лэтеринтон, а у вас не возникает ощущения, что она какая-то э... зловещая, что ли?

— Зловещая? Ну что вы, возможно, очень грустная, но не более того. Вы, наверное, подумали, что это какая-то шаманская, колдовская кукла. Нет — тех осталось совсем немного — я имею в виду настоящих, разумеется. Ведь их делали из воска, чтобы удобнее было втыкать в них булавки, а это, как вы сами понимаете, очень недолговечный материал, так что со временем большинство из них пришли в полную негодность.

— То есть, вы хотите сказать, что это самая обыкновенная кукла, разве что очень старая?

— Видите ли, обыкновенных, как вы выразились, кукол попросту не бывает. — В голосе женщины даже послышался легкий укор. — Все они прелестны и уникальны. Я до сих пор не пришла к окончательному выводу насчет того, будет ли ошибкой считать, что у каждой из них есть свой собственный, неповторимый характер, или же они просто аккумулируют в себе нрав своих бывших владелиц, которые играли с ними и любили их. Да, кстати, а где вам удалось отыскать это прелестное создание?

Алан в двух словах пересказал женщине историю неожиданной находки.

— Что и говорить, прелестное когда-то было создание, — задумчиво проговорила женщина. — Раньше она была ярко раскрашена. И к тому же ее просто обожали.

— Видите ли, — вмешался Алан, — моя дочь тоже ее очень любит, но именно в этом-то и заключена вся проблема.

— Ну какие здесь могут быть проблемы! — категоричным тоном произнесла мисс Лэтеринтон. — Коль скоро, как вы сказали, ваша дочь любит эту куклу, значит, девочка отличается добрым и чутким нравом. Ведь сейчас дети просто помешались на всех этих пластмассовых длинноногих куклах, у которых все гнется и которые красуются в купальниках и нейлоновых бальных платьях.

— Простите, но я хотел сказать, что как только эта кукла оказалась у нас в доме, так в поведении моей дочери появилось нечто странное. Она стала какой-то нервной, что ли.

— А вы не допускаете, что ваша дочь попросту воспринимает страдания, которые некогда перенесла эта кукла? Или, более того, муки того ребенка, кому она раньше принадлежала?

— Но в чем заключаются эти страдания? Вы можете хоть как-то просветить меня на этот счет?

Женщина грустно покачала головой.

— Я действительно способна почувствовать, что та или иная кукла испытывает боль, страдания, однако в чем именно заключена их суть и причина, для меня остается загадкой. Ведь все куклы для меня — это дети, а вряд ли отыщется на земле такой родитель, который был бы в состоянии точно сказать, что именно творится в душе его ребенка. Сознание юного дитя — это всегда бездна темных загадок.

Мисс Лэтеринтон чуть понизила голос и медленным взглядом окинула своих «милочек».

— Я почти с уверенностью могу сказать, кто из них счастлив в своей жизни, а кому она не в радость. Известно мне и то, кто из них практически ничего не чувствует. Но я никогда не могу с уверенностью сказать, в чем заключается причина того или иного состояния куклы. Впрочем, повторяю, это характерно почти для всех родителей...

Алан невольно вздрогнул. Его спокойный, уравновешенный рассудок подсказывал ему, что все это — сплошная мистика и вообще ерунда, и все же...

— Так подскажите же мне, как поступить в такой ситуации?

— А вы сами попробуйте выяснить, в чем заключена причина мучений этого маленького деревянного существа. Почему бы вам не попытаться поподробнее узнать историю этого самого Клавер-холла. И учтите, что если ваша дочь все же по какой-то причине не пожелает больше играть с этой куклой, которая перенесла за свою долгую жизнь столько страданий, то я всегда с радостью возьму ее в свой дом, где она станет полноправным членом моей семьи.

Неловко сунув Розалину под пиджак, Алан вышел на улицу. Он решил не тратить времени даром и сразу же направился в городскую библиотеку, поскольку всегда считал подобные заведения кладезью серьезных научных знаний, имевших мало общего с таинственной магией жилища мисс Лэтеринтон. При этом он даже ухмыльнулся собственной недогадливости — ведь уже давно можно было сходить в ближайшую библиотеку.

Нужная ему книга отыскалась без особого труда — это был труд, озаглавленный «Детские приюты Англии», и в перечне упоминаемых им заведений числился также Клавер-холл.

«Клавер-холл, — прочитал Алан, — являлся одним из типичных заведений подобного рода, которые были широко распространены в тот период. Как и многие другие аналогичные приюты, он представлял собой холодную, малопривлекательную обитель, испытывавшую хроническую нехватку материальных средств. Благополучие живших в нем детей в значительной степени зависело от честности и порядочности людей, управлявших этим заведением, а среди них, следует признать, нередко встречались и аморальные личности.

Вместе с тем необходимо констатировать, что в целом это был достаточно благоприятный приют, не испытывавший особых лишений — за исключением, пожалуй, весьма короткого промежутка времени с 1857 по 1860 годы, когда на посту его управительницей была некая Грейс Уэбб. Эта одинокая женщина — она была вдова —

исключительно из меркантильных соображений вынуждала детей вести полуголодное существование, попросту терроризировала их и подвергала суровым наказаниям за малейшие провинности, и в первую очередь за то, что те, как она выражалась, „слишком много едят“. По имеющимся слухам, излюбленной карой этой женщины-садистки было отбирать у детей их кукол, которые якобы также „плохо себя вели“ или „слишком много ели“. Миссис Уэбб на протяжении трех лет была единоличной правительницей приюта, и за этот период времени его стены покинуло несколько десятков детей — кто спасался бегством, а кто и вовсе умер от хронического недоедания. Вскоре даже обычно равнодушным к подобным фактам городским властям пришлось проявить заинтересованность по поводу столь странной репутации приюта. Началось судебное расследование. В конце концов миссис Уэбб оказалась в тюрьме, где она пять лет спустя скончалась. Согласно имевшимся отчетам того времени, незадолго до смерти женщина совсем лишилась рассудка, считая себя жертвой заговора со стороны „околдовавших ее мертвых детей“.

Вечером Алан вернулся домой, все так же пряча куклу под пиджаком.

— Ты принес куклу? — первым делом спросила его Джоан. — Бог мой, Альма все в доме перерыла, пытаясь отыскать ее. Скорей бы уж все это закончилось...

Услышав родительские голоса, в комнату вбежала Альма.

— Папочка, это ты ее взял?

— Кого я взял?

— Розалину.

— С чего это мне брать твою куклу? Ты не проверила — может, она сама ушла куда-нибудь погулять? Я бы на твоём месте поискал хорошенько.

Алану было неприятно жесткое прикосновение деревянной куклы к нижней части груди.

— Я готова вообще ничего не есть, только бы она поскорее вернулась ко мне! — со слезами на глазах воскликнула девочка и снова устремилась на поиски куклы.

Алан вкратце изложил Джоан содержание своего разговора с мисс Лэтеринтон, а также всего того, что ему удалось узнать в библиотеке. Лишь после этого он неловким жестом вынул куклу из-под пиджака.

— Знаешь что, — решительно сказала Джоан, — чем скорее мы избавимся от этой куклы, тем будет лучше. — Она взяла Розалину из рук мужа. — Я выслушала тебя и поняла, что все это — сплошная ерунда. Но я и в самом деле, как только увидела ее тогда, в первый раз, сразу поняла, что что-то здесь не так. Есть что-то зловещее в этой кукле. Да и какая это кукла — кусок дерева, не более того.

Женщина скользнула ладонью по жесткой, неровной голове куклы и внезапно ощутила сильную, острую боль — казалось, что в пальцы ей впились сразу несколько иголок. То ли в приступе раздражения, то ли это получилось чисто рефлекторно, но рука Джоан стремительно метнулась в сторону, и кукла полетела в пылающий камин.

Жуткий вопль разорвал доселе спокойную и тихую атмосферу гостиной:

— ЖЕСТОКИЕ! НЕНАВИЖУ! НЕНАВИЖУ ВАС ВСЕХ!

И в то же мгновение где-то в глубине дома громко вскрикнула Альма...

Джоан и Алан даже не успели толком сообразить, то ли это их ребенок прокричал те горькие слова, то ли они принадлежали какому-то другому живому созданию. Да и времени размышлять над этим у них тоже не было, поскольку через секунду в комнату стремительно вбежала девочка, тут же упавшая на колени перед пылающим камином.

— Розалина! — негромко, жалобно позвала она. — Розалина!..

И хотя камин в гостиной непрерывно горел с середины дня, в помещении воцарился жуткий холод.

21. В. Бэйкер-Эванс Дети

Мистер Гилспи предпочитал никогда не иметь дела с туристическими агентствами. Путешествуя за границей — что случалось довольно часто, ибо он был весьма состоятельным господином и обожал всевозможные приключения, — он неизменно сам составлял маршруты своих поездок, пользуясь при этом железнодорожными расписаниями и всевозможными справочниками и путеводителями, являвшимися чуть ли не его настольными книгами.

К сожалению, бывало и так, что планы его терпели крах — вот как, например, в этот раз, когда неудача оказалась к тому же полностью неожиданной. Он путешествовал по Южной части Европы и, как назло, застрял на дороге. Такси — если можно было так назвать нанятую им колымагу — сиротливо стояло у обочины дороги, безнадежно увязнув в глубокой грязи; двигатель машины давно заглох, а растерянный водитель то и дело беспомощно почесывал затылок.

Мистер Гилспи в очередной раз раздраженно глянул на часы. Была половина первого, и если он всерьез намеревался оказаться в Загребе, то в Мунчак ему надо было прибыть не позднее шести.

Он выбрался из ветхой машины-развалюхи и, оказавшись под лучами яркого солнца, наконец появившегося на небе после нескольких дней непрерывных дождей, стал сразу же покрываться липким потом — как ни крути, а ему уже шел седьмой десяток, а кроме того, явно сказывалась его тучная комплекция. Ему очень хотелось заговорить с шофером, но он совершенно не знал местного языка. Тогда мистер Гилспи ткнул пальцем в сторону заглохшего мотора, потом показал на свои наручные часы, явно давая понять, что хотел бы знать, когда они смогут продолжить поездку. Ответ последовал незамедлительно — не раньше чем часа через два.

Мистер Гилспи обреченно вздохнул и огляделся по сторонам, хотя смотреть там было особенно не на что. Слева от дороги сплошной стеной высился густой темный лес, тогда как справа зияла простирающаяся за обрывом пропасть. Тень от деревьев так и манила к себе освежающей прохладой, а потому незадачливый путешественник извлек из багажника машины дорожную сумку, в которой всегда возил с собой принадлежности для занятия живописью, перекинул ее через плечо и собрался было уходить.

К явному удивлению мистера Гилспи, водитель принялся со странной горячностью удерживать его, знаками призывая оставаться на месте. Влажной от пота рукой он перехватил его толстое запястье и что-то поспешно затараторил на своем языке, одновременно встревоженно вглядываясь в глаза пассажира. Мистер Гилспи невольно почувствовал раздражение, покачал головой и предпринял еще одну безуспешную попытку изъясниться по-английски:

— Ладно, не дури, приятель. Я просто погуляю часок-полтора и приду назад.

После чего уверенным шагом двинулся в сторону леса. Водитель снова что-то прокричал ему вслед, но он даже не обернулся. Скоро и машина, и шофер окончательно скрылись из виду.

Теперь его со всех сторон окружал лес — немного загадочный, чуть жутковатый, отчасти приветливый и в чем-то безликий. В конце концов, мистер Гилспи стал склоняться к мысли о том, что лес все же настроен к нему вполне благодушно. Правда, довольно скоро он обратил внимание на его необычную тишину — не было слышно даже пения птиц, — хотя и безмолвие это скорее наводило его на мысль не столько о затаившейся враждебности, сколько о добром расположении к собственной персоне.

Он также подметил, что лес все же был довольно странный: в нем совершенно не рос подлесок, нигде не было опавших листьев, ветвей и прочего лесного мусора, не было зарослей куманики — одна лишь мягкая ровная зеленая трава, произраставшая между ровными и стройными рядами деревьев, которые были словно посажены искусственно.

Мистер Гилспи не был ботаником и потому не имел представления о том, как называются эти деревья, хотя их тень действительно оказывала на него самое благотворное

воздействие. Сквозь густую крону деревьев пробивались яркие солнечные лучи, неровными желтоватыми пятнами ложившиеся на сочную зелень травы. Как художник-любитель, он не мог не оценить по достоинству столь приятную для глаз гамму красок. Выйдя на небольшую поляну, мистер Гилспи отыскал удобный для сидения пенек, который почти вплотную примыкал к одному из деревьев. В этом месте падавшие на землю солнечные лучи почти не имели перед собой преграды из ветвей и листьев, отчего все цвета казались ярче, сочнее и создавали очаровательную игру светотеней, ровным слоем ложившихся на мягкую зелень травы. Мистер Гилспи неспешно извлек из сумки палитру и краски.

Работалось ему легко и даже приятно; голова чуть откинулась назад, а послушные пальцы ловко водили кистью по листу бумаги. Спустя некоторое время он все же смутно почувствовал, что несмотря на всю свою естественную прелесть вся эта сцена лишена какого-то важного элемента. Ему почему-то захотелось увидеть у основания дерева маленького мальчика в красном джемпере... Чуть отведя взгляд в сторону, мистер Гилспи буквально подпрыгнул на месте от изумления — возле дерева и в самом деле сидел и спокойно рассматривал его маленький мальчик.

Правда, одет он был не в красный свитер, а в довольно странный наряд, отдаленно напоминавший мешок с прорезью для головы, который едва прикрывал его грязные, основательно поцарапанные коленки. В остальном же никаких сомнений не оставалось — это действительно был маленький мальчик из плоти и крови.

Мальчуган скривил губы, на мгновение показав свои белоснежные зубы, после чего поднялся и безбоязненно направился в сторону мистера Гилспи, остановившись от него в нескольких шагах. Чуть опустив взгляд, художник с отвращением заметил, что ребенок сжимает в ладонях окровавленные останки какого-то небольшого животного, то ли угодившего в капкан, то ли ставшего добычей хищника покрупнее. Перехватив его взгляд, паренек снова ухмыльнулся и отбросил в сторону жуткие, окровавленные лохмотья мяса, а затем чуть вытянул губы, немного закинул голову и издал громкий, протяжный свист. Через секунду изумленный мистер Гилспи увидел, как из-за деревьев вышли еще трое детей — два мальчика и девочка, — очень похожие на первого: смуглолицые, с блестящими глазами, взлохмаченные и облаченные в такие же мешковатые лохмотья.

Дети молча разглядывали незнакомого человека. Первой из общего ряда вышла девочка — подойдя к мистеру Гилспи, она протянула руку и неожиданно сильно сжала его ногу чуть выше колена. Видимо, результат подобной "инспекции" ее весьма устроил, поскольку она тут же отошла к своим приятелям и что-то негромко сказала им. Те возбужденно рассмеялись, широко раскрыв рты и поблескивая веселыми блестящими глазенками.

Однако смех их оборвался столь же резко, как и начался, и вслед за этим дети нешироким полукругом уселись вокруг все еще недоумевающего художника.

Мистер Гилспи чувствовал себя явно неуверенно. С одной стороны, он испытывал определенное смущение, оказавшись словно под обстрелом четырех пар внимательно глядящих глаз; с другой же — чувствовал явную досаду оттого, что неспособен с ними заговорить. Вместо этого он лишь улыбнулся им.

Выражение их лиц ничуть не изменилось. Тогда он снял с мольберта свой незавершенный этюд и показал им. Затем неожиданно вспомнил, что в сумке у него лежит плитка шоколада. Стремительно расстегнув ее, он достал лакомство, отломил маленькую дольку и положил себе в рот — на тот случай, если эти несчастные оборванцы никогда не видели ничего подобного, — а остальное протянул девочке.

Последовавшая за этим сцена оказалась настолько дикой, что мистер Гилспи несколько секунд стоял, словно молнией пораженный, не зная, что ему следует предпринять. Сначала девочка понюхала плитку шоколада, откусила кусочек и принялась его сосредоточенно жевать. В то же мгновение сидевший рядом с ней мальчик выхватил шоколад у нее из рук — та, естественно, с визгом бросилась на обидчика, так что уже через несколько секунд оба маленьких тела сплелись в ожесточенной, чуть ли не смертельной схватке. Дети катались по

траве, царапаясь, кусаясь, пиная, колотя и пытаясь удушить друг друга.

— Перестаньте! — резко воскликнул наконец пришедший в себя мистер Гилспи. — Сейчас же перестаньте!

Казалось, его никто даже не услышал: мальчик продолжал обеими руками сжимать горло девочки, тогда как та ногтями с силой царапала его лицо. Мистер Гилспи не выдержал и, схватив мальчишку, резко поставил его на ноги, невольно поразившись при этом той силе, с которой ребенок вырывался из его рук.

Неожиданно он затих, как-то обмяк, зато девочка победно засмеялась и ловко вскочила на ноги. Затем вся четверка встала вокруг него, сцепила ладони, образуя некое подобие живого, грязновато-коричневатого кольца, и, весело смеясь и запрокидывая назад головы, принялась бегать вокруг изумленного мужчины, притопывая босыми пятками и словно вовлекая его самого в какой-то дикий танец.

У мистера Гилспи все поплыло перед глазами. Он суетился, дергался из стороны в сторону, пытаясь вырваться из живого кольца, но детские ручонки то и дело цеплялись за него и прочно удерживали в своем плену. Наконец ему удалось прорвать их окружение — он тут же опустился на землю, утирая со лба пот и пытаясь уговорить отчаянно колотящееся сердце. Между тем ребятя снова образовала полукруг, и, глянув на них, мистер Гилспи невольно поразился тому, что они, казалось, совершенно не запыхались и даже не устали, тогда как он все никак не мог отдышаться. В какое-то мгновение он вновь почувствовал резкое пожатие своей ноги чуть повыше колена — на сей раз это сделал уже мальчик. И снова дети обменялись какими-то словами. Правда, теперь ни один из них уже не смеялся — все молчаливо и напряженно всматривались в его лицо.

Мистер Гилспи подумал, что пора уже возвращаться к машине. Тяжело поднявшись, он чувствовал, как гудят натруженные от непривычной беготни ноги. Дети же продолжали неподвижно стоять на месте. И снова вперед вышла девочка — чуть вытянув губы, она протянула к нему ладони, словно намекая на то, чтобы он взял ее на руки и на прощание поцеловал.

Мистера Гилспи явно растрогала подобная сцена — он поднял ребенка, и тот в самом деле обхватил его ручонками за шею. И в то же мгновение мужчина ощутил исходящее от ее неожиданно раскрывшегося рта мерзкое, какое-то звериное зловоние. Ее зеленоватые глаза в упор глядели ему в переносье. Неожиданно художник почувствовал приступ бездонного, леденящего ужаса. Резко вскрикнув, он попытался было освободиться от хватки вцепившихся в него детских рук. Вскоре он уже протяжно, дико закричал, почти завыл, тогда как белокурая головка продолжала склоняться все ниже — пока ее губы не дотянулись до его горла, а белые зубы не вонзились в его мягкую плоть.

И тут же три пары цепких пальцев схватили его за щиколотки, резко дернули на себя — от неожиданного нападения мистер Гилспи пошатнулся и грузно завалился на спину. Теперь вся четверка дружно запрыгнула ему на грудь, живот, ноги. Какое-то время он продолжал свое отчаянное, но бесполезное сопротивление, даже пару раз громко вскрикнул, но затем затих окончательно.

Через несколько минут на безмолвной поляне можно было различить лишь отрывистый лязг крепких, молодых зубов.

22. Клифффорд Саймак

Крестовый поход идиота

Долгое время я был деревенским дурачком, но сейчас я уже не дурак, хотя они до сих пор называют меня идиотом, а то и того хуже.

Теперь я гений, но им об этом не скажу.

Ни за что.

Если об этом узнают, они начнут меня избегать.

Еще никто меня не подозревал, и не заподозрит. Я все так же шаркаю ногами, в глазах

у меня такая же пустота, и я все время бормочу какую-нибудь белиберду. Иногда бывает трудно помнить обо всем этом, а иногда я боюсь переборщить. Но ни в коем случае нельзя давать им повод для подозрений.

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

Я сказал ма, что собираюсь идти на рыбалку, когда мы завтракали, и она не стала возражать. Она знает, что я люблю ловить рыбу. А когда я ловлю рыбу, я не попадаю в истории.

— Хорошо, Джим, — сказала она. — Немного рыбы не помешает.

— Я знаю, где она водится, — сказал я. — В ручье есть такая яма, сразу за фермой Элфа Адамса.

— Вот только не скандаль, пожалуйста, с Элфом, — предупредила ма. — Хотя ты его и не любишь...

— Он злой человек. Он заставил меня работать больше, чем мы договаривались. Он заплатил мне мало денег. И он смеется надо мной.

Я не должен был этого говорить, потому что ма всегда расстраивается, когда надо мной смеются.

— Не обращай внимания на то, что говорят люди, — тихо и ласково сказала ма. — Помни, что сказал проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

— Я знаю, что он сказал, но я не люблю, когда надо мной смеются. Они не должны надо мной смеяться.

— Да, — грустно согласилась ма. — Не должны.

Я продолжал завтракать, думая о том, что проповедник Мартин здоров поболтать о кротости и терпении. Я-то знал, что он за человек и как он ведет себя с Дженни Смит, органисткой. А болтать он о чем угодно здоров.

После завтрака я пошел в сарай взять свои снасти, а Джига прибежал с улицы мне помочь. После ма Джига мой лучший друг. Конечно, он не может со мной разговаривать, — то есть по-настоящему, — но зато он надо мной и не смеется.

Я поговорил с ним, пока копал червей, и спросил, хочет ли он пойти со мной на рыбалку. По нему было видно, что хочет, и я пошел через улицу сказать миссис Лоусон, что Джига идет со мной. Это был ее пес, но почти все время он проводил со мной.

Мы отправились. Я нес свою тростниковую удочку и всякие рыболовные принадлежности, а Джига вышагивал у моих ног, будто для него особой честью было идти со мною рядом.

Мы прошли мимо банка, где у большого окна за своим столом сидел банкир Пэттон с видом самого важного человека во всем Мэплтоне, каким он и в самом деле был. Я прошел мимо него медленно, ненавидя изо всех сил.

Мы с ма не жили бы сейчас в развалюхе, если бы банкир Пэттон не продал с аукциона наш дом после того, как умер па.

Мы прошли мимо фермы Элфа Адамса, и его я тоже ненавидел, но не так сильно, как банкира Пэттона. Вся вина Элфа была в том, что он заставил меня работать больше, чем договаривались, а потом обсчитал.

Элф большой и хвастливый. Но я думаю, он неплохой фермер, — по крайней мере, так кажется. Он построил большой новый сарай для сена и додумался выкрасить его не в красный цвет, как все нормальные фермеры, а в белый с красной каемочкой. Где видано — сарай с каемочкой?

Сразу за фермой Элфа мы с Джигой свернули с дороги и пошли через пастбище, направляясь к ручью — туда, где в нем яма.

Бык Элфа, герфордский призер, собрав вокруг себя коров, прохаживался в дальнем конце пастбища. Увидев нас, он стал к нам подходить — без коварных намерений, но с готовностью вступить в бой, если что. Я не боялся его, потому что подружился с ним в то лето, когда работал у Элфа. Я всегда гладил его и чесал за ушами. Элф говорил, что я идиот

ненормальный и что когда-нибудь бык меня убьет.

"С быками всегда нужно быть начеку", — говорил Элф.

Когда бык подошел достаточно близко, чтобы нас узнать, он понял, что опасности нет, и вернулся к своим коровам.

Мы добрались до ручья, я закинул удочку, а Джига побежал вверх по течению посмотреть, что там есть. Я поймал несколько рыбешек, не очень больших. Рыба плохо клевала, и мне стало скучно. Я люблю ловить рыбу, но, чтобы было интересно, нужно много поймать.

Поэтому я стал размышлять о всяком. Я подумал: что, если взять какую-нибудь площадь — скажем, сто квадратных футов — и как следует ее рассмотреть, сколько на ней можно найти разных растений? Я посмотрел на клочок земли рядом с собой и увидел обычную пастбищную траву, несколько одуванчиков, щавель, парочку фиалок и лютик, которые еще не расцвели.

И вдруг, глядя на одуванчик, я понял, что вижу его полностью, а не только ту часть, что над землей!

Не знаю, сколько времени я смотрел на него, пока до меня это дошло. И я не уверен, что "видеть" — это точное слово. "Знать", наверное, правильней. Я знал, как растет в земле большое корневище одуванчика и как от него отходят ворсистые корешки; я знал, куда тянутся все эти корни и как они впитывают воду и минералы из земли, как в корнях образуются запасы и как одуванчик использует солнечный свет, чтобы сделать из них для себя пищу. Но самое смешное во всем этом было-то, что ничего такого я раньше не знал.

Я смотрел на другие растения и видел то же самое. Я подумал, не случилось ли у меня что-нибудь с глазами и не стоит ли мне оторваться от растений и посмотреть куда-нибудь вдаль. Так я и сделал, и все прошло.

Но когда я снова попытался увидеть корень одуванчика, я его увидел, как и в прошлый раз.

Я сел на землю и задумался. Почему раньше я ничего такого не видел, а теперь вижу? Размышляя об этом, я посмотрел в ручей и попытался увидеть, что там, в глубине. И увидел — ясно, как Божий день. Я заглянул на самое дно ямы, пошарил по всем закоулкам и знал теперь, где лежат большие голавли — больше, чем все рыбы в этом ручье.

Увидев, что моя наживка зависла далеко от рыб, я подвел ее прямо к носу самой большой. Но она будто и не заметила этого, а если и заметила, то не была голодной. Она шевелила своими плавниками и раздувала жабры.

Я опускал удочку, пока наживка не ударила ее по носу, но и это не подействовало.

И тогда я сделал ее голодной.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не знаю. Просто я как-то сразу понял, что могу, и как это делается. В общем, я сделал ее голодной, и она набросилась на наживку, как Джига на кость.

Поплавок задергался, я подсек рыбу и вытащил ее на берег. Сняв рыбу с крючка, я насадил ее на проволоку рядом с мелкими рыбешками.

Потом я выбрал еще одну большую рыбу, опустил рядом с ней наживку и сделал ее голодной.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Оставалась еще какая-то мелочь, но с ней я не стал возиться. Связка получилась такой большой, что я не смог нести ее в руке — рыба по земле волочилась. Пришлось перекинуть ее через плечо. Жутко мокрая эта рыба.

Я позвал Джигу, и мы пошли в город.

Все, кто со мной встречался, останавливались, смотрели на мою мокрую рыбу и спрашивали, где я ее поймал и на что, и осталась ли там еще, или я всю выловил. Когда я говорил им, что всю выловил, они смеялись, как ненормальные.

Я как раз сворачивал с Мейн-стрит на дорогу к дому, когда банкир Пэттон вышел из парикмахерской. От него хорошо пахло чем-то из тех флакончиков, из которых парикмахер

Джейк опрыскивает своих клиентов.

Он увидел меня с рыбой и остановился на дороге. Посмотрел на меня, посмотрел на рыбу и потер свои пухлые руки. И, будто я ребенок, сказал:

— Ух ты, Джимми! Где ж ты взял такую рыбу?

Можно подумать, я не имел на нее права или добыл ее нечестным путем!

— В яме, за фермой Элфа, — сказал я.

И в ту же секунду, не стараясь этого делать, я увидел его так же, как одуванчик, — его желудок и кишки, и что-то похожее на печенку, а над всем этим, в окружении рыхлой розовой массы, что-то пульсирующее. Короче говоря, сердце.

Я думаю, до меня еще никому не удавалось так ненавидеть чужие внутренности.

Я протянул руки — то есть не то, чтобы протянул, потому что в одной руке я держал удочку, а второй придерживал связку с рыбой, — но как будто и вправду протянул, схватил его сердце и сжал его сильно-пресильно.

Он судорожно глотнул воздух, выдохнул и обмяк — куда и девалась вся его прыть. Мне пришлось отскочить с дороги, чтобы он не свалился на меня, когда падал.

Он грохнулся на землю и замер.

Из своей парикмахерской выскочил Джейк.

— Что с ним случилось? — спросил он.

— Упал, — сказал я.

Джейк посмотрел на него:

— Это сердечный приступ. Я в этом разбираюсь. Побегу за доктором.

Он помчался по улице к дому дока Мэйсона, а со всех сторон стали собираться люди.

Здесь были Бен с сыроваренного завода, Майк из бильярдной и несколько фермеров, которые вышли из магазина.

Я выбрался оттуда и пошел домой. Ма обрадовалась рыбе.

— Она, должно быть, очень вкусная, — сказала она, рассматривая рыбу. — Как тебе удалось поймать столько, Джим?

— Клевало хорошо, — сказал я.

— Ну, давай, отправляйся ее чистить. Мы сейчас съедим немного, парочку я отнесу проповеднику Мартину, а остальные натру солью и положу в погреб, в холодильник. Пусть лежат там на будущее.

Тогда же с улицы прибежала миссис Лоусон и рассказала ма о банкире Пэттоне.

— Он разговаривал с Джимом, когда это случилось, — сказала она.

Ма обернулась ко мне:

— Почему ты не сказал мне, Джим?

— А я забыл об этом, — сказал я. — Я тебе рыбу показывал.

Они продолжали говорить о банкире Пэттоне, а я пошел в сарай чистить рыбу. Джига сидел и смотрел, что я делаю. Он не меньше меня радовался рыбе, будто приложил к этому свою лапу.

Только не подумайте, что я хочу вас убедить в том, что Джига и впрямь заговорил. Он как будто заговорил — вот в чем дело.

— Хороший был денек, Джига, — сказал я. И Джига ответил — "ага, хороший". Он вспомнил, как носился вдоль ручья, как спугнул лягушку и как хорошо пахло, когда он рылся носом в земле.

Люди все время смеются надо мной, шутят шуточки, цепляются, потому что я деревенский дурачок, а этот дурачок им вперед сто очков даст. Они бы испугались и с ума спятили, если бы с ними собака заговорила, а мне — хоть бы что. Я просто подумал, как здорово, что Джига умеет говорить и что теперь не придется самому догадываться. Мне и в голову не пришло удивляться; я давно знал, что Джига умный пес и может говорить, если захочет.

Мы поболтали с Джигой о том о сем, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая,

миссис Лоусон уже ушла, а ма возилась на кухне со сковородкой, собираясь жарить рыбу.

— Джим, ты... — неуверенно сказала она. — Ты ведь не имеешь отношения к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты его не толкнул, не ударил, нет?

— Як нему вообще не прикасался, — сказал я, и это была правда. Я действительно к нему не прикасался.

После обеда я пошел работать в огород. Ма немного подрабатывает по домам, но без огорода мы пропали бы. Раньше я тоже подрабатывал, но после того, как подрался с Элфом, когда он меня обсчитал, она больше не разрешает мне наниматься. Говорит, если я буду ухаживать за огородом и ловить рыбу, то и слава Богу.

Работая в огороде, я нашел еще одно применение своему новому зрению. В капусте были гусеницы, и я видел их каждую в отдельности. Я сжимал их, как банкира Пэттона, и они умирали. На листьях помидоров я обнаружил какую-то мучнистую сыпь и подумал, что это вирус — такой она была мелкой. Я увеличил ее, рассмотрел хорошенько и заставил убраться. Я не давил ее, как гусениц. Просто заставил ее убраться.

В огороде весело работать, когда ты можешь заглянуть в землю и увидеть, как растут пастернак и редиска, когда можешь убить личинок, которые их едят, и когда знаешь, все ли там в порядке, в земле.

На обед у нас была рыба и на ужин рыба, а после ужина я пошел погулять.

Сам того не желая, я оказался у дома банкира Пэттона и почувствовал, что там горе.

Я остановился на обочине и впустил в себя это горе. Думаю, что, стоя у любого дома в городе, я без труда мог бы понять, что происходит внутри, но я не знал, что умею это делать, и поэтому не пробовал. Просто горе в доме Пэттона было таким глубоким и сильным, что я его заметил.

Старшая дочь банкира была наверху в своей комнате, и я видел, как она плачет. Вторая дочь сидела с матерью в гостиной. Они не плакали, но были очень одиноки и потеряны. В доме были еще и другие люди, не такие печальные, — наверное, соседи, которые пришли, чтобы составить им компанию.

Мне стало жаль этих троих и захотелось им помочь. Я не подумал, что плохо поступил с банкиром Пэттоном, но мне было жаль этих женщин, ведь не виноваты же они были в том, что банкир Пэттон был таким. Поэтому я стоял там и хотел им помочь.

И вдруг я понял, что, кажется, могу, и попробовал сначала с дочерью, которая была наверху, в своей комнате. Я дотянулся до нее и сказал ей счастливые мысли. Сначала это было непросто, но я быстро наловчился и в два счета сделал ее счастливой. Потом я сделал счастливыми остальных двоих и пошел своей дорогой, радуясь тому, как помог этой семье.

Проходя мимо домов, я прислушивался. Большинство из них были счастливыми или, по крайней мере, довольными, хотя я нашел и несколько печальных. Не задумываясь, я дотянулся до них и дал им счастье. Не потому, что чувствовал себя обязанным делать добро кому-то в особенности. По правде говоря, я и не помню, какие дома я сделал счастливыми. Просто я подумал, что, раз я умею делать счастье, то должен его делать. Плохо, если у кого-то есть такая сила, а он ее не использует.

Ма сидела у окна и ждала меня. Она всегда беспокоится, когда я пропадаю надолго и она не знает, где я.

Я поднялся в свою комнату, лег на кровать и долго не спал, думая, как это случилось, что у меня получаются такие вещи, и как это я их сегодня сделал, если раньше не умел. Но, в конце концов, я уснул.

Положение, конечно, не идеальное, но куда лучше того, на что я мог рассчитывать. Не так просто бывает найти на чужой планете носителя, более приспособленного для наших задач, чем этот.

Он принял меня беспрекословно, не пытаясь понять или отказаться. Нужно отдать должное его интеллекту, который позволил ему так быстро и успешно найти применение

моим способностям, что весьма удобно для наблюдений. Он довольно мобилен, легко контактирует с себе подобными — и это его второе преимущество.

Думаю, что мне повезло с первой попытки найти такого удачного носителя.

После того, как я проснулся и позавтракал, я вышел во двор и увидел, что Джига ждет меня. Он сказал, что хочет поохотиться на кроликов, и я согласился пойти с ним. Он сказал, что, раз уж мы теперь можем разговаривать, то должны составить хорошую команду. Я мог бы встать на пень или на камень, а то и взобраться на дерево, посмотреть сверху на землю, увидеть кролика и крикнуть ему, куда тот бежит, а уж он-то его перехватит.

Мы шли по дороге к ферме Элфа, но потом свернули на пастбище и собрались переправиться через ручей к лесосеке на холме.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся, чтобы отпустить Элфу хорошую порцию ненависти, и пока я стоял и ненавидел, мне в голову пришла одна мысль. Я не знал, смогу ли это сделать, но идея была такой замечательной, что я решил попытаться.

Я перевел взгляд на элфов сарай, зашел в него и очутился в ворохе соломы. Хотя все это время, как вы понимаете, мы с Джигой стояли на пастбище, собираясь идти дальше на кроличью охоту.

Хотелось бы мне знать, что я сделал и как я это сделал, но больше меня волнует другое: откуда я знал, то есть откуда мне было известно про химические реакции и все такое. Я сделал что-то с сеном и кислородом, и стог загорелся у меня на глазах. Когда я убедился, что все в порядке, я вышел оттуда, вернулся в себя, и мы с Джигой перешли через ручей и стали подниматься на холм.

Я то и дело оборачивался. Мне было интересно, не погас ли огонь, но над сараем сразу же показалась струйка дыма, а потом и черные клубы повалили из-под крыши.

К этому времени мы уже добрались до лесосеки, я сел на пень и порадовался. Огонь хорошо поработал внутри, прежде чем вырваться наружу, и теперь уже ничто не могло бы спасти этот сарай. Пламя вырывалось с ревом, образуя чудный дымовой столб.

По дороге домой я зашел в магазин. Там был Элф и сиял так, будто пропажа сарая его ошастливила.

Мне недолго пришлось ждать объяснения его веселью.

— Я его застраховал, — сказал он Берту Джоунсу, хозяину магазина, — со всем содержимым. Все равно он был слишком большим — больше, чем мне нужно. Когда он уже был построен, я подсчитал, что стадо у меня вырастет, так что понадобится место.

Берт ухмыльнулся:

— Как по заказу тебе этот пожар, Элф.

— Лучше не придумашь. Я могу построить другой сарай, да еще и деньги останутся.

Мне было досадно от того, что я так просчитался, и я стал думать, как бы с ним расквитаться.

После обеда я снова направился к ферме Элфа, свернул на пастбище и нашел быка. Он был рад меня видеть, хотя для порядка немного поревел и пару раз ковырнул землю копытом.

Всю дорогу я размышлял о том, смогу ли я разговаривать с быком, как с Джигой, и боялся, что не смогу, потому что Джиге положено быть умнее быка.

Все это так, конечно. Ужасно трудно было заставить быка что-либо понять.

Я совершил ошибку, почесав его за ушами, когда пытался его разговорить. Он чуть было не уснул. Я чувствовал только, до чего же ему это нравится. Поэтому я размахнулся и дал ему ногой меж ребер, чтобы он очнулся и послушал меня. Он действительно слегка прислушался и даже чуть-чуть ответил, но что это за ответ! Быки страшно тупые.

Но я не сомневался в успехе дела, потому что он постепенно стал разъяряться и высказывать недовольство. Мне даже показалось, что я немного перестарался. Я побежал к ограде и перескочил через нее одним махом. Бык остановился у ограды и принялся свирепо

рыть землю, а я помчался оттуда со всех ног.

Домой я пришел довольный от того, что придумал такую ловкую штуку. И ни капли не удивился, когда в тот же вечер узнал, что Элфа забодал его бык.

Не слишком приятная смерть, конечно, но Элф ее заслужил. Не надо было меня обсчитывать.

Я сидел в бильярдной, когда кто-то принес эту новость, и все стали ее обсуждать. Одни вспомнили, как Элф говорил, что с быками всегда нужно быть начеку, а другие припомнили, как он часто говорил, что я единственный, кто ладит с этим быком, и что он всегда боялся, как бы меня этот бык не убил.

Они заметили, что я здесь сижу и спросили об этом, но я только мычал в ответ, и они стали надо мной смеяться, а мне было наплевать. Я знал такое, чего они не знали. Представьте, как они удивились, если бы я сказал им правду!

Дудки.

Я не такой дурак.

Придя домой, я взял блокнот и карандаш и начал составлять список всех своих врагов — всех, кто смеялся надо мной, плохо со мной поступал или говорил обо мне гадости.

Список получился приличный. В него вошел почти весь город. Я подумал и решил, что нужно, наверное, всех убить. Но вспомнив Элфа и банкира Пэттона, я пришел к выводу, что убивать тех, кого ненавидишь, — это еще не самое большое удовольствие. К тому же мне стало ясно, как Божий день, что если я убью столько людей, то одному мне будет скучно.

Я прочел список. Пара имен вызвала сомнения, и я вычеркнул их. Перечитав оставшихся, я убедился еще раз, что все это плохие люди. И раз уж я решил их не убивать, то должен был сделать с ними что-нибудь другое. Нельзя же позволять им оставаться плохими.

Я долго об этом думал и вспомнил кое-что из того, о чем говорил проповедник Мартин, хотя, как я уже сказал, он здоров поболтать. Я решил забыть о своей ненависти и воздать добром за их зло.

Я в растерянности и недоумении, хотя, возможно, это нормальная реакция после внедрения в чуждое существо. Это вероломная и беспринципная порода и, как таковая, представляет собой неоспоримую важность для изучения.

Я не перестаю поражаться легкости, с которой этот носитель использует мои возможности, и не перестаю ужасаться способам их применения. Меня более чем удивляет его собственная убежденность в своей умственной ущербности; его действия с момента моего внедрения этого не подтверждают. Возможно, культ неполноценности является характерной чертой этого вида, а может быть, думать о себе иначе считается дурным тоном.

Однако я начинаю подозревать, что каким-то образом он меня вычислил и с помощью этой непонятной стратегии пытается выжить. В таком случае оставаться с ним не вполне корректно с моей стороны, но он показал себя таким отличным местом для наблюдений, что было бы жаль его лишиться.

На самом же деле, я ничего не знаю. Я мог бы, конечно, взять под контроль его сознание, разобраться в истине и во всем, что меня смущает. Но я боюсь, что таким образом он потеряет ценность как свободный агент, и качество наблюдений снизится. Я решил выждать, прежде чем пойти на крайние меры.

Я позавтракал наспех, так мне не терпелось начать. Ма спросила, что я собираюсь делать, и я сказал, что просто пойду погуляю.

Первым делом я пошел к дому священника и сел там у забора между домом и церковью. Вскоре вышел проповедник Мартин и принялся ходить туда-сюда по своему, как он его называет, садику, притворяясь погруженным в благочестивые мысли. Но я всегда подозревал, что это только способ произвести впечатление на старушек.

Я легко дотянулся до него и так в него вошел, что, казалось, будто это я, а не он,

расхаживаю туда-сюда. Странное чувство, скажу я вам, потому что все это время я прекрасно знал, что сижу за забором.

Ни о чем благочестивом он не думал. Он мысленно подбирал аргументы в пользу повышения своего жалования, которыми собирался сразить руководство церкви. Некоторых он клял за то, что они сквалыги и захребетники, и здесь я с ним соглашался, потому что так оно и есть.

Осторожно, как бы крадучись в его мыслях, я вынудил его думать об органистке Дженн Смит — о том, как он с ней обращается, и заставил его покраснеть от стыда.

Он попытался прогнать меня, хотя и не знал, что это я; он думал, что это в его собственных мыслях такое безобразие. Ничего у него не вышло. Я в него глубоко влез.

Я заставил его думать о том, как прихожане верят в него, считают своим духовным наставником; заставил его вспомнить молодость, когда он только вышел из семинарии и смотрел на свою жизнь, как на великую миссию. Я заставил его признаться в предательстве всего, во что он тогда верил, и так его извел, что он чуть не заголосил. И наконец, я заставил его осознать, что только чистосердечное раскаяние может его спасти. Только раскаявшись, он сможет начать новую жизнь и оправдать доверие прихожан.

Я ушел, чувствуя, что хорошо поработал, но время от времени решил проверять.

Потом я зашел в магазин, сел и принялся наблюдать за Бертом Джоунсом, подметавшим пол. Пока он со мной разговаривал, я пролез в его мысли и напомнил ему все случаи, когда он платил фермерам за яйца меньше, чем на рынке, когда должникам приписывал лишние счета, и как он обманывал налогового инспектора. На инспекторе он порядком струхнул, но я продолжал над ним работать, пока он не решил отдать деньги всем, кого обманул.

До конца я эту работу не довел, но успокоился на том, что в любое время могу вернуться и, глядишь, Берт станет честным человеком.

В парикмахерской Джейк стриг какого-то мужчину. Мне было все равно, кто это такой, — он жил в трех-четыре милих от города — и вообще я решил ограничиться своей округой.

Перед тем, как уйти, я заставил Джейка потрястись из-за рулетки, которой он баловался в задней комнате бильярдной, и он уже был готов во всем признаться жене.

Я пошел в бильярдную. Майк сидел в шляпе за стойкой и читал газету с бейсбольными новостями. Я тоже достал вчерашнюю газету и сделал вид, что читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать, и тогда я еще больше в нее углубился.

Выходя, я был уверен, что, как только за мной закроется дверь, он побежит в подвал и выльет весь самогон в канализацию, а там, еще немного усилий, и он прикроет свою лавочку.

На сыроваренном заводе мне почти не удалось поработать над Беном. Фермеры как раз привозили молоко, и его голова была слишком занята, чтобы в нее проникнуть. Но все же я заставил его подумать о том, что будет, если Джейк застанет его со своей женой. Я решил, что обработаю его по первому разряду, когда поймаю одного, потому что это проняло его сразу.

Вот такие я делал дела.

Работа была тяжелая, и временами мне хотелось ее бросить. Тогда я садился и напоминал себе, что довести ее до конца — это мой долг, что именно мне почему-то дана такая сила и что в моей власти использовать ее как следует. Более того, она не предназначена только для меня, для моих корыстных целей, но должна служить на благо людям.

Вряд ли я пропустил хотя бы одного человека в городе.

Помните, как мы сомневались, не закралась ли в наш план невидимая ошибка? Мы досконально проверили его, ничего не нашли и все же продолжали бояться, что на практике она обнаружится. Теперь я могу доложить, что такая ошибка есть. Вот она:

Осторожное и пассивное наблюдение невозможно, поскольку, как скоро вы

внедряетесь в носителя, он начинает осваивать ваши способности, что становится фактором, разрушающим схему.

В результате я получаю искаженную картину жизни на этой планете. До сих пор я не хотел вмешиваться, но сейчас я вынужден взять под контроль ситуацию.

Берт, с тех пор, как стал честным, — счастливейший человек. Даже потеря всех своих клиентов, которые обиделись на него после объяснений и возврата денег, его не волнует. Я не знаю, как поживает Бен, — он исчез сразу после того, как Джейк наставил на него дробовик. Но, впрочем, все согласны, что Бен перестарался, когда пошел к Джейку и сказал, что так, мол, и так. Жена Джейка тоже пропала, и поговаривают, что она убежала за Беном.

Откровенно говоря, меня вполне устраивает все, что происходит. Все честные, никто никого не надует, никаких азартных игр и ни капли спиртного во всем городе. Мэйплтон, наверное, самый нравственный город Соединенных Штатов.

Я думаю, так получилось потому, что я начал с искоренения собственных дурных наклонностей и вместо того, чтобы убить всех, кого ненавидел, я стал делать для них добро.

Правда, когда по вечерам я хожу по городу, меня удивляет, что счастливых мыслей в домах стало меньше, чем прежде. Иногда я вынужден ходить ночь напролет и поднимать у них настроение. А казалось бы — чем честнее человек, тем он счастливее. Я думаю, это потому, что раз теперь они не плохие, а хорошие, то и заняты не глупыми удовольствиями, а ведут серьезный и достойный образ жизни. Но одна мысль не дает мне покоя. Не сделал ли я все это добро из корыстных побуждений? Отчасти — да, чтобы загладить вину за убийство Элфа и банкира Пэттона. К тому же я трудился не для людей вообще, а только для тех, кого знаю. Это несправедливо. Разве только мои знакомые должны получать от этого пользу?

Спасите! Вы слышите меня? Я в ловушке! Я не могу ни контролировать своего носителя, ни избавиться от него. Никто, никогда, ни при каких обстоятельствах не пытайтесь использовать представителей этой породы в качестве носителей!

Спасите!

Вы меня слышите?

Спасите!

Я всю ночь не спал, сидел и думал, и теперь мне все стало ясно.

Придя к решению, я почувствовал себя одновременно кротким и всемогущим. Теперь я знаю, что избран орудием добра, и ничто не должно останавливать меня на этом пути. Я знаю, что город был всего лишь испытательной площадкой для меня — чтобы я понял, на что способен. Осознав все это, я намерен предельно использовать свою власть на благо всего человечества.

Ма давно начала откладывать деньги на пристойные похороны.

Я знаю, где она их прячет.

Других денег у нее нет.

Но мне этого хватит, чтобы добраться до ООН.

23. Г. Х. Манро ("Саки")

Рассказчик

День выдался жаркий и в купе пассажирского вагона было довольно душно, тогда как до ближайшей остановки в Темплкомбе оставалось еще не менее часа пути. Сидевшая в купе публика включала в себя маленькую девочку, еще более маленькую девочку и маленького мальчика. Присматривавшая за ними тетушка занимала место в углу у окна, тогда как на противоположной лавке по диагонали от нее восседал некий одинокий джентльмен, не имевший никакого отношения к вышеозначенной компании. В целом можно было сказать, что обстановку в купе полностью определяли эти самые две девочки и мальчик, которые

время от времени обменивались с тетушкой короткими репликами, по всей видимости, считая ее чем-то вроде назойливой комнатной мухи, которая, тем не менее, никак не желала угомониться. Подбавляющее большинство фраз женщины начинались со слов "не надо" и "не смей", тогда как дети отвечали ей всегда одним и тем же вопросом, а именно — "почему". Джентльмен в углу пока не проронил ни слова.

— Не смей, Сирил, не надо этого делать! — воскликнула тетушка, когда маленький мальчик принялся хлопать ладонью по подушке сиденья, над которой при каждом ударе взметалось облачко пыли.

— Иди сюда и посмотри в окно, — добавила женщина.

Мальчик неохотно приблизился к окну.

— А куда везут этих овечек? И зачем их вообще куда-то везут?

— Наверное, их везут на другое поле, где трава гуще, — слабым голосом отозвалась тетушка.

— Но здесь и так достаточно травы, — возразил мальчик. — Здесь вообще нет ничего, кроме травы. Тетя, посмотри, сколько здесь травы.

— Наверное, на другом поле травы еще больше, — глуповато предположила тетушка.

— А почему ее там больше? — последовал стремительный и неизбежный вопрос.

— О, ты только посмотри на этих коров! — воскликнула тетушка. На самом деле почти на всех простиравшихся за окном полях виднелись молоденькие бычки и коровы, но женщина произнесла эту фразу таким тоном, словно это была какая-то невиданная редкость.

— А почему на другом поле травы еще больше? — не отставал Сирил.

На лице одинокого господина появилось сердитое выражение. Про себя тетушка давно уже определила, что это черствый и вообще малосимпатичный человек. Между тем, вопрос о траве на соседнем поле, судя по всему, по-прежнему продолжал оставаться для нее неразрешимой загадкой.

Маленькая девочка, похоже, решила внести свежую струю в их дискуссию и принялась нараспев читать стишок про овечку, которая жила у Мэри. Скорее всего, она знала одну лишь первую строчку и потому решила вложить в произносимые слова весь свой безудержный энтузиазм. Задумчивым, но одновременно решительным, и к тому же громким голосом она раз за разом повторяла ее, так что спустя некоторое время одинокий джентльмен даже подумал, не поспорила ли она часом с кем-то, что сможет две тысячи раз без остановки произнести одну и ту же фразу. При этом он уже твердо решил про себя, что кто бы ни вздумал заключить с ней такое пари, его карта в любом случае оказалась бы битой.

— Идите-ка сюда и послушайте, что я вам сейчас расскажу, — проговорила тетушка, дважды перехватив на себе выразительный взгляд угрюмого господина.

Дети неохотно сгрудились подле тетушкиных колен, всем своим видом показывая, что не слишком-то высоко оценивают ее качества рассказчицы.

Низким, доверительным голосом, изредка прерываемым громкими и нетерпеливыми возгласами юных слушателей, она начала свой занудный и скорбно-заунывный рассказ про маленькую девочку, которая была хорошей и благодаря этому качеству у нее было очень много друзей, жизнь которой однажды оказалась под угрозой из-за того, что на нее напал взбесившийся бык, но в итоге девочку спасли многочисленные почитатели ее столь незаурядных моральных качеств.

— А если бы она не была такой хорошей, стали бы они ее тогда спасать? — спросила старшая из двух маленьких девочек. Кстати, именно этот же вопрос вертелся на языке и у угрюмого господина.

— Ну да, конечно, — вяло проговорила тетушка, — но, скорее всего, если бы она им не нравилась, они не стали бы бежать так быстро.

— Никогда еще не слышала более глупой истории, — с глубокой убежденностью в голосе произнесла старшая из двух маленьких девочек.

— А я после первых фраз вообще не стал слушать, — заявил Сирил. — Очень надо — чушь всякую слушать.

Младшая из двух маленьких девочек пока воздерживалась от комментариев, поскольку уже давно возобновила свое нескончаемое повторение начальной строки заветного стишка.

— Похоже на то, что искусство устного рассказа — не ваша стезя, — проговорил из своего угла мрачный джентльмен.

Тетушка решила с ходу дать отпор столь неожиданной атаке.

— Мне представляется, что очень трудно найти такую историю, которая бы заинтересовала маленьких детей и одновременно была им понятна, — чопорно произнесла женщина.

— А вот в этом я с вами никак не могу согласиться, — возразил ей господин.

— Ну что ж, возможно, вы сами хотели бы рассказать им какую-нибудь историю? — парировала тетушка.

— Ой, расскажите нам какую-нибудь историю, — заляцкила старшая из двух маленьких девочек.

И господин начал свой рассказ.

— Однажды жила-была маленькая хорошая девочка по имени Берта. По правде сказать, это была просто невероятно хорошая девочка.

Мгновенно вспыхнувший было интерес детей стал вянуть на глазах: получалось, что кто бы ни рассказывал им истории, все они оказывались на один лад.

— И она делала всегда только то, что ей говорили старшие: никогда и никого не обманывала, аккуратно относилась к своей одежде, ела молочный пудинг с таким аппетитом, словно это были пирожки с вареньем, тщательно готовила уроки и со всеми вела себя очень послушно и вежливо.

— А она была хорошенькой? — спросила старшая из двух маленьких девочек.

— Ну, не настолько хорошенькой, чтобы сравниться с кем-либо из вас, но зато поведение у нее было просто ужасно хорошее.

Послышался сдержанный одобрительный ропот — рассказ явно начинал нравиться, тогда как упоминание "хороший" в сочетании со словом "ужасный" само по себе было новинкой и заслуживало пристального внимания. Данное обстоятельство словно привносило в рассказ элемент должной правдивости, которого явно не доставало в тетушкиных повествованиях о жизни детей.

— Она была настолько хорошей, — продолжал господин, — что за свою хорошесть получила несколько медалей, которые постоянно носила приколотыми к платью. Одна медаль у нее была за послушание, другая — за пунктуальность, а третья — за хорошее поведение. Это были большие металлические медали, которые, когда она ходила, легонько позвякивали друг о друга. Ни у одного из детей, населявших тот маленький городок, в котором жила эта девочка, не было сразу трех медалей, так что с первого взгляда на нее было видно, что это поразительно хорошая девочка.

— Ужасно хорошая, — поправил его Сирил.

— Все вокруг только и говорили о том, какая она хорошая, и в результате слухи об этом дошли до принца, который правил в той местности. И тогда этот принц сказал, что раз уж она такая хорошая, то ей надо разрешить раз в неделю гулять по его парку, который располагался неподалеку от города. Это был очень красивый парк, в котором обычным детям гулять не разрешалось, и потому считалось, что Берте оказали высокую честь, позволив приходить в этот парк.

— А овечки в том парке были? — требовательным тоном спросил Сирил.

— Нет, — ответил господин, — овечек в нем не было.

— А почему в нем не было овечек? — немедленно последовал вопрос, сам собой напрашивавшийся после подобного ответа.

Тетушка позволила себе легкую улыбку, которую вполне можно было посчитать ухмылкой.

— Овечек в парке не было потому, — продолжал джентльмен, — что матушке принца однажды приснился сон, будто ее сына либо затопчут овечки, либо насмерть прибьют

свалившиеся на голову часы. Именно поэтому принц никогда не держал в своем парке овец, а во дворце у него совсем не было часов.

Тетушка с трудом подавила судорожный вздох восхищения.

— Так все же овечки затоптали принца или ему на голову свалились часы? — спросил Сирил.

— Принц до сих пор жив и здоров, а потому трудно сказать наверняка, сбылся ли тот сон его матушки или нет, — беспечно проговорил джентльмен. — Как бы то ни было, в парке не бегала ни одна овечка, зато во дворце было полным-полно маленьких поросят.

— А какого они были цвета?

— Черные с белыми мордочками, белые с черными пятнами, сплошь черные, серые с белыми полосками и еще несколько совсем белых.

Рассказчик сделал небольшую паузу, чтобы детское воображение успело вобрать в себя всю картину скопившихся в парке соковок, после чего продолжал:

— Берта очень сожалела по поводу того, что в парке не было цветов. Со слезами на глазах она пообещала тетушке, что не станет рвать цветы в парке столь любезного принца, и в самом деле намеревалась сдержать свое слово, так что можете представить себе, в какое глупое положение она попала, когда обнаружила, что там вообще не росло ни одного-единственного цветочка.

— А почему там не было цветов?

— Потому что поросята все их сожрали, — сразу же ответил джентльмен. — Садовники предупредили принца, что нельзя в одном парке выращивать цветы и держать поросят, и он решил, что лучше уж пусть бегают поросята, но совсем не будет цветов.

Послышалось одобрительное бормотание — детям явно пришлось по вкусу столь мудрое решение принца, поскольку они знали, что многие люди обязательно бы решили иначе.

— Помимо этого в парке было много других прекрасных вещей. Например, там были пруды, в которых плавали золотистые, голубые и зеленые рыбки; росли деревья, на ветвях которых сидели говорящие попугаи, готовые при каждом удобном случае произнести какую-нибудь умную фразу, и повсюду летали птицы, которые день-деньской щебетали и насвистывали самые известные мелодии.

Берта гуляла по этому парку, заглядывала в каждый его уголок, наслаждалась от души, а про себя думала: "Если бы я не вела себя столь неповторимо хорошо, мне никогда бы не разрешили войти в такой чудесный парк, и тогда я бы не смогла радоваться тем диковинкам, что вижу здесь на каждом шагу". Она ходила так, ходила, и три медали легонько позвякивали у нее на груди, словно постоянно напоминая девочке о том, какая же она все-таки была хорошая.

И вот однажды в тот парк забежал громадный волк, который принялся рыскать по зарослям в поисках поросенка, которого ему очень хотелось съесть на ужин.

— А какого он был цвета? — спросили дети, продемонстрировав очередной всплеск живого интереса.

— Землистого такого, грязного цвета, с черным языком и бледно-серыми глазами, которые полыхали невыразимо жестоким огнем. Первым делом он увидел гуляющую по парку Бертю — ее безукоризненно-белый фартучек весь прямо-таки светился от своей чистоты, и его можно было заметить с очень большого расстояния. Берта тоже увидела волка, заметила, что он осторожно крадется к ней, и сразу же пожалела, что ей вообще разрешили приходить в этот парк. Девочка тут же бросилась бежать, но волк припустился следом за ней, делая чудовищные прыжки. Наконец она добежала до зарослей мирта и спряталась в гуще самого большого куста.

Волк принялся бродить вдоль кустов, обнюхивать их; его черный язык при этом свесился из открытой пасти, а бледно-серые глаза пылали от безудержной ярости. Берта сидела в кустах, съежившись от охватившего ее ужаса, и думала: "Если бы я не была такой неповторимо хорошей девочкой, то сидела бы сейчас где-нибудь в городе и была бы в

полной безопасности". И все же аромат мирта был настолько сильным, что волк не смог по запаху определить, где скрывается девочка, а куст оказался таким большим, что зверь мог еще очень долго бродить наугад, но так и не заметить девочку.

В общем, походил он так, походил и решил, что лучше пойти и загрызть какого-нибудь поросенка. Берта же сидела в кустах и дрожала всем телом, чувствуя, как волк бродит совсем рядом и постоянно принюхивается. При этом она так сильно дрожала, что висевшие у нее на груди медали стали позвякивать друг о друга — медаль за послушание ударялась о медаль за пунктуальность, а та звякала о медаль за хорошее поведение. Волк уже собирался было уходить, когда внезапно услышал это треньканье. Разумеется, он тут же остановился и стал прислушиваться — что же это такое было? Определенно, клинкало где-то поблизости от него, скорее всего, из этого самого куста. И тогда он устремился в самую гущу зарослей — его бледно-серые глаза сверкали от неумолимой жестокости и триумфа. Он быстренько схватил БERTУ и тут же на месте сожрал ее, так что от нее даже маленького кусочка не осталось — не тронул он только что ее туфельки, обрывки платья и эти самые три медали.

— А пороят он стал потом ловить?

— Нет, они все разбежались и попрятались кто где.

— Плохое было начало у этой истории, — заметила младшая из двух маленьких девочек, — но конец просто чудесный.

— Никогда еще в жизни не слышала такой прекрасной истории, — с полной уверенностью в голосе промолвила старшая из двух маленьких девочек.

— Единственная стоящая история, которую мне когда-либо доводилось слышать, — сказал Сирил.

Тетушка же высказала несколько иное мнение.

— Самая что ни на есть неподходящая история для маленьких детей! Подобным образом вы сводите на нет результаты многолетнего воспитания и тщательного обучения.

— Как бы то ни было, — проговорил джентльмен, собирая свои вещи и готовясь к выходу, — благодаря ей мне удалось заставить их хотя бы десять минут посидеть молча, тогда как вы не добились даже этого.

"Несчастливая женщина! — подумал он, шагая по платформе станции Темплкомб. — Теперь на протяжении ближайших шести месяцев ребятишки проходу ей не дадут — все будут требовать, чтобы она рассказала им неподходящую историю".

24. Роальд Даль Желание

Нашупав ладонью левой руки на коленной чашечке небольшую коричневатую корочку, оставшуюся от старого пореза, мальчик нагнулся, чтобы присмотреться к ней повнимательнее. Корочка эта неизменно привлекала к себе его внимание, буквально зачаровывала его. Одним лишь фактом своего существования она словно бросала ему некий особый вызов, которому он никогда не мог противостоять.

"Так, — подумал он, — сейчас я отковырну ее, даже если она и не вполне подсохла, даже если серединка все еще держится, словно приклеенная, даже если будет черт-те знает как больно".

Кончиком пальца он принялся осторожно ощупывать края корочки, затем поддел ногтем, а как только стал приподнимать — совсем чуть-чуть и очень осторожно, — она внезапно отвалилась. Вся эта коричневатая лепешечка чудесным образом отслоилась, оставив после себя забавный маленький кружок гладкой красной кожи.

Чудесно! В самом деле, просто чудесно. Он чуть потер кружок — и совсем не больно. Затем он положил корочку себе на бедро и щелкнул ее пальцем — та отлетела в сторону и опустилась у края ковра, громадного красно-черно-желтого ковра, застилавшего все пространство холла от лестницы, на которой он сидел, до маячившей в отдалении входной двери.

Огромный ковер. Больше теннисного корта. Намного больше. Он пристально всматривался в него, испытывая при этом отчасти странное сдержанное удовольствие. Раньше он почему-то совершенно не замечал этот ковер, но сейчас, совсем неожиданно, краски его словно приобрели совершенно новую, загадочную яркость и, казалось, каким-то немыслимым, фантастическим образом набросились на него.

"А все очень просто, — сказал он про себя, — я знаю, что это такое. Красные части ковра — это раскаленные докрасна угли. И мне надо сделать вот что: мне надо пройти по нему до самой двери, ни разу не прикоснувшись к ним. Если хоть раз дотронусь хотя бы до одного, то сильно обожгусь. Даже больше того, весь обуглюсь. Черные же части ковра, это... да, черные — это змеи, ядовитые змеи, в основном гадюки, но также кобры, толстые, как стволы деревьев в самой своей середине, и если я дотронусь хотя бы до одной из них, она меня укусит, и я умру еще до начала ужина. Но если я доберусь дотуда, не обжегшись и избежав укуса, то завтра на день рождения мне преподнесут цветок мака!"

Он встал на ноги и забрался повыше на лестницу, чтобы лучше разглядеть безбрежное тканое пространство цвета и смерти. Но можно ли это сделать? Достаточно ли там желтого цвета? Ходить он мог только по желтому. Можно ли проделать подобное? Определенно, ему предстояла отнюдь не веселая прогулка; риск был слишком велик.

Лицо мальчика — венец бледно-золотистых волос, два больших голубых глаза, маленький заостренный подбородок — тревожно заглядывало вниз поверх перил лестницы. В некоторых местах желтое сильно сужалось, хотя в паре мест образовывались довольно широкие пятна, но они не доходили до самой двери. Для человека, который только вчера триумфально прошел весь выложенный кирпичом путь от конюшни до летнего домика, ни разу не ступив на трещины, прогулка по ковру не должна быть таким уж трудным делом. Вот только змеи... При одной лишь мысли о змеях он чувствовал, как страх, словно колкий электрический ток, пробегал по икрам его ног и даже забирался под подошвы ступней.

Он медленно спустился по ступеням и приблизился к краю ковра, после чего вытянул маленькую, обутую в сандалию ногу и осторожно опустил ее на желтое пятно. Затем подтянул и вторую ногу — места было достаточно, чтобы встать нормально. Так! Начало положено! Его сияющее овальное лицо пылало от возбуждения, хотя и казалось чуть бледнее обычного, а руки были вытянуты в разные стороны для сохранения равновесия. Он сделал следующий шаг, высоко пронеся ногу над черной тропой и тщательно примеряясь мыском к узкому желтому пятнышку по другую сторону от нее. Сделав второй шаг, он решил немного передохнуть и застыл в неподвижном напряжении.

Узкий канал желтого цвета неразрывно тянулся вперед на добрых пять метров и он робко двинулся по нему, делая крохотные шажки, словно идя по туго натянутой проволоке. В том месте, где желтый ручеек делал резкий изгиб в сторону, ему пришлось совершить очередной широкий шаг, на сей раз зависнув над зловещей смесью черного и красного. Неожиданно его шатнуло, но он энергично взмахнул руками на манер крыльев ветряной мельницы, чтобы сохранить равновесие, и благополучно преодолел препятствие, после чего снова сделал паузу, но уже по другую сторону от него.

Он основательно запыхался, поскольку все это время напряженно стоял на цыпочках, широко раскинув руки и крепко сжав кулаки. В данный момент он находился на большом и безопасном участке желтого цвета — пространства там хватало, так что можно было не опасаться упасть, а потому он стоял, колеблясь, отдыхая и где-то в глубине души желая навсегда остаться на этом большом и безопасном желтом острове. Однако страх остаться без желанного цветка заставил его продолжить испытание.

Он продвигался дальше, делая шаг за шагом, и после каждого из них останавливался, прикидывая, куда именно ступить дальше. Как-то раз ему даже предстоял выбор — пойти налево или направо. Он пошел налево, потому что хотя этот путь и казался ему труднее, однако в том направлении не так часто мелькали черные пятна. Особенно ему действовал на нервы черный цвет. Он быстро глянул поверх плеча, желая посмотреть, как далеко уже продвинулся. Оказалось, что он уже почти достиг середины и пути назад не было; в равной

степени не мог он и прыгнуть вбок, поскольку до спасительной желтизны было слишком далеко. Затем, устремив взор вперед, он увидел, что прямо перед ним простирается сплошное море черного и красного, и тут же почувствовал в груди болезненный приступ страха — как тогда, на Пасху, когда он под вечер остался один в самой темной части леса Пайпера.

Он сделал следующий шаг, опустив ногу на единственное крошечное желтое пятнышко, находившееся в пределах его досягаемости, хотя на этот раз кончики его пальцев опустились в каком-то сантиметре от черного. Непосредственного соприкосновения с опасной зоной не было, он видел это даже без всякого касания — тоненькая желтая линия отделяла его мысок от черного, — но коварная аспидная змея все же шевельнулась, словно почувствовав близость добычи, приподняла голову и глянула на ногу блестящими крошечными глазками, словно наблюдая за тем, прикоснется он к ней или нет.

"Не касаюсь я тебя! И ты меня не ужалишь! Ты же знаешь, что не касаюсь!"

Рядом к первой змее бесшумно подползла еще одна и также приподняла голову — теперь это были уже две головы, две пары глаз, уставившихся на ногу и нацелившихся на маленький оголенный участок кожи, видневшийся прямо под ремешком сандалии. Мальчик высоко приподнялся на мыски и застыл в таком положении, неспособный пошевелиться от охватившего его дикого ужаса. Прошло несколько минут, прежде чем он решился двинуться дальше.

Следующий шаг должен был оказаться довольно длинным: прямо через всю ширину ковра тянулась глубокая извилистая река черного цвета, причем ситуация требовала от него пересечь ее в самой широкой части. Поначалу он подумал было о прыжке, но потом засомневался, удастся ли ему приземлиться точно на узкой желтой полоске по другую сторону. Он сделал глубокий вдох, приподнял одну ногу и медленно, сантиметр за сантиметром стал протягивать ее перед собой, дальше, еще дальше, потом ниже, ниже, пока наконец кончик сандалии не пересек опасный участок и не оказался на самом краешке спасительного желтого пятна. Затем он подался вперед, перенося вес тела на выдвинутую вперед ногу и намереваясь подтянуть к ней вторую.

Он напрягся, сначала было потащил, а затем уже рванул все тело вперед, но ноги стояли слишком широко, и ему не удалось это сделать. Тогда он захотел отпрыгнуть назад — но и это не получилось. Его словно раздирало надвое, и одновременно невозможно было даже пошевелиться. Он глянул вниз и увидел прямо под собой глубокую, извилистую черную реку. Отдельные ее места взволновались, начали распрямляться, скользить взад-вперед и переливаться омерзительным, маслянистым блеском. Он снова зашатался, отчаянно замахал руками, желая сохранить равновесие, но только ухудшил свое положение — тело его стало заваливаться в сторону. Он стал крениться вправо — поначалу медленно, а потом все быстрее и быстрее, и в последнее мгновение инстинктивно вытянул руку, чтобы остановить падение, но уже в следующий миг перестал видеть перед собой что-либо, кроме этой самой обнаженной руки, уходящей вправо и погружающейся в самую середину огромной, сверкающей массы сплошной черноты. Едва коснувшись ее, он издал один-единственный пронзительный крик ужаса...

А снаружи, на солнце, далеко за домом, мать искала своего сына.

25. Ширли Джексон

Чарльз

В тот самый день, когда мой сын Чарльз поступил в старшую группу детского сада, он категорически отказался носить свои вельветовые штаны с нагрудником и стал ходить в джинсах с настоящим ремнем. Глядя на то, как утром он впервые выходил из дома в компании жившей по-соседству старшей девочки, я поняла, что в жизни моей закончился

определенный этап и что мой сладкоголосый ясельный малыш превратился в длинноногого щеголя, который даже забыл остановиться на углу улицы, чтобы на прощание помахать мне рукой.

Домой он, однако, заявился в свойственной ему манере — дверь нараспашку, кепку на пол, — и к тому же издав странный пронзительно-хрипловатый крик:

— Здесь есть кто-нибудь живой?

За ленчем он без конца дерзил отцу, разлил молоко младшей сестренки и, сославшись на слова учительницы, сказал, что мы не должны все упоминать имя Господа.

— Ну, как прошел день в классе? — спросила я подчеркнуто небрежным тоном.

— Нормально.

— Хоть чему-нибудь научился? — спросил отец.

Лори окинул его холодным взглядом.

— А я чему и не учился, — был его ответ.

— Ничему, — поправила я его. — Ничему не учился.

— А вообще-то учительница отшлепала одного малого, — сказал Лори, обращаясь скорее к своему бутерброду. — За то, что он плохо себя вел, — добавил он с полным ртом.

— И что же он сделал? — поинтересовалась я. — Кто он такой?

Лори немного подумал.

— Его зовут Чарльз. Он плохо себя вел. Учительница отшлепала его и поставила в угол. Прилично отшлепала.

— Так что он сделал-то? — снова спросила я, но Лори уже соскользнул со своего стула, взял пирожок и удалился, пока в спину ему все еще несло отцовское: "Послушайте-ка, молодой человек".

На следующий день, едва усевшись за стол, Лори объявил:

— Сегодня Чарльз опять провинился. — Широко улыбнувшись, он продолжал: — Сегодня он стукнул учительницу.

— Боже праведный, — воскликнула я, позабыв про предупреждение насчет упоминания имени Господня. — Его, наверное, опять отшлепали.

— Конечно, — ответил он. — Смотри-ка, — это уже, обращаясь к отцу.

— Что? — спросил отец, поднимая взгляд.

— Вниз смотри, — сказал Лори. — На мой большой палец. Эге, да ты совсем тупой, — и зашелся безумным смехом.

— И за что же Чарльз стукнул учительницу? — не отставала я.

— За то, что она хотела заставить его рисовать красными мелками, — ответил Лори. — А Чарльз хотел зелеными, и потому ударил учительницу, а она отшлепала его и сказала другим детям, чтобы с ним никто не играл, но они все равно играли.

На третий день — это была среда первой недели — Чарльз стукнул маленькую девочку качелями по голове, да так, что у нее даже кровь пошла, и учительница всю перемену не разрешала ему выходить наружу. В четверг Чарльз весь урок простоял в углу за то, что во время рассказа учителя топал ногами. В пятницу, когда учительница вызвала его к доске, он принялся кидаться мелом.

В субботу я сказала мужу:

— Тебе не кажется, что детский сад не очень хорошо на нем отражается? Все эти строгости, грамматические ошибки, да и Чарльз этот, похоже, также на него плохо влияет.

— Все образуется, — обнадеживающе проговорил муж. — Людей вроде этого Чарльза полным-полно. На каждом шагу можно встретить.

В понедельник Лори немного припозднился, зато домой пришел с ворохом новостей.

— Чарльз! — закричал он, взбираясь на холм, — Чарльз!.. — все то время, что он поднимался, имя это не сходило с его уст. — Чарльз снова проштрафился!

— Ну, быстрее заходи в дом, — проговорила я, как только он подошел на достаточно близкое расстояние. — Ленч уже давно готов.

— Знаешь, что сделал Чарльз? — требовательным тоном спросил он, проходя за мной в

столовую. — Чарльз так орал на всю школу, что они даже мальчика из первого класса прислали, чтобы он сказал учительнице, чтобы та уговорила его, а потому его опять оставили после уроков. А вместе с ним и других учеников тоже — чтобы присматривали за ним.

— И что же он сегодня натворил? — спросила я.

— А ничего, просто сидел, — сказал Лори, вскарабкиваясь на свой стул. — Привет, пап. А знаешь, ты у нас просто старый пень.

— Сегодня Чарльза оставили после уроков, — пояснила я мужу. — И вместе с ним остальных детей тоже.

— А на кого он похож, этот твой Чарльз? — спросил папа. — Фамилия-то его как?

— Он больше меня, — ответил Лори. — И резинок на зубах у него нет. И куртку он вообще не носит.

В понедельник состоялось первое родительское собрание, и лишь то обстоятельство, что Лори простудился, не позволило мне на него пойти. А мне очень хотелось поговорить с матерью этого Чарльза. Во вторник же Лори неожиданно объявил:

— А сегодня к учительнице в школу кто-то приходил.

— Наверное, мать Чарльза, — одновременно проговорили мы с мужем.

— Не-а, — презрительно бросил Лори. — Это был мужчина, и он заставлял нас делать упражнения — руками доставать до носков ботинок. Смотрите.

Он сполз со стула, наклонился и дотронулся руками до своей обуви.

— Вот так. — Затем с мрачным видом вернулся за стол и взял вилку. — А Чарльз упражнений не делал.

— Ну и прекрасно, — сердечным тоном проговорила я. — Он что, не захотел их делать?

— Не-а, — сказал Лори. — Он настолько плохо себя вел по отношению к этому новому учителю, что тот вообще не разрешил ему делать упражнения.

— Снова плохо себя вел? — не удержалась я.

— Да, он ударил физкультурника, — сказал Лори. — Физкультурник сказал Чарльзу, чтобы тот дотронулся руками до ботинок, вот как я сейчас показал, а он взял и ударил его.

— Ну и как, по-твоему, — спросил отец, — что они сделают с этим Чарльзом?

Лори деланно пожал плечами.

— Из школы, наверное, выпрут.

Среда и четверг прошли как обычно. На уроке Чарльз завопил, ударил мальчика кулаком в живот и тот расплакался. В пятницу его снова оставили после уроков в школе — а вместе с ним и весь класс.

На третью неделю Чарльз стал в нашей семье чуть ли не нарицательным именем. Младшая сестренка становилась Чарльзом, когда плакала после обеда; Лори вел себя, как Чарльз, когда нагружал на свою тачку кучу земли и вез через всю кухню; даже муж, когда задел локтем телефонный шнур и свалил на пол сам аппарат, а вместе с ним пепельницу и вазу с цветами, сказал в сердцах:

— Что-то я сегодня, как Чарльз...

В течение третьей и четвертой недель в Чарльзе, похоже, стали происходить определенные перемены к лучшему. За ленчем в четверг Лори мрачно заявил:

— Сегодня Чарльз вел себя настолько хорошо, что учительница даже дала ему яблоко.

— Что? — спросила я, а муж осторожно добавил:

— Ты сказал "Чарльз"?

— Чарльз, Чарльз, — кивнул Лори. — Сегодня он всем раздавал мелки и поднимал книги, если кто уронит. Учительница сказала, что он настоящий помощник.

— Да что же случилось-то? — с недоверием проговорила я.

— Ничего, просто он стал ее помощником, — ответил Лори и пожал плечами.

— Возможно ли подобное? — спросила я вечером мужа. — Такое что, и вправду бывает?

— Поживем-увидим, — заявил муж. — Когда имеешь дело с типом вроде Чарльза, это вполне может означать, что он что-то затевает.

Похоже, муж ошибся. В течение всей недели Чарльз был помощником учительницы: то что-нибудь раздавал, то что-то поднимал; и никого не задерживали после уроков.

— На следующей неделе снова родительское собрание, — сказала я мужу как-то вечером. — Хочу сходить и познакомиться с матерью этого Чарльза.

— Спроси ее, что это с ним случилось, — проговорил муж. — Интересно бы узнать.

— Мне и самой интересно.

В пятницу все снова вернулось в свою колею.

— Знаете, что сегодня учудил наш Чарльз? — спросил он за ленчем, причем голос у него был чуть испуганный. — Он прошептал девочке на ухо одно слово, чтобы она сказала его вслух, а когда она сказала, учительница с мылом вымыла ей рот, а Чарльз смеялся.

— Какое слово? — опрометчиво поинтересовался муж, на что Лори ответил:

— Я шепотом тебе его скажу, оно очень плохое.

Он сполз со стула и подошел к отцу. Тот склонил голову, и мальчик с явным удовольствием что-то ему прошептал. Глаза отца округлились.

— Чарльз попросил девочку произнести именно это слово? — с подчеркнутым уважением спросил он.

— Она его дважды повторила, — добавил Лори. — Чарльз сказал ей, чтобы она его дважды произнесла.

— И что же сделали с Чарльзом? — спросил отец.

— А ничего, — ответил Лори. — Он снова раздавал всем мелки.

В понедельник Чарльз оставил девочку в покое и сам четырежды повторил запретное слово, причем после каждого раза ему с мылом мыли рот. И еще он кидался мелом.

В тот вечер, когда должно было состояться родительское собрание, муж проводил меня до дверей школы.

— Пригласи ее потом к нам на чашку чая, — сказал он. — Хотелось бы взглянуть на эту женщину.

— Если только она решится прийти, — с мольбой в голосе проговорила я.

— Она придет, — заверил меня муж. — Да разве они могут проводить родительское собрание без матери Чарльза?

В течение всего собрания я сидела как на иголках, всматриваясь в каждое лицо и гадая, за каким же из них скрывается тайна Чарльза. Правда, ни одно из них не показалось мне в достаточной степени измученным; никто не встал и не попросил публично прощения за то, что вытворяет в школе ее сын. Никто вообще не упоминал Чарльза.

После собрания я отправилась на поиски учительницы Лори. Она стояла с чашкой чая, рядом с которой на блюде лежал кусок шоколадного торта. Я тоже держала в руках чашку с чаем и блюдечко с зефиром, осторожно двигаясь ей навстречу. Подойдя, я улыбнулась.

— Мне так хотелось с вами поговорить, — произнесла я. — Я — мать Лори.

— О, у вас такой интересный сын, — сказала женщина.

— Да, и ему самому нравится в саду, — кивнула я. — Только о нем постоянно и рассказывает.

— Что ж, в первую неделю, или что-то около того, у нас были кое-какие трудности, так сказать, притирочного свойства, — чопорно проговорила учительница, — но сейчас из него получился такой хороший маленький помощник. Ну, иногда бывают, конечно, срывы.

— Да, Лори обычно довольно быстро приспосабливается к новой обстановке, — сказала я. — Наверное, сказывается влияние Чарльза.

— Чарльза?

— Ну да, — проговорила я со смехом. — У вас, наверное, голова кругом идет от этого Чарльза?

— Чарльз... — покачала головой учительница. — Но у нас в саду вообще нет ни одного Чарльза.

26. Эдмонд Гамильтон Имеющий крылья

Доктор Хэрримэн остановился в коридоре у родильного отделения и спросил:

— Ну, как там эта женщина из 27-й?

Глаза пухленькой курчавой медсестры погрузнели.

— Она умерла через час после родов, — ответила она. — У нее было слабое сердце.

Врач кивнул, и его худощавое, гладко выбритое лицо отразило внутреннюю сосредоточенность.

— Да, я припоминаю, она и ее муж пострадали при электрическом разряде в метро год назад. Муж умер недавно. А как ребенок?

Медсестра замялась:

— Прелестный здоровый малыш, только...

— Что — только?

— Только у него горб на спинке, доктор.

Доктор Хэрримэн в сердцах выругался.

— Чертовски не повезло парню! Родился сиротой, да еще и калека. — И с неожиданной решимостью он добавил: — Я осмотрю новорожденного. Возможно, еще не все потеряно.

Но когда они вместе с медсестрой склонились над кроваткой, где, проголодавшись, орал весь красный, сморщенный Дэвид Рэнд, он покачал головой.

— Нет! Эту спину уже не выпрямишь. Обидно!

Все красное тельце Дэвида Рэнда было таким же ровным и правильным, как у любого новорожденного младенца, кроме его спины. Лопатки на ней торчали с обеих сторон в виде двух выступов, закругляющихся к нижним ребрам.

Эти два горба-близнеца имели в своем изгибе такую удлиненную и обтекаемую форму, что даже не выглядели уродством. Опытные руки доктора Хэрримэна осторожно прощупали их. Выражение озадаченности промелькнуло на его лице.

— Что-то не похоже на обыкновенную деформацию, — задумчиво произнес он. — Посмотрим, что покажет рентген. Скажите доктору Моррису, чтобы приготовил аппарат.

Доктор Моррис, коренастый рыжеволосый молодой мужчина, с жалостью посмотрел на орущего младенца, лежавшего перед рентген-аппаратом.

— Бедняжка! Такая спина — не подарок, — пробормотал он. — Готовы, доктор?

Хэрримэн кивнул:

— Давай.

В аппарате что-то щелкнуло и затрещало. Хэрримэн приложил глаза к флюороскопу и оцепенел. Прошла долгая, напряженная минута, пока он, наконец, не оторвался от своих наблюдений. Его худощавое лицо было смертельно бледным, и медсестра недоумевала, что могло так взволновать его.

Заплетающимся языком Хэрримэн сказал:

— Моррис! Посмотри сюда. Или я сошел с ума, или произошло что-то невозможное.

Моррис, озадаченно наблюдавший за своим начальником, посмотрел в аппарат и отшатнулся.

— О, Боже! — воскликнул он.

— Ты тоже это видишь? — сказал доктор Хэрримэн. — Значит, я в своем уме. Но это... О, такого в истории человечества еще не было!

— И кости тоже... полые... и строение скелета все другое... — бессвязно бормотал он. — И весит он...

Нетерпеливым движением он переложил младенца на весы. Стрелка покачнулась.

— Посмотрите! — воскликнул Хэрримэн. — Его вес в три раза меньше, чем должен быть при его росте.

Рыжеволосый доктор Моррис не сводил зачарованного взгляда с округлых выступов на

спине младенца.

— Но этого просто не может быть... — хрипло сказал он.

— Но это есть! — оборвал его Хэрримэн. Его глаза сверкали от возбуждения. — Изменения в генетической программе! — воскликнул он. — Только в этом может быть дело. Воздействие на плод...

Он хлопнул кулаком по ладони.

— Я понял! Электрический разряд, от которого пострадала мать ребенка за год до его рождения. Вот что случилось: выброс жесткой радиации, который задел и изменил его гены. Ты помнишь опыты Мюллера...

Любопытство медсестры взяло вверх над субординацией. Она спросила:

— Что-то случилось, доктор? Что-нибудь с его спинкой? Или что-нибудь еще хуже?

— Еще хуже? — переспросил доктор Хэрримэн. Переведя дыхание, он сказал медсестре:

— Этот ребенок, этот Дэвид Рэнд — уникальный случай в истории медицины. Таких, как он, никогда — насколько известно — не было, и то, что с ним произойдет, не происходило еще ни с одним человеком. И все благодаря электрическому разряду.

— А что с ним произойдет? — испуганно спросила медсестра.

— У этого ребенка будут крылья! — закричал Хэрримэн. — Эти торчащие выступы на спине — не обыкновенная аномалия. Это зачатки крыльев, которые очень скоро прорежутся и вырастут так же, как прорезаются и растут у птенца.

Старшая медсестра смотрела на него не мигая.

— Вы шутите, — наконец сказала она в тупом недоумении.

— Господи, неужели вы думаете, я стал бы шутить по такому поводу? — не унимался Хэрримэн. — Я, знаете ли, не меньше вас поражен, хотя у меня и есть научное объяснение. Строение этого ребенка абсолютно отличается от строения человека. Кости у него полые, как у птицы. Кровь, вероятно, тоже другая, и весит он лишь одну треть от веса нормального младенца. А его торчащие лопатки — это проекция костей, к которым крепятся несущие мышцы. Рентген ясно показывает рудиментарные перья и кости самих крыльев.

— Крылья! — как во сне, повторил Моррис. Через секунду его озарило:

— Хэрримэн, этот ребенок сможет...

— Да, этот ребенок сможет летать! — заявил Хэрримэн. — Я в этом уверен. По всему видно, что крылья будут большими, а его тело настолько легче нормального, что они без труда поднимут его в воздух.

— Господи, Боже мой! — запричитал Моррис.

Он диковато посмотрел на младенца. Тот перестал орать и слабо шевелил пухлыми ручками и ножками.

— Быть этого не может, — сказала медсестра, прибегая к здравому смыслу. — Как могут у ребенка, у человека быть крылья?

Не долго думая, доктор Хэрримэн ответил:

— Причина в глубоких изменениях генетической структуры. Гены, как вам известно, это мельчайшие элементы, отвечающие за строение любого существа. При изменении генной структуры изменяется строение организма у потомства, чем обусловлены различия в цвете, форме и всем остальном у детей. Эти различия зависят от сравнительно небольших изменений в генах.

Но генетическая структура родителей этого ребенка в корне изменилась год назад. Электрический разряд должен был сильно повлиять на их генные структуры. Мюллер из Техасского университета доказал, что эти структуры могут быть значительно изменены радиацией и что по строению тела потомство будет сильно отличаться от родителей. Происшествие в метро породило совершенно новую структуру в родителях ребенка, что и привело к превращению его в крылатого человека. Он является тем, что биологи обычно называют мутантами.

Моррис восторженно вскрикнул:

— Боже правый, что будет твориться в газетах, когда они доберутся до этой истории!

— Они не должны до нее добраться, — заявил доктор Хэрримэн. — Рождение этого ребенка — одно из величайших событий в истории биологии, и оно не должно стать дешевой сенсацией. Мы должны хранить его в абсолютной тайне.

Продержаться им удалось три месяца. За это время маленький Дэвид Рэнд получил в больнице отдельную комнату, и заботились о нем только старшая медсестра и два доктора.

В течение трех месяцев предсказание доктора Хэрримэна полностью подтвердилось. Округлые выступы на спине ребенка росли с невероятной быстротой, и в итоге нежная кожа прорвалась под напором двух маленьких костистых отростков, в которых безошибочно угадывались крылья.

Маленький Дэвид дико кричал в эти дни, когда у него резались крылья. Эта боль была намного сильнее той, от которой страдают младенцы при появлении зубов. Но два врача все смотрели и смотрели на его крылышки, даже теперь с трудом веря собственным глазам.

Они видели, что ребенок так же хорошо управляет этими крыльями, как своими руками и ногами, — при помощи сильных мускулов у их основания, которых нет ни у одного человека. И еще они видели, что хотя Дэвид растет, его вес все также составляет одну треть от нормы младенца его возраста, и что у него чрезвычайно быстрый сердечный ритм, а кровь намного горячее, чем у любого человека.

И, наконец, это произошло. Старшая медсестра, не в силах больше скрывать разрывавшую ее душу страшную новость, рассказала о ней родственнице под строжайшим секретом. Эта родственница рассказала другой родственнице, тоже под строжайшим секретом. И через два дня история появилась в нью-йоркских газетах.

У дверей больницы выставили охрану для отпора ухмыляющихся репортеров, которые явились для сбора фактов. Все они были настроены откровенно скептически, и заметки были написаны в ироническом тоне. Публика потешалась. Ребенок с крыльями! Какую утку они подсадят в следующий раз?

Но через несколько дней тон заметок изменился. Кое-кто из больничного персонала, заинтригованный газетной шумихой, заглянул в комнату, где, пуская пузыри, лежал Дэвид Рэнд со своими ручками, ножками и крылышками. Они печатно пролепетали о том, что вся история была чистой правдой. Одному из них, энтузиасту фотографии, даже удалось сделать снимок младенца. Какой бы нечеткой фотография ни была, она явно изображала ребенка с какими-то крыльями, растущими из его спины.

Больница превратилась в осажденную крепость. Репортеры и фотографы колотили в двери и скандалили со специальным нарядом полиции, выставленным для охраны. Крупнейшие информационные агентства предлагали доктору Хэрримэну большие суммы за рассказы и фотографии крылатого ребенка, предназначенные только для них. Публика принялась с жадностью поглощать любые сведения.

В итоге доктору Хэрримэну пришлось сдаться. Он разрешил группе из двенадцати репортеров, фотографов и видных физиологов посетить ребенка.

Дэвид Рэнд лежал, осмысленно глядя на них голубыми глазками, ухватившись за большой палец на ножке, а у видных физиологов и журналистов глаза лезли на лоб.

Физиологи сказали:

— Это невероятно, но это факт. Никакого подлога — у ребенка действительно есть крылья.

Репортеры набросились на Хэрримэна с вопросом:

— Когда он подрастет, он сможет летать?

Хэрримэн ответил кратко:

— Пока мы не можем сказать, как будет он развиваться в дальнейшем. Но если развитие продолжится так, как оно идет сейчас, он сможет летать.

— Боже, пустите меня к телефону! — застонала одна из газетных ищек. У телефонов мгновенно образовалась куча-мала.

Доктор Хэрримэн позволил сделать несколько фотографий, а затем, не церемонясь, выставил визитеров за двери. Но газеты, конечно, на этом не успокоились. Имя Дэвида Рэнда на следующее утро стало самым известным в мире. Фотографии убедили даже отъявленных скептиков.

Знаменитые биологи выступали с обширными статьями по теории генетики, объяснявшими появление ребенка. Антропологи размышляли о возможности существования крылатых людей, подобных этому, ссылаясь на легенды о гарпиях, вампирах и летающих людях. Сумасшедшие сектанты видели в рождении ребенка знамение близкого конца света.

Театральные агенты предлагали фантастические суммы за привилегию показа Дэвида в стерильном стеклянном кубе. Газетчики передрались друг с другом за право первой публикации новостей от доктора Хэрримэна. Тысячи фирм умоляли продать имя ребенка для названий игрушек, детского питания и всякой дребедени.

А виновник всего этого бума гукал, пускал пузыри и время от времени раздражался криком в своей кровати, не забывая энергично хлопать растущими крыльями, от которых ум за разум зашел у целого мира. Доктор Хэрримэн смотрел на него в глубокой задумчивости.

— Я заберу его отсюда, — сказал он. — Управляющий жалуется, что скопище людей и постоянная суматоха наносят ущерб больнице.

— А куда вы его денете? — поинтересовался Моррис. — У него нет ни родителей, ни родственников, а такого ребенка и в приют не отдашь.

Доктор Хэрримэн принял решение:

— Я оставлю практику и полностью посвящу себя наблюдению за развитием Дэвида. Я оформлю юридическое опекунство над ним и буду воспитывать его где-нибудь подальше от этого сумасшествия — на острове или вроде того, если найду, конечно.

Хэрримэн нашел такое место — остров на реке Майн, полосу бесплодных песков с захудалыми деревьями. Он арендовал его, построил бунгало и привез сюда Дэвида Рэнда, а также пожилую няньку-экономку. Еще он взял с собой внушительного вида сторожа-норвежца, который был незаменим в борьбе с репортерами, пытавшимися высадиться на остров. Им приходилось довольствоваться перепечаткой фотографий и статей о развитии Дэвида, которые доктор Хэрримэн предоставлял для научных изданий.

Дэвид рос быстро. В пять лет он был маленьким крепышом с золотистыми волосами, и крылья его подросли и покрылись короткими бронзовыми перьями. Весело размахивая ими, он бегал, смеялся и играл, как все дети.

В десять лет он полетел. К этому времени он вытянулся, его сияющие бронзовые крылья доходили ему до пяток. Когда он ходил, сидел или спал, крылья были плотно сложены на его спине, наподобие бронзового панциря. Но когда он расправлял их, с обеих сторон они оказывались длиннее раскинутых рук.

Доктор Хэрримэн намеревался со временем разрешить Дэвиду попытки полета, фотографируя и наблюдая все стадии процесса. Но произошло иначе. Впервые Дэвид полетел так же естественно, как вылетает из гнезда птенец.

Сам он никогда особенно не думал о своих крыльях. Он знал, что у доктора Джона, как называл он врача, нет таких крыльев, и что у Флоры, тощей старой няньки, ни у Хольфа, улыбчивого сторожа, их тоже нет. Других он не видел и поэтому представлял, что весь остальной мир делится на людей, у которых есть крылья, и людей, у которых их нет. Но он не знал, для чего они нужны, хотя, бегая, любил хлопать и махать ими, к тому же они заменяли ему рубашку.

И вот в одно апрельское утро, Дэвид обнаружил, для чего у него крылья. Он взобрался на высокий засохший дуб, чтобы заглянуть в птичье гнездо. Смутное чувство родства с крылатым народом маленького острова заставляло его чрезвычайно интересоваться птицами. Он пытливо присматривался к их жизни, скакал и хлопал в ладоши, глядя, как они носятся и кружатся над его головой, наблюдая, как каждой осенью они устремляются на юг, а каждой весной — на север.

В то утро он забрался почти на самую верхушку старого дуба, поближе к гнезду, которое выследил. Его крылья были плотно сложены, чтобы не мешать. И вот, когда до дели оставался один шаг, его нога опустилась на гнилую кору мертвой ветки. Несмотря на свою поразительную легкость, он был достаточно тяжел для того, чтобы ветка хрустнула, и он полетел напрямик на землю. Взрыв инстинкта произошел в мозгу Дэвида, когда он, как камень, летел вниз. Помимо его воли, крылья с шумом и свистом раскрылись. Он почувствовал, как его подбросило так, что чуть не вывихнуло плечи. И вдруг — о чудо! — он больше не падает, а плавно скользит вниз в размахе упруго натянутых крыльев.

Его скрытое естество вырвалось наружу высоким, звенящим и ликующим криком. Вниз, вниз, скользя, как парящая птица, с чистым воздухом, бьющим в лицо и струящимся вдоль крыльев и тела. Жуткий и сладкий трепет, которого он не знал раньше, сумасшедшая радость жизни.

Он закричал снова и, поддавшись внезапному импульсу, взмахнул крыльями, ударил ими по бокам и выпрямил сомкнутые ноги.

Теперь он взлетал, а земля под ним быстро уходила вниз, солнце било в глаза, а ветер пел. Он снова открыл рот, чтобы закричать, и холодный воздух ворвался в его грудь. С первобытным восторгом он взмыл в синеву, со свистом рассекая ее крыльями.

И вот так, случайно выйдя из бунгало, доктор Хэрримэн увидел его. Он услышал пронзительный, победный крик откуда-то с неба, поднял голову и увидел стройную крылатую фигуру, летящую к нему в солнечной лазури.

У докторахватило дух от красоты зрелища, когда Дэвид кружился и парил над ним в безумном восторге от своих крыльев. Он неосознанно чувствовал, как нужно поворачивать, снижаться и взлетать, хотя в его движениях еще была неловкость, и иногда он валился на бок.

Когда Дэвид Рэнд, наконец, снизился и опустился перед доктором, легко сложил крылья, его глаза сияли электрической радостью.

— Я умею летать!

Доктор Хэрримэн кивнул:

— Ты умеешь летать. Я знаю, что не могу запретить тебе этого, но прошу тебя не покидать остров и быть осторожным.

К тому времени, когда Дэвиду исполнилось семнадцать, ему больше не нужно было напоминать об осторожности. В воздухе он чувствовал себя, как настоящая птица.

Теперь он стал высоким, стройным, золотоволосым юношей. На его прямой, как стрела, фигуре были только шорты — вся одежда, в которой нуждалось его тело с горячей кровью; дикая, неистощимая энергия отражалась в тонких чертах его лица и лихорадочно горящих голубых глазах.

Его крылья стали великолепными сверкающими бронзовыми крылами, которые в размахе достигали десяти футов, а, сложенные на спине, своими нижними перьями касались пяток.

Постоянные полеты над островом и близкими водами развили в мышцах Дэвида огромную силу и выносливость. Он мог проводить целый день, летая над островом, высоко взмывая на шумящих крыльях, а затем неподвижно кружа, планируя, медленно снижаясь.

Он мог догнать и обойти в воздухе почти любую птицу. Он врвался в стаю фазанов, и его звонкий смех взлетал высоко в небо, когда он стремительно вращался и кружил среди перепуганных птиц. Он выдергивал перья из хвостов разъяренных ястребов, не успевавших ускользнуть, и быстрее любого ястреба мог упасть на кролика или белку, бегущих по земле.

Временами, когда туман заволакивал остров, доктор Хэрримэн слышал звенящий крик в сизых клубах тумана над головой, и знал, что Дэвид где-то рядом. Или вот он — над блистающими водами, стремительно падает в них, но в последний момент расправляет крылья, скользит над пеной волн, и чайки заходятся криком, когда он снова взмывает ввысь.

Еще ни разу Дэвид не улетал далеко от острова, но доктор знал по своим редким

визитам на большую землю, что интерес к летающему юноше был еще высок во всем мире. Фотографии, которые доктор давал научным журналам, больше не удовлетворяли любопытство публики, и люди на катерах и аэропланах с новинкой техники — киноаппаратами — все чаще стали появляться у острова, надеясь заснять Дэвида в полете.

С одним из этих аэропланов произошло такое, о чем долго потом говорили его владельцы. Это были пилот и оператор, которые, несмотря на запреты доктора Хэрримэна, появились в полдень над островом и принялись нагло кружить в поисках летающего юноши.

Догадайся они взглянуть вверх, они увидели бы высоко над собой Дэвида, следящего за ними. Он рассматривал аэроплан с пристальным интересом, к которому примешивалось презрение. Он уже не раз видел эти летающие лодки, и ему было досадно за их мертвые, неуклюжие крылья, с помощью которых бескрылые люди пытались летать. Но этот аэроплан, летевший прямо под ним, возбудил его любопытство настолько, что он ринулся вниз, преодолев воздушный поток от пропеллера.

Пилота в его открытой кабине чуть не хватил удар, когда сзади кто-то похлопал его по плечу. Он испуганно оглянулся и, увидев улыбающегося Дэвида Рэнда, кое-как примостившегося на фюзеляже за его спиной, потерял на мгновение контроль так, что машина накренилась и начала падать.

Оглушительно захохотав, Дэвид Рэнд соскочил с фюзеляжа, развернул крылья, и поток воздуха унес его вверх. К пилоту вернулось присутствие духа, он выровнял аэроплан, и вскоре Дэвид увидел, как тот, покачиваясь, направляется за пределы острова. Его хозяева достаточно потрудились в этот день.

Однако растущее число любопытных посетителей возбуждало в Дэвиде ответное любопытство к внешнему миру. Его все больше и больше интересовало, что находится за голубыми водами, за низкими туманными очертаниями земли. Он не мог понять, почему доктор Джон запретил ему летать туда, отлично зная, что его крылья преодолеют сто таких расстояний.

Доктор Хэрримэн сказал ему:

— Скоро я возьму тебя с собой, Дэвид. Но ты должен подождать, пока не поймешь одну вещь. Ты будешь чужим в этом мире.

— Почему же? — озадаченно спросил Дэвид.

Доктор объяснил:

— У тебя есть крылья, которых нет больше ни у кого в мире. И поэтому тебе будет трудно.

— Но почему?

Хэрримэн поскреб свой тощий подбородок и задумчиво ответил:

— Ты будешь сенсацией, Дэвид, своего рода потехой. Они будут смотреть на тебя, потому что ты не такой, как они, но смотреть они будут сверху вниз. Чтобы избежать этого, я и привез тебя сюда. Ты должен еще немного подождать, пока не разберешься в этой жизни.

Сердито вскинув руку, Дэвид Рэнд показал на длинную стаю пронзительно кричащих птиц, устремленных на юг, черную на фоне осеннего заката.

— А вот они не ждут! Каждую осень я вижу, как все умеющие летать, улетают. Каждую весну я вижу, как они возвращаются и летят дальше. А я должен оставаться на этом крохотном острове!

Неукротимый инстинкт свободы сверкал в его голубых глазах.

— Я хочу летать вместе с ними, хочу увидеть эту землю и другие земли тоже.

— Скоро ты будешь там, — пообещал доктор Хэрримэн. — Я поеду с тобой и постараюсь тебе помочь.

Но в этот вечер Дэвид долго сидел в сумерках, подперев руками голову, сложив крылья и печально глядя на стаи улетающих к югу птиц. И потом ему все меньше и меньше нравилось кружить бесцельно над островом и все чаще засматривался он с тоской на бесконечные крикливые стаи диких гусей, летучие полчища уток и певчих птиц.

Доктор Хэрримэн видел, понимал тоску в глазах Дэвида и вздыхал.

— Он уже вырос, — думал он, — и ему хочется улететь.

Но случилось так, что неожиданно для всех первым ушел сам Хэрримэн. Уже давно сердце стало беспокоить его, и однажды он не проснулся, и изумленный, недоумевающий Дэвид долго всматривался в бледное, застывшее лицо своего опекуна.

Весь этот день, пока старая экономка тихо плакала в доме, а норвежец отправился на берег позаботиться о похоронах, Дэвид Рэнд сидел со сложенными крыльями, подперев голову, и смотрел на синее пространство реки.

Ночью, в полной темноте и покое, Дэвид пробрался в комнату, где безмолвно и неподвижно лежал доктор. Дэвид прикоснулся к его сухой холодной руке. Горячие слезы навернулись на его глаза, и комок подкатил от этого бесполезного прощального жеста.

Крадучись, он вышел из дома. Луна, как красный щит, висела над восточным берегом, дул холодный и порывистый осенний ветер. Знобящий ветер доносил к нему радостные крики, клекот и курлыканье перелетных стай, похожие на призывное пение охотничьего рога.

Дэвид приподнялся на носки, согнул колени, взмахнул крыльями и полетел — выше и выше, пьянея от морозного воздуха, омывающего его тело и грохочущего в его ушах. И тяжелая печаль в его сердце уступила место безумной радости полета и свободы. Он ворвался в кричащую стаю, и жгучий ветер сорвал смех с его губ, когда птицы бросились от него враспылку.

Но когда они увидели, что странное крылатое существо, приставшее к ним, не пытается причинить им зла, они вернулись и успокоились. А над туманными вздымающимися водами тускло мерцала багровая луна и беспорядочно мигали огни города, маленькие огоньки прикованных к земле людей. Пронзительно кричали птицы, и Дэвид пел и смеялся вместе с их радостным хором, и свист его крыльев попадал в такт, и высоко летел он в ночном небе на юг, навстречу приключениям и свободе.

Всю эту ночь и весь следующий день, с короткими передышками, летел Дэвид на юг — то над бескрайними водами, то над зелеными пышными полями. Он утолял голод, опускаясь на гнущиеся под тяжестью спелых плодов деревья. Следующую ночь он провел в развилке высокого лесного дуба, тепло укутавшись своими крыльями.

Вскоре во всем мире узнали о путешествиях удивительного крылатого юноши. Фермеры, крестьяне и жители городов провожали недоверчивыми взглядами его высоко летящую стройную фигуру. Люди, далекие от цивилизации и никогда не слышавшие о Дэвиде, падали ниц, увидев его в небе.

Всю зиму из южных стран поступали сведения о Дэвиде, и становилось очевидным, что он уже почти не человек. Но какое же это было счастье — парить в залитом лучами небе над синими тропическими морями, падать на волны, собирать чудесные плоды, ночевать на высоких деревьях у самых звезд и просыпаться с рассветом нового дня бесконечной свободы!

Никем не замечаемый, по ночам он любил кружить над каким-нибудь городом, плавно паря в темноте и с любопытством вглядываясь в мерцающие огни и сверкающие улицы, запруженные толпами и людей, и машин. Но он никогда не опустится в этот город и не увидит, как могут выносить такую жизнь люди, скопом ползающие по поверхности земли, задевая друг друга, — люди, которым даже на мгновение не дано почувствовать чистую радость полета в лазурной беспредельности неба. Чем держит такая жизнь этих бескрылых созданий, похожих на муравьев?

Когда весеннее солнце стало выше и жарче и птицы начали собираться в шумные стаи, Дэвид тоже почувствовал, как что-то тянет его на север. И он полетел над зеленеющей землей, и его огромные бронзовые крылья неустанно били по воздуху, безошибочно направляя стройную загорелую фигуру на север.

Наконец, он достиг своей цели — острова, на котором он провел большую часть своей жизни. Одиноко и заброшено лежал он в пустынных водах, пыль собралась на предметах в бунгало, и сад зарос сорняками. На какое-то время Дэвид задержался здесь. Он ночевал на

крыльце, а иногда, ради развлечения, улетал далеко на запад — над деревнями и дымными городами, на восток — над голубым морем, на север — над суровыми скалами, пока, наконец, цветы не начали вянуть, воздух — становиться морозным, и прежняя тяга заставила Дэвида снова примкнуть к стаям, улетающим на юг.

Север и юг, юг и север — три года наслаждался он первобытной, никому неведомой свободой. За эти три года он увидел горы и долины, узнал все, чему учит дикая жизнь. И за эти годы мир привык к Дэвиду, почти забыл его. Он был просто крылатым человеком, капризом природы; такого никогда больше не будет.

На третью весну крылатой свободе Дэвида пришел конец. Как обычно, весной он летел на север. В сумерках он проголодался. Повернув на туманный свет пригородного особняка, утопавшего в роскошном саду, он стал снижаться, рассчитывая на ранние ягоды. Он был уже совсем близко к деревьям, когда прогремел ружейный выстрел. Дэвид почувствовал острую боль, пронзившую голову, и потерял сознание.

Очнувшись, он обнаружил, что лежит на кровати в просторной солнечной комнате. Рядом с ним он увидел пожилого мужчину с добродушным лицом, девушку и еще одного мужчину, похожего на врача. На голове Дэвида была повязка. А люди, как он заметил, смотрели на него с нескрываемым интересом.

Пожилой, добродушного вида мужчина сказал:

— Ты — Дэвид Рэнд, парень с крыльями? Тебе страшно повезло — ты остался в живых. Дело в том, что мой садовник выслеживал ястреба, который таскает наших цыплят. Вчера вечером, когда в темноте ты подлетел, он выстрелил, потому что не узнал тебя. Одна пуля царапнула тебе голову.

Девушка заботливо спросила:

— Тебе уже лучше? Доктор говорит, что скоро ты совсем поправишься. А это мой отец, — добавила она, — Уилсон Холл. А я — Рут Холл.

Дэвид присмотрелся к ней. Он подумал, что еще не видел никого красивее этой милой девушки с черными курчавыми волосами и ласковым взглядом карих глаз.

Вдруг он понял причину всегда поражавшей его настойчивости, с которой птицы каждой весной искали себе пару. То же самое он почувствовал сейчас в своей груди, и его потянуло к девушке. Не думая об этом, как о любви, он полюбил ее.

Шепотом он сказал:

— Мне уже хорошо.

Но она сказала:

— Ты должен остаться у нас, пока совсем не выздоровеешь. Это самое меньшее, что мы можем для тебя сделать, — ведь это наш садовник чуть не убил тебя.

Дэвид остался, и рана постепенно заживала. Ему не нравился дом, в котором комнаты были такими темными и до удушья тесными для него, и поэтому весь день он проводил на воздухе, а спал на крыльце.

Еще не нравились ему журналисты и операторы, приходившие в дом Уилсона Холла собирать сведения о происшествии с крылатым человеком; но вскоре они перестали приходить — Дэвид Рэнд уже много лет не был сенсацией. И так как посетители рассматривали Дэвида и его крылья довольно ненавязчиво, то он привык к ним.

Он смирился со всем, только бы быть поближе к Рут Холл. Его любовь к ней была чистым пламенем, горевшим в его груди, и ничего в жизни он не желал так, как ответного чувства. Но воспитала его дикая природа, и поэтому ему трудно было найти слова, чтобы объяснить, что с ним происходит.

И все-таки однажды, сидя рядом с ней в солнечном саду, он высказался. Когда он закончил, Рут встревоженно посмотрела на него своими теплыми карими глазами.

— Ты хочешь жениться на мне, Дэвид?

— Ну, да, — сказал он слегка озадаченно. — Так говорят люди, когда находят себе пару, правда? И я хочу, чтобы ты была моей парой.

Она сказала растерянно:

— Но, Дэвид, твои крылья...

Он засмеялся:

— С моими крыльями все в порядке! Пуля в них не попала. Смотри!

Он вскочил на ноги и с шумом развернул свои огромные бронзовые крылья, сверкающие на солнце; его стройная загорелая фигура, одетая в шорты, — единственную одежду, которую он признавал, напоминала мифического героя, готового взмыть в синеву.

Тревога не ушла из взгляда Рут. Она объяснила:

— Дело не в этом, Дэвид. Дело в том, что твои крылья делают тебя таким непохожим на остальных. Конечно, это чудесно, что ты умеешь летать, но с ними ты так от всех отличаешься, что люди смотрят на тебя, как на забаву.

Дэвид поразился.

— Неужели и ты смотришь на меня так, Рут?

— Нет, конечно, — сказала Рут. — Но твои крылья — это действительно ненормально, даже чудовищно.

— Чудовищно? — повторил он. — Но ведь это не так. Ведь это прекрасно — летать. Смотри!

Он со свистом рассек воздух крыльями и, как ласточка, принялся кружить и вращаться, стремительно падать и взлетать... Беззвучно скользя, он подлетел и легко опустился рядом с девушкой.

— Что же в этом чудовищного? — весело спросил он. — Я хочу, Рут, чтобы ты летала со мной, в моих руках, чтобы ты тоже знала, как это прекрасно.

Девушка вздрогнула.

— Я не могу, Дэвид. Я знаю, что это глупо, но когда я вижу тебя в воздухе — так, как сейчас, ты кажешься мне птицей, а не человеком, летающим животным, чем-то совсем не человеческим.

Дэвид Рэнд растерянно смотрел на нее.

— Значит, ты не станешь моей женой из-за крыльев?

Он схватил ее своими сильными загорелыми руками, его губы искали ее нежный рот.

— Рут, с тех пор, как я увидел тебя, я не могу без тебя жить. Не могу!

Прошло время, и однажды вечером, волнуясь, Рут кое-что ему предложила. Луна заливала сад ровным серебром и отражалась на сложенных крыльях Дэвида Рэнда, который страстно склонил свое тонкое молодое лицо к девушке.

Она сказала:

— У тебя есть возможность сделать так, чтобы мы поженились и были счастливы, если ты меня на самом деле любишь.

— Я все сделаю! — воскликнул он. — Ты же знаешь.

Она колебалась.

— Твои крылья — вот, что мешает нам. Я не могу иметь мужа, который скорее дикое животное, чем человек, мужа, которого все будут считать ненормальным и смеяться над ним. Но если бы ты согласился избавиться от крыльев...

— Избавиться от крыльев? — переспросил он.

Торопливо и страстно она объяснила ему:

— Это вполне реально, Дэвид. Доктор Уайт, который лечил твою рану и наблюдал за тобою, сказал мне, что можно просто отрезать твои крылья у основания. Это совершенно безопасно, а на спине у тебя останутся только маленькие выступы от остатков. И тогда ты будешь нормальным человеком, а не чудищем, — добавила она с умоляющим выражением на нежном лице. — Отец пристроит тебя к своему делу, и вместо бродяги и получеловека ты станешь таким же... таким же, как все. И мы будем счастливы.

Дэвид Рэнд был потрясен.

— Отрезать мне крылья? — повторял он, недоумевая. — Без этого ты не выйдешь за

меня замуж?

— Я не могу, — с болью сказала Рут. — Я люблю тебя, Дэвид, правда, но... я хочу, чтобы мой муж был таким же, как у всех женщин.

— Никогда больше не летать, — задумчиво прошептал Дэвид бледными от лунного света губами. — Быть прикованным к земле, как все остальные! Нет! — воскликнул он, вскочив на ноги в порыве возмущения. — Я не сделаю этого! Я не отдам свои крылья! Я не буду таким же...

Внезапно он умолк. Рут рыдала, закрыв лицо руками. Весь его гнев прошел, он склонился над ней, отвел руки и с жалостью заглянул в ее милое, залитое слезами лицо.

— Не плачь, Рут, — взмолился он, — это не значит, что я не люблю тебя. Я люблю тебя больше всего на свете. Но я никогда не думал о том, чтобы расстаться с крыльями, и меня это поразило. Иди в дом. Я должен немного подумать.

Дрожащими губами она поцеловала его и вся в лунном свете пошла к дому. А Дэвид, чувствуя, что сходит с ума, принялся нервно расшагивать по серебряным дорожкам.

Расстаться с крыльями? Никогда больше не рассекал ими воздух, не кружиться и не парить в небе, никогда больше не знать безумного восторга, неукротимой свободы стремительного полета?

Но... отказаться от Рут, заглушить это слепое, непреодолимое влечение к ней, которое пульсировало в каждой его клетке, и всю жизнь потом тосковать о ней в горьком одиночестве — как быть с этим? Он не сможет этого сделать. И не желает.

Торопливо Дэвид подошел к дому, где девушка ждала его на освещенной лунной террасе.

— Дэвид?

— Да, Рут, я согласен. Я на все согласен ради тебя.

Она разрыдалась от счастья на его груди:

— Я знала, что ты по-настоящему любишь меня, Дэвид. Я знала это.

Через два дня Дэвид очнулся от наркоза в больничной палате, чувствуя себя странно, с двумя ноющими ранами на спине. Доктор Уайт и Рут склонились над его кроватью.

— Ну, все прошло как нельзя лучше, молодой человек, — сказал врач. — Через несколько дней я вас выпущу.

Глаза Рут сияли.

— В тот же день, когда ты выйдешь, мы обвенчаемся, Дэвид.

Когда они вышли, Дэвид осторожно потрогал спину. Он обнаружил лишь перевязанные обрубки, оставшиеся от его крыльев. Он мог двигать своими мускулами, но в ответ уже не слышал шума крыл. Он изумленно ощущал что-то необычное, как будто в нем исчезло самое важное. Но все заслоняла мысль о Рут — Рут, которая ждала его...

А она ждала его, и они обвенчались в тот же день, когда он вышел из больницы. И, опьяненный ее любовью, Дэвид избавился от странного, гнетущего чувства и почти забыл, что когда-то у него были крылья и что скиталось в небесах дикое крылатое существо.

Уилсон Холл подарил дочери с зятем славный белый коттедж на лесистом холме у города, дал Дэвиду работу при себе и с терпением относился к его невежеству в делах коммерции. Ежедневно Дэвид уезжал на своей машине в город, работал день напролет в своей конторе, в сумерках возвращался домой, присаживался к Рут у камина, и ее голова ложилась на его плечо.

— Дэвид, ты не жалеешь, что сделал это? — с тревогой спрашивала она поначалу.

А он смеялся и отвечал.

— Ну, конечно, нет, Рут. Ты для меня все на свете.

И он говорил себе, что это правда, что он не жалеет о потере крыльев. Все то время, когда он скитался в небе на своих певучих крыльях, казалось ему причудливым сном, от которого он только теперь очнулся для настоящего счастья. Так убеждал он себя.

Уилсон Холл говорил дочери:

— У Дэвида хорошо пошла работа. Я боялся, что он всегда будет немного диким, но он

быстро освоился.

Рут радостно кивала:

— Я знала, что так будет. Его уже все полюбили.

И действительно, люди, которые раньше косо посматривали на замужество Рут, признавали теперь, что все обернулось даже очень хорошо.

Так пролетали месяцы. В маленьком коттедже на лесистом холме царило полнейшее счастье до самой осени, которая разбросала серебряный иней на полянах и выкрасила клены в буйные цвета.

В одну ночь Дэвид внезапно проснулся, не понимая, что могло разбудить его. Он видел мирно спящую Рут и слышал ее легкое дыхание. В доме было тихо.

И вдруг он услышал. Далекий, призрачный крик доносился из морозного неба, призывный клич, дрожавший от смутного и страстного биения свободы.

Он понял мгновенно, что это было. Распахнув окно, с колотящимся сердцем он всмотрелся в темноту. И вот они: длинные стремительные шеренги диких птиц, летящих на юг возле самых звезд. В эту минуту сумасшедшее желание выпрыгнуть из окна, взвиться в небо вслед за ними в чистую, холодную ночь слепо закричало в сердце Дэвида.

Безотчетно мускулы на его спине напряглись. Но шевельнулись под пижамой только обрубки крыльев. Внезапная слабость овладела им, он был разбит и испуган. Да, в какой-то момент он хотел улететь — улететь от Рут. Эта мысль ужаснула его, — как будто он сам себя предал. Он снова забрался в кровать и лег, старательно закрыв уши, чтобы не слышать этого далекого радостного крика, летящего на юг сквозь темноту.

На следующий день он заставил себя погрузиться в работу. Но весь этот день он замечал, как взгляд его останавливается на голубом клочке неба за окном. И потом, неделю за неделей, в долгие месяцы зимы и весны, старая неистовая тоска все чаще становилась неотвязной болью в его сердце, разгораясь с новой силой, когда весной птичьи стаи потянулись на север.

В ярости он говорил себе: "Ты дурак. Ты любишь Рут больше всего на свете, и она твоя. Тебе больше ничего не нужно".

И снова бессонными ночами он убеждал себя: "Я человек, и я счастлив в своей нормальной человеческой жизни, я люблю Рут".

Но память вкрадчиво шептала ему: "Ты помнишь, как полетел в первый раз, помнишь безумный восторг парения, помнишь, как неистово ты взлетал, падал и кружил?"

И ночной ветер за окном подхватывал: "Помнишь, как играл со мной вперегонки над спящим миром у самых звезд, как смеялся и пел, когда твои крылья побеждали меня?"

Дэвид Рэнд прятал лицо в подушку и бормотал: "Я не жалею, что сделал это. Нет!"

Рут просыпалась и сонно спрашивала:

— Что-нибудь случилось, Дэвид?

— Нет, дорогая, — говорил он ей, и когда она снова засыпала, он чувствовал, как жгучие слезы жалят его глаза, и безрассудно шептал: "Я лгу себе. Я снова хочу летать".

Но от Рут, которая хлопотала по дому, радовалась его успехам, приглашала гостей, он скрывал свое слепое, тяжелое томление. Он пытался пересилить его, уничтожить, но не мог.

Когда никого не было рядом, с замирающим сердцем он следил за ласточками, кружащими на фоне заката, или за ястребом, парящим высоко в небе, или любовался головокружительными пируэтками зимородка. И тут же он начинал горько укорять себя в предательстве собственной любви к Рут.

Этой весной, смущаясь, Рут сообщила ему новость: — Дэвид, осенью... у нас будет ребенок.

Он вздрогнул.

— Рут, дорогая!

И спросил:

— А ты не боишься, что у него могут быть...

Она с уверенностью покачала головой.

— Нет. Доктор Уайт говорит, что у него не может быть нарушений, которые были у тебя. Он говорит, что изменения в генной структуре, из-за которых ты родился с крыльями, рецессивного характера, а не доминантного, и поэтому они не могут наследоваться. Ты рад?

— Конечно, — сказал он, нежно обняв ее. — Это просто замечательно.

Уилсон Холл просиял от новости.

— Внук — это здорово! — воскликнул он. — Дэвид, ты знаешь, что я собираюсь сделать после его рождения? Я уйду на покой и оставлю тебя главой фирмы.

— Папочка! — воскликнула Рут и расцеловала отца.

Дэвид, запинаясь, поблагодарил его. И для себя он решил, что все идет к лучшему и что смутная, беспричинная тоска прекратится. Теперь, кроме Рут, у него появится новая забота, ответственность мужчины за свою семью.

Он принялся за работу с удвоенным рвением. За несколько недель он полностью забыл свою слепую тоску, готовясь к новым событиям. "Теперь с этим покончено", — говорил он себе.

И вдруг во всем его существе произошел чудесный переворот. С некоторых пор Дэвид стал замечать, что обрубки крыльев на его плечах начинают зудеть и побаливать. К тому же они как будто подросли. Он выбрал удобный момент и осмотрел их в зеркале. Каково же было его удивление, когда он обнаружил их вдвое большими, похожими на два горба, закругляющихся вдоль спины.

Дэвид Рэнд не мог оторваться от зеркала, и странная догадка промелькнула в его мозгу. Может ли быть, что...

На следующий день он заехал к доктору Уайту под благовидным предлогом. Но перед уходом он как бы невзначай спросил:

— Доктор, я все думаю, не может ли так случиться, что у меня снова начнут расти крылья?

Доктор Уайт подумал и сказал:

— Что ж, я думаю, что это, в принципе, возможно. Тритоны, например, восстанавливают утерянные конечности, и у множества животных есть способность к регенерации. Конечно, у обычного человека не может вырасти новая рука или нога, но ваш организм необычен и, возможно, способен на частичную регенерацию, по крайней мере, однократную. Однако вас не должно это беспокоить, Дэвид. Если крылья вдруг начнут отрастать, приходите, и я удалю их без всяких хлопот.

Дэвид Рэнд поблагодарил и ушел. Но каждый день он пристально наблюдал за собой, и скоро сомнений не осталось: причудливые изменения в генах, подарившие ему первые крылья, наградили его способностью к регенерации, хотя бы частичной.

Да, крылья росли снова, день за днем. Выступы на его плечах стали намного больше, и только специального покрова одежда делала их незаметными. В конце лета два крыла, настоящих крыла, пусть и маленьких, — прорвались наружу. Сложенные под одеждой, они не вызывали подозрения.

Дэвид знал, что должен пойти к врачу и отрезать их, пока они не стали больше. Он говорил, что ему не нужны никакие крылья; Рут, ребенок и их будущее — вот что для него теперь важнее всего.

И все же он не говорил об этом никому, пряча растущие крылья плотно сложенными под одеждой. По сравнению с первыми они были жалкими и слабыми, будто обессиленными операцией. "Вряд ли я смогу летать с ними, — думал он, — даже если захочу. А я не хочу".

Еще он говорил себе, что крылья будет проще удалить, когда они достигнут своего полного размера. Кроме того, он не хотел волновать Рут в ее положении подобными новостями. Вот так он успокаивал себя, а время шло, и в начале октября его вторые крылья выросли окончательно, хотя и выглядели чахлыми и убогими по сравнению с прежними великолепными крылами.

В первую неделю октября у Рут и Дэвида родился сын. Чудный здоровый малыш без

малейших странностей. У него был нормальный вес, прямая и гладкая спинка, не обещавшая никаких крыльев. Через несколько дней все собрались в их маленьком коттедже, и восхищению не было предела.

— Ну, разве он не красавец? — спрашивала Рут с гордостью, сиявшей во взгляде.

Дэвид молча кивал, и его сердце переполнялось радостью, когда он смотрел на спящую крошку. Его сын!

— Он просто чудо, — умиленно бормотал он. — Рут, любимая, я всю жизнь буду работать для тебя и него.

Уилсон Холл сиял и улыбался.

— У тебя будет возможность доказать это, Дэвид. Случилось то, о чем я тебе говорил весною. Сегодня я, как глава фирмы, ушел в отставку и позаботился о том, чтобы ты занял мое место.

Дэвид не находил слов для благодарности. Его сердце таяло от полноты счастья, от любви к Рут и их ребенку. Он чувствовал себя на вершине счастья, какое только может быть.

После того, как Уилсон Холл ушел, а Рут уснула, он, оставшись в одиночестве, неожиданно понял, что должен выполнить свой долг.

Он сурово сказал себе: "Все это время ты врал себе, выискивал предлоги и позволил крыльям вырасти. А в глубине души ты все это время надеялся, что снова будешь летать".

Он засмеялся. "Все, теперь с этим покончено. До этого я только уверял себя, что не хочу летать. Тогда это не было правдой, а теперь — правда. Я больше не буду тосковать по крыльям и полёту — теперь, когда у меня есть двое, Рут и сын".

Нет, никогда больше. Покончено. Сегодня же вечером он поедет в город к доктору Уайту и избавится от этих новоявленных крыльев. А Рут он даже никогда не скажет об этом.

Горя решимостью, он выбежал из коттеджа в ветреную темень осенней ночи. Багровая луна висела над верхушками деревьев с восточной стороны, и в ее тусклом свете он поспешил к гаражу. Деревья вокруг него гнулись и скрипели под тяжелыми ударами свирепого северного ветра.

Вдруг Дэвид остановился. Сверху, сквозь морозную ночь, донесся слабый отдаленный звук, от которого он вздрогнул и вскинул голову. Далекий, призрачный крик, доносимый порывами ветра, то усиливаясь, то ослабевая, становился все ближе и ближе — дикие стаи, летящие на юг, тревожили эту ночь криками вызова и победы над ветром, который пытался сломать их крылья. Неукротимое биение свободы, с которым, казалось, было покончено навсегда, ворвалось в сердце Дэвида.

Он вглядывался в темноту сверкающими глазами, и ветер развеивал его волосы. Быть там, высоко, с ними, хотя бы еще один раз... лететь с ними.

Почему бы и нет? Почему бы не полететь в последний раз, чтобы укротить эту надсадную тоску, — прежде чем лишиться своих последних крыльев? Он не залетит далеко, а так, немного полетает, а потом вернется, отрежет крылья и посвятит свою жизнь Рут и сыну. Никто и знать об этом не будет.

В темноте он быстро сбросил одежду, выпрямился и развернул крылья, которые так долго скрывал. Тревожное сомнение охватило его. Сможет ли он вообще взлететь? Смогут ли эти жалкие, чахлые крылья хотя бы пять минут продержат его в воздухе? Нет, не смогут. Он был уверен в этом.

Бешеный ветер грохотал, деревья стонали, а серебряные крики в вышине становились громче. Дэвид приподнялся на носки, согнул колени, расправил крылья, готовясь взлететь, и его лицо побелело от страха. Он не сможет. Он знал, что не сможет оторваться от земли.

Но ветер кричал ему в лицо: "Ты сможешь сделать это, ты снова будешь летать! Посмотри, я за твоей спиной, я помогу тебе взлететь, добраться до самых звезд!"

И ликующие звуки в вышине вторили ветру: "Вверх! Лети к нам! Ты из нашей породы, ты наш! Вверх! Лети!"

И он взлетел! Чахлые крылья неистово били по воздуху, и он взмыл ввысь! Темные деревья, освещенное окно коттеджа уходили назад и вниз, а крылья несли его вдаль на

ревушем ветру.

Выше, выше — снова удар холодного чистого воздуха в лицо, сумасшедший рев ветра вокруг, хлесткие взмахи крыльев, уносящих его все дальше и дальше.

В грохот ветра ворвался высокий, звонкий смех Дэвида Рэнда, который летел между звездами и спящей землей. Выше и выше, вместе с кричащими птицами, окружившими его со всех сторон. Дальше и дальше улетал он с ними.

Внезапно он понял, что только это было жизнью, только это было пробуждением. Это другая его жизнь там, внизу, была сном, а сейчас он проснулся. Это не он работал в конторе и не он любил женщину и ребенка там, внизу. Он видел такого Дэвида Рэнда во сне, но этот сон прошел.

На юг, на юг он стремился сквозь ночь, и ветер гремел, и луна поднималась выше, пока, наконец, земля не пропала из вида. Он вместе со стаей летел над лунной равниной океана. Он знал, что это безумие, — лететь с такими жалкими крыльями, которые уже устали и ослабели, но мысль о возвращении даже не промелькнула. Только лететь, лететь в последний раз — и больше ничего!

И поэтому, когда его уставшие крылья начали тяжелеть и все ниже и ниже стал он опускаться к серебристым волнам, ни страха, ни сожаления не было в его сердце. Это было то, чего он всегда ждал и хотел, и он был безмятежно счастлив — счастлив упасть, как, в конце концов, падают все, имеющие крылья, после краткого мгновения безумного, упоительного полета обретающие покой.

27. Уильям Сэнсом

Настоятельная потребность

Мой дядя жил в черно-белом доме, стоявшем в сырой, зеленой и лесистой долине. Темные бревна, почерневшие, как деревья после дождя, были покрыты белой штукатуркой, сухой, как мел, а вокруг расстилались поля высокой зеленой травы. Цветы возле дома не росли, кругом была сплошная зелень, которая контрастировала с черно-белым домом.

В зеленом загоне дядя держал черно-белую корову, которая постоянно бродила по полям, ярко выделяясь своей окраской на фоне сочной зелени. Возможно, это была чистая случайность, но дядя тоже одевался во все черно-белое. Он был священником, бедным и очень старым, хотя воротничок его всегда отличался безукоризненной белизной, а черный костюм он всегда тщательно чистил щеткой, доводя его до стерильной чистоты. Он был таким старым, к тому же так долго находился в тени своих прихожан, что и лицо его, и лысая голова совсем побелели.

В общем, вы понимаете, в какой унылой, скучной обстановке тянулись мои долгие июньские дни, когда я жил у дяди. Прикованный к своему креслу, я часами сидел в саду, имея возможность глазеть лишь на белые облака, на всю эту бесконечную зелень, да на эти редкие вторжения черного и белого цветов. Вторжения! Нет, они скорее походили на позы, торжественные речи и извержения, застигнутые в момент действия. Какой свежей выгладит сияющая молодая зелень под низким белым небом! Какими спокойными казались и корова, и дом, как медленно передвигался по зеленой лужайке мой дядя, осторожно ступавший на своих черных ногах!

Я сидел в саду и пытался вспомнить, на что похожи цветы, как выгладит синее небо. Я листал цветные иллюстрации в книгах, долго-долго разглядывал свою собственную розовую ладонь. Но то, другое — зеленое, черное и белое... оно было слишком сильным, оно было везде и купалось в лучах яркого солнца, подобно хирургической лампе, посылавшего свои лучи сквозь фильтры белых облаков. Я расскажу вам, что в тот день произошло, не могло не произойти, и что случилось с моим дядей.

От скуки я начал строить всякие теории. Сначала я подумал, что черное и белое — это вовсе не цвета, вернее, не ахроматические цвета, которые мельтешили у меня перед глазами,

что вся эта зелень с подсветкой изнутри — это тоже не вполне цвет, а скорее разновидность растительной силы, которая заполонила собой все видимое пространство. А так хотелось какого-то цветового разнообразия... и тогда я стал более пристально всматриваться в лицо дяди.

Он стоял довольно близко от меня. Я внимательно рассматривал его — благо расстояние позволяло видеть даже мельчайшие подробности его костюма. В некоторых местах фигура дяди как бы выступала вперед, а в других, наоборот, — вдавливалась. Я видел его белый воротничок и возвышавшуюся над ним белую морщинистую шею. Видел его старческое лицо, неподвижное в своей задумчивости, похожее на застывшую маску, сделанную из кожи. Видел пустые глаза под тяжелыми, набрякшими с годами веками, и эти белые мешочки под глазами, обвислые, словно спущенные воздушные шарiki, а над всем этим — нежно-белый, как у новорожденного, купол его черепа.

Неожиданно все мое сознание переполнилось одной-единственной мыслью: а ведь этот человек до отказа набит красным! Изнутри-то он красный!

Я старался выкинуть из головы эту мысль. Выдумывал всякие игры, валял дурака с бумагой и карандашами, что-то чертил, подсчитывал — лишь бы отогнать эту мысль. Я дольше, чем мне было предписано, занимался физическими упражнениями, как заведенный, волочил за собой больную ногу в надежде на то, что, может, хотя бы боль в ступне поможет избавиться от этой безумной идеи. Я пытался было забиться в самый темный уголок дома, но вскоре изгонялся оттуда, поскольку доктора предписывали мне не только покой, но и свежий воздух, и делал это сам же дядя лично, отчего я и в прямом, и в переносном смысле сталкивался с ним лицом к лицу, и мысли мои неотрывно следовали за ним. Даже по ночам, лежа в кровати, в полной темноте, вдали от всего этого зеленого, черного и белого, я лежал, устремив взгляд в потолок, и думал лишь о красном.

Подобные вещи должны находить какую-то свою отдушину.

И вот как-то днем я почувствовал, что больше не в силах уже носить все это в себе, сильное чувство охватило меня, и я решил с корнем вырвать красное из этого черно-белого человека. Я взял кухонный нож и пошел к нему.

Как это ни странно, все произошло внутри дома — в столовой, если быть более точным, а не снаружи, где зелено. Это, по крайней мере, должно служить доказательством тому, что моя мысль переросла породившую ее причину. И еще мне показалось весьма любопытным, что как-то совсем легко и естественно, словно у меня со всех сторон головы были глаза, я увидел всю обстановку комнаты, в которой это произошло. Старый резной буфет с вазой, в которой лежало одно-единственное яблоко, мягкий, приглушенный свет, запылившаяся ткань на мебели, старая фотография в рамке, смутно различимая на фоне стены. И все же если кто-то полагает, что жизнь при подобных обстоятельствах претерпевает какие-то изменения — становится ярче, исчезает или теряет свое равновесие, то это явно ошибочное мнение. Она остается точно такой же, как и была, разве что ее лучше замечаешь, но она точно такая же.

Я стоял позади дяди, рядом с доской для резки хлеба. Он ел холодную баранину и едва заметно покачивал головой, словно разговаривал с куском мяса. А может, он разговаривал с каждым кусочком по отдельности, ведь он всегда сначала разрезал большой кусок на маленькие, после чего перекладывал вилку в правую руку. Я так хорошо запомнил его правую руку с приподнятой вилкой; левая рука при этом лежала на скатерти, медленно отламывая кусочки хлеба. Старики умеют есть с поразительным безразличием, словно растягивая во времени всю накопленную за день усталость и максимально продлевая драгоценную для них процедуру поглощения пищи.

Он отражался в висевшем напротив зеркале, хотя голова его была наклонена и я не мог видеть его лица. Впрочем, мне этого и не хотелось. Я резко отдернул нож от буханки хлеба — она оказалась разрезанной как раз пополам, — и решительно направил лезвие в его сторону, держа его наподобие кинжала. Я заметил, что лезвие у ножа было зазубренное, как

у пилы. С каким-то необъяснимым вожделением, полностью отдавшись этому занятию, я ударил ножом в самую середину чистого белого купола и принялся пилить.

От удара дядя чуть подался вперед, словно внезапно заснул или неожиданно заметил муху, ползающую по краю его тарелки. Мне кажется, что именно в этот момент он и умер, наверняка не выдержало сердце.

Я же продолжал пилить. Это оказалось непростым делом, а кроме того, мне все время приходилось поддерживать голову левой рукой. Но я не оставлял своих попыток и с нетерпением ожидал, что из всего этого получится. Меня постигло разочарование. Сначала действительно проступило что-то розовое, блеклое, но этим дело и кончилось. И речи не могло идти о том, чтобы назвать все это красным, по крайней мере, при таком освещении, которое было в комнате. Что и говорить, я ожидал совсем другого.

В какой-то момент я, совершенно разочарованный, поднял взгляд и неожиданно увидел в зеркале напротив собственное отражение. Да-да, в том самом зеркале, которое было укреплено на дверце большого темного буфета. Сердце мое переполнилось радостью! Я почувствовал надежду, увидел конец всем моим неудачам!

Я побежал вокруг стола, задевая стулья и слыша, как они валятся на пол, подобно осколкам моей прошлой жизни. Остановившись наконец перед зеркалом, я поднес нож к собственному горлу.

Это было чудесно. Красное появилось очень быстро, и я с благодарностью наблюдал, как легко оно стекало по моему горлу. Оно было таким ярким, так отважно искрилось и переливалось разными оттенками, что хотя бы ради наслаждения, ради столь незабываемого момента мне пришлось остановиться. Да, я остановился, хотя горло было разрезано только наполовину — впрочем, большего и не требовалось. Я опустился на колени, рыдая от переполнявшей меня благодарности, после чего сложил ладони, как при молитве, и сквозь пальцы снова посмотрел на зеркало.

Но зеркало куда-то исчезло! Я видел лишь темную деревянную дверцу буфета, а сам почему-то оказался лежащим на ковре. Меня это потрясло. Нет-нет, я знал, что на самом деле меня никто не обокрал, я все еще продолжал стоять на коленях перед зеркалом. Охваченный страхом, что подобное может никогда не повториться, я поднялся на ноги — стало почему-то очень больно, — и, бросив последний удовлетворенный взгляд на зеркало, спотыкаясь, бросился к дверям, наружу, к зелени. И дальше — по дорожке, к садовой калитке, а руки мои были так богато окрашены красным, которое прелестно смотрелось на фоне зеленого., тогда как сердце переполнялось воспоминаниями о моем чудесном красном горле. Все это принадлежало мне, и едва ли не впервые в жизни я ощутил себя счастливым человеком.

Я полагаю, что именно поэтому, из-за ярко-красного, так опечалились лесорубы, которые в этот момент спускались по холму и шли в мою сторону. Мне даже жаль, что они так неподдельно разволновались. Наверное, это произошло потому, что всю свою жизнь они провели в зеленом лесу и вид моего красного попросту ослепил их, а может, даже нанес им душевную травму.

Сейчас? Ну, сейчас я веду себя гораздо спокойнее и живу в моем новом сером доме. Теперь я понимаю, что и в таких вещах можно переусердствовать, как говорится, перегнуть палку. Кроме того, сейчас я умею получать более тонкое, но вместе с тем и более интенсивное удовлетворение от ощущения цвета — сияющего синего цвета, который исходит от форменной одежды моих новых друзей. Головы их, как у священников, покрыты синими куполообразными шапочками.

28. А. Дж. Раф Мамочка умерла

Миссис Тэйт умерла неожиданно и как-то глупо. Встав по привычке на крышку стиральной машины, она протирала оконное стекло, но неловко поскользнулась, упала на пол и сильно ударилась виском об острый угол кухонной плиты, после чего неподвижно замерла. Ее тело неестественно изогнулось, невидящий взгляд устремился в потолок, хотя сама она к этому моменту уже ничего не видела, не слышала и вообще не чувствовала.

Между тем ее маленький сын Дэвид принялся барабанить ручонками в заднюю дверь, настойчиво требуя, чтобы егопустили в помещение. Так и не дождавшись ответа, он тяжело вздохнул и с явным трудом, но все же дотянулся до ручки двери, все это время не переставая колотить в нее мыском старого башмака.

Едва увидев мать, лежащую на красном кафельном полу кухни, он поначалу удивился, а затем нахмурился. В его мозгу еще не вполне оформились такие понятия, как "мертвый" или "без сознания", — в конце концов, многого ли можно ожидать от обычного шестилетнего ребенка? До сих пор вся его жизнь представляла собой одну грандиозную непрерывающуюся игру, в которой находилось место практически для всего и для всех — за исключением разве что его собственных родителей. Между тем, несмотря на свой столь нежный возраст, он уже успел заметить, что местный торговец мистер Даймонд весьма снисходительно относится к его проделкам, даже когда Дэвид якобы тайком уносил из его лавки яблоко или апельсин. Соседи также весьма терпимо реагировали на его баловство, хотя он нередко с беззаботным видом вышагивал по их цветочным клумбам или терзал бедных домашних кошек. Все относились к нему с добротой и лаской, и единственная сколько-нибудь серьезная угроза наказания за содеянное могла исходить лишь от его собственных родителей. Однако оказавшись на кухне, он почувствовал, что на сей раз, похоже, даже мамочка решила наконец-то присоединиться к его нескончаемым забавам.

Дэвид откинул с вспотевшего лба спутанную прядь волос, неспешно обошел неподвижную фигуру матери, затем забрался на стул и налил себе из графина воды. Держа в руках стакан, он снова посмотрел на простирившуюся перед ним на полу картину, смутно ощутив некоторую неловкость от взгляда неподвижных, остекленевших глаз матери.

Не спеша отхлебывая воду, он мысленно перебирал возможные объяснения того, что произошло с матерью. А может, мамочка просто "умерла"? — пришло на память услышанное где-то слово. Мальчик молча взирает на слабую полуулыбку, застывшую на изогнутых и чуть приоткрывшихся губах женщины, и внезапно почувствовал исходившую от них поддержку. Да нет же, просто мамочка решила как-то по-новому поиграть с ним; более того, поскольку раньше она практически не принимала участия в его детских забавах, подобное участие представлялось ему даже более интересным, чем игры с другими детьми.

Поставив недопитый стакан на стол, мальчик слез со стула. Затем он подошел к мертвой женщине, опустился рядом с ней на колени, взял мать за руку, чуть приподнял ее, отпустил и весело захихикал, когда ладонь с мокрым шлепком снова опустилась на прохладный пол. Сама же мамочка при этом даже не шелохнулась. А что, с ней даже интересно играть, непонятно только, почему она никогда не делала этого раньше, — пронеслось в его детском мозгу.

Тут ему стали приходить в голову всякие забавные штучки. Дотянувшись до стоявшего на краю стола стакана, он взял его и вылил остаток содержимого прямо на лицо матери — ему очень хотелось узнать, до каких пределов простирается ее терпимость и насколько он может рассчитывать на нее, как на партнершу по играм. Мать никак не отреагировала: вода просто стекла по ее неподвижному, даже какому-то восковому лицу, на котором остался лишь неширокий след из нескольких зацепившихся за волосы капель, и двумя струйками сбежала по шее, образовав на кафельном полу маленькую Лужицу.

Тогда Дэвид наклонился и пощекотал у матери под подбородком — вялая кожа чуть шевельнулась от прикосновения детских пальчиков, рот раскрылся немного шире, и из его уголка вытекла тонкая струйка слюны, чуть испачкавшая ладонь мальчика. Это почему-то рассердило, даже потрясло его — он резко выпрямился и поспешно вытер руку о штанину. И все же у него еще оставались кое-какие сомнения как относительно условий затеянной им

игры, так и самой возможности ее продолжения. На самом ли деле мамочка была настроена столь благожелательно, что он мог делать с ней все, что ему заблагорассудится, или все же оставался какой-то предел для полета его фантазии?

Резко повернувшись на месте, Дэвид устремился в гостиную, где в большом ящике со всевозможными игрушками у него была давно припасена коробка с цветными мелками. Вернувшись с ними на кухню, он решил приступить к основной части своей игры. Первым делом у мамочки появилась пара черных, неровных очков и длинных, загибающихся книзу усов. Следующим на ее лице появился прелестный красный нос — очень похожий на тот, который был у папочки. Мать по-прежнему даже не шелохнулась, всем своим видом словно поощряя сына на продолжение игры. И все же Дэвиду оставалось непонятно, каким образом она продолжает сохранять спокойствие и ни разу даже не улыбнулась — ведь мелки наверняка щекотали ее.

Затем Дэвид снял со швейной машинки картонную коробку и вынул из нее длинную булавку. Осторожным движением руки он легонько ткнул мать в щеку, а когда та никак не отреагировала на это — ни словом, ни жестом не выразив хотя бы малейшего протеста, — несколько раз уже с силой вонзил булавку чуть ли не по самую головку. Подобные действия мальчика продолжались довольно долго, так что он уже начинал чувствовать первые позывы голода. Попытавшись заговорить с матерью на эту тему, он, однако, не услышал с ее стороны никакого ответа. Снова почувствовав раздражение, он захныкал, начал вскрикивать и топтать ногами, но женщина все так же лежала на полу кухни с этим смешным и нелепым выражением на лице.

Тогда Дэвид выдвинул располагавшийся под кухонной мойкой ящик и вынул из него запретный нож для резки мяса и овощей. Делая это, он спиной ощущал на себе неподвижный и чуть укоризненный взгляд матери; у него даже возникло ощущение, будто мать призывает его отказаться от задуманной затеи. Однако он все же вынул нож и, вернувшись к телу, несколько раз полоснул острым лезвием по руке матери.

Ткань чуть разошлась в стороны, обнажив красноватые и чуть поблескивающие мышцы, сухожилия и кости. Толком не понимая, плакать ему надо или смеяться при виде этого зрелища, Дэвид резко отбросил нож. Мамочка вела себя нечестно, так не играют! Теперь он уже испытывал некоторое смущение и даже страх. Впрочем, как только он посмотрел на остекленевшие и начавшие покрываться мутноватой пленкой глаза, в душе мальчик вновь почувствовал раздражение и досаду. Из глаз потекли слезы. Снова схватив нож, он вцепился в него обоими руками и что было сил вонзил лезвие в этот противный, неморгающий глаз — вот тебе, вот! Когда он разжал ладони, рукоятка застрявшего в глазнице ножа слегка покачивалась, отчего представшая взору ребенку картина показалась ему нелепой и совсем не смешной.

Дотронувшись до тела матери, Дэвид почувствовал, что кожа у нее непривычно холодная и к тому же начинает постепенно менять свою окраску с нежно-коричневатой на серую. Это заставило его ненадолго задуматься. В отдаленных, глубоко сокрытых уголках сознания вдруг послышался слабый, почти неразличимый лепет, однако ему так и не удалось понять, кто говорит и что именно. Внезапно слезы в его глазах высохли — он в очередной раз откинул со лба непокорную прядь волос, выпрямился и прошел в гостиную.

Наконец-то он все понял.

Это оказалось для него самым настоящим открытием!

Вернувшись домой, мистер Тэйт увидел, что сын с нетерпением поджидает его. При виде отца мальчик встал со стула, широко улыбнулся и с чисто детской категоричностью и полной убежденностью в собственной правоте проговорил.

— Мамочка умерла!

29. Амброз Бирс Гипнотизер

Мои друзья, которым волею случая удастся прослышать о том, что временами я забавляю себя гипнотическими опытами, чтением чужих мыслей и прочими аналогичными вещами, часто обращаются с вопросами насчет того, имею ли я сам сколько-нибудь четкое представление о тех природных закономерностях, которые лежат в основе подобных занятий. На все расспросы я даю неизменный ответ, суть которого сводится к тому, что я не только ничего не знаю о сути происходящего, но даже и знать не хочу. Я не исследователь, прильнувший глазом к замочной скважине закровов матушки-природы и пытающийся посредством подобного вульгарного любопытства похитить секреты ее ремесла. Интересы науки представляют для меня такое же значение, какое я сам представляю для этой самой науки.

Затронутая проблема, разумеется, в сущности своей довольно проста и никоим образом не выходит за рамки обычного человеческого понимания — если, конечно, подобрать к ней соответствующий ключ. Что же до меня самого, то я предпочитаю даже не пытаться отыскать его, поскольку по натуре своей являюсь человеком романтического склада ума, получающим гораздо большее удовлетворение от самой загадки, нежели от ее раскрытия.

Еще когда я был ребенком, многие подмечали, что мои большие голубые глаза смотрят не столько наружу, сколько как бы обращены внутрь меня самого — в этом, пожалуй, заключалась их особая мечтательная прелесть, а также отмечавшееся в частые периоды моей задумчивой отрешенности их полное безразличие к событиям окружающей жизни. Этой своей особенностью, как я осмеливаюсь предположить, я во многом был обязан собственной романтической душе, которая с неизменным постоянством всегда была готова сосредоточиться на какой-то приятной ей и сотворенной ею же самой проблеме, нежели на законах природы. У меня не было потребности разбираться в сущности тех или иных предметов и явлений.

Все эти вроде бы неуместные и на первый взгляд эгоистичные рассуждения на самом деле хотя бы отчасти объясняют причину ограниченности моих возможностей пролить свет на сущность проблемы, которая всегда занимала меня самого и порождала столько любопытства у окружающих. Любой другой человек, обладающий моими способностями и соответствующими возможностями, конечно же, сможет найти объяснение тем явлениям, которые в моей интерпретации предстают, как самые обыденные вещи.

Впервые я узнал о том, что обладаю необычным даром, когда мне было четырнадцать лет. Я тогда учился в школе. Однажды я забыл прихватить пакет с завтраком и потому с тоской глядел на соседку по парте, приготовившуюся к аппетитной трапезе. Подняв на меня недоуменный взор, она неожиданно встретилась с моим взглядом, и он словно приковал ее глаза к моему лицу. После секундного замешательства она встала и с отсутствующим выражением приблизилась, после чего, не произнося ни слова, протянула мне свою маленькую корзиночку с аппетитной закуской.

Я с невыразимым удовольствием утолил голод, а затем с таким же упоением разломал хрупкую тару.

После этого случая мне уже не надо было заботиться о том, чтобы приносить из дома свой собственный завтрак: эта маленькая девочка стала моим регулярным поставщиком. Надо сказать, что я с завидным постоянством удовлетворял за ее счет свою примитивную потребность, сочетая при этом приятное с полезным. Я всякий раз заставлял девочку присутствовать при моей трапезе, для вида даже предлагал ей присоединиться, но затем неизменно сам съедал все до последнего кусочка. После этого девочка упорно утверждала, что сама управилась со своим завтраком, однако позже начинала жаловаться на острое чувство голода — на глаза у нее даже навертывались слезы, — чем немало удивляла учительницу, веселила одноклассников, даже прозвавших ее обжорой, а меня самого доводила до состояния иступленного блаженства.

Я мог бы с полным основанием утверждать, что подобное положение вещей полностью соответствовало моим устремлениям — если бы не одноотягающее обстоятельство: вся эта процедура требовала строгой конспирации. Так, смена владельца завтрака могла

происходить лишь на некотором удалении от скопления народа, например, в лесу. Должен признаться, что я постоянно краснею при одной лишь мысли о том, что именно по этой досадной причине столь часто оказывался в самом что ни на есть дурацком положении. Если же учесть то обстоятельство, что по натуре я всегда был (и есть) весьма откровенным, можно сказать, даже прямолинейным человеком, то со временем все это стало мне порядком надоедать, и если бы не очевидное нежелание моих родителей отказаться от тех явлений и очевидных преимуществ, которые они обретали благодаря моему дару, я скорее всего поставил бы на всем этом крест и вернулся к прежнему, самому обычному образу жизни. Тот план, который я в конце концов осуществил в целях избавления от негативных последствий моих необычайных способностей, в свое время вызвал самый оживленный интерес в широких кругах местной общественности. Все в первую очередь выделяли ту его часть, которая предполагала умерщвление девочки, — однако я полагаю, что в рамках данного повествования едва ли целесообразно в более подробной форме останавливаться на таких мрачных деталях.

В течение ряда последующих лет я практически не располагал возможностями для реализации своих гипнотических способностей, а те небольшие пробные опыты, которые я изредка все же решался поставить на людях, обычно не получали теплого отклика в сердцах окружающих и завершались либо моим очередным знакомством с розгами, либо непродолжительным одиночным заточением при весьма скудной диете, состоявшей преимущественно из хлеба и воды. Я уже собирался было окончательно прекратить эту во многом порочную практику, сулящую мне, как выяснилось, массу неудобств, когда совершенно неожиданно праздник пришел и на мою улицу.

Однажды я был вызван в кабинет директора школы, где мне вручили комплект гражданской одежды, незначительную сумму денег и надавали кучу советов, ценность которых, надо / признать, намного превосходила добротность нового костюма. Выходя через школьные ворота и приготовившись окунуться в атмосферу вольной жизни, я неожиданно обернулся и, мрачно вперив взгляд прямо в переносицу директора, проговорил:

— Вы — страус.

При посмертном вскрытии в его желудке обнаружили значительное количество мелких непереваренных предметов, в первую очередь различных металлических и шерстяных изделий. Непосредственной же причиной смерти, как гласило официальное заключение судебного следователя, явился разрыв пищевода от стремительного прохождения по нему дверной ручки.

Будучи по натуре добрым человеком и любящим сыном, я тем не менее при вхождении в мир взрослых, от которого был так долго отрезан, долго не мог отделаться от грустного воспоминания о том, что все мои беды и несчастья произрастали, как грибы после дождя, именно по причине крайней экономности, если не сказать грубее, скупости моих родителей, когда дело касалось комплектации моих школьных завтраков. Причем у меня нет сколь-нибудь серьезных оснований предполагать, что с тех пор они заметно изменились в лучшую сторону.

По дороге между Холмом Несварения и Южным Удушьем есть небольшой участок открытой местности, где некогда стояла довольно грязная пивнушка, известная по имени ее владельца — Пита Джилстрэпа, промышлявшего убийствами заезжих путников, что и являлось для него основным источником средств к существованию. Смерть мистера Джилстрэпа и смещение едва ли не всех торговых маршрутов на соседнюю дорогу произошли практически в одно и то же время, в результате чего и по сей день трудно с определенностью сказать, что из этих двух событий было причиной, а что следствием. Во всяком случае, с тех пор эта местность пребывала в полном запустении, а от хибарки Пита давным-давно остались одни лишь обугленные головешки.

Однажды, двигаясь пешком к местам моего детства, проведенного в Южном Удушье, я случайно повстречался со своими родителями, которые направлялись в сторону Холма и решили передохнуть под сенью раскидистого дуба, а заодно и подкрепиться походным

завтраком. При виде лежавшей перед ними снеди в моем мозгу выплыли горестные воспоминания детства, а в груди пробудился дремавший доселе лев. Приблизившись к смущенной парочке, которая, разумеется, сразу же признала во мне своего сына, я осмелился предложить им разделить со мной свою далеко не скромную трапезу.

— Всей этой пищи, сын мой, едва хватит на двоих, — проговорил мой дорогой папочка с хорошо знакомой мне напыщенностью в голосе, которой, как я понял, с возрастом отнюдь не поубавилось. — Я отнюдь не намерен игнорировать тот ледяной блеск, который вижу в очах твоих, однако...

Отцу так и не удалось завершить начатую фразу; то, то он принял за "ледяной блеск" в очах моих, было всего лишь сосредоточенным взглядом гипнотизера. Уже через несколько секунд он разложил передо мной все свои запасы. Немногим дольше сопротивлялась и его спутница, так что вскоре мое благородное негодование возымело самые желанные последствия, разумеется, для меня самого, но никак не для них.

— Мой бывший отец, — проговорил я, — надеюсь, вам известно, что ни вы сами, ни эта дама больше уже не являетесь теми, кем вы привыкли себя считать?

— Я заметил некоторые незначительные подвижки, — с явным сомнением в голосе промолвил пожилой господин, — однако склонен приписывать их возрасту.

— Вопрос стоит более остро, — пояснил я, — и затрагивает, если можно так выразиться, ваши родовые особенности. И вы, и присутствующая при сем дама на самом деле уже превратились в двух мустангов, диких жеребцов, причем ни один из вас не склонен одобрительно относиться к присутствию другого.

— Но, Джон! — воскликнула моя дорогая мать, — ведь не хочешь же ты сказать, что...

— Мадам, — торжественно провозгласил я, снова переводя на нее свой взгляд, — вы являетесь тем, кем я вас назвал.

Едва я успел закончить свою фразу, как она рухнула на четвереньки, подскочила к старику и, издав дьявольский вопль, с силой лягнула его в голень! Уже через долю секунды он также упал на четыре точки и, отбежав от нее чуть в сторону, стремительно и довольно успешно нанес ответный удар "копытом" в бок. С равным усердием, хотя и не так проворно из-за сдерживающих движения некоторых атрибутов дамской одежды, она угостила его новым ударом. Их взлетающие конечности самым немислимым образом пересекались и сплетались в воздухе. Иногда они там же и сталкивались, как говорится, лоб в лоб. Они бросались вперед, плашмя грохались оземь и на мгновение беспомощно замирали.

Чуть оправившись, они возобновляли битву, выражая свое неистовство в нечленораздельных звуках разъяренных скотов, каковыми они себя сейчас считали, — от их криков и воплей едва ли не вздрагивала вся округа!

Они совершали круг за кругом, удары их ног обрушивались "подобно молниям из горных туч"; затем подныривали друг под друга и снова откидывались назад, становясь на корточки. Ожесточенно, хотя и неумело, колотили сразу обоими кулаками, после чего вновь падали на ладони, словно не находя в себе сил удерживать тело в вертикальном положении. Из-под их рук и ног над землей взлетали клочья вырванной с корнями травы и мелкие камни; одежда, волосы, лица — все было покрыто отвратительным слоем смешавшейся с пылью крови. Дикие, нечленораздельные, яростные вопли словно удостоверяли каждый удачно нанесенный удар. В свою очередь стоны, хрипы и повизгивания как бы сигнализировали: удар получен.

На фоне их баталии явно меркли бойцовские качества участников битвы при Ватерлоо, а героизм и отвага моих дорогих родителей в минуту жестоких испытаний и смертельной опасности навсегда останутся для меня неиссякаемым источником гордости.

Под конец схватки эти изодранные, побитые и окровавленные существа представляли собой лишь жалкое зрелище. Так что, как ни прискорбно это осознавать, весьма скоро зачинщик этой битвы остался круглой сиротой.

Подвергнутый аресту за спровоцированное кровавое побоище, я был отдан (в моем состоянии продолжаю находиться до сих пор) под суд, тогда как мой адвокат вот уже

пятнадцать лет роет землю и переворачивает небеса, добиваясь рассмотрения этого дела в суде второй инстанции.

Таков краткий перечень моих упражнений в загадочной области знания, именуемой гипнотическим внушением. Что же до того, может ли оно быть использовано каким-то порочным субъектом ради достижения своекорыстных и в целом неблагоприятных целей, то судить об этом я просто не берусь.

30. Фредерик Браун Пусть убираются

Когда человек экспериментирует над своей природой, результаты могут быть самыми неожиданными.

Даптин — это вытяжка из препарата. Сначала он назывался адаптином, но затем сократился до даптина. Он позволяет нам адаптироваться.

Они объяснили это, когда нам было десять лет; наверное, они думали, что до тех пор мы были еще очень малы, чтобы понимать, хотя и тогда мы уже многое знали. Они сообщили нам это сразу после высадки на Марс.

— Вот вы и дома, дети, — сказал Главный Учитель, когда мы вошли в купол из стеклита, который они здесь для нас построили. И еще он сказал, что вечером будет специальная лекция, очень важная, и мы все должны ее прослушать.

В этот вечер он рассказал нам всю историю, ответил на все "что" и "откуда". Он выступал перед нами в обогревательных скафандре и шлеме, которые вынужден был носить. Температура в куполе была нормальной для нас, но для него это был невыносимый холод и слишком, к тому же, разреженный воздух. Его голос доносился из-под шлема по радио.

— Дети, — сказал он, — вы дома. Это Марс, планета, на которой вы проведете всю оставшуюся жизнь. Вы марсиане, первые марсиане. Пять лет вы провели на Земле и пять лет — в космосе. Теперь вы проведете десять лет в куполе, пока не станете взрослыми, хотя к концу этого срока вам разрешат выходить наружу, увеличивая время прогулок.

Затем вы уйдете отсюда, постройте собственные дома и заживете собственной жизнью, как марсиане. Вы выберете себе мужей и жен, и ваши дети будут такими же, как вы. Они тоже будут марсианами.

Настало время рассказать вам историю этого великого эксперимента, частью которого вы являетесь.

И он рассказал.

— Человек, — сказал он, — впервые достиг поверхности Марса в 1985 году. На планете не было разумной жизни — обнаружены только многочисленные растения и несколько видов нелетающих насекомых. Человек мог выжить на Марсе только внутри стеклитовых куполов, выходя из них обязательно в скафандре. Даже в теплое время он не замерзал здесь только днем. Он не мог дышать разреженным воздухом, а пребывание под солнцем — из-за прямых лучей, почти не поглощаемых скудной атмосферой, — было для него смертельным. Он не мог питаться растениями из-за их химической чужеродности, и всю пищу ему приходилось привозить с Земли или выращивать в специальных безгрунтовых резервуарах.

В течение пятидесяти лет человек пытался освоить Марс, но все его попытки терпели крах. Кроме купола, построенного для нас, был еще только один стеклитовый купол, намного меньший, не далее, чем в миле от этого.

Могло показаться, что человечество никогда не сумеет обжить планеты Солнечной системы, отличные от Земли. Марс был наименее враждебным из них; если человек не мог выжить здесь, то нечего было мечтать и об остальных.

И вот, в 2034 году, тридцать лет назад, блестящий биохимик по имени Уэймот изобрел даптин, чудесный препарат, воздействующий не на человека или животное, которые его

приняли, а на потомство, которое они произвели по прошествии определенного срока после прививки.

Препарат позволял потомству бесконечно адаптироваться в изменяющихся условиях — в том случае, когда эти перемены происходили постепенно.

Доктор Уэймот привил, а затем скрестил пару морских свинок. Каждое из пяти новорожденных животных он поместил в различные, постепенно меняющиеся условия и получил потрясающие результаты. Когда свинки достигли зрелости, то одна из них чувствовала себя прекрасно при температуре 40 градусов по Фаренгейту; вторая была совершенно счастлива при ста шестидесяти выше нуля. Третья блаженствовала на диете, которая оказалась бы смертельной отравой для обычного животного, а четвертую содержали под постоянной рентгеновской бомбардировкой, которая убила бы ее родителей в считанные минуты.

Соответствующие эксперименты, проведенные с другими животными, показали, что выращенные в подобных условиях они давали такое же потомство, с рождения приспособленное к подобной жизни.

— Десять лет назад, — продолжал Главный Учитель, — вы, дети, родились. Родились от людей, тщательно отобранных из тех, кто добровольно согласился на эксперимент. И с самого рождения вы воспитывались под непрерывным контролем в постепенно меняющихся условиях.

С момента рождения воздух, которым вы дышали, становился все разреженней и содержание кислорода в нем снижалось. Ваши легкие компенсировались за счет увеличения в объеме — вот почему грудная клетка у вас намного больше, чем у ваших учителей и воспитателей. Когда вы станете совсем взрослыми и будете дышать воздухом Марса, различие станет еще более явным. Ваша кожа покроется мехом для того, чтобы защитить вас от холода. Вы чувствуете себя хорошо в условиях, убийственных для обыкновенного человека. Когда вам исполнилось четыре года, вашим нянькам и учителям пришлось надеть защитные костюмы, чтобы не погибнуть в нормальной для вас обстановке.

Через десять лет, повзрослев, вы полностью приспособитесь к Марсу. Его воздух станет вашим воздухом; его съедобные растения станут вашей пищей. Вы сможете выдерживать максимальные перепады температур, а средняя температура будет для вас приятной. Благодаря пяти годам, проведенным в космосе, в условиях уменьшающейся гравитации притяжение Марса уже кажется вам нормальным.

Марс станет вашей планетой, на которой вы будете жить и размножаться. Вы — дети Земли, но вы же — и первые марсиане.

Конечно, много из этого мы уже знали.

Последний год лучше всех. К этому времени воздух внутри купола — исключая отсеки, в которых жили наши учителя и воспитатели, — был почти такой же, как снаружи, и нам разрешали выходить на довольно длительное время. Там было так хорошо!

В последние несколько месяцев они ослабили разделение полов, и мы смогли выбирать себе подруг, хотя они запретили нам соединяться до последнего дня, до полного истечения срока. Мне не пришлось долго выбирать. Я давно держал ее на примете и был уверен, что и она меня — тоже. Так и случилось.

Завтра — день нашего освобождения. Завтра мы станем марсианами, народом Марса. Завтра планета будет наша.

Некоторые из нас нетерпеливы, они суетятся уже несколько недель, но совет мудрейших убедил их, и поэтому мы ждем.

Но завтра — последний день.

Завтра, по сигналу, мы убьем наших учителей и других землян, находящихся среди нас, перед тем, как уйти. Они не подозревают, так что все будет просто.

Мы притворялись многие годы, и они не знают, до чего мы их ненавидим. Они не знают, какими отвратительными и мерзкими они кажутся нам, с их уродливыми,

бесформенными телами, узкоплечими и узкогрудыми, с их слабыми шелестящими голосами, которые не слышны в нашем марсианском воздухе, и — главное — с их белой, дряблой, безволосой кожей.

Мы убьем их, а затем пойдем и уничтожим второй купол, чтобы остальные земляне тоже погибли.

Если другие земляне когда-нибудь прилетят, чтобы наказать нас, мы сможем спрятаться среди холмов, где они нас никогда не найдут. А если они попытаются построить новые купола, мы уничтожим их. Мы больше не хотим связываться с Землей.

Это наша планета, и нам не нужны чужаки. Пусть убираются!

31. Мэттью Гэнт Умники

Брат и сестра Перкинс — обоим по одиннадцать лет, почти по двенадцать — раскрыли тайну убийства продавца бананов, как они сами выразились без особой скромности, но вполне справедливо, "с исключительной легкостью".

Коэффициент умственного развития близнецов Перкинс равнялся примерно 185 баллам, обоих искренне недолюбливали все, кто знал этих детей, за исключением разве что их родителей и разносчика бананов, которого все называли просто "греком". Близнецы Перкинс звали его по имени — Аристос Депопулос. Разносчику бананов близнецы Перкинс нравились по той причине, что они очень умно подсказали ему, как можно почти вдвое увеличить размеры своих доходов.

Прежде чем наступила его внезапная кончина, разносчик бананов обычно объезжал окрестности, толкая свою тяжелую скрипучую телегу вверх и вниз по улицам растянувшегося на огромное расстояние нового жилого комплекса в Восточном Бронксе, где жили в основном представители среднего класса. Аристос проезжал мимо каждого кирпичного дома кремового цвета, похожего на массу таких же домов вокруг, продавая бананы и только бананы, ностальгия по которым не окончательно покинула сердца домохозяек Бронкса, помнивших таких же разносчиков еще по Деланси-стрит десятилетней давности, когда сами они были еще не представительницами среднего класса, а самыми обычными и типичными выходцами из нижних слоев. Однако эта ностальгия оказала разносчику бананов гораздо меньшую услугу в сравнении с тем, что сделали Дэнни и Пэтти Перкинс, которым никогда за их коротенькую жизнь не приходилось еще видеть телегу разносчиков бананов, за исключением, разумеется, этого юморного грека.

Разносчик бананов приподнял свою замасленную кепочку, увидев, как они приближаются к его тележке, загадочно поблескивая своими полуприкрытыми глазенками.

— Привет, — сказал он. — Вы хотите купить банана?

— Дефицит культуры, — пробормотала Пэтти Перкинс.

— Больше похож на голливудского актера, чем на грека, — констатировал Дэнни.

Пэтти подняла голову.

— Г-мм, возможно. — Она посмотрела на разносчика бананов. — Скажите что-нибудь еще, — прямо попросила она.

Он чуть покраснел и зарычал:

— А ну, сопляки вшивые, чешите отсюда, да побыстрее.

Пэтти Перкинс быстро улыбнулась.

— Ты прав, — сказала она брату.

— Я всегда прав, — ответил Дэнни Перкинс.

Пэтти Перкинс посмотрела на бананы.

— Сколько?

Разносчик бананов ткнул пальцем в большой белый плакат, на котором масляным карандашом было нацарапано: "13 центов — 1 связка. 25 центов — 2 связки".

— Ну, и как торговля? — поинтересовался Дэнни Перкинс.

К этому времени разносчик бананов уже успел смекнуть, что стоявшие перед ним двое детей были непохожи на всех остальных. Он закурил, потом стал запихивать пачку в задний карман своих брюк и наконец проговорил:

— О, простите меня, — и предложил близнецам Перкинс сигареты.

— Благодарю вас, не надо, — сказал Дэнни. — В этой марке слишком много никотина и смолистых веществ. Вы не пробовали новый сорт "Кента"?

Они представились друг другу, и грек-разносчик Аристос Депопулос признался, что торговля идет, неважно, но если бы он мог увеличить объем продажи, то и товар бы ему доставался по более низкой цене и тогда он бы не знал забот.

Дэнни Перкинс медленно очистил банан и откусил кончик — дюйма на полтора. Затем он перевел взгляд на плакат и улыбнулся. Близнецы Перкинс носили очки, у них были крепкие зубы, но оба они были маловаты ростом. В семилетнем возрасте они перенесли ревматизм, и каждый из них знал, что еще до достижения совершеннолетия слабое сердце может выкинуть с ними какую-нибудь мерзкую шутку.

Школу они посещали редко, уделяя время в основном практическому самообразованию или тому, что близнецы с некоторой долей преувеличения именовали "оказанием разных услуг соседям". Последние, мягко говоря, весьма нелицеприятно отзывались о проделках юных бизнесменов. Перкинсы, конечно же, не были двойняшками, поскольку между мальчиком и девочкой неизбежно должны быть какие-то отличия, но все равно сходство их было весьма заметным.

— Дэн, в чем дело? — спросила Пэтти, заметив гулявшую по губам брата ухмылку, когда он изучал плакат разносчика.

— Все элементарно, — проговорил тот. — На что в первую очередь должен рассчитывать продавец, предлагая свой товар?

— На глупость? — предположила Пэтти.

— Не-а, — он сам забрался на тележку и вытащил засунутую за одну из связок бананов картонку. — Одна связка за тринадцать центов. Две связки — за двадцать пять. Аристос, как часто вам удастся продать две связки?

Разносчик пожал тяжелыми плечами. — Иногда бывает. Нечасто, правда. Похоже, у людей туговато с деньгами.

— Ерунда, — сказал Дэнни. — Возможно, у них мало денег на то, чтобы покупать за две тысячи четыреста долларов "шевроле", красная цена которому 1995 долларов. Но уж пару связок бананов-то каждый может себе позволить.

Пэтти выпятила нижнюю губу. — Отчасти он прав. Люди сейчас прижимистые пошли. Раз он говорит, что по две связки покупают нечасто, я склонна ему верить. По крайней мере, в этом он разбирается.

— С чего это? — спросил Дэнни.

— Эй, — проговорил Аристос Депопулос, — да вы на товар-то гляньте.

— Гляньте на его акцент, — пробормотала Пэтти. — Уж нас-то вы не надуете.

— Послушайте, — сказал Дэнни, — дело в том, что все эти ухищрения вроде продажи пары штук по цене, чуть меньшей, чем две штуки порознь, давно устарели. Люди уже устали от всех этих хитростей. Так, дайте-ка мне ваш карандаш, — проговорил он, и Аристос Депопулос спокойно дал карандаш Дэнни Перкинсу. Без малого двенадцатилетний мальчик взял карандаш, перевернул объявление другой стороной и нацарапал: "Одна связка — 13 центов. Две связки — 27 центов". — Вот, — произнес он. Он посмотрел на сестру, которая медленно прочитала ценник и широко улыбнулась, явно одобряя идею брата.

— Гениально, — проговорила она. — Действительно, гениально.

— Не-а, — сказал Дэнни Перкинс. — Это же элементарно.

Грек посмотрел на объявление и сказал:

— Я что, сумасшедший? Да разве кто-нибудь купит пару связок по цене, которая больше, чем за две отдельные связки? Какой в этом смысл?

Пэтти ухмыльнулась.

— Да, трудно иметь дело с недоумками. Разумеется, какой дурак купит теперь пару связок по новой цене. Но, — добавила она, причем личико ее сейчас напоминало чем-то мордочку хитрого грызуна, — но что помешает покупателю приобрести у вас одну связку и дать вам тринадцать центов, а несколько секунд спустя купить еще одну связку и дать вам еще тринадцать центов? Итог: две связки куплены за двадцать шесть центов. Лишь кретины подумают, что они сэкономили цент. На самом деле это вы получили лишний цент.

— Элементарно, — проговорил Дэнни.

Грек нахмурился. Он раздумывал. Потом пошевелил ногой и нахмурился еще больше. Потом он взял ценник, схватил карандаш, энергично замазал старую цену и снова воткнул картонку между желтыми связками.

— Вы на пути к покупке своего первого "кадиллака", — сказал ему Дэнни Перкинс.

Аристос улыбнулся. Он ничего не ответил. Один "кадиллак" у него уже был.

Несколько месяцев спустя грека нашли лежащим рядом со своей тележкой. Близнецы Перкинс услышали вой сирены скорой помощи и полицейской машины — стоял жаркий августовский полдень, и они пошли на эти звуки, пока не добрались до места происшествия. Это случилось в двух кварталах от их дома, но все еще в пределах нового жилого комплекса. На одной стороне улицы полицейский приблизился к группе строительных рабочих; рядом валялись банановые корки, у их ног стояли ящички с продовольствием, а за спинами высился недостроенный кирпичный дом — будущий собрат точно таких же строений, окружавших его с обеих сторон. В руках у полицейского была маленькая черная записная книжка, куда он поспешно что-то записывал. На другой стороне улицы остановилась машина скорой помощи, в которую заносили останки Аристоса Депопулоса, тогда как второй полицейский с сердитым видом тоже что-то черкал в своей черной записной книжке. Третий полицейский поднял из пыли лежавший рядом с тележкой кирпич и аккуратно завернул его в кусок мягкой ткани, чтобы не повредить, возможно, оставшиеся на орудии преступления отпечатки пальцев. То, что именно кирпич стал причиной смерти разносчика, было ясно даже полицейскому, поскольку на камне остались следы крови и виднелись несколько прилипших темных спутанных волосков.

Дэнни и Пэтти Перкинс стояли неподалеку, но все же не сливались с толпой зевак, которые обычно собираются в подобных случаях.

— Бедняга Аристос, — отчетливым, но лишенным каких-либо эмоций голосом проговорила Пэтти.

Стоявший рядом со скорой помощью полицейский поднял голову. — Вы знаете имя этого парня?

— Ну, конечно, — ответила Пэтти. — Он был нашим самым старым и самым лучшим другом.

Полицейский с открытым блокнотом в руках подошел к ним. — Как его звали?

— Аристос Депопулос, — медленно проговорила Пэтти Перкинс. Затем еще более медленно она повторила имя по буквам, скользая взглядом за карандашом полицейского и вежливо подправляя его.

— Никаких документов? — поинтересовался Дэнни Перкинс.

— Никаких, — буркнул полицейский.

— Значит, его надо опознать, — спокойно добавил Дэнни.

Он обошел полицейского и приблизился к скорой помощи.

— И что же это ты вознамерился делать? — спросил врач, но тут вмешался полицейский. — Все в порядке. Это друзья покойного.

Дэнни Перкинс забрался в машину, отдернул укрывавшую тело Аристоса Депопулоса простыню и посмотрел на своего знакомого.

— Он? — спросил полицейский.

— Это он, — ответил Дэнни. Повернувшись к Пэтти, он пробормотал: — Странно.

— Что странно? — переспросил полицейский.

— Нет, это вас не касается.

Дэнни и Пэтти вернулись на свое место и продолжали наблюдать. Очень скоро подъехала "черная Мэри" и увезла шестерых строительных рабочих — четырех итальянцев, одного негра и одного блондина — белого, американского типа, которого Пэтти приняла за скандинава, хотя Дэнни утверждал, что он немец.

Потом близнецы пошли домой, оба погруженные в свои мысли. Пэтти сосредоточилась на шестерых рабочих, которых отвезли в полицию, и думала об их вине, но одновременно она была уверена, что эту шестерку можно определенно вычеркнуть из списков подозреваемых, даже не приступая к их допросу. При этом она опиралась исключительно на логику.

Дэнни между тем обратил внимание на тот странный факт, что крошечные красные пятнышки на комбинезоне Аристоса оказались вообще не кровью. Когда Дэнни наклонился над телом, он своим дыханием чуть сдул в сторону эти "капельки" — на самом деле, как он понял, это была пыль от красного кирпича.

— Дэниель, ешь, — сказала миссис Перкинс. Это была маленькая, похожая на воробышка женщина, лицо которой во время каждой паузы приобретало специфическое выражение.

— Они постараются выяснить прошлое каждого из этой шестерки, — сказал Дэнни, обращаясь к Пэтти.

Она кивнула. — Я уже через это прошла. Шестеро строительных рабочих. Все они определенно принадлежат к национальным меньшинствам. Скандинав, правда, в меньшей степени.

— Немец, — поправил Дэнни.

— Патриция, ешь, — сказал мистер Перкинс. Это был дородный мужчина с красной шеей и складками кожи под подбородком — результат четырнадцатилетнего сидения на одном и том же стуле за конторским столом бухгалтера.

— Из четырех итальянцев и одного негра обязательно найдется парочка, состоящая на учете в полиции, — сказала Пэтти. — Такова статистика преступности среди нацменьшинств. Было бы странно ожидать, что все они абсолютно чистенькие.

Дэнни кивнул.

— Итак, — продолжала Пэтти, — эту парочку, что состоят на учете, они попридержат. Таким образом, у них будут подозреваемые и, соответственно, объект для работы.

— Но, — заметил Дэнни, — рано или поздно их придется отпустить. Значит, дело останется нераскрытым. "Незавершенка" — так, кажется, они это называют.

— Ешьте, — слабым голосом проговорила миссис Перкинс.

— Разумеется, никакого мотива, — продолжала Пэтти. — С самого начала никакого мотива. Но ты же знаешь полицейских. До мотивации они вообще никогда не докапываются. Обнаружится, что ни у кого из рабочих вообще не было мотива убивать его. В общем, опять то же самое.

Дэнни приподнял бровь.

— Если только Аристос и один из рабочих не обменялись друг с другом парой фраз насчет цен на бананы или поспорили о чем-нибудь, и на тебе — драка. — Он задумался над собственными словами. — Нет, непохоже что-то. И потом, затей они спор или тем более драку, ведь хоть один из рабочих обязательно заметил бы это. Он бы начал болтать об увиденном. Вот так бы было.

— Таким образом, раз в этом деле с самого начала не наступил перелом, — предложила Пэтти, — мы можем сделать вывод, что никто не проболтался и, следовательно, никто не видел, как произошло убийство. Возможно, они сидели у обочины, закусывали, пили молоко, пиво или еще что-нибудь. Головы у всех были наклонены, чтобы не так слепило солнце, и первое, что они увидели, это был разносчик, падающий на землю, и отскакивающий в сторону кирпич. Вот до этого места у меня все получается складно, а после я натыкаюсь на

стену.

— Да, все подходит к этому месту, — согласился Дэнни. — Мертвец, кирпич — и больше ничего.

— И никто не убежал? — спросила Пэтти. — За угол... Тележка ведь стояла недалеко от угла, так?

— Да, ярдах в пяти.

— А не мог кто-нибудь подойти, схватить кирпич из кучи, что лежит рядом со строящимся домом, шмякнуть им Аристоса по голове в тот самый момент, когда, как ему казалось, на него никто не смотрит, после чего преступник преспокойненько убежал?

— Слишком рискованно для предумышленного убийства, — заметил Дэнни. — Середина дня. Причем, разумеется, жаркого дня, так что многие выехали за город, на улицах пусто, если не считать строителей. И все же никогда нельзя сказать заранее, кого встретишь, если бросишься бежать за угол. Женщину с коляской, почтальона или полицейского. Лицом к лицу. И тогда все — ему конец.

— То есть мы подходим к тому тупику, в который уперлась и я, — сказал Пэтти. — Выхода нет.

— Ты видела тот кирпич?

— Нет, — ответила Пэтти.

— Какой кирпич? — спросил мистер Перкинс, останавливая на подъеме вилку с картофельным пюре.

— Тупое орудие, — проговорил Дэнни, даже не глядя на отца. — Они попытаются найти на нем отпечатки пальцев.

— Насколько я понимаю, — заметила Пэтти, — будет очень трудно снять отпечатки пальцев с такого пористого предмета, как кирпич.

— Правильно. Именно поэтому они будут настойчиво утверждать, что это сделал один из строителей. Но никто не расколется. Хотелось бы мне взглянуть на тот кирпич.

— А зачем он тебе? — спросила Пэтти.

Дэнни вздохнул. — Да так, ни зачем. В принципе, я уже все достаточно продумал, но кирпич мог бы помочь. Просто чтобы убедиться.

— Ты все продумал? — спросила Пэтти, покусывая губу.

— Угу. Это же элементарно.

— Просто по одному тому короткому взгляду на Аристоса в труповозе?

— Патриция! — вздрагивая воскликнула миссис Перкинс.

— Именно, — самодовольно произнес Дэнни.

— Аристос был еще жив? Он что-то сказал тебе?

— Он был мертвее мертвого, — твердо произнес Дэнни.

— Это нечестно, — сказал Пэтти. — Ты видел то, чего не видела я. Ты должен все рассказать мне.

Дэнни кивнул головой в сторону родителей. — Не перед ними же.

Пэтти начала есть, и мистер Перкинс облегченно вздохнул. Дэнни тоже взял в руку вилку. Оба ели размеренно, почти мрачно, и родители беззвучно пробормотали им слова своей благодарности — и за это, и за то, что за столом воцарилась блаженная тишина.

На следующее утро Пэтти и Дэнни Перкинс вышли из дома и двинулись по улице, держась поближе к стене, их пальцы как бы небрежно скользили по прохладному, но уже начавшему прогреваться под лучами жаркого августовского солнца кирпичу кладки.

Они пришли на место происшествия и остановились у края тротуара рядом с группой, состоящей из трех взрослых людей, которые смотрели на то место, где накануне лежало тело Аристоса Депопулоса.

Один из мужчин указал пальцем на чуть влажное пятно на асфальте. — Вот, — хрипло проговорил он.

— Кровь, — прошептал другой мужчина.

Дэнни Перкинс подошел и наклонился. Он прикоснулся указательным пальцем к мокрому пятну и осторожно понюхал. — Собачья моча, — громко проговорил он. Затем он и Пэтти снова отошли к кирпичной стене здания.

Пэтти взглянула на указательный палец Дэнни, затем осмотрела свою собственную руку. Кончики их пальцев — за исключением быстро подсыхавшего указательного пальца Дэнни — покрылись бледной пылью от кирпичной стены. Пэтти быстро посмотрела на строящееся на противоположной стороне улицы точно такое же здание — очередное творение, которое было призвано пополнить осуществляющийся проект. Группа рабочих толкала по толстой доске груженную кремовыми кирпичами тачку, другие рабочие тоже были чем-то заняты.

— Они уже успели заменить рабочих, — сказал Дэнни.

— Ну, конечно, — согласилась Пэтти. — Время такое — рабочих, думаю, сейчас найти нетрудно.

— Ты никого из них не узнаешь?

— Нет, — сказала девочка. — Это уже не те, что были.

— То есть они продолжают держать тех шестерых.

— Другими словами, никто не проболтался.

— Точно.

— Ты абсолютно уверен, что никто из них этого не делал?

— Уверен.

— Но теперь-то ты можешь мне сказать, — заметила Пэтти.

— Пошли, детка, — сказал Дэнни. Он двинулся к расположенному ближе всего от места обнаружения тела Аристоса Депопулоса входу в здание.

Они вызвали автоматический лифт, нажав на кнопку. Двери лифта распахнулись, и близнецы вступили во влажный, прохладный сумрак кабины. Дэнни посмотрел на кнопки, окинув взглядом весь ряд от "П" (подвал) до 6 — верхний этаж. Он нажал на верхнюю, и двери сомкнулись, кабина поползла вверх. Когда они проезжали второй этаж, мальчик проговорил:

— Аристоса ударили красным кирпичом.

— О, — Пэтти издала слабый, приглушенный стон. — Откуда ты знаешь?

— Это же элементарно, — сказал Дэнни. — У него на плечах остались следы красной кирпичной пыли. Конечно, если бы мне удалось увидеть этот кирпич...

— Брошенный с крыши? — спросила Пэтти с легким смехом.

— Угу, — отозвался Дэнни.

Кабина остановилась, и дверцы распахнулись. Они пешком поднялись еще на полпролета лестницы и подошли к обитой оцинкованной жстью двери. Толкнув ее, оба оказались на горячей крыше, залитой гудроном, который чуть продавливали подошвы их обуви.

— Вот, — сказал Дэнни, указывая на что-то.

Пэтти увидела маленький дымоход, сложенный из красного кирпича. Они подошли к парапету и бегло осмотрели крыши соседних строений — на всех были расположены аналогичные красные дымоходы.

— Традиция, — пробормотал Дэнни.

— Точно, — согласилась Пэтти. — Здание может быть любого цвета, но дымоход обязательно должен быть красным.

Они подошли к дымоходу. Дэнни поднял руку и ощупал край кирпичной кладки. Кирпичи шатались. Он рванул на себя, и у него в ладони оказался красный кирпич. Он посмотрел на кирпич и уронил его на поверхность крыши, покрытую мягким гудроном. Но даже от соприкосновения со столь упругой поверхностью от кирпича отделилось облачко красноватой пыли — точно такой же, какую он обнаружил на одежде Аристоса.

Пэтти обогнула дымоход. — Смотри-ка, — хихикнула она. На верхнем ряду кладки недоставало одного кирпича.

— Что и требовалось доказать, — пробормотал Дэнни.

— Теперь можно не искать больше кирпич-убийцу. Он лежал здесь, это точно.

Шаги на лестнице были быстрые, легкие, однако близнецы все же услышали их и подошли к двери. Дэнни ухмыльнулся, Пэтти захихикала еще громче.

— Преступник возвращается на место преступления, — констатировала она.

Тяжелая, обитая оцинкованной жестью дверь распахнулась. За ней стоял мальчик лет семи, щурившийся от яркого солнечного света. Увидев близнецов, он заколебался, не решаясь ступить через порог.

В руках он держал красный кирпич.

— Подожди-ка минуточку, — сказал Дэнни. — Стой на месте.

— Подними ногу, — сказала Пэтти.

Мальчик стоял, чуть раскрыв рот и глаза на них. Затем он слегка приподнял одну ногу. Пэтти схватила ее и повернула подошвой вверх. — Смотри, — буркнула она.

На подошве его ботинка виднелся слой засохшего гудрона.

— Тот, кто нам нужен, — проговорил Дэнни.

— Я... я этого не делал, — пролепетал мальчик.

— Ну, конечно же, это ты сделал, — успокаивающе произнесла Пэтти. Она погладила ребенка по голове.

— К-как вы узнали? — спросил тот.

— Мы все знаем, — твердо проговорил Дэнни. — Мы вычислили это с "исключительной легкостью", как обычно пишут в дешевых журналах.

— Не бойся, — сказала Пэтти. — С тобой ничего не случится. Ведь ты же не хотел. Ты просто маленький мальчик и тебе нечего было делать, вот ты от нечего делать и вытащил этот кирпич, а потом бросил его вниз. Правильно?

Мальчишеская голова закивала.

— Не о чем здесь беспокоиться, — заметил Дэнни. — Разумеется, он был неплохим парнем и у него было неплохое дело с этими его бананами. Но люди скоро раскусили бы его трюк с продажей по тринадцать центов за связку и по двадцать семь за пару. Долго так продолжаться не могло.

— А что ты собирался делать с этим кирпичом? — спросила Пэтти.

Мальчик переводил взгляд с одного на другого. Потом он философски пожал плечами. — Хотел положить его на место. Туда, где лежал тот, другой.

У Дэнни расширились глаза. — А что, — проговорил он, — умный шаг. Почти гениальный. И ты вытащил его из дымохода другой трубы?

Маленький мальчик кивнул.

Пэтти хихикнула и хлопнула в ладоши. — С крыши в нескольких кварталах отсюда?

Тот снова кивнул.

— О, Боже, — промолвила она. — Великолепно. На тот случай, если до полицейских когда-нибудь дойдет, и они облазят все близлежащие крыши, обнаружат, что все кирпичи на месте и зачешут тогда свои тупые головы. О, Боже, вот это да!

Близнецы одарили его лучистыми взглядами. Затем Дэнни сложил руки на груди. — Ладно, гениально это или нет, но тебе придется заплатить.

— Заплатить? — спросил мальчик.

— Тебе дают карманные деньги? — спросил Дэнни.

Мальчик кивнул.

— Сколько?

— Пятьдесят центов в неделю.

Пэтти прищурилась. — Двадцать шесть долларов в год.

Дэнни покачал головой. — Все он нам отдать не сможет. Придется слишком долго объяснять все это дома. Может, половину?

— Двадцать пять центов? — алчно спросила Пэтти.

Дэнни повернулся к малышу. — Как ты на это смотришь? Можешь ты отдавать нам по

двадцать пять центов в неделю?

— Но вы же знаете, что это шантаж, — спокойно проговорил мальчик. Что-то новое появилось в его взгляде, глаза ярко вспыхнули, но лишь на какое-то мгновение, а затем приобрели ясное и твердое выражение.

— Глупенький! — воскликнула Пэтти. — Разумеется, это шантаж. Так ты можешь отдавать нам по двадцать пять центов?

Мальчик посмотрел на окружающий крышу парапет. — Пожалуй, смогу.

— Отлично, — сказал Дэнни. Он посмотрел на Пэтти. — Ну что, покончим с этим делом?

Пэтти потрепала волосы на голове мальчика. — Привет, — сказала она. — Будем встречаться здесь каждую субботу, скажем, в десять часов. Для еженедельных выплат. Договорились?

Мальчик кивнул. Казалось, все это ему было уже неинтересно.

Дэнни и Пэтти Перкинс обошли мальчика и спустились по лестнице. Они терпеливо дождались медленно ползущего лифта, чтобы спуститься на первый этаж.

Стоя на крыше, мальчик посмотрел на кирпич, который держал в руке, а потом перевел взгляд на другой, валявшийся на покрытой гудроном крыше. Нагнувшись, он поднял и второй кирпич, после чего подошел к краю крыши — парапет возвышался сантиметров на шестьдесят. Он чуть наклонился над краем, мозг его при этом работал, как компьютер. Как-никак его интеллект составлял 210 баллов.

— Глупцы, — пробормотал он. — Глупые малолетки, — все это было ему прекрасно известно, он чувствовал это сердцем, но просто для того, чтобы убедиться, снова просчитал скорость падения и угол наклона. Сердце его бешено билось. Двое людей внизу. И два кирпича. Двойной бросок ему еще делать не приходилось.

Но даже если он не попадет, все равно сможет выследить их. Это уж точно, выследит. Например, на платформе метро — резкий толчок, несущийся вперед поезд, и все кончено. На платформе останется лишь этот круглолицый, семилетний мальчуган. Да, это определенно сработает, даже если кирпичи подведут. И все же сейчас он имел такую хорошую цель.

Мальчик подождал, пока близнецы выйдут из подъезда дома. "Вот она, польза от интеллекта, — думал ребенок, — торжество ума". Он задержал дыхание, когда дети остановились и какое-то мгновение стояли неподвижно шестью этажами ниже его. Мальчик окинул взглядом всю стену снизу вверх. Затем, нежно держа кирпичи кончиками пальцев, занес их над пропастью и отпустил.

— Сбросить бомбы, — радостно воскликнул он.

32. Дэвид Грант Кровососы

У семьи Уиндропов был большой сад, в дальнем конце которого стоял деревянный сарай. Поначалу его использовали для хранения садового инвентаря и всякого хлама, но сейчас помещение сарая было целиком предоставлено в распоряжение восьмилетнего сына Уиндропов — Мэрвина. При этом родители мальчика преследовали двойную цель: во-первых, у Мэрвина появился свой собственный закуток, где он мог делать все, что угодно, а заодно стал бы постепенно приучаться к самостоятельности; во-вторых, сарай должен был стать тем местом, где родители могли оставить сына, уходя в гости и не желая слишком травмировать его психику своим отсутствием. Таким образом они обретали возможность сходить в театр, на танцы или встретиться с друзьями, не беспокоясь о мальчике. Вскоре отец с матерью не без удовольствия заметили, что чем бы ни занимался Мэрвин в сарае, увлечение обычно настолько захватывало его, что он с полнейшим безразличием относился к факту отсутствия родителей.

Главное хобби Мэрвина заключалось в коллекционировании разных животных и

наблюдении за их поведением. Было похоже, что мальчик действительно заинтересовался животным миром и со временем при помощи и содействии отца (добиться которого, правда, ему удалось лишь после долгих упрасиваний) он добился удивительных результатов в разведении всевозможных маленьких живых созданий, начиная от кроликов и кончая гусеницами. Мальчик проводил в сарае много времени, внимательно наблюдая за передвижениями животных, изучая их привычки, всматриваясь в детали подчас короткой, но весьма насыщенной жизни, сменявшейся тихой и незаметной смертью.

Впрочем, эта идея с сараем имела и свою отрицательную сторону: Мэрвин стал привыкать к подобному быстрому и легкому избавлению от родительской опеки и слишком уж быстро становился самостоятельным, а его любовь к мамочке и папочке столь же стремительно переключалась на животных, взлелеянных им в дальнем конце сада. Впрочем, если у четы Уиндропов иногда и возникали неясные сомнения по этому поводу, то они недолго их мучили, быстро испаряясь под воздействием атмосферы приятного времяпровождения. Они даже считали себя счастливыми оттого, что судьба подарила им ребенка, которого вполне можно было оставить одного, ничуть не тревожась за его благополучие. Как и всякий ребенок, Мэрвин также не видел во всем этом ничего плохого, так что все могло бы идти своим чередом, не причиняя никому ни беспокойства, ни тем более вреда, не случись однажды серьезной неприятности, которая впервые продемонстрировала мальчику всю глубину его одиночества.

В первое время после того, как Мэрвин завладел сараем, родители неизменно появлялись у дверей и робко информировали сына о том, что собираются куда-то пойти. Позднее они стали приходить в сарай уже готовыми к уходу и коротко бросали:

— Ну, ладно, Мэрвин, мы пошли.

Обычно увлеченный каким-нибудь занятием, мальчик также бурчал им что-то в ответ — на том общение и заканчивалось. Заметив почти полное отсутствие интереса к ним со стороны сына, родители вскоре вообще перестали навещать сарай. Изредка они сообщали ему за обеденным столом о своих планах, но чаще не делали даже этого, а просто спокойно уходили, предоставляя сына самому себе.

Как — то вечером они, по обыкновению, ушли, ничего не сказав Мэрвину, то ли в гости, то ли в кино. Мальчик в это время увлеченно переделывал ящик из-под апельсинов, конструируя из него клетку для недавно пойманного ужа. Начинало смеркаться, и он зажег свет, действуя все с той же беспредельной увлеченностью, которой стали отличаться все его поступки в периоды одиночества. Лампочка была довольно слабая, и мальчику пришлось низко наклониться, состругивая излишки дерева неловко зажатой в руке стамеской. Неожиданно лезвие соскочило, из левой руки заструилась кровь, а все тело пронзила острая боль. Стамеска свалилась на пол, и Мэрвин кинулся прочь из сарая, громко крича от страха и боли. Он пробирался через сад к дому, часто спотыкаясь и не переставая плакать; рука плетью свисала вдоль тела, кровь капала на землю. Наконец, добравшись до дома, он кинулся вверх — к родителям. Там было темно.

— Мамочка! Папочка! Я порезался! — кричал он, но так и не услышал никакого ответа. Ребенок немного подождал, перевел дыхание, изумленный тем, что родители не спешат к нему на помощь. Потом позвал еще раз, но ответа опять не дождался. Тогда он стал бегать по дому, заглядывая в каждую комнату и не переставая звать мать и отца. В конце концов Мэрвин вбежал в свою спальню и, содрогаясь от душивших его рыданий, повалился на кровать. Его правая неповрежденная рука судорожно вцепилась в покрывало, да так, что побелели суставы пальцев. Обессиленный, он продолжал с шумом всхлипывать, глотая воздух и пытаясь справиться с собой.

Борясь с болью и охватившим его потрясением, Мэрвин сжал зубы и, набравшись смелости, посмотрел на раненое запястье. Каким-то чудом артерия не была задета, хотя из раны продолжала обильно вытекать кровь и боль пронизывала всю руку. Мальчик неотрывно смотрел на нее, и месяцы самостоятельной жизни словно всплыли на поверхность его сознания. Немного придя в себя, он почти твердым шагом вышел из комнаты, подальше

оставив порезанную руку, и направился в сторону ванной. Там он открыл кран с холодной водой и сунул ладонь под струю.

От соприкосновения раны с ледящей влагой ребенок едва не лишился сознания, однако природная воля помогла ему все же устоять на ногах. После этого он вынул из шкафчика над раковиной пузырек с йодом, зубами вытащил пробку и дрожащей рукой полил рану бурой жидкостью, тут же завопив от дикой боли. И снова, сжав зубы, он пересилил боль, понимая, что все эти меры действительно необходимы. Лицо его приобрело сероватый оттенок, но взгляд оставался твердым, когда он, отыскав бинт, принялся неловко обматывать им руку, припоминая, как это когда-то делала мать. Только сейчас мать не пришла к нему на помощь — ни она, ни отец ни помогли ему! Этого он им никогда не простит.

В конце концов мальчику удалось кое-как перебинтовать кисть и завязать узел. Кровь, смешиваясь с йодом, продолжала сочиться сквозь марлю, однако его это уже почти не волновало: он чувствовал слабость от потери крови и потрясения, вызванного не столько самой травмой, сколько тем обстоятельством, что он остался один и вынужден был сам оказывать себе помощь, тогда как это было обязанностью других. Снова доковыляв до своей спальни, он рухнул на кровать и потерял сознание.

Уиндропы очень приятно провели вечер и домой явились за полночь. Едва войдя в дом, они сразу же увидели первые признаки случившегося. Стоявший в холле маленький столик был опрокинут, а лежавшие на нем газеты оказались перепачканными кровью. Зайдя в другие комнаты, они буквально в каждой из них увидели кровавые следы. Супруги стояли, объятые ужасом, и безмолвно окидывали взором страшную картину, пока миссис Уиндроп с криком "Мэрвин!" не кинулась вверх по лестнице, куда тянулась дорожка багровых капель на полу. В ванной они обнаружили лужу крови, после чего поспешили в спальню Мэрвина. Мальчик, как в лихорадке, метался по постели, лицо его было бледным и покрылось градинами пота. Поврежденная рука лежала на подушке, успевшей глубоко пропитаться кровью.

Родители вызвали по телефону врача, который, бегло осмотрев мальчика, в свою очередь позвонил на станцию скорой помощи. Затем он с каменным выражением на лице выслушал их сбивчивые объяснения случившегося. Впрочем, узнал он от них довольно мало, поскольку они сами толком ничего не знали. Взгляд, которым он окидывал то одного, то другого из родителей, был столь явно осуждающим, что его одного, пожалуй, было бы достаточно, чтобы наказать чету Уиндропов, хотя в тот момент они и понятия не имели о том, что ждет их впереди.

Руку, хотя и с большим трудом, все же удалось спасти, но пользоваться ею мальчик теперь практически не мог, и она наподобие клешни свисала вдоль тела, способная лишь толкать и подтягивать отдельные предметы, да и то, если они были не слишком тяжелые.

Раскаяние родителей было искренним, и они делали все возможное, желая искупить свою вину. И все же они не могли не заметить, что в сердце сына не осталось даже и намека на былую привязанность к ним — теперь он практически не покидал сарая, все свое время уделяя животным. С матерью и отцом маленький Уиндроп держал себя исключительно вежливо, подчас даже приветливо, но со стороны могло бы показаться, что он является другом семьи, а отнюдь не их восьмилетним сыном. Неожиданно прорезавшийся интерес к нему мальчик воспринимал с оттенком некоторого снисхождения, что, конечно же, сильно огорчало родителей. Улыбался он теперь редко, да и то лишь общаясь со своими питомцами. Когда он смотрел на них, сидящих в своих маленьких клетках, в его взгляде сквозили нежность и теплота, так резко контрастировавшие с ненавистью, таившейся в глазах при общении с родителями. Когда они осмеливались поднять на него взгляды, эта враждебность мгновенно исчезала и на ее место приходило нечто иное, огорчившее их отнюдь не меньше, — глухое безразличие.

Отец стал частенько наведываться в сарай, чтобы взглянуть, чем занимается сын, продемонстрировать интерес к его увлечениям, возможно, завоевать симпатию, однако всякий раз замечал, что на любую его фразу или действие тот реагировал с неизменным

равнодушием и холодностью. При этом Мэрвин практически не замечал присутствия отца, стоявшего в узеньком сарае, и вступал в разговор с ним лишь для того, чтобы коротко ответить на тот или иной вопрос, после чего снова с головой уходил в заботы о своих питомцах.

Усилия старшего Уиндропа оказались явно запоздалыми и потому, естественно, потерпели полную неудачу. Уязвленный отношением к нему сына, он испытывал одновременно чувство досады и оскорбленного самолюбия: кому же понравится, если тебя ни в грош не ценят и демонстративно предпочитают общаться с животными, а не с тобой.

— Это все из-за зверья, — сказал он как-то жене. — Надо будет от них избавиться. До тех пор, пока они живут в сарае, он на нас и взгляда не поднимет. Да, определенно надо будет с ними что-то сделать.

— Мы не можем так поступить, — возразила миссис Уиндроп. — Кроме них, у него не осталось ничего в жизни. Избавиться от них — значит, лишить его последней радости.

— Ну, что за ерунду ты говоришь, — с раздражением проворчал супруг. — Как это: не осталось ничего? А мы с тобой?

— В этом я не особенно уверена, — с сомнением в голосе проговорила женщина. — В любом случае, мне кажется, что дело здесь не только в его зверях.

"Да, ей-то что, — подумал Уиндроп. — С ней он так не разговаривал..."

— А вот ты взяла бы и сама сходила туда, а заодно и посмотрела, как обстоят дела, — предложил он жене. — Поговоришь с ним, а то у меня больше сил нет выносить его взгляд.

— Ну и пойду, — с вызовом ответила миссис Уиндроп и решительно направилась к сараю. Мэрвин увлеченно возился со своим ужом. Увидев эту картину, мать в испуге откинулась назад и уперлась спиной в дверной косяк. По презрительному взгляду сына она, однако, смекнула, что змея неядовитая.

— Привет, — нерешительно проговорила она.

Мэрвин положил ужа обратно в ящик и повернулся к черепахе. Матери не оставалось ничего другого, как молча смотреть ему в спину. Рассерженная, она поджала было губы, но тут же постаралась взять себя в руки. Затем повернула голову и окинула взглядом стоявшие кругом коробки и ящики, увидев всех этих хомяков, кроликов, ежа, гусениц, чуть похожих на миниатюрные пушистые комочки, ворону и даже одноухого кота, безмятежно умывавшегося лапой в углу сарая.

— Бог ты мой, сколько у тебя зверюшек! — проговорила она с наигранным энтузиазмом. Уголки рта Мэрвина чуть дрогнули. Он уже привык не только не замечать родителей, но даже не вспоминать их поступки, тем более прошлые. Однако в глубине души он был убежден, что в том несчастном случае именно мать повела себя, как настоящая злодейка. Он еще мог как-то понять отца — мужчина есть мужчина, — но ее не простит никогда! И сейчас она не заметила, как в глазах сына блеснули искорки ненависти, а потому повернулась и указала на дальний угол сарая.

— А там у тебя что?

Этот угол Мэрвин завесил старыми мешками, которые закрывали почти все пространство от потолка до пола, оставив сверху и снизу лишь небольшие полосы свободного от дерюги места.

Мэрвин оставил вопрос матери без ответа.

— Что у тебя там? — настойчиво повторила она.

— Мыши, — спокойно ответил мальчик.

— Какие мыши?

— Летучие.

— Что, летучие мыши?

— Да, летучие мыши.

— А, понимаю, — нараспев проговорила женщина, спиной двигаясь к двери. — А я и не знала, что можно держать в неволе летучих мышей.

— Можно, — сказал Мэрвин, провожая ее долгим взглядом.

Миссис Уиндроп попыталась было сделать вид, что отнеслась к этому сообщению, как к самой обыкновенной вещи, хотя на самом деле почему-то почувствовала необъяснимый страх. Летучие мыши, которых она толком никогда в жизни не видела, олицетворяли для нее нечто отталкивающее, мерзкое. Она представила себе их маленькие тельца, похожие на обычные мышинные, выпученные незрячие глаза, пронзительный писк и стремительный, на первый взгляд, хаотичный полет. Она где-то читала, что некоторые из них даже пьют кровь людей и животных. Другую живность она еще могла как-то стерпеть, хотя отдельные особи заставляли ее невольно вздрагивать, когда она смотрела на них, — извивающихся в своих клетках или переползающих с одного растения на другое, однако при мысли о летучих мышах ей стало просто не по себе.

— Скоро будем обедать, — резко проговорила миссис Уиндроп и вышла из сарая.

Мэрвин прошел в угол и откинул край одного из мешков. Со стропил свисали целые гроздья летучих мышей. Внешне они казались более крупными, чем живущие в Англии особи, хотя, возможно, это было игрой света, отбрасывавшего на стены длинные тени. Мальчик с любовью посмотрел на них, а затем как бы случайно провел рукой по своему горлу. Он почти ничего не почувствовал, но знал, что они там — две крошечные ранки, малюсенькие царапины, от прикосновения к которым сердце его неизменно наполнялось радостью. Что же тут поделаешь: друзей нужно кормить...

Вернувшись в дом, миссис Уиндроп не замедлила проинформировать мужа.

— Теперь и летучих мышей завел.

— Летучих мышей? А их что, тоже можно содержать?

— Выходит, что можно.

Мэрвин сказал ей правду: он умел их содержать в неволе. Действительно, животные чувствовали себя великолепно, хотя самому ему приходилось от этого страдать. Его молодой организм стал довольно быстро поправляться после того несчастного случая, он стремительно набирался сил, улучшился цвет лица. Однако спустя некоторое время опять появилась бледность, он начал чахнуть, увядать, словно пережил новую трагедию. Могло показаться, что его мальчишеское тельце словно усыхает...

Это не ускользнуло и от внимания родителей, которые со свойственной им неловкостью и чопорностью попытались было заговорить с ним. Они заставляли его больше есть и гулять на свежем воздухе, дольше спать, но были по-прежнему не в силах выносить взгляд сына и сквозившие в нем молчаливое презрение и извечный упрек, так что им, по сути дела, не оставалось ничего иного, как оцепенело наблюдать и молчаливо терпеть. Для себя родители решили, что все это последствия памятной трагедии, и в глубине души все же надеялись, что со временем мальчик поправится.

Но однажды совершенно случайно миссис Уиндроп заметила на горле Мэрвина те самые две отметинки.

В тот день она сидела на кухне и лущила горох, а Мэрвин пришел из сарая, чтобы умыться. Он был еще бледнее обычного, глаза его горели, точно в лихорадке. Встав у раковины, мальчик взял мыло и открыл воду. Мать подняла на него взгляд и заметила на коже сына следы от двух укусов, причем ей показалось — она судила по их виду, — что нанесены они буквально несколько минут назад. Миссис Уиндроп подошла к Мэрвину и, запрокинув его голову, стала рассматривать пятнышки.

— Откуда это у тебя? — спросила она.

Мэрвин раздраженно откинул голову назад, его бледные щеки покрыл румянец.

— Ниоткуда, — словно отрезал от и твердо посмотрел на мать.

Ей не удалось выдержать его взгляд. Когда мальчик вышел из кухни, она глубоко задумалась. Что это было? Может, его укусило в саду какое-то насекомое? Точно, его определенно кто-то укусил!

...Летучие мыши! Она неожиданно вспомнила про них, безмолвно свисавших с потолка в углу сарая, и судорожно вздохнула, когда в мозгу у нее зародилась фантастическая идея. Она тотчас же бросилась к мужу и рассказала ему обо всем, включая и свои догадки.

— Ты должен поговорить с Мэрвином, — заключила женщина. — Ты просто обязан проявить характер и заставить его все тебе рассказать.

Муж попытался было отмахнуться.

— Сколько бы я его ни расспрашивал, он все равно ничего не говорит. Да и потом, мне лично все это кажется слишком нелепым.

Однако чуть позже старший Уиндроп все же решился пойти к сыну и расспросить его об этих отметинах, причем не столько ради выяснения этого вопроса, сколько чтобы доказать сыну и, главное, самому себе, что он все же остается старшим в доме и имеет над ним какую-то власть.

В тот же вечер он вошел в спальню сына. Мальчик отдыхал. Вид Мэрвина потряс отца: тело его буквально таяло, угасало, а бледно-матовое лицо почти светилось на фоне слабо освещенных стен.

— Мэрвин, пожалуйста, позволь мне осмотреть твое горло.

Тот не пошевелился.

— Мэрвин, эти отметины у тебя на коже... — Уиндроп подошел к кровати и склонился над сыном, который лежал неподвижно и в упор смотрел на него. Мальчик попытался было отвернуться, когда отец присел к нему на кровать, взял голову в свои ладони и в свете настольной лампы принялся рассматривать его шею.

— Откуда у тебя это?

Молчание.

— Так, ладно, — проговорил Уиндроп, заранее отказываясь от новых расспросов, понимая их очевидную бесполезность. — Мне ты ничего сказать не хочешь. Что ж, хорошо, тогда я сам скажу тебе кое-что. Так вот, не только этих летучих мышей, но и остального зверья в сарае больше не будет. Ясно? А потом я собственными руками сломаю, в порошок сотру всю эту чертову хибару. Понял?!

— Нет! — Из глубины тщедушного тела мальчика вырвался отчаянный вопль, глаза его метали молнии. Он приподнялся на локтях, и Уиндроп невольно отшатнулся, ощутив исходившую от сына волну беспредельной ненависти. Он поспешно встал, но перед уходом решил еще раз подтвердить свою непреклонность!

— Да! — не терпящим возражения тоном проговорил он и вышел из комнаты.

Мэрвин снова бессильно опустился на подушку. Что же он будет делать без своего сарая? Без зверушек? Куда тогда денутся летучие мыши? Кто их будет кормить? Где они найдут достаточно крови?..

Ответов на эти вопросы он не находил.

В тот вечер Уиндропы ложились спать в гораздо более приподнятом настроении, чем прежде. Что и говорить, решение принято, а после можно будет подумать и принять новые меры, чтобы вернуть былое расположение сына, тем более что тогда их попытки уже не будут стеснены каким-либо внешним пагубным воздействием. Еще немного посоветовавшись, оба супруга почувствовали себя удовлетворенными и вскоре уснули.

Между тем в голове у Мэрвина возникла идея. Он терпеливо ждал у себя в комнате. Решив, что время настало, мальчик тихонько подошел к двери родительской спальни и осторожно постучал. Не услышав ответа, он так же тихонько приоткрыл ее и заглянул внутрь. Мать и отец спали. Снова прикрыв дверь, Мэрвин поспешил вниз, выскочил из дома и бросился через сад к сараю.

Еще издали он расслышал пронзительный писк — летучие мыши явно поджидали его. Он растворил деревянные двери, и крылатые животные выскользнули наружу, закружили в ночном небе, непрерывно попискивая и иногда подлетая к одинокой фигуре мальчика, словно желая нежно прикоснуться к нему, прошептать на ухо что-то сокровенное...

Мэрвин направился назад к дому, и летучие мыши последовали за ним, все так же порхая над головой, иногда улетаая куда-то вдаль, но всякий раз возвращаясь. Подойдя к двери дома, Мэрвин на секунду остановился, поднял предостерегающе руку.

— А сейчас потише, — приказал он полупшепотом. Попискивание мгновенно смолкло.

Странная процессия пересекла порог дома: маленький худой мальчик с бледным лицом, одетый в помятую пижаму, и безмолвный рой летучих мышей. Мэрвин медленно шел по коридору, пока наконец не достиг дверей родительской спальни. Он остановился и оглянулся: все его друзья были с ним, ни одна мышка не отстала. Чуть вымученно он мстительно улыбнулся, толкнул створки дверей и посмотрел на безмолвную летающую массу, состоящую из крыльев, шкурок, зубов...

— Ну, мышки, давайте, — тихо проговорил он.

33. Мак Рейнольдс Обман зрения

Молли принесла мою серебряную тарелку, блюда и поставила их передо мной без лишней суеты и комментариев. Я был завсегдатаем этого ресторана, и мне всегда нравилось в Молли то, что она никогда не суетилась вокруг меня.

Я взял себе за привычку обедать после часа пик, но в тот день я пришел рано, и ресторан был заполнен. Если бы кто-то захотел сесть за мой столик, я не смог бы возразить.

Я не поднял головы, когда он спросил:

— Это место занято? — Голос у него был высокий, почти на грани срыва, несмотря на все попытки это предотвратить.

— Нет, — сказал я ему, — садитесь.

Он повесил свою трость, или зонт, — что-то в этом роде — на спинку стула и уронил под стул шляпу, взбираясь на сиденье. Затем взял меню, стоявшее между кетчупом и салфетками.

— Паршивый выбор, — наконец пробормотал он.

— Мясной пирог сегодня вовсе неплох, — сказал я.

Подошла Молли, и я сделал заказ:

— Пожалуйста, мясо, шведскую отбивную. Зеленый горошек, французское жаркое. О десерте я еще подумаю.

— Кофе?

— Молоко.

Не знаю, что натолкнуло меня на мысль о том, что человек, сидевший напротив, не был карликом. Ни карликом, ни горбуном, а скорее ребенком, который из кожи вон лезет, чтобы казаться взрослым. Опять же говорю, не знаю, какой я уловил намек, — возможно, я просто больше полагаюсь на интуицию, чем многие другие.

Как бы то ни было, но он сразу понял, что я его раскусил.

Меня это почему-то испугало. Ситуация была просто дикой: ребенок, которому еще и десяти не исполнилось, с каким-то умыслом разыгрывает из себя взрослого, хоть и недоростка.

— Итак, — сказал он, положив вилку и переходя с визга почти на шипение, — итак...

Как же мне описать этот пронизывающий голос? Голос ребенка... нет, не ребенка. Мы таких детей не знаем.

Я потянулся за сахарницей, которая стояла, как всегда, на краю стола рядом с солью, перцем и горчицей. Я отмерил ровно чайную ложку, не поднимая на него глаз. Как я уже сказал, что-то меня пугало.

Все так же приглушенно он сказал:

— Наконец-то хоть один человек смог разгадать мой маскарад.

— Человек, — сказал он.

У него был голос ребенка, но злоба, прозвучавшая в его словах, меня поразила.

— Я вижу, вы удивлены, мой любопытный друг. Я вас озадачил, не так ли?

В его голосе появилась дразнящая, презрительная нотка.

Я откашлялся и постарался скрыть свое смущение, отхлебнув молока.

— Я не понимаю, о чем вы говорите... сэр.

Он хмыкнул и передразнил:

— Я не понимаю, о чем вы говорите... сэр.

И снова его голос пронзил меня, хоть и был уже почти шепотом.

— Почему вы не сразу сказали "сэр", а? Почему?

Он не стал дожидаться ответа:

— Я скажу вам, почему. Потому что каким-то образом вы догадались, что я намного младше, чем хотел бы считаться.

Он кипел от ярости и, несмотря на его рост и публичный характер сцены, я его боялся. Почему — я не знал. Я просто почувствовал, что непонятным образом он может уничтожить меня одним усилием воли.

Я неуклюже поставил чашку в блюдце и отвернул лицо в сторону.

— Вы ужаснулись, — снова зашипел он. — Вы узнали своего хозяина, прежде чем поняли, кто он.

— Своего хозяина? — сказал я. — Кто, на его взгляд...

— Своего хозяина, — повторил он. — Хозяина человечества. Новую расу. Сверх-расу, Номо Superior, если хотите. Он здесь, мой догадливый друг. И вам, вам и вашему тупому человечеству со всеми его нациями, расами, классами и религиями против него не устоять.

Слышать это было выше моих сил. Я пришел в свой любимый ресторан пообедать. День начался, как обычно, и я хотел, чтобы так же он и закончился. Но за последние пять минут меня столько раз встряхивали, что я готов был упасть в обморок.

— О, это было заранее предусмотрено, — продолжал он, заметно радуясь возможности потоптаться на моем достоинстве. — Развитие мутантов, превращение их в сверх-расу, сверх-человечество, превосходящее человека настолько же, насколько он превосходит обезьяну.

— Как?... что?...

Он оборвал меня:

— Были ли это атомная бомба, лабораторные эксперименты или постепенный прогресс самой природы — какая разница? Есть факт: мы существуем, нас много, пройдет еще какое-то время, и мы откроемся человеку. Ах, как мы ему откроемся!

Уже давно ледяная рука перехватила мне горло. Теперь она начала сжиматься.

— Зачем, — пробормотал я, — зачем говорить мне это? Вас разоблачат в два счета, если вы не будете хранить тайну.

Он издевательски засмеялся. Сверх-человек или нет, он был еще очень молод.

— Потому что это не имеет никакого значения, — прошептал он. — Абсолютно никакого. Пройдет десять минут, и вы напрочь забудете этот разговор. Гипноз, мой глупый Номо Sapiens, станет развитым искусством после испытаний на низших особях.

Его голос стал отчетливым и резким:

— Посмотри мне в глаза, — приказал он.

У меня не было сил сопротивляться. Лицо мое медленно поднялось. Я чувствовал, как его глаза впиваются в мои.

— Ты забудешь это, — приказывал он. — Весь этот разговор, все это происшествие, ты забудешь.

Он поднялся, помешкал, собирая вещи, и вышел.

Чуть позже подошла Молли:

— Ух ты, — сказала она, этот карлик, что здесь сидел, здоров чаевые давать.

— Могу себе представить, — ответил я, все еще дрожа. — У него, наверное, солидный источник дохода.

— О! — сказала Молли, принимаясь убирать со стола. — Вы разговаривали с ним?

— Да, — сказал я, — у нас был обстоятельный диалог. И добавил, задумавшись:

— В результате я должен кое-что предпринять.

Я встал, снял шляпу и трость с крючка, на который вешал их обычно.

Я подумал: возможно, у человека больше шансов, чем эти скрытые соперники

предполагают. Даже если сила интеллекта у них и больше, чего-то все равно им будет не хватать. Этому, по крайней мере, явно не хватало; гипнотическая сила в нем, может быть, и выше всякого понимания, но это не помешало ему сделать одну глупейшую ошибку. Он не заметил того простого факта, что я — слепой.

34. Амброз Бирс Собачий жир

Зовут меня Воффер Бингс. Мои добропорядочные родители всегда вели скромный образ жизни: отец занимался производством собачьего жира, а у матери был небольшой закуток неподалеку от городской церкви, где она помогала женщинам избавляться от досадных результатов неосторожной любви. Задатки делового человека стали прорезаться у меня еще в детстве, и я не только оказывал практическое содействие отцу в поисках сырья для его москательного производства, но и неоднократно помогал матери уничтожать плоды ее нелегкого труда. Увлеченный этим занятием, я нередко был вынужден мобилизовывать весь свой заложенный щедрой природой интеллект, поскольку едва ли не все полицейские в округе довольно косо поглядывали на загадочный промысел моей матери. Отцовское занятие, сопряженное с получением собачьего жира, естественно, не вызывало столь явной негативной реакции со стороны окружающих, хотя владельцы время от времени исчезающих собак также относились к нему с известным подозрением и настороженностью, что подчас неизбежно распространялось и на меня.

Отец поддерживал неофициальные, но довольно тесные деловые связи едва ли не со всеми врачами нашего городка, а потому редко случалось такое, чтобы они, выписывая тому или иному пациенту рецепт, не включали в него специфическое снадобье, именовавшееся коротко и достаточно ясно: "собач. жир". Это и в самом деле был один из наиболее дорогих препаратов, когда-либо используемых в медицинских целях. И все же следовало признать, что люди, как правило, не отличаются повышенной готовностью собственноручно приносить в жертву своих любимцев, а потому большинству самых жирных псов нашего городка редко разрешали затевать со мной какие-либо игры. Данное обстоятельство, конечно же, ранило мою молодую и чувствительную душу, а однажды едва не толкнуло на откровенное правонарушение.

Оглядываясь сейчас на те далекие времена, я не могу избавиться от горького чувства сожаления по поводу того, что, косвенным образом подтолкнув своих любимых родителей к смерти, я стал как бы первым звеном в цепи тех несчастий, которые основательно подорвали также и мое собственное будущее.

Как-то вечером, проходя мимо миниатюрного предприятия отца и сжимая в руках полученный от матери сверток с плодом чьей-то пагубной страсти, я заметил одинокого полицейского, который, как мне показалось, внимательно следил за моим передвижением. Несмотря на свой юный возраст, я уже успел постичь ту нехитрую истину, что действия полицейского, какими бы невинными они на первый взгляд ни казались, обычно имеют под собой самые что ни на есть низменные мотивы, а потому решил не испытывать судьбу и уклониться от встречи с ним, для чего юркнул в боковую дверь отцовского москательного заведения, которая, по счастью, оказалась распахнутой настежь.

Отец к тому времени уже ушел домой. Единственным источником света в помещении была печь, пламя которой мерцало темно-багровыми всполохами под одним из чанов, отчего по стенам прыгали и скакали пляшущие красноватые блики. В котле продолжал медленно и как-то вяло булькать кипящий жир, из густой массы которого на поверхность то и дело всплывала какая-нибудь деталь собачьего тела. В ожидании того момента, когда полицейский наконец соизволит удалиться, я пристроился в уголке мрачноватого помещения, держа на коленях едва прикрытое голое тельце жертвы несчастной любви и нежно поглаживал его коротенькие шелковистые волосики. О, как прекрасны они были! Я с самого детства буквально боготворил младенцев и, глядя в тот момент на маленького

неподвижного херувимчика, почти искренне желал, чтобы та небольшая красноватая ранка, которая виднелась на его груди, — результат ловкого удара моей бедной матери — на самом деле не была смертельной.

По устоявшейся привычке я выбрасывал младенцев в реку, которая по счастливой для меня прихоти природы протекала как раз неподалеку от нашего дома, однако в тот вечер я долго не мог решиться покинуть отцовское заведение — ясное дело, из опасения попасться в руки полицейского. В конце концов, сказал я себе, что изменится, если я опущу ребенка в чан? Кости его отец ни за что не отличит от костей крупного щенка, а несколько смертей, которые могут наступить в результате применения жителями городка нового сорта несравненного "собач. жира", едва ли сильно повлияют на рост численности населения, которое и так увеличивалось со страшной силой. Одним словом, я сделал первый шаг по тропе преступления и с чувством невыразимой скорби швырнул младенца в чан.

К моему немалому удивлению, на следующий день отец, потирая от удовольствия руки, заявил нам с матерью, что ему удалось получить жир небывалого доселе отменно-высокого качества и что врачи, которым он показал его, были просто в восторге от нового продукта. При этом он добавил, что сам и понятия не имеет, как добился столь неожиданного результата: процедура обработки собачьих тел не претерпела никаких изменений, да и порода исходного сырьевого материала также осталась неизменной. Я посчитал своим долгом дать необходимые пояснения, но пусть навсегда отсохнет мой язык, если я мог тогда предвидеть возможные пагубные последствия своего необдуманного поступка.

Посокрушавшись некоторое время по поводу своей былой недалёковидности, которая выражалась в том, что они раньше не догадались объединить оба промысла в единое целое, родители приняли самые неотложные меры по исправлению этой досадной оплошности. Мать достаточно оперативно перевела свой "уголок" в подсобку отцовского заводика, в результате чего мое личное участие в семейном бизнесе стало постепенно сходить на нет. Теперь от меня у же не требовалась помощь при избавлении от умерщвленного приплода, равно как и отпала необходимость заманивать собак в роковую западню, ибо отец напроочь отказался от их использования, хотя и сохранил для рекламы звучное название своего снадобья. В подобной обстановке вполне можно было ожидать, что столь резко окунувшись в атмосферу бесконечной праздности и вынужденного безделья, я очень скоро превращусь в испорченного и беспутного молодого человека. Этого, к счастью, не случилось. Благотворное влияние матушки и на сей раз оградило меня от многочисленных соблазнов, на каждом шагу подстерегающих представителей подрастающего поколения. Кроме того, не следовало забывать, что мой отец продолжал являться помощником священника местной церкви. Увы, следует признать, что именно из-за моей оплошности столь почтенным людям пришлось встретить, к тому же неоправданно рано, свой поистине трагический конец!

Обнаружив в новом бизнесе источник получения дополнительной прибыли, мать с удвоенной энергией взялась за дело. Теперь она уже не ограничивалась телами лишь абортированных плодов порочной страсти, но значительно расширила круг своих поисков. Она выходила на асфальтированное шоссе и многочисленные проселочные дороги, держа в поле своего зрения не только детвору, но также подростков и даже тех отдельных представителей взрослого населения, которых ей удавалось заманить в москательное заведение супруга.

Отец также постоянно пребывал в состоянии неизбывного восторга по причине восхитительного качества маслянистого продукта и потому с неподдельным энтузиазмом и безудержным рвением отдавал всего себя производственному процессу. Короче говоря, переплавка соседей на собачий жир стала для них объектом всепоглощающей страсти, подлинным смыслом жизни, единственным светочем существования. Душами их завладела обжигающая, даже можно сказать, испепеляющая алчность, постепенно вытеснившая собой былые надежды со временем обрести достойное место в раю, что также являлось важным стимулом их бытия.

Следуя позывам пагубной страсти, они до такой степени развили свою бурную деятельность, что навлекли на себя гнев окружающих, которые в конце концов собрались на общий сход и вынесли моим родителям строгое порицание. Со стороны председательствующего даже раздавались намеки на то, что если подобные набеги на жителей городка будут продолжаться и впредь, то им будет оказан решительный и даже жесткий отпор.

Родители покидали место сборища с разбитым сердцем, жгучим отчаянием в груди и, как мне показалось, несколько даже подвинувшись рассудком. Как бы то ни было, в ту ночь я считал благоразумным не переступать порога их процветающего хозяйства и заночевать в конюшне.

Где-то вскоре после полуночи я проснулся от странного и одновременно недоброго предчувствия. Я встал со своей импровизированной постели и заглянул в оконце плавильного цеха, где, насколько мне было известно, теперь обычно спал отец. Пламя в печи пылало очень ярко, можно сказать, даже яростно, из чего можно было предположить, что на следующий день родители намеревались снять со своего специфического поля особенно обильный урожай. Один из чанов урчал и загадочно побулькивал, словно выжидая того момента, когда можно будет выплеснуть наружу всю накопившуюся в нем колоссальную энергию.

Отец, к моему удивлению, не спал. Он стоял в длинной ночной рубашке и ловкими движениями завязывал узел на прочной веревке, делая из нее петлю. По тем взглядам, которые он время от времени бросал в сторону материнской спальни, я понял, какие мысли будоражили в тот момент его натруженный мозг. Лишившись от охватившего меня ужаса способности говорить и даже просто двигаться, я при всем своем желании не мог ни предотвратить надвигавшиеся события, ни хоть как-то предупредить мать.

Неожиданно дверь ее спальни бесшумно распахнулась, и я увидел ее стоящей на пороге. Оба родителя с явным изумлением на лицах застыли на месте, неотрывно и с неослабевающей настороженностью глядя друг на друга. На матери также была ночная рубашка, а в правой руке она сжимала оружие своего традиционного промысла — кинжал с длинным узким лезвием.

До меня дошло, что и мать не могла позволить себе лишиться последнего источника вожденной прибыли. На это ее подталкивали как недружелюбная реакция сограждан, так и факт моего временного отсутствия. Еще несколько мгновений оба родителя обменивались пылающими взглядами, после чего, явно охваченные приступом неопишуемой ярости, набросились друг на друга. Ареной их битвы стало все пространство москательного заводика. Отец сыпал проклятиями, мать пронзительно вопила, и оба сражались, как демоны: она норовила пырнуть его кинжалом, а он явно хотел удушить ее если и не удавкой, то просто голыми руками. Не скажу точно, как долго я имел несчастье наблюдать этот досадный поединок, однако в конце концов после отчаянной схватки ее участники разошлись в разные стороны.

Грудь отца и лезвие кинжала в руке матери красноречиво свидетельствовали о том, что физический контакт между ними все же состоялся. Еще несколько мгновений они с подчеркнутым недружелюбием взирали друг на друга. Затем мой бедный раненый отец, видимо, почувствовав прикосновение руки безносой, начал всем телом заваливаться вперед, отбросив всякие попытки дальнейшего сопротивления, но в последний момент он все же успел охватить обеими руками мою дорогую мать. Подтащив ее к краю кипящего котла, он мобилизовал последние остатки растроченных сил и завалился вместе с нею в булькающую жижу!

В следующую секунду оба тела исчезли из вида, внеся свою личную лепту в массу жира, успевшего к тому времени вытопиться из членов общественного комитета, который заседал накануне и призывал сограждан выйти на публичное судилище моих несчастных родителей.

Придя к естественному выводу о том, что столь горестные события навсегда закрывают

передо мной все пути к достопочтенной благородной карьере, которой я мог бы посвятить всего себя в родном краю, я отправился в известный город Отумви, где и доверил бумаге все эти печальные воспоминания, всем сердцем страдая от того, что всего лишь один-единственный недалёковидный поступок с моей стороны повлек за собой столь гигантскую коммерческую катастрофу.

35. Далчи Грей Шеба

— Я ненавижу вас, ненавижу, ненавижу! — Лицо Джанет побагровело от гнева, в живых голубых глазах бриллиантами засверкали слезы. — Вы свинья, мерзкая свинья. Самая настоящая старая скотина! — кричала девочка.

Мисс Дайси размахнулась и влепила ей пощечину, от которой ребенок буквально отлетел в сторону.

— Не смей так со мной разговаривать, ты, маленькая негодная девчонка! Иди наверх и немедленно ложись в постель, — она топнула ногой. — Иди и делай то, что тебе говорят!

— Не пойду, — сквозь рыдания проговорила Джанет. — И я не негодная. Это вы негодная. И к тому же старая. У вас растут ужасные усы, и я ненавижу вас, — она лежала на полу в той самой позе, в которой оказалась после удара мисс Дайси.

Женщина бросилась к ней и схватила Джанет за платье — сзади, у шеи. — Делай, что тебе сказано, немедленно отправляйся в постель, — завопила она.

— Я ненавижу вас, ненавижу, ненавижу! — все так же со слезами в голосе повторяла девочка.

Лицо мисс Дайси окаменело.

— Сейчас я сделаю так, что у тебя действительно появится повод ненавидеть меня. Ты — самая непослушная и невоспитанная девчонка, с которой мне когда-либо приходилось иметь дело, и я научу тебя, как надо себя вести, пусть даже для этого мне понадобится целая жизнь.

— Вы врунья, обманщица, вот вы кто, — кричала вне себя девочка. — Вы сами сказали, что первый, кто найдет гнездо ржанки, получит яйцо, — я первой нашла его, а вы отдали яйцо Найджелу.

— Найджел — хороший мальчик, а ты — противная девчонка.

— Это не имеет никакого значения. Вы пообещали и сами же нарушили свое обещание. Фермер сказал, что мы можем взять только одно яйцо ржанки, так что теперь, сколько бы я ни старалась, все будет без толку, зря.

— Найджел носит очки. Сам бы он никогда не нашел гнездо.

— Маменькин сынок — вот кто этот ваш Найджел, и я ненавижу его.

Мисс Дайси снова вышла из себя. — Отправляйся в постель, а то получишь хорошую взбучку.

Джанет медленно направилась к двери. — Когда-нибудь вы сильно пожалеете об этом, — проговорила она.

Мисс Дайси расхохоталась.

Всю дорогу, пока Джанет тащилась вверх по лестнице, цепляясь ногами за каждую ступеньку, а потом, шаркая, приближалась к постели, усаживалась на нее и стаскивала обувь, слымая одной туфлей о другую, в ушах ее стоял этот смех. Она посмотрела в окно, где на ветке дерева сидел черный дрозд и заливался песней, и снова подумала о том унижении, которое вытерпела от мисс Дайси.

— Свинья. Животное. Корова. Лгунья. Обманщица, — тихо, как заклинание, твердила она. — Животное. Ненавижу ее, ненавижу.

Она снова горько разрыдалась.

— О, мамочка, мамочка, почему тебя нет сейчас в Англии? Я такая несчастная и одинокая. Все ученики проводят свои каникулы дома, а нас с Найджелом отправили к этой

проклятой мисс Дайси. Ты даже не знаешь, какая она свинья. Зато я знаю! И ты не знаешь, что Найджел тоже оказался свиньей.

Она медленно склонилась над кроватью и с печальным, несчастным видом полезла рукой под подушку. Да, все в порядке — она здесь. Ее самое главное сокровище. Книжка, которая называлась "Непонятый". В ней шла речь о мальчике, которого всегда любили меньше, чем его брата. Когда этот брат плохо повел себя и в конце концов свалился в пруд, он прыгнул в воду и спас его, а сам утонул. А потом его окружили многочисленные родственники, они плакали над его телом и отдавали ему всю свою любовь, которой так не хватало мальчику при жизни. Теперь он стал героем. Джанет пылко воображала себя на его месте. Она всюду возила эту книжку с собой и постоянно ее перечитывала.

Джанет и Найджел были сводные сестра и брат. Их родители — мать Джанет и отчим — были сейчас за границей (отчим работал в Гане), а дети учились в английской школе. На пасхальные каникулы младшая воспитательница подготовительного класса, в который ходили оба ребенка, предложила, чтобы дети провели эти дни в ее маленьком очаровательном деревенском домике, естественно, в обмен на довольно приличную сумму денег. Мисс Дайси всегда любила Найджела, а к Джанет относилась с неприязнью, за что девочка платила ей той же монетой. Оба ребенка увлеченно собирали птичьи яйца и отчаянно соревновались друг с другом, кому удастся найти их больше. Узнав об их увлечении, местный фермер действительно разрешил им искать гнезда ржанок, но при этом добавил, что взять можно будет только одно яйцо. По уговору оно предназначалось тому, кто первым отыщет гнездо. Победила Джанет, но мисс Дайси отдала яйцо Найджелу.

— Свинья — свинья — свинья — корова — корова — корова, — продолжала всхлипывать Джанет. — Ненавижу тебя, Найджел. Обоих вас ненавижу. — Наконец она успокоилась, утерла слезы и принялась читать. Мисс Дайси услышала, что девочка наконец уgomонилась, и вздумала посмотреть, что она делает. Женщина тихонько подкралась к двери и застала Джанет с головой ушедшей в чтение.

— Я сказала, чтобы ты легла в постель.

— Я и так в постели.

— Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Немедленно брось читать и ложись.

— Не хочу.

— Делай, что тебе сказано.

— Не хочу!

— Ну-ка, дай сюда книжку.

— Нет.

— Немедленно дай ее мне.

— Нет.

Мисс Дайси выхватила книгу из рук девочки, взглянула на обложку и снова рассмеялась. — Вот уж действительно! — воскликнула она. — Так я и знала — слезливые, сентиментальные рассказы. Надо же — "Непонятый"! Насколько я понимаю, ты и себя считаешь непонятой?

— Это моя книжка. Отдайте.

— Я ее конфискую.

— Она моя, моя, моя!

Мисс Дайси направилась к двери.

— Она будет моей до тех пор, пока ты не научишься прилично себя вести! А сейчас немедленно ложись в постель, иначе останешься без ужина.

— Но сейчас ведь только четыре часа.

— А заодно и чая, — добавила мисс Дайси, захлопывая за собой дверь.

Джанет медленно разделась и легла в постель. Ее всю буквально трясло от гнева.

— Ну, я ей покажу, — твердила она. — Обязательно покажу, увидит тогда. Вот тогда она увидит! — Джанет зарылась головой в подушку. — Но что я могу сделать? — задалась она вопросом.

Девочка долго думала об этом, и наконец в ее головке начал вырисовываться план действий.

— Получишь еще у меня, — пробормотала она. Затем осторожно выползла из-под одеяла, тихонько приоткрыла дверь и прислушалась. До нее доносились неразборчивые голоса мисс Дайси и Найджела — оба сидели в столовой. Слышалось негромкое постукивание фарфоровой посуды.

— Ну, что за алчные создания! Чай пьют... — Она на цыпочках вышла в коридор и быстро добежала до двери в спальню мисс Дайси. Там воспитательница хранила свою собственную драгоценную коллекцию книг. Она неоднократно говорила детям, что книги эти очень дорогие и что дороже их у нее нет ничего на свете.

Комната мисс Дайси была большой, светлой и прямо-таки вылизанной. Шторы в цветочек, постельное белье в цветочек, а стены и потолок — розовые. На ночном столике рядом с кроватью стояла лампа под розовым абажуром, а еще две точно такие же украшали туалетный столик. Сам столик был сделан в форме почки, покрыт стеклом, а по бокам обшит рюшем; на нем стояли баночки со всевозможными косметическими мазями, лежали серебряная щетка для волос, расческа, две подобранные в тон щетки для чистки одежды и ручное зеркальце в серебряной оправе. Здесь же стояли две фотографии в рамках: на одной были изображены пожилые мужчина и женщина, сидевшие в саду. Очевидно, смекнула Джанет, родители мисс Дайси. На другой фотографии был запечатлен молодой и довольно привлекательный мужчина.

На стене, слева от кровати, располагалась небольшая деревянная книжная полка, уставленная рядами книг в кожаных переплетах.

— Она взяла мою, а я возьму ее, — сказала Джанет.

Она схватила с полки первую попавшуюся книгу. Это оказался очень тяжелый том в красном кожаном переплете, с золоченым обрезами.

— Что же мне с ней сделать? — думала девочка. — Как сильнее всего досадить мисс Дайси?

Джанет посмотрела в сторону ванной, в которую можно было войти прямо из спальни мисс Дайси, и открыла дверь.

— Отлично, — произнесла она вслух, — я испорчу ее книги.

Впрочем, еще до того, как войти в комнату, Джанет уже знала, что именно сделает. Но вот как? Сейчас же идея прояснилась. Она открыла кран в ванне, всунула затычку и бросила две книги в красных переплетах в воду. К глубокому удовлетворению ребенка очень скоро краска с обложек начала сползать, а сами они намокли, потемнели, стали почти черными. Страницы стали загибаться кверху и при небольшом содействии со стороны Джанет легко отделялись от переплета. В воде уже плавало несколько листов. Джанет смотрела на происходящее, испытывая сладчайшее, доселе неизвестное ей мстительное чувство. Потом она вернулась в спальню, подхватила вторую порцию книг и тоже швырнула их в воду. В тот момент, когда она собиралась было снять с полки третью охапку книг, в комнату вошла мисс Дайси.

Джанет никогда не приходилось видеть такого неистового негодования. Лицо мисс Дайси смертельно побелело, она смотрела на нее почти безумными глазами. Сначала она принялась драть Джанет уши, затем подхватила ее под руки и чуть не волоком оттащила отчаянно сопротивляющегося ребенка назад, в ее спальню, и там бросила на кровать.

— Я убью тебя за это, — зарычала она, после чего подняла одну туфлю, задрала ночную рубашку Джанет и принялась отчаянно нахлестывать девочку. Та беспрерывно вопила, но почти рехнувшаяся женщина словно не замечала этих криков и продолжала колотить ребенка. Тело избиваемой девочки покрылось багровыми полосами и пятнами, на коже появились глубокие рубцы, а сама она тщетно пыталась спрятать голову под подушку.

— Я убью тебя, я убью тебя, — речитативом повторяла мисс Дайси.

Найджел, который неслышно подошел к дверному проему, бесстрастно смотрел на происходящее.

Наконец женщина заметила его и, собрав всю свою волю в кулак, что стоило ей неимоверных усилий, как можно спокойнее, даже с подобием улыбки на лице, произнесла:

— Найджел! А ты что здесь делаешь?

— Пришел посмотреть, — бесстрастно проговорил он.

— Джанет вела себя очень плохо. Настолько плохо, что я буду вынуждена отправить ее, — не хочу больше видеть эту мерзкую девчонку.

— Мне тоже придется уехать, мисс Дайси?

— Не знаю пока, дорогой. Ну, Джанет, благодари Бога, что ты так легко отделалась! Найджел, — обратилась она к мальчику, — давай-ка перейдем в столовую и допьем наш чай.

Они оставили рыдавшего ребенка и спустились вниз.

— А что она сделала? — поинтересовался Найджел.

— Не могу пока тебе этого сказать, но уверяю, это было нечто такое ужасное, что Господь никогда не простит ее.

— А вы ее когда-нибудь простите?

— Никогда!

Найджел подложил себе кусок торта. — А вы довольно сильно отхлестали ее, — заметил он.

— Да, но не сильнее, чем она того заслуживала.

— И вы сказали, что хотите убить ее.

— Нет, мой дорогой, я этого никогда не сделаю.

— Но я же сам слышал.

— Нет, дорогой.

— Ну, что ж, ладно, мисс Дайси.

Мисс Дайси снова попыталась изобразить на лице улыбку, но потрясение ее было столь велико, что вместо улыбки получилась какая-то дикая гримаса.

— Она заслужила эту порку, Найджел, — сказала воспитательница.

— Да, мисс Дайси, — ровным голосом откликнулся Найджел.

Прошло несколько часов. Джанет повернулась и тут же застонала от ужасной боли. Мисс Дайси почитала Найджелу "Дэвида Копперфильда", сидя с ним в гостиной у камина, потом угостила бутербродом — это было своеобразной добавкой к ужину, — проводила наверх в спальню и уложила в постель, не забыв поцеловать перед сном.

— Джанет вы тоже поцелуете и пожелаете спокойной ночи?

— Нет, дорогой.

— И никогда этого не будете делать?

— Нет, дорогой.

— Ведите себя с ней так, как она того заслуживает, — удовлетворенным тоном проговорил мальчик.

Несмотря на все происшедшее, мисс Дайси пришла в легкое замешательство от его слов.

— А разве тебе не хочется, чтобы я ее простила, дорогой?

— Нет. Она мне не нравится.

Оба посмотрели друг другу в глаза, после чего мисс Дайси снова поцеловала Найджела.

— Ну, а теперь спи.

В десять часов вечера она, как обычно перед сном, спустилась во двор, чтобы проверить, как себя чувствует их сторожевая собака — Шеба. Это была четырехгодовалая пятнистая сука бультерьера. Мисс Дайси купила ее три года назад после того, как кто-то пытался обокрасть ее квартиру. Собака была небольшая, но необыкновенно сильная для своих размеров, с мощными плечами, плоской головой и слегка красноватыми глазами. Это было довольно нервное животное, постоянно пребывавшее в напряжении, и поведение его отличалось крайней непредсказуемостью. Даже сама мисс Дайси побаивалась Шебы. Когда собака впервые появилась в доме, хозяйка, которая всегда считала, что любит животных, сначала разрешила ей весь день оставаться внутри помещения. Однако в поведении Шебы

было нечто такое, что заставило мисс Дайси усомниться в ее лояльности.

Дело в том, что Шеба неотрывно, постоянно смотрела на хозяйку, что бы та ни делала и где бы ни находилась, в результате чего и мисс Дайси невольно поднимала на нее свой взгляд, после чего собака начинала злобно рычать. Пару раз, когда мисс Дайси делала какие-то резкие движения, Шеба пыталась даже кинуться на нее. То же самое происходило, если зверь пугался какого-то неожиданного звука. В общем, после всего этого Шебу водворили в конуру на дворе, где она сидела на цепи.

Какое-то подобие удовольствия или признательности собака выказывала лишь один раз в день — когда мисс Дайси около полудня приносила ей еду. Вот и сегодня, когда хозяйка вечером спустилась к ней, Шеба злобно обнажила клыки и издала протяжное рычание.

— Спокойной ночи, Шеба, — твердым голосом проговорила мисс Дайси. Шеба неотрывно смотрела на нее из конуры, и глаза ее беспокойно поблескивали.

Мисс Дайси заперла дверь дома на замок и дополнительный засов. Затем она выключила внизу весь свет, поднялась по лестнице, заглянула в спальню Найджела, убедилась, что он спит, потом тихонько подошла к комнате Джанет, откуда не доносилось ни звука, и наконец прошла в свою спальню.

Примерно в три часа ночи она проснулась, потому что услышала слабое потрескивание половиц. Она села в постели, нащупала ночной халат, подошла к двери и распахнула ее.

В слабой предрассветной мгле она различила силуэт Джанет, которая тихонько спускалась по лестнице, держа в руке свой чемодан.

Резко вспыхнул свет. — Джанет! — позвала женщина. — Что это ты надумала?

Девочка побежала вниз по ступеням.

— Джанет, вернись! Немедленно иди сюда.

Джанет продолжала спускаться, и только сейчас мисс Дайси заметила, что девочка прихрамывает. Она бросилась вниз и догнала ее уже в холле.

— Куда это ты идешь?

— Я уезжаю, — ответила Джанет. — Я не останусь здесь ни минуты.

— Возвращайся в постель.

— Нет.

— И куда же ты пойдешь посреди ночи?

— Пойду в полицию и покажу им свои синяки.

Мисс Дайси испугалась, а испугавшись, снова сильно рассердилась.

— Ты себя отвратительно вела и была за это наказана.

— Мне кажется, мисс Дайси, что вы немного сумасшедшая, — сказала маленькая девочка.

Они посмотрели друг на друга. Обе были разгневаны. Обе были напуганы. Каждая люто ненавидела другую.

Мисс Дайси снова подхватила девочку под руки, так же почти волоком подняла ее наверх, затолкнула в спальню и заперла на ключ. Джанет заколотила кулаками в дверь, все время громко крича.

— Можешь вопить сколько угодно! — мисс Дайси сама перешла на крик. — Никто тебя здесь не услышит.

Она спустилась вниз и налила себе немного бренди. — Вот ведь маленькая сучка! — со злобой в голосе громко проговорила она. — Точно, сучка! Как она только осмелилась?!

Вместе с тем она поняла, что попала в довольно неприятную ситуацию. Если бы девочке действительно удалось убежать и добраться до полицейского участка, где она показала бы им все свои синяки и царапины, для мисс Дайси настали бы черные времена. Она сидела перед электрическим камином и, вся дрожа, обдумывала сложившееся положение. Разумеется, девочку она никуда отсюда не выпустит, это ясно. Более того, это жизненно важно. Если только... если только... произошел бы какой-нибудь несчастный случай? Вот только какой?

Полчаса спустя она вышла во двор, неся в руке предназначавшиеся для Шебы два куска

сырого мяса.

— Хорошая девочка, Шеба, — проговорила она, — хорошая девочка, — голос ее звучал мягко. Она дала собаке один кусок, после чего отстегнула цепь, повела изумленное, полусонное животное в дом и стала подниматься с ним по лестнице. Шеба не сопротивлялась.

Остановившись перед дверью комнаты Джанет, она еще раз повторила:

— Хорошая собачка, хорошая.

После чего мисс Дайси распахнула дверь, швырнула внутрь второй кусок мяса, втокнула туда же собаку и быстро заперла комнату на ключ.

Чуть позже она услышала истошный вопль, вслед за ним ужасное рычание, но вскоре в доме вновь воцарилась тишина.

На следующее утро, когда Найджел наслаждался своим завтраком, мисс Дайси завела с ним разговор.

— Знаешь, Найджел, я должна сказать тебе нечто очень печальное, даже страшное.

Найджел молча посмотрел на нее, держа в руке вилку с нанизанным на нее куском ветчины.

— Ты ничего не слышал ночью? — спросила женщина.

— Что именно, мисс Дайси.

— Ну, какой-нибудь шум?

— Может, и слышал. А почему вы спрашиваете?

— С твоей сестрой произошло нечто ужасное, совсем ужасное. Ты помнишь, что вчера я была вынуждена наказать Джанет?

— Да, мисс Дайси.

— Мне кажется, она так и не поняла, за что ее наказывают. Ну вот, мне кажется, что она решила отомстить мне и потому спустилась во двор, подошла к конуре Шебы и спустила ее с цепи.

— Правда, мисс Дайси?

— Да, а потом привела ее к себе в комнату. Ты же помнишь, я рассказывала тебе, какая у меня нервная собака, как она злится, если кто-то смотрит на нее, и что именно поэтому я никогда не пускаю ее в дом?

— Да, мисс Дайси.

— Мне кажется, Джанет на это и рассчитывала. Она привела собаку в дом, думая, что она набросится на меня или сделает что-нибудь еще в этом роде. Но получилось, наверное, так, что она сама напугала Шебу, та набросилась на нее и загрызла насмерть.

— Насмерть? — спокойно переспросил Найджел.

— Да. Бедная несчастная Джанет умерла.

— А где сейчас Шеба?

— Там же, у нее в комнате. Придется ее тоже убить.

— Бедная Шеба.

И вновь, как и накануне вечером, мисс Дайси была потрясена реакцией Найджела. — Да, действительно, такая бедняжка, — согласилась она. — Но, видишь ли, Найджел, тебе наверняка придется что-то рассказать полицейским, и я хотела бы, чтобы ты пересказал им все то, о чем мы сейчас с тобой говорили.

— А про вчерашний день мне им что сказать?

— Я тебе и про это скажу, но только ты должен будешь пересказать им все слово в слово, хорошо, дорогой?

— А можно я возьму себе коллекцию яиц Джанет? Тем более, что она умерла.

Мисс Дайси невольно вздрогнула и посмотрела на мальчика в упор. — Да, дорогой, конечно же, возьми ее.

— И еще один кусочек омлета, хорошо?

— Ну, разумеется. Возьми мой — я не голодна.

Воцарилась долгая пауза, пока Найджел наконец не заговорил:

— Пожалуй, нам придется хорошенько обмозговать, что говорить про все ее синяки, ссадины и другие следы, правда ведь?

Мисс Дайси почувствовала, как у нее замирает сердце. — Что ты хочешь сказать? — спросила она внезапно пересохшими губами.

— Я понимаю, конечно, мисс Дайси, мне всего одиннадцать лет, но дураком меня еще никто не называл, — промолвил мальчик. — Кстати, для начала не могли бы вы в эту неделю дать мне побольше карманных денег?

36. Мадлен Л'Энгль **Бедный Маленький Суббота**

Ведьма жила в отдаленном заброшенном фермерском доме, и никто не знал о ней, кроме меня. В маленьком шумном городке на юге Джорджии, где я жил мальчишкой, никто понятия не имел, что если идти по пыльной главной улице до конца (там, где почта), а потом повернуть налево и еще немного пройти до заржавленных железных ворот у входа к фермерскому дому, то можно увидеть такое, от чего глаза на лоб полезут. Мне выпала удача это узнать. А может быть, и неудача. Может быть, ведьма хотела, чтобы я узнал это из-за Александры. Но теперь я жалею, что все так случилось, потому что и ведьма, и Александра ушли навсегда, и это намного хуже, чем если бы я их вовсе не знал.

В фермерском доме никто не жил со времен Гражданской войны, когда полковник Лондермейн был убит, а Александра Лондермейн, его молодая жена-красавица, повесилась на люстре в бальном зале. Незадолго до моего рождения какие-то северяне купили его, но через несколько лет перестали приезжать, — как поговаривали, из-за того, что там нечисто. Каждые пару лет компании мальчишек или мужчин делали попытки проникнуть в дом, но он был просто неприступен, так что мало-помалу городок утратил к нему интерес. Никто не перелезал через эту стену и не бродил по этому парку, кроме меня.

Я часто приходил туда летом, когда во время приступов малярии было уже невыносимо лежать на железной кровати в комнате с мухами, жужжащими вокруг лица, или в гамаке на крыльце, слыша визг и смех играющей малышни, будто намеренно дразнившей меня. Головная боль не давала мне читать, и поэтому, волоча загорелые босые ноги по пыли, в истрепанной соломенной шляпе, якобы защищавшей меня от солнца, я тащился на дорогу, то обливаясь потом, то дрожа. Иногда казалось, что прошла вечность, когда я наконец добирался до железных ворот, у которых кирпичная кладка была намного ниже. Часто я лежал, задыхаясь, на высокой колючей траве несколько минут, пока не набирался сил, чтобы перелезть через стену и приземлиться на внутренней стороне.

Внутри было прохладнее. Лихорадка у меня была со странностями — в тени меня трясло меньше, чем дома, где о стену или даже об пол можно было обжечься. В парке росло множество дубов, они разрослись сами по себе, и под их зеленым укрытием всегда была тень. Земля была покрыта сухой листвой, мягкой и прохладной, и когда я падал на спину и смотрел вверх, шатер из листьев оказывался таким плотным, что иногда я даже не видел неба. Лучи, которым удавалось пробраться, теряли свою безжалостную яркость и ложились мягкими желтыми полосками, которые не жгли.

Однажды после обеда в адскую жару, которая у нас обычно начинается в сентябре и изматывает до предела, я отправился на ферму. Зной клубился, волнами поднимаясь с дороги. Смотреть сквозь него — все равно что через неровную стеклянную пластинку. Грунтовая дорога была настолько горячей, что прожигала даже мои задубелые пятки, а впереди подымались тучи пыли, смешиваясь с клубами зноя. Я думал, что никогда не доберусь до фермы. Пот заливал мне глаза, но это был холодный пот; меня колотило так, что зуб не попадал на зуб. Когда, наконец, мне удалось рухнуть в свою зеленую кровать, меня охватил жесточайший приступ малярии — несмотря на дополнительную дозу хинина и антималярийный препарат 666, которые утром дала мне мама. Я крепко зажмурил глаза,

вцепился в траву руками и зубами, дожидаясь, когда пройдет приступ, — и услышал тихий голос:

— Мальчик.

Сначала я подумал, что это бред, такое иногда случалось во время приступов, но потом я вспомнил, что в таком случае я не должен был этого осознавать: все странные вещи, которые я слышал и видел в бреду, казались обыкновенными. Поэтому когда голос снова произнес: "Мальчик" — тихо и отчетливо, как пересмешник на рассвете, — я открыл глаза.

Рядом со мной на коленях стояла девочка. Она выглядела примерно на год младше меня. Мне было почти шестнадцать, а ей, думаю, — лет четырнадцать или пятнадцать. На ней было льняное платье в белую и голубую клетку; ее лицо было очень бледным, но не той болезненной бледностью, которая проглядывала во мне даже сквозь загар. Ее темно-каштановые волосы, разделенные посередине на две тяжелые пряди, свесились с плеч, когда она заглянула мне в лицо.

— Тебе плохо, да? — спросила она. Ни тени заботы или тревоги не было в ее голосе. Простой познавательный интерес.

Я покачал головой. — Нет, — прошептал я, почти боясь спугнуть ее словами. До сих пор я никого здесь не видел, и я подумал, что умираю и что именно поэтому могу видеть привидение. Но девочка в клетчатом платье выглядела вполне из плоти и крови.

— Тебе лучше пойти со мной, — сказала девочка. — Она приведет тебя в порядок.

— Кто — она?

— Ну, просто Она, — ответила незнакомка.

Лихорадка начала проходить, и когда она встала с колен, я тоже поднялся. Я заметил край белой юбки с оборками, выглянувшей из-под ее платья, отпечатки мха на коленях и, подумав, что у призрака такого быть не может, пошел за ней к дому. Она не стала подниматься по шатким прогнившим ступеням, которые вели на веранду с белыми колоннами, увитыми буйно разросшейся глицинией, но подошла к покосившейся подвальной двери. От солнца и дождей краска на ней покоробилась и облупилась, но дверь была чистой, возле нее не лежали кусочки эвкалиптовой коры, валявшейся повсюду, из чего я заключил, что лестницей в подвал пользовались часто.

Девочка открыла дверь. — Иди первым, — сказала она. Я стал спускаться по ступеням, холодившим мои босые ноги. Войдя за мной, она закрыла дверь, и, опустившись в подвал, мы оказались в крошечной темноте. Мне уже становилось страшно, когда из мрака донесся ее тихий голос.

— Мальчик, где ты?

— Я здесь.

— Дай мне руку. А то споткнешься.

В темноте мы протянули друг другу руки. Ее пальцы, крепко сжавшие мои, оказались длинными и прохладными. Она шла уверенно, будто ходила по этой дороге всю свою жизнь.

— Бедный Субби сидит в темноте, — сказала она. — Впрочем, ему так нравится. Он может проспать целую неделю. Иногда он жутко храпит. Субби, милый! — ласково позвала она. Какое-то пыхтение и фырканье раздалось в ответ, и она радостно рассмеялась. — О, Субби, какой ты милый! — сказала она, и снова кто-то зафыркал. Девочка потянула меня за руку, и мы оказались в огромной пыльной кухне. Железные кастрюли, горшки и сковородки висели по обеим сторонам невероятного очага, а на мраморном столе посередине комнаты лежала скалка и стояла миска с мукой. Девочка сняла с полки зажженную свечу.

— Я собираюсь печь пирожное, — сказала она, поймав мой взгляд на скалку и муку, и отпустила мою руку. — Пойдем. Она ускорила шаг. Мы вышли из кухни, пересекли зал, прошли через столовую, где стоял стол из красного дерева под толстым слоем пыли, хотя картины на стенах были задернуты простынями. Затем мы вошли в бальную залу. Зеркала на стенах потускнели и покрылись пятнами; у одной из стен одиноко стоял изящный позолоченный стул с сиденьем из бледно-розового и серебряного витого шелка; он удивительно хорошо сохранился. С потолка свисала массивная люстра, на которой

повесилась Александра Лондермейн; ее грани ловили и переломляли в сотни цветов мерцание свечи и те несколько солнечных лучей, которым удалось проникнуть через окна. Когда мы пересекали залу, девочка начала танцевать — грациозно, легко, так что платье в бело-розовую клетку летало вокруг нее. Танцуя, она с удовольствием смотрелась в старые зеркала, и свеча в ее правой руке вспыхивала и оплывала.

— Ты уже не дрожишь. Что же теперь я Ей скажу? — спросила она, когда мы подошли к широкой, красного дерева, лестнице. Было очень темно, и она снова взяла мою руку. Пока мы добирались до конца лестницы, я обрадовал ее новым приступом. Она с одобрением пожала мои дрожащие пальцы:

— О, у тебя снова началось. Это хорошо. — Легким толчком она открыла тяжелые дубовые двери наверху лестницы.

Когда я заглянул в комнату, бывшую, видимо, кабинетом полковника Лондермейна, я подумал, что это или сон, или бредовое видение. В центре комнаты за огромным столом сидела женщина, удивительней которой я никогда не видел. Мне показалось, что она очень красива, хотя это была и не та красота, которая ценилась в городке. Даже сидя, она казалась невероятно высокой. Сложенные один на другой на столе перед ней высилось несколько толстенных томов; ногтем она делала отметки в открытой книге, но не читала. Откинувшись на спинку резного стула, положив голову на подушечку из расшитого лазурью и золотом шелка, одной рукой она нежно гладила олененка, спавшего на ее коленях. Ее глаза были закрыты, я даже не мог себе представить, какого цвета они могут быть. Меня бы не удивило, окажись они янтарно-солнечными или такого же глубокого пурпурного цвета, как ее бархатное платье. Отливавшее красным при свете камина, ее поразительно густые, коротко остриженные волосы пылали, казалось, вокруг головы, как сумасшедший огонь. Глубокие тени лежали под ее закрытыми глазами, а скорбные морщины — у рта. И тем не менее ее лицо было настолько лишено примет времени, что какой угодно возраст был для нее возможным — и сто лет, и двадцать пять. Ее крупный рот шевелился — она напевала что-то сильным грудным голосом. Две кошки — черная и белая — лежали, свернувшись, на книгах, а рядом с ней стоял леопард, не рыча и не двигаясь. Он просто стоял и наблюдал за нами.

Девочка толкнула меня в бок и приложила палец к губам, чтобы я молчал. Но я и не мог говорить; зубы мои стучали от озноба, о котором я совершенно забыл, зачарованно глядя на лицо женщины, на расшитую подушечку, и прислушивался к нежным бархатным звукам. Наконец, эти звуки превратились в слова, и мы услышали песню:

В моей высокой башне ночь
Не переходит в день.
Со мной поговорить не прочь
Мой маленький олень.

Двенадцать небывалых птиц
Слетаются на зов
Моих двенадцати девиц
Чудесных голосов.

Тот, кто волшебных знаков суть
Открыл мне, сделал так,
Чтоб не узнал про этот путь
Ни умный, ни дурак.

Все тайны снов узнала я,
Как Тот, кто сам не спит.
Я слышу, как кричит земля.
Как замок мой дрожит...

Песня не закончилась, но Она открыла глаза и посмотрела на нас. Теперь, когда хозяйка знала, что мы здесь, леопард был готов прыгать и проглотить меня, но она положила руку на ошейник, украшенный сапфирами, и остановила его.

— Ну, Александра, — сказала она, — кто это с тобой? Девочка, все еще державшая мою руку в своих длинных прохладных пальцах, ответила:

— Мальчик.

— Это я вижу. Где ты его нашла?

От ее голоса мурашки побежали у меня по спине.

— В парке. У него лихорадка. Видишь? Он и сейчас дрожит. Это приступ? — В словах Александры сквозило веселое любопытство.

— Иди сюда, мальчик, — сказала женщина.

Я не двигался. Александра подтолкнула меня, и я медленно пошел. Когда я приблизился, она нежно потрепала леопарда за ухо и сказала: "Лежать, Таммуз". Зверь подчинился и растянулся у ее ног. Когда я подошел к столу, она протянула мне руку. Если у Александры пальцы были цепкие и прохладные, то в ее пальцах были сила океана и холод мрака. Она посмотрела на меня долгим взглядом, и я увидел, что глаза у нее темно-синие, намного темнее, чем у Александры, темные до черноты. Когда она заговорила снова, ее голос прозвучал тепло и заботливо:

— Ты весь горишь. У тебя малярия. — Я кивнул. — Хорошо, сейчас мы с этим справимся.

Когда она встала, положив спящего олененка рядом с леопардом, она оказалась вовсе не такой высокой, как я ожидал, но все равно ощущение необычайного роста осталось. Несколько книжных полок в углу были освобождены от книг и установлены разнообразными ретортами и колбами. Рядом стоял большой скелет. Еще здесь был разъеденный кислотой умывальный таз. Вся эта часть комнаты напоминала какую-то химическую лабораторию. Она взяла бутылку янтарного стекла и налила каплю жидкости из нее в стакан с водой.

Когда капля упала в воду, раздалось громкое шипение, поднялось облако густого дыма. После того, как все рассеялось, она протянула мне стакан и сказала: "Пей. Пей, мой мальчик!"

Моя рука дрожала так, что я едва не выронил стакан.

— Что это? — спросил я.

— Пей, — сказала она, и край стакана ударился о мои зубы. После первого глотка я начал задыхаться и выплеснул бы эту жидкость, но она силой залила жгучий состав мне в горло. Меня как будто подожгли. Я почувствовал, как пламя разливается по всем жилам, а комната и все предметы в ней заходили ходуном. Когда равновесие более-менее восстановилось, мне снова удалось выдавить из себя: "Что это?"

Она улыбнулась и ответила:

Сердце павлина, мышинный язык,

Лунная пыль, обезьяний кадык.

И тогда я задал вопрос, на который никогда бы не решился, не будь я еще наполовину пьян от проглоченного зелья:

— Вы ведьма?

Она снова улыбнулась и сказала: — Это моя профессия.

Она не поразила меня ударом молнии за любопытство, и поэтому я продолжал:

— Вы летаете на метле?

На сей раз она засмеялась:

— Могу, если хочу.

— Это... это не очень трудно?

— Поначалу почти как оседлать дикую лошадь, но я всегда была хорошей наездницей и сейчас запросто с ней управляюсь. Я даже освоила езду на дамском седле, правда, в обычном чувствую себя уверенней. Я всегда сидела на лошади прямо. Хотя лучшие ведьмы летают на

метле боком, так что... А теперь отправляйся домой. Александра должна делать уроки, и мне нужно работать. Ты можешь держать язык за зубами, или сделать так, чтобы ты забыл?

— Я могу держать язык за зубами.

Она посмотрела на меня, и ее взгляд был жгучим, как то зелье, которое она дала мне.

— Да, кажется, ты можешь, — сказала она. — Приходи завтра, если хочешь. Таммуз покажет тебе дорогу.

Леопард поднялся и подошел к двери. Я колебался, боясь быть разорванным на кусочки. Осторожно, но настойчиво он подергал меня за штанину.

— До свиданья, мальчик, — сказала ведьма. — У тебя больше никогда не будет лихорадки.

— До свиданья, — ответил я. Не сказав ей "спасибо" и не попрощавшись с Александрой, я последовал за леопардом.

Она разрешила мне приходить каждый день. Думаю, ей было очень одиноко. В конце концов, здесь я был единственным существом, жившим отдельно от нее жизнью. А если подумать, то своя жизнь у меня появилась только благодаря ей. Я был таким же произведением ведьмы, как леопард Таммуз или два кота, Аштарот и Орус (лишь через много лет после нашей последней встречи узнал я, что так звали падших ангелов).

К тому же она избавила меня от малярии. Мои родители и знакомые думали, что я перерос болезнь. Я злился от того, что они так легко говорили об этом, и мне хотелось рассказать им о ведьме, но я знал, что как только первое слово слетит с моих губ, я буду навеки проклят. Мама собиралась написать благодарственное письмо в фирму ббб, надеясь получить от них хоть пару долларов.

Мы с Александрой очень сдружились. Она была странным созданием, витавшим где-то далеко. Ей нравилось, когда я смотрел на нее, танцующую в бальной зале или играющую на воображаемой арфе, хотя иногда мне казалось, что я и впрямь слышу музыку. Однажды она повела меня в гостиную и сняла покрывало с портрета, висевшего между двух заколоченных окон. Она отошла в сторону и подняла свечу над головой, чтобы лучше осветить картину. Это был портрет той Александры или Александры этой, но лет через пять.

— Это моя мама, — сказала она. — Александра Лондермейн.

Насколько мне было известно из рассказов, ходивших по городу, Александра Лондермейн родила только одного ребенка, да и то мертвого, — перед тем, как повеситься на люстре в бальной зале. Как бы то ни было, любая из ее дочерей годилась бы Александре в мамы или бабушки. Но я ничего не сказал, потому что, когда Александра сердилась, она становилась дикой, как кошка, и прыгала на меня, царапая и кусая. Я долго смотрел на портрет и молчал.

— Видишь, у нее такое же кольцо, как у меня. — сказала Александра, вытягивая руку, на безымянном пальце которой сверкало удивительной красоты кольцо с алмазом и сапфирами. Такого чуда я и представить себе не мог; в городе таких колец не было даже у самых богатых. Я подумал, что Александра привела меня сюда и открыла портрет только для того, чтобы похвастаться кольцом, которое раньше никогда не надевала.

— Где ты взяла его?

— О, Она дала мне его в последнюю ночь.

— Александра, — неожиданно спросил я, — сколько времени ты здесь живешь?

— О, совсем немного.

— Да, но сколько?

— Я не помню, сколько.

— Но ты должна помнить.

— Я не помню. Я просто пришла — как Бедный Субби.

— Кто такой Бедный Субби? — спросил я, впервые задумавшись о том, кто это встречал Александру тихим фырканьем в тот день, когда она нашла меня в парке.

— Слушай, мы ведь никогда не показывали тебе Субби! — воскликнула она. — Я думаю, что можно, но лучше сначала спросить Ее.

Мы подошли к комнате ведьмы и постучались. Своими мощными зубами Таммуз открыл дверь, и ведьма, занятая каким-то экспериментом, оторвала взгляд от пробирок и реторт. Олененок спал, как всегда, у ее ног.

— Ну? — сказала она.

— Можно я покажу ему Бедного Маленького Субботу? — спросила Александра.

— Можно. Но не дразнить! — ответила она, повернулась к нам спиной, склонившись над своими пробирками, а Таммуз носом вытолкнул нас из комнаты.

Мы спустились в подвал. Александра зажгла лампу и повела меня в самый дальний угол, где находилось стойло. Его занимал двугорбый верблюд. Я не смог удержаться от смеха, когда увидел, какой простодушной улыбкой встретил он Александру, демонстрируя все свои огромные зубы лопатой и радостно пыхтя.

— Она запретила его дразнить, — сурово заметила Александра и потерлась щекой о нелепую пятнистую шкуру, которая линяла, обнажая кусочки кожи на его длинном носу.

— А что... — начал я.

— Она иногда ездит на нем. — Александра протянула руку, и он уткнулся в неё, почесывая свои замшевые губы о сапфиры и алмазы её кольца.

— Обычно Она с ним разговаривает. Она говорит, что он очень мудрый. Он иногда приходит к Ней в комнату, и они долго болтают. Я ни слова не понимаю. Она говорит, что это хинди и арабский. Иногда я что-нибудь запоминаю, вроде этого: идеро, соркабатха и анна бибед беч. Она говорит, что я смогу этому научиться, когда выучу французский и греческий.

Бедный Маленький Суббота закатывал глаза от удовольствия, когда она чесала ему за ухом.

— А почему его зовут Бедный Маленький Суббота? — спросил я.

В голосе Александры прозвучала честолюбивая нотка:

— Это я так его назвала. Она мне разрешила.

— Но почему ты назвала его именно так?

— Потому что он пришел зимой прошлого года, в субботу, а это был самый короткий день в году; с утра до вечера шел дождь, и поэтому рассвело позже, а стемнело раньше, чем в хорошую погоду. Этот день получился меньше, чем ему полагалось, и мне было жаль его, что я подумала, ему станет лучше, если я кого-нибудь назову его именем. Она сказала, что это замечательное имя! — неожиданно обернулась она ко мне.

— Да, конечно! Это чудное имя! — поспешил я согласиться, мысленно улыбнувшись тому, что Александра сочувствовала обыкновенному дню намного больше, чем человеку. — А как Она нашла его? — спросил я.

— Он просто пришел.

— Что значит — пришел?

— Он был нужен Ей, и поэтому пришел. Из пустыни.

— Он шел!?

— Да. А иногда плыл. Она встретила его на берегу и привезла сюда на метле. Ты бы его видел! Он был такой мокрый и такой смешной! Она напоила его горячим кофе со всякими штучками.

— Какими штучками?

— Ну, просто штучками.

За нашими спинами раздался голос ведьмы:

— Ну, дети.

Впервые я видел ее вне комнаты. Таммуз сопровождал ее с правой стороны, а олененок — с левой. Коты, Ашарот и Орус, остались, по-видимому, наверху.

— Хочешь покататься на Субботе? — спросила она меня.

Я молча кивнул. Она приложила руку к стене, и часть ее опустилась в землю — так, чтобы Бедный Маленький Суббота мог выйти.

— Она очень милая, правда? — спросила меня ведьма, с любовью глядя на неказистое

создание с шишками-коленями и блюдцами-копытами. — Ее бабушка как-то оказала мне большую услугу в Египте. К тому же я люблю верблюжье молоко.

— Но Александра сказала, что это он! — воскликнул я.

— Для Александры любой зверь, кроме кошки, — он, а любая кошка — она. Аштарот и Орус, например, — кошки, но даже будь они котами, она все равно звала бы их кисками. Ну, давай, Суббота, выходи!

Суббота попятилась задом, задевая мослатыми коленями и голеньями о стойло, и остановилась под дубом. "Вниз," — сказала ведьма. — Суббота косилась на меня, не двигаясь. "Вниз, соркабатха!" — скомандовала ведьма, и Суббота послушно опустилась на колени. Я взобрался на нее и не успел как следует усесться, как она рывком поднялась. Я ударился подбородком о передний горб и чуть не откусил язык. Круг за кругом отплясывала Суббота со мной, вцепившимся в ее горб, а ведьма с Александрой катались по земле от хохота. Чувство было такое, будто я плыву на утлом суденышке в открытом море, и меня в самом деле укачало, когда Суббота, деликатно чихая, принялась гарцевать среди молодых дубков.

Наконец ведьма сказала: "Хватит!" Суббота резво остановилась, чуть не сбросив меня, и медленно опустилась на колени. "Это она хотела тебя подразнить, — сказала ведьма, легонько подергав меня за нос. — Можешь зайти ко мне, посидеть немного, если хочешь".

Больше всего я любил сидеть в комнате ведьмы и смотреть, как она изучает книги, выводит странного вида математические формулы, составляет гороскопы или проводит сложные опыты с колбами и ретортами, наполняя комнату запахом серы или вспышками красного и синего цвета. Только раз она меня испугала — когда я увидел, как она танцует со скелетом, стоявшим в углу. Комната утонула в необычайном красноватом свечении, и мне показалось, будто плотью покрываются кости скелета, когда они, как влюбленные, танцевали. Я сидел в кресле с высокой спинкой, меня почти не было видно, и я подумал, что она забыла обо мне. Когда они закончили танцевать и скелет снова встал в угол, блестя отполированными костями без малейших признаков жизни, она прислонилась лбом к темно-красной шторе, скрывавшей заколоченное окно, и слезы потекли по ее щекам. Затем она вернулась к своим ретортам и лихорадочно принялась за работу. Ни она, ни я никогда не намекали на это происшествие.

С приближением зимы она позволяла мне оставаться в ее комнате еще дольше. Однажды я набрался смелости расспросить ее о прошлом, но мое любопытство не было удовлетворено.

— А вы, наверное, из тех северян, которые купили это имение?...

— Не продолжай, мальчик. Вот что я тебе скажу. Ты знаешь, что этот скелет был когда-то старым полковником Лондермейном? Хотя, в общем, не таким уж и старым; ему было всего лишь тридцать семь, когда погиб в сражении при Банкер Хилл, — или я путаю его с Рудольфом Лондермейном?... Но все равно, ему было только тридцать семь, и он был видным мужчиной, а Александре было только тридцать, когда она повесилась из-за любви к нему на люстре в бальной зале. Ты знаешь, что толстяк с рыжими усами пытается надуть твоего отца? Его корова будет давать скисшее молоко семь дней. А теперь беги, поговори с Александрой. Она скучает.

Прошла зима, наступила весна, камелии и азалии в Кейп Джессами сменились буйством майского цветения — и тогда я впервые поцеловал Александру, очень неловко. На следующий вечер, когда мне удалось сбежать от домашних дел и примчаться на ферму, она подарила мне свое кольцо с алмазами и сапфирами, подвесив на ленточку из бирюзового атласа. — Оно будет хранить нас обоих, — сказала она, — если ты будешь носить его всегда. Когда мы вырастем и сможем пожениться, ты вернешь его мне. Только никто не должен видеть его, никогда-никогда, иначе Она будет сердиться.

Мне было страшно брать это кольцо, но, когда я попытался отказаться, Александра, разъярившись, принялась кусать меня и пинать ногами. Я сдался.

Лето уже было на исходе, когда отец обнаружил кольцо, висевшее на моей шее. Я

сопротивлялся, как сумасшедший, чтобы не дать ему увидеть кольцо, — а оно в самом деле будто придавало мне силы; во всяком случае, я стал намного сильнее. Но отец был все же сильнее меня и сорвал его. Какую-то минуту длилась немая сцена, а потом разразилась буря. Это было знаменитое кольцо Лондермейнов, которое исчезло в ту ночь, когда повесилась Александра Лондермейн. Оно стоило миллионы. Где я его взял?

Никто не поверил мне, когда я сказал, что нашел кольцо около дома. Я сказал так для того, чтобы никто не заподозрил, что я был в этом доме, то есть мог в него попасть. Не знаю, почему они мне не поверили; до сих пор мне кажется вполне логичным то, что я мог найти его в траве.

Этот год был долгим и унылым, и мужчины томились от скуки. Они схватили меня и силой напоили водкой до того состояния, когда я уже не соображал, что делаю и говорю. Когда они разделались со мной, я смог прийти домой только после того, как меня жестоко вырвало. Мама обняла меня и расплакалась. Лишь на следующий день я был в состоянии отправиться на ферму. Задыхаясь, я вбежал по лестнице из красного дерева и без стука открыл тяжелые двери. Ведьма стояла посередине комнаты в своем пурпурной платье, обнимая отчаянно рыдавшую Александру. За одну ночь комната полностью изменилась... Скелет полковника Лондермейна исчез, книги заполнили полки в углу, где раньше была лаборатория. Все опутала паутина, битое стекло лежало на полу, дюймовой толщины пыль покрывала ее рабочий стол. Нигде не было видно ни Таммуза, ни Аштарота с Орусом, ни олененка. Четыре птицы летали вокруг нее, задевая своими крыльями.

Она не смотрела на меня и даже не замечала. Обнимая Александру, она повела ее в гостиную, где висел портрет. Птицы, кружась, летели за ними. Александра перестала плакать. Ее лицо было строгим и бледным, и если даже она видела, как я тащусь за ними, то не подавала виду. Когда ведьма остановилась перед портретом, покрывало упало. Она подняла руки; все окутал дым; запах серы был невыносим. Когда дым рассеялся, Александра исчезла. Портрет остался, но на безымянном пальце левой руки уже не было кольца. Ведьма протянула руку, покрывало поднялось и накрыло портрет. Затем она пошла, окруженная птицами, в свою комнату, и я плелся за нею, испуганный, как никогда в жизни.

Она долго стояла, не двигаясь, в центре комнаты. Наконец, она обернулась и заговорила:

— Ну, мальчик, где же кольцо?

— Они забрали его.

— Они заставили тебя пить, не так ли?

— Да.

— Я боялась, что это случится, когда отдавала кольцо Александре. Но это не важно... Я устала... — Она провела ладонью по лбу.

— Я... я все рассказал им?

— Да, все.

— Я... я не знал.

— Я знаю, что ты не знал, мальчик.

— Вы теперь ненавидите меня?

— Нет, мальчик, у меня нет к тебе ненависти.

— Теперь вам придется уйти?

— Да.

Я опустил голову:

— Я так виноват...

Она слабо улыбнулась.

— Песок времени... Города рушатся и поднимаются, и снова рушатся, и дыхание умирает и появляется снова...

Птицы бешено кружились вокруг ее головы, дергая за волосы, крича ей в уши. Снизу доносился громкий стук, а затем треск досок, срываемых с окон.

— Иди, мальчик, — сказала она. Я остолбенел и не мог двигаться.

— ИДИ! — закричала она и сильным пинком вытолкнула меня из комнаты. Они ждали меня у дверей погреба и схватили, когда я появился. Я стоял там и видел, как они выводили ее. Но это уже была не моя ведьма. Это было их представление о ведьме, тысячелетнем всклокоченном создании в черном тряпье, с длинными прядями седых волос, крючковатым носом и четырьмя черными волосинами, торчащими из бородавки. Четыре птицы, вылетевшие за ней, внезапно стали подниматься, все выше и выше, прямо к солнцу, и растаяли в его раскаленном сиянии.

Двое мужчин крепко держали ее, хотя она стояла очень спокойно, не сопротивляясь, тогда как другие обыскивали дом, ничего не находя. Когда они стали спускаться в подвал, я вспомнил, — и по отблеску прежнего огня, промелькнувшему в глазах ведьмы, понял, что она вспомнила тоже. О Бедной Маленькой Субботе забыли! Она выбиралась наружу, неуклюже шлепая по ступенькам подвала, выпятив свои замшевые губы над гигантскими зубами, с ужасом в выпученных глазах. Когда она увидела ведьму, свою госпожу и хозяйку, в руках двух грязных, грубых мужчин, она пронзительно закричала и набросилась на них, стала дико кусать и лягаться с тем жутким, душераздирающим воем, на который способны только верблюды. Один из мужчин упал на землю, схватившись за ногу, хрустнувшую от удара Субботы. Второй в страхе удрал, оставив ведьму на веранде. Она стояла, держась за лозу глицинии, обвинявшей колонну. Суббота вскарабкалась на веранду и опустилась на колени, подставив спину своей хозяйке. Продолжая кричать, ударяя коленом о колено, она понеслась так, что земля задрожала от ее ног. Как камни, упали с неба четыре птицы и полетели за ними.

Я прыгал, кричал и махал руками, пока Суббота, ведьма и птицы не исчезли в туче пыли и пока мужчина со сломанной ногой стонал рядом со мной на земле.

37. Мартин Рикетс Предатель

Когда я приехал в Брэндон-хауз, у меня возникло ощущение, будто это тюрьма. Высокий металлический забор с пиками наверху перегораживал длинную дорожку, по которой к парадному входу подъезжали машины. Окна здания были закрыты тяжелыми деревянными ставнями, а весь облик дома производил впечатление подчеркнутой изолированности, глухой отчужденности от окружающей жизни. Да и погода в то утро, когда я туда приехал, также подчеркивала мрачность этой замкнутой обители: холодный липкий туман обволакивал высокие каменные стены и росшие аккуратными рядами раскидистые деревья.

Сначала я почувствовал густой запах сырости. Он исходил от почвы, раскисшей от непрекращающихся дождей, от деревьев и кустов и даже от мрачного особняка, в котором мне предстояло жить и работать. Правда, я не исключал, что все дело было не столько в характере окружающей обстановки, проще говоря — в погоде, сколько в моем собственном настроении. Что и говорить, я без особой радости покидал насиженные места и ехал в эту глушь, но слишком уж заманчивым показалось мне тогда это объявление.

Лорд Брэндон принял меня вполне радушно. Очутившись в его уютном, озаренном пламенем камина кабинете, я немного приободрился. Мой работодатель оказался человеком плотного телосложения, с добрыми глазами и живыми манерами. При виде его едва ли у кого-то могло сложиться впечатление, что этот человек является отцом довольно большого и, по правде сказать, весьма странного семейства. (Впрочем, я слишком забегаю вперед, ибо в тот момент у меня еще не было никаких оснований считать это семейство странным.) В общем, он обошелся со мной скорее как с заезжим дальним родственником, нежели с воспитателем его подрастающих отпрысков.

В мои обязанности входило обучение детей английскому языку и основам математики. Когда же я заметил лорду, что ребятишкам полезно было бы получить подготовку также и по

другим дисциплинам, он удивленно вскинул брови.

— А разве я не сказал вам? Ну, конечно же, у вас будет коллега. Так сказать, напарник. Я сразу подумал, что одному вам будет трудновато. Он приехал вчера вечером и уже с сегодняшнего утра приступил к работе. Сейчас он с детьми, я познакомлю вас попозже.

Я улыбнулся — мое настроение явно шло на поправку, чему в немалой степени способствовал превосходный коньяк, которым угостил меня лорд и который оказался как нельзя более кстати в это промозглое сырое утро.

Мы сидели и болтали о всяких пустяках, когда дверь открылась и в кабинет вошел мой будущий коллега.

Джон Грейдон был высокий молодой человек, с темными волосами и свисающими книзу длинными усами, призванными, казалось, скрадывать лукавую улыбку, ни на секунду не сходящую с его энергичного лица.

— Рад познакомиться с вами, мистер Райан, — сердечно проговорил он.

— Нет-нет, — запротестовал я, — раз уж нам предстоит вместе работать, давайте без лишних формальностей; Меня зовут Дэвид.

Он улыбнулся, кивнул и посмотрел на лорда Брэндона, который разглядывал нас с выражением некоторого отстраненного любопытства на лице. Наконец он подошел и опустил мне на плечо руку.

— Пойдемте, Дэвид. Теперь вы познакомились со своим коллегой, и, думаю, самое время представить вам детей, после чего вы можете приступить к исполнению своих служебных обязанностей.

Я вышел вслед за ним в холл, и мы стали подниматься по широкой лестнице.

Вид детской буквально поразил меня. Комната, хотя и довольно большая, оказалась темным, безрадостным местом; вместо ярких веселых картинок, которыми обычно оклеивают подобные помещения, в ней преобладали темно-коричневые тона. На стенах не было ни малейшего намека на какие-то рисунки или картины. Черные рамы узеньких окошек-бойниц усиливали впечатление угрожающей мрачности, а бордовые тяжелые шторы, свисавшие со стен, наводили на мысль о провинциальном музее.

Четверо детей — маленьких, забавных белокурых существ — полукругом сидели посередине комнаты. Лорд представил мне всех их одного за другим. Старший — Майкл — был десятилетним мальчиком с учтивыми манерами и интеллигентным лицом. У него, как и у его девятилетней сестры Сары, на лице красовалась широкая обезоруживающая улыбка. Девочка носила тоненькие хвостики-косички, а на ее розовых щеках сияли трогательные ямочки. Симпатичный Филипп явно стеснялся, тогда как самая младшая Джейн казалась разговорчивее и решительнее всех остальных детей. У ребятшек были темно-синие глаза, придававшие этой милой четверке неотразимое обаяние. Что и говорить, я сразу же влюбился в своих будущих воспитанников.

Лорд Брэндон с удовлетворением заметил, что дети живо и радостно приветствовали меня, и уже через несколько минут я почти забыл о своем не слишком радостном настроении, который вызвало у меня неожиданно мрачное убранство детской комнаты. Впрочем, я забегу еще раз вперед и скажу, что когда через несколько дней поинтересовался у лорда, почему он именно таким образом отделал комнату для своих детей, он, как мне показалось, несколько раздраженно отмахнулся и пробормотал что-то насчет их желания иметь подобный интерьер. Продолжая свою мысль, скажу, что поначалу не очень-то поверил в искренность лорда, который, как у меня сложилось впечатление, всячески стремился подавить, смять их волю и едва ли не насильно заставил их играть в этой неудобной детской. Однако позднее я понял, что дело обстояло как раз наоборот и что доминирующей силой в доме являлась именно четверка подрастающих наследников лорда Брэндона. Отец прямо-таки боготворил их, и всякий раз получалось, что любой каприз ребят определял настрой и поведение всех остальных обитателей дома.

Одна неделя сменяла другую, и я не мог пожаловаться на то, как идут дела, да и дети

вели себя как нельзя лучше. Наши уроки превращались в слаженные диалоги, от которых я сам получал не меньше пользы, чем мои юные подопечные. Они рассказывали мне о своей матери, которая умерла два года назад, но за этим и всеми другими аналогичными повествованиями я, к своему искреннему удивлению, не обнаружил ни у одного ни малейшего интереса к прошлому их рода или истории возникновения Брэндон-хауза. Абсолютно никого, даже старшего Майкла, эта тема ничуть не интересовала и тем более не волновала. Счастливые сегодняшним днем, они жили и играли в выдуманном ими же спокойном, обеспеченном, игрушечном мире.

По утрам с ними занимался Джон, а после полудня они с радостными криками встречали меня, входящего в их импровизированный класс. Маленькая Джейн проворно забиралась ко мне на колени и начинала что-то нашептывать на ухо, тогда как остальные, расположившись рядом прямо на полу, заливисто смеялись.

Мы довольно часто обменивались с Джоном нашими впечатлениями о питомцах.

— Они действительно милашки, — соглашался Джон. — Любят рассказывать мне, что делают на твоих уроках, а ты, наверное, выслушиваешь их басни о моих занятиях. И все действительно получается так естественно, просто. Но ты знаешь... — он покачал головой и уставился в пол, его усы вяло свисали по краям губ.

— Тебя что-то тревожит? — участливо поинтересовался я.

— Возможно, все это сплошные пустяки, — проговорил он со слабой улыбкой. — Просто я постоянно чувствую себя как-то не так, словно что-то неослабно давит на меня, постоянно гнетет...

— Слово-то какое — "давит". Не понимаю, о чем ты?

Он пожал плечами.

— Не знаю. Сами дети... Странные они какие-то, не такие, как все. А ты сам ничего не замечал?

Я потягивал пиво и искоса поглядывал на Джона.

— Да брось ты, неужели вид этой похоронной комнаты, которую почему-то называют "детской", так действует на тебя?

Он вновь покачал головой.

— Нет, не то... Что-то с самими детьми, нечто в их поведении. И оно есть, это точно...

Я легонько похлопал его по плечу.

— Уверен, что все дело в самом доме. Вيني эти стены — это они так угнетают тебя. Ну, да ладно, прими еще стаканчик и выбрось всю эту ерунду из головы. — Я поднял свой стакан, чтобы чокнуться.

— Возможно, ты прав, — нехотя согласился Джон, однако за весь оставшийся вечер он едва проронил более десятка фраз.

На следующий день дети пришли на урок в сильном возбуждении. Мальчики не находили себе места, а девочки все время о чем-то перешептывались. Я по привычке взял маленькую Джейн на руки, Сара тоже подскочила, обхватив меня за шею руками.

— Мистер Грэйдон рассказал нам о клубах, — призналась она. — Он научил нас играть в них.

— Клубы? — заинтересовался я. — А что это такое?

— Это такие места, где собираются разные люди. И после этого они называются их членами.

— Очень интересно, — проговорил я, поглаживая девочку по руке. Обрадованная Сара в ответ на это еще крепче обняла меня.

— И у нас теперь тоже есть свой клуб. Но это большой секрет! Его члены — мы четверо, мистер Грэйдон и ты.

— Не ты, а вы, — мягко поправил я девочку, но та, казалось, даже не расслышала моих слов.

— Мы назвали его "Детский клуб", — продолжала она. — Никто пока ничего не знает.

Даже папа. Это очень-очень большой секрет!

Я улыбнулся. Молодчина Джон! Наконец-то придумал им новую забаву и разделался со своей хандрой. И надо же — попал в самую точку, ребята, того и гляди, завизжат от восторга.

Я поделился с ним своим мнением на этот счет.

— Да, так получилось... — признался он. — Это было на уроке истории. Почему-то речь зашла о клубах, ну и вот — все вышло само собой, — теперь и он радостно заулыбался.

— Но с какой стати ты, учитель истории, вдруг заговорил о клубах? — спросил я. — Надеюсь, ты не стал рассказывать этой малышне про всяких огнепоклонников и тому подобном?

Он рассмеялся.

— Дружище, ну что ты, конечно же, нет! — Он покачал головой. — Повторяю, я и сам в толк не возьму, с чего меня потянуло на эту тему. Ладно, историческую часть программы придется наверстывать завтра.

Так оно и получилось, хотя, как мне кажется, он снова отклонился от темы урока.

— Мы узнали все о предателях, — с непосредственностью и увлеченностью семилетнего ребенка сказал мне на следующий день Филипп. — А вы знаете, как в старину поступали с предателями?

Вопрос этот мне не понравился, хотя я постарался не показать виду. В конце концов, все маленькие мальчики проходят стадию увлечения всякой романтической чепухой.

— Ну, наверное, их казнили или что-то в этом роде, — неуверенно сказал я.

— Да, — с улыбкой проговорил он. — Им отрубали голову. А вы знаете, что они делали потом?

На сей раз меня всего передернуло.

— Филипп, перестань пожалуйста. Давайте лучше займемся математикой, хорошо?

В течение двух последующих часов дети вели себя необычно тихо, даже подавленно, а Филипп был особенно, как-то торжественно мрачен. Я впервые почувствовал, что в их поведении присутствуют какие-то не вполне понятные моменты; наверное, то же самое ощущал и Джон.

Позже я так ему и сказал.

— Выкинь все это из головы, — сказал он мне. — Я уже почти забыл про все это и, уверен, ты поступишь точно так же. — Он беззаботно рассмеялся и провел кончиком языка по нижней кромке усов. — Давай-ка сходим в деревню и немного расслабимся. Скоро Рождество, так что настроение у всех будет что надо.

Я приподнял стоявшую на столе бутылку и посмотрел ее на свет.

— Едва ли стоит нам куда-то еще идти. Ты и так выпил почти две трети.

— Все в порядке, — ухмыльнулся он. — Лорд Брэндон не возражает.

— И все же лучше не надо, — сказал я, глядя ему прямо в глаза.

Он опять рассмеялся и откинулся на подушку своей кровати.

— Я сегодня рассказал лорду Брэндону об этом их детском клубе. Ему тоже понравилась эта идея.

Я поджал губы.

— Не надо было этого делать, Джон. Дети хотели, чтобы все осталось в тайне, а теперь наверняка расстроятся.

Джон лишь отмахнулся.

— Все в порядке. И потом, это же все сплошная выдумка; ведь никакого клуба на самом деле нет, равно как и цели, которой он должен служить.

— Цель есть, причем весьма благородная, — с убежденностью в голосе проговорил я. — Достаточно хотя бы того, что это вызывает детский интерес, развивает их воображение.

— Да что ты так разволновался-то? — снова со смехом спросил он.

Я пожал плечами.

— Возможно, ты и прав.

На следующий день погода совсем испортилась. С самого утра моросил нудный дождь, все вокруг казалось мрачным, угрюмым. Белесые хлопья тумана метались вдоль земли, безуспешно пытаясь зацепиться за ветви кустов и деревьев. Совсем, как в день моего приезда, подумалось мне. Даже зажженные во всех комнатах и залах камины не могли сгладить неприятного впечатления от этого холодного, промозглого утра.

Ночью мне долго не спалось, и на урок я пришел не в духе. Дети сидели, молча уставившись в одну точку где-то у меня за спиной.

— Ну, что ж, начнем, — я попытался придать своему голосу как можно более бодрое звучание и не дышать в их сторону. — Что это вы сегодня такие грустные?

— Это все мистер Грэйдон, — ответила за всех Сара и вызывающе посмотрела на меня. — Оказывается, он рассказал папе о нашем клубе.

Так вон оно что! Значит, я оказался прав. Джон проболтался — я это знал, — но теперь мне придется основательно попотеть, чтобы хоть как-то расшевелить их.

— Не печальтесь, — сказал я им. — У меня припасено для вас кое-что поинтереснее. Думаю...

Внезапно я осекся, заметив на полу пятно крови.

— Что это такое? — строгим тоном спросил я. — Вы что, решили побаловаться ножом?

Четверка голов, словно в медленном танце, качнулась из стороны в сторону, затем разом, словно по команде, посмотрела на меня.

Глаза их сверкали, подобно пламени голубых газовых рожков на молочно-белом фоне улиц, губы были плотно сжаты, на скулах гуляли желваки.

Мне показалось, будто голова моя тоже качнулась от ужасающего предчувствия, которое, как паук, стремительно метнулось вдоль позвоночника. И тут я заметил на плинтусе, у дальней стены, следы той же незасохшей красной жидкости.

— Мистер Грэйдон предал наш клуб, — с той же спокойной, терпеливой твердостью в голосе проговорила Сара. — Он оказался предателем, он был изменником.

Был? Я отпрянул назад. Она сказала "был"? У меня отвалилась челюсть, на лбу выступила испарина. Я приподнял дрожащую руку.

— Что вы натворили? — почему-то шепотом спросил я. — Что, черт побери, вы отмочили? — Сейчас я уже не особенно следил за своими выражениями.

Теперь все четверо так же разом заулыбались.

— Но вы же сами знаете, как поступали с предателями и изменниками. В древние времена. Так ведь? — спросил Филипп.

Я молча уставился на него, потом безмолвно перевел взгляд на остальных детей. В руке Майкла был зажат большой нож.

— Боже... — только и смог выдавить я из себя. Теперь передо мной сидели уже не четыре невинных существа. Нет, сейчас я уже не просто чувствовал — я воочию видел неестественный блеск их совсем взрослых глаз, из которых буквально вырывался дьявольский, пронзительный огонь, озарявший их лица. Я дернулся в сторону, резко повернулся и схватился за дверную ручку.

— Он был предателем! — раздался за моей спиной разноголосый приговор, который тут же зазвучал диким воплем: — Предателем!!!

Спотыкаясь и едва не падая, я сбежал по лестнице. О, Боже, Боже...

— Лорд Брэндон! — мой хриплый крик заметался по пустым комнатам. — Лорд Брэндон! Лорд Брэндон! — Я кинулся к входной двери, рванул ее на себя, распахнул настежь и тут же окунулся в промозглый, сырой туман. Почти полдень, а темно, как в зимние сумерки, подумал я совсем не к месту.

Дверь пружиняще и плавно подперла сзади мою спину, я чувствовал, что грудь еле сдерживает безумные удары сердца. Внезапно позади себя я услышал нестройный топот детских ног. Они спешили следом за мной по лестнице.

Почти ничего не соображая, я уже собрался было молить Господа о пощаде, кричать во всеуслышание: "Я не изменник! Я не предавал вас!" — но безудержная паника, словно ребром ладони, резанула меня по горлу, я судорожно сглотнул, шагнул вперед, споткнулся обо что-то и со все своей природной неуклюжестью грохнулся на мокрый толченный кирпич аллеи. Мне почему-то вспомнились слова улыбающегося Филиппа:

— А вы знаете, что после этого делали с головой?

Я с трудом встал на ноги и бросился в бездонную белизну тумана.

— А вы знаете, что после этого делали с головой?

Все то время, что я бежал, эта фраза продолжала сверкать в моем мозгу. Темный туман липкими лапами хватал за тело, крючковатыми ведьмиными пальцами цеплялся за кожу, ледяными буравчиками вкручивался в ноздри. Под подошвами ботинок похрустывал гравий.

Да, я знал, что они после этого делали с головой. Они брали голову изменника и насаживали ее на пику ограды, которая потому так и называлась — Ограда предателей. Но ведь в этом доме тоже есть ограда!

Я бежал в сырую молочную мглу и молил Бога, чтобы этого не случилось. Ради всего святого, ну, пожалуйста!..

Никогда еще я не бежал так быстро, как сейчас, несясь по дороге, пока не заметил невдалеке перед собой смутно маячившие очертания ограды имения. Глядя прямо перед собой, на решаясь хотя бы на дюйм поднять голову, я побрел вдоль нее, машинально перебирая руками по толстым прутьям. Они были холодными, мокрыми, а в одном месте почему-то липкими.

Липкими!

Клейкими, противно цепляющимися друг за друга стали и мои пальцы. Ведь не могли же они стать такими от одного лишь тумана.

Мне пришлось закрыть глаза, потому что я не находил в себе сил посмотреть на то, какого цвета стали мои ладони, покрывшиеся осклизлой влагой. Особенно я боялся поднять взгляд вверх, туда, к острым концам пик... Боялся увидеть голову предателя с обвисшими усами и выпученными глазами.

А сзади по садовой дорожке ко мне быстро приближался легкий топот детских ног.

38. Айдрис Сибрайт Ребенок, который слышал

Только после тяжелого сердечного приступа, который с ним случился впервые, Эдвин Хопплер заметил ребенка. Исходя из опыта общения со стрекочущим потомством своей замужней сестры, он сделал для себя вывод, что детей не любит. Но доктор, обтекаемо намекнув на то, что он чудом остался жив, прописал ему не меньше месяца постельного режима. Кто-то должен был приносить ему еду из столовой пансиона. Обычно такими делами занимался Тимми.

Бабушка вырядила Тимми в блузу и коротенькие бриджи, скроенные из ее старых халатов, и этот костюм, дополненный длинными черными челками из хлопка и самодельной стрижкой, придавал ему странное сходство с воспитанниками детских садов тридцатилетней давности. Успешно преодолев опасности, связанные с открыванием двери и размещением подноса, он задержался и, смущенно улыбаясь, ждал, когда Хопплер примется за еду. Хопплер всегда заговаривал с ним, но Тимми не отвечал. Однажды Хопплер заметил это миссис Дин, прибиравшейся в его комнате.

— А разве вы не знаете? — сказала она, положив тряпку и повернувшись к нему. — Я думала, что говорила вам. Бедный мальчик заболел скарлатиной, когда ему было пять лет, сразу после смерти матери. Он глухой. Он ровным счетом ничего не слышит.

Он ходит в школу для глухонемых, но по губам читать еще не научился. Учитель говорит, что их трудно научить, если они вообще не слышат. Ясное дело, что и говорить он не может.

— Это ужасно, — нехотя сказал Хопплер. Как всякому больному, ему не хотелось слушать о чужих бедах. — А вы уверены, что он совершенно глух? Мне кажется, я замечал, как он к чему-то прислушивается.

Миссис Дин покачала головой: — Вы про то, как он наклоняет голову вбок, будто слышит такое, чего вам не слышно? Это ничего не значит. Я справлялась об этом у доктора из клиники, и он сказал, что Тимми не может ничего слышать. Прямо мурашки по телу бегут, когда на него смотришь, правда? Меня все время пробирало, пока я не привыкла. Но уши у него все равно что глиной залеплены. Глухой он, бедняжка.

Когда в очередной раз Тимми принес еду, Хопплер подзвал его к кровати и сделал для него бумажный кораблик. Тимми робко улыбался и не решался взять. Наконец он чуть ли не вырвал игрушку из рук Хопплера и выбежал с ней из комнаты. После этого случая, принося еду, он задерживался дольше, и улыбка его становилась смелее.

Время от времени Эдвин видел его "слушающим". Он напряженно вытягивал набок шею, будто прислушиваясь, и глаза его начинали блестеть. Эдвину не казалось это настолько пугающим, как описывала миссис Дин. Только перед самым днем рождения Тимми, которому исполнялось семь лет, это по-настоящему обеспокоило его.

День был солнечным и довольно теплым. На улице играли дети, и в открытое окно влетал их громкий галдеж. Когда Тимми начал серьезно и сосредоточенно "слушать", вытягивая шею больше обычного, сцена была настолько очевидной, что Хопплер не сомневался: какие-то звуки с улицы проникают сквозь глухоту мальчика. Лаяла собака, кричали дети, кто-то заводил машину. Наверное, Тимми что-то услышал.

Мальчик расслабился. Его внимание снова вернулось к картинке, которую Эдвин рисовал для него. Через несколько секунд раздался пронзительный предсмертный визг, резко оборвавшийся на высокой ноте. Во встревоженном шуме детских голосов появился страх. Захлопали окна. Недолгое замешательство прорезал вопль маленькой девочки. "Он умер! А-а-а! а-а-а! Его задавила машина! Черныш умер!"

Хопплер отложил карандаш и посмотрел на Тимми. Серые глаза мальчика настороженно — в нем всегда было что-то по-птичьи настороженное — изучали рисунок. Он взглянул на Эдвина и неуверенно улыбнулся.

Реакция была естественной. Тимми просто не слышал криков с улицы и не мог понять, почему его друг остановился. Но Эдвин приложил пальцы к губам и нахмурился. Тимми не слышал ни визга собаки, ни криков, когда все это произошло. Может быть, он слышал их до этого? Трудно было поверить. Но похоже было на то.

Хопплер закончил рисунок — дети, переходящие кое-как нацарапанный ручей, — и отдал его Тимми. Тимми аккуратно сложил его и легонько хмыкнул, что означало у него удовольствие. Он направился к двери, но затем вернулся и осторожно провел пальцем по руке Эдвина. Это была одна из его манер, обаятельных и трогательных одновременно, за которые Эдвин полюбил его. Но в этот раз он заметил, что вздрогнул от прикосновения. Когда Тимми вышел, Хопплер нервным движением прижал руки к груди.

Прошел почти месяц, когда Тимми снова "прислушался". Хопплер сидел в кресле, а Тимми, лежа на полу, рисовал большую панораму уличной жизни на листе оберточной бумаги, принесенной из кухни. Он рисовал с воодушевлением, изображая непомерно больших людей и собак рядом с маленькими горбатыми автомобилями. То и дело он хмурился, когда его карандаш рвал бумагу, утыкаясь в мягкий ковер. В пансионе было тихо, не считая отдаленного звона посуды, доносившегося из кухни, где после ужина мыли кастрюли и сковородки.

Вдруг Тимми поднялся. Быстро взглянув на Хопплера, он остановил свой взгляд на точке в пяти или шести футах над его головой. Рот у него открылся. Шея вытянулась. Глаза расширились.

Хопплер наблюдал за ним с беспокойством. Он почти забыл о своих подозрениях после случая с собакой — от таких мыслей люди впечатлительные предпочитают избавляться, — но сейчас они всплыли в его памяти. Неужели сейчас что-то случилось? Что за ерунда! Ну, а

вдруг Тимми и в самом деле слышит беззвучные шаги приближающегося несчастья?

Постепенно напряжение ушло с лица Тимми. Он глубоко вздохнул и убрал с глаз свою соломенную челку. Снова опустившись на корточки, он подобрал карандаш и принялся рисовать птиц на еще свободном клочке бумаги. Он только начинал крылья третьей птицы, когда Хопплер ощутил в груди привычную сжимающую боль.

Эдвин понял, что приступ будет нешуточным. Он почувствовал знакомый страх, когда дыхание стало безжалостно покидать его.

Отчаянно он пытался нашарить баночку с таблетками амилнитрата, стоявшую на журнальном столике у кресла, и опрокинул его. Боль разлилась в груди и жгучим потоком побежала по левой руке. Он не мог ее выносить. Его грудь превращалась в хрупкий сосуд, который она, эта боль, столь немилосердно терзающая его старое тело, крушила изнутри в своей неумолимой жгучей ярости. Он собрал последние силы, чтобы закричать, позвать на помощь. Он умирал.

Когда Хопплер очнулся, он обнаружил себя распластанным на кровати. Бутылка с горячей водой лежала у его сердца. Доктор с очень серьезным видом складывал свой стетоскоп. Где — то на заднем плане, бледная и испуганная, маячила миссис Дин.

— Еще бы немного, молодой человек, и... — угрюмо сказал доктор Симмз, заметив, что Эдвин смотрит на него. — Если бы миссис Дин позвала меня на пять минут позже — все! У вас были какие-нибудь нагрузки в последнее время?

Хопплер покопался в памяти. По горькому опыту, накопленному за время болезни, он знал, что мимолетную неловкость от "прислушивания" Тимми вряд ли можно честно считать нагрузкой. А вот поднимался он частенько. Сегодня он сидел почти весь день.

— Вам придется серьезней отнестись к своему заболеванию, — сказал доктор Симмз, когда он закончил свою исповедь. — Стенокардия — это не пикник. А я-то думал, что первый приступ послужит вам уроком. Но что уж теперь кулаками махать. Вам нельзя подниматься, по меньшей мере, неделю, а потом мы попробуем другое лекарство. Отзывы о нем самые обнадеживающие. Вы не должны волноваться. И не думайте ни о чем дурном.

Он вышел. В холле он о чем-то неслышно переговорил с миссис Дин. Хозяйка вернулась и принялась убирать следы беспорядка. Хопплер следил за ее быстрыми движениями с долей зависти. Она была старше него, но с утра до вечера была на ногах. Боль в сердце? Она не знала, что у нее есть сердце. Симмз сказал ему как-то, что стенокардия предпочитает избирать в свои жертвы мужчин.

Она потрогала, горяча ли бутылка, и подоткнула покрывало у шеи. — Вы знаете, мистер Хопплер, — сказала она со значением, — Тимми спас вам жизнь. Честное слово. Он сбежал с лестницы, когда я прибирала серебро, и ну дергать меня за руку. Я хотела было прогнать его — дети, сами знаете — а он вцепился и что-то лопочет, пока я не поняла, что что-то стряслось. А вы как упали с кресла, так и лежали без памяти. Конечно, я сразу позвала доктора. Но вы слышали, что он сказал про пять минут.

Эдвин Хопплер кивнул. — Тимми хороший мальчик, очень хороший мальчик, — обессиленно произнес он. Он хотел, чтобы миссис Дин поскорей закончила и ушла. Он хотел отдохнуть.

Тимми высунул голову из-за дверного косяка. Он был бледен и подавлен. Глаза у него были огромными, в пол-лица. Поймав взгляд своего друга, он неуверенно улыбнулся, но улыбка тотчас сменилась выражением беспокойства.

Хопплер отвел от него взгляд и уставился в потолок. Он был благодарен Тимми, он любил его, но сейчас не хотел его видеть. В каком-то смысле он не хочет видеть его вообще. Этот ребенок — чего уж тут стесняться? — пугал его. Сам Тимми был тихим, трогательным, чистым мальчиком. Совсем другое — та темная сила, орудием которой он был и которую воплощал. Невозможно было думать о "слушающем" Тимми и оставаться спокойным. А доктор велел ему не думать ни о чем дурном. Наверное, он попросит миссис Дин не пускать мальчика в его комнату, хотя бы какое-то время. Хопплер облизал свои обескровленные губы.

Но будет ли это разумно? Предположим, ради чистоты вывода, что Тимми действительно способен каким-то сверхъестественным образом слышать приближение... приближение смерти, — мрачно размышлял Эдвин. Не будет ли разумнее держать Тимми как можно ближе к себе? Если бы он знал, что жуткое "прислушивание" Тимми в этот вечер предвещало приступ, амилнитрат был бы у него под рукой при первых же признаках. Приступ не обернулся бы таким серьезным. Да и любил он мальчика.

Хопплер посмотрел в сторону двери, где все еще терпеливо стоял Тимми. Он поднял руку и позвал его. Когда Тимми подошел, он пожал его маленькую чумазую ладонь.

Новое лекарство доктора Симмза очень помогло Хопплеру. Он начал набирать вес — сначала быстро, потом медленней, — пока не дошел до восьмидесяти фунтов. Миссис Дин сказала, что он помолодел на десять лет.

Доктор Симмз старательно разъяснил, что, хотя он и очень доволен состоянием своего пациента, само лекарство все же оказывает не более чем смягчающее действие. Врачи еще не знают точно, может ли его эффект быть постоянным.

Хопплер выслушал его без особого беспокойства. Он мог уже вставать, когда ему хотелось, и даже прогуливаться в хорошую погоду.

Но, конечно, и речи не могло быть о возвращении на работу, где он вел счета. После первого приступа фирма назначила ему пенсию, хоть и не очень охотно. Как говорила миссис Дин, ему оставалось только развлекаться.

Развлекаться, когда тебе шестьдесят три, — это не значит кричать и прыгать. Большую часть дневного времени Хопплер стал проводить в карманного размера парке, читая газеты, наблюдая за грациозными арабесками чаек и слушая не идущий к ним хриплый гогот.

А тем временем Тимми — после занятий он почти постоянно был с Хопплером — играл в мяч, рисовал, опасливо карабкался на ограду или раскачивался на перекладинах снарядов игровой площадки. Он так вырос за последние месяцы, что даже миссис Дин была вынуждена признать, что самодельные наряды ему уже не подходят. Она купила ему джинсы и несколько фланелевых рубашек в клетку. В этом костюме он выглядел вполне стильно и в духе времени. Он утратил, по крайней мере внешне, большую часть своей хрупкой трогательности, которую раньше находил в нем Хопплер. Но именно поэтому Хопплер замечал с досадливым чувством, какой непреодолимой стеной оказывалась между ним и другими детьми, игравшими в парке, его глухота. Тимми был общительным ребенком, но другие одаривали его неприязненными взглядами и отходили прочь. Побродив между турниками и трапециями, мальчик с радостью возвращался к своему взрослому другу.

После двенадцати Хопплер обычно писал записку, давал Тимми деньги и посылал его в ресторан по соседству за сэндвичами и молоком. Видя, как смышлен и расторопен мальчик, как бескорыстны его попытки услужить в любой мелочи, Хопплер начинал чувствовать себя недостаточно благодарным.

Миссис Дин, безусловно, любила своего внука, но она была слишком занята постоянными хлопотами по пансиону, чтобы уделять ему много внимания. Возможно, для Тимми нужно нанять учителя. Чтение по губам так и не давалось ему. Частные уроки помогли бы ему продвинуться. Хопплер должен поговорить с учителем Тимми из школы для глухонемых и узнать, что вообще можно предпринять.

Тревожащее "прислушивание" мальчика, за одним исключением, прекратилось. Это исключение состояло в том, что Тимми "слушал" с явным волнением перед тем, как один из старших мальчиков свалился вниз головой со скользкой перекладины качелей, на которую взобрался под шумок. Само падение могло и не иметь последствий, но мальчик ударился головой о деревянное сиденье. Крови было много, он потерял сознание, и вызвали скорую помощь.

Это неприятное происшествие еще больше утвердило Хопплера в мысли, что Тимми был надежным барометром. Он со стыдом чувствовал, что жутковатая особенность мальчика добавляла ему уверенности. В течение этих спокойных месяцев — счастливейших, в

сущности, в жизни Хопплера — доктор Симмз обследовал его через каждые две недели. Он выражал удовлетворенность состоянием Хопплера, но всякий раз напоминал, что нужно ходить медленно, сохранять спокойствие и быть осторожным. Хопплер выслушивал эти советы со всей серьезностью, но внутренне посмеивался. У него был теперь такой источник информации, который Симмзу и не снился.

В один из теплых летних дней он решил повести Тимми на пляж. Он не стал спрашивать разрешения у Симмза. С чем будет связана эта вылазка? Машины, переходы, так или иначе, излишние нагрузки — отказать! Симмз мог попросту запретить, а Хопплер чувствовал себя необыкновенно хорошо. Тимми никогда не видел океана, никогда не был на пляже. Это был пробел в его образовании, который следовало восполнить.

Они подошли к турникету, там, где заканчивались трамвайные пути, ровно в полдень. У одной из стоек Эдвин купил "горячие собаки" для Тимми и гамбургер для себя. Тимми с некоторым сомнением принялся за свою булочку; Хопплер подумал, что он никогда раньше их не пробовал. Вскоре его колебания исчезли. Он съел три "горячие собаки" и закончил порцией эскимо. Хопплер тем временем с удовольствием угостился бокалом пива.

Закусив, они покатались на карусели. Эдвин с грустью подумал, какое ущербное удовольствие должен был получать от этого аттракциона Тимми, навсегда запертый в непроницаемости своего беззвучного мира. Карусель без музыки! Но Тимми просто скакал на своей пятнистой лошадке и радовался самому движению. Когда ему, наконец, надоело кататься, Эдвин повел его в пассаж, где все можно было приобрести за несколько пенни. Затем они заглянули в магазин новинок и лавку древностей, и Эдвин купил для Тимми кольцо с пузырьчатой розовой жемчужинкой. Ближе к вечеру они направились к самому пляжу.

Хотя весь день было тепло, вода, как обычно, оставалась холодной. Купались очень немногие. В любом случае Тимми не захватил с собой купальный костюм. Ему нечего было захватывать. Но он сел на песок и стащил туфли и чулки. До пределов заката штанины, он смело шагнул в прибой. От холодной воды у него захватило дух, он дрожал и смеялся.

Когда первое потрясение прошло, Тимми стал похож на щенка, сорвавшегося с поводка, где-то на берегу он обнаружил длинные коричневые водоросли и приволок их, чтобы показать Эдвину, как замечательно лопаются на них толстые пузыри. Он собрал пригоршню ракушек и тоже преподнес их Эдвину. Он скакал по песку, как жизнерадостный пони. То и дело он приседал на корточки у самого прибоя и насыпал холмики из мокрого песка, которые тут же смывались волнами. Было ясно, что хотя Тимми все доставляло радость, больше ему понравился пляж. Тимми влюбился в него.

Хопплер смотрел на него и улыбался. Он чувствовал себя счастливым, но как-то по-новому. Вот, значит, такая это радость, которая бывает, когда отдаешь. Как множество других банальностей, известных с детства, это оказалось правдой. Следя за играющим, скачущим по песку Тимми, Эдвин был не просто счастлив — он снова был молод.

Но пора было возвращаться домой. Поднимался ветер, за тучу спряталось солнце. Становилось холодно. Пляж опустел. Скоро стемнеет. Пора домой.

Он издалека помахал Тимми, чтобы тот возвращался. Мальчик повернулся, пошел и вдруг — замер. Он "слушал".

Даже издали Эдвин заметил необычайное напряжение. Никогда еще мальчик не вслушивался так, как сейчас. Казалось, будто что-то разом пронзило и сковало его. И еще Хопплер отчетливо увидел какое-то странное, небывалое выражение на лице мальчика. Обычно, когда Тимми "слушал", его лицо не выражало ничего, кроме интереса. Теперь же интерес сменился внезапным пониманием. Тимми боялся. Его понимание было смешано с испугом.

Нагрузки, — думал Эдвин, — ходьба, слишком долгий день. Бокал пива, должно быть, сыграл решающую роль. А ведь Симмз предупреждал его. Он полез в карман за таблетками.

В кармане их не было. Сам себе боясь верить, Хопплер вспомнил, что хотел взять с собой баночку и не взял. Она осталась в другом пиджаке, дома, в комод. В другом пиджаке.

Жуткий страх смешался со злостью и обидой. Что толку было от того, что Тимми предупреждал его, если у него не было таблеток? А боль уже начиналась. И в этот раз уже ничто не спасет. Тимми слышит приближение катастрофы. В этот раз смерть возьмет свое.

Тимми издали махал ему рукой. Размеренные движения его руки на фоне темнеющего неба были похожи на взмахи крыльев. Эдвину, шалеющему от боли, показалось, что он улыбается. Мальчик еще раз взмахнул рукой и со всех ног побежал в холодную свинцовую воду, и кипящая пена разлетелась в стороны сначала на маленьких, а потом на больших волнах.

Хопплер тупо смотрел ему вслед, ничего не понимая. Зачем он это делает? Тимми не должен бросать его сейчас, когда он ему очень нужен. "Тимми! — замирающим голосом позвал он, как будто мальчик мог его услышать. — Тимми! Тимми! Вернись!"

Вода уже доходила мальчику до пояса, разбивалась о его тщедушную грудь, но он продолжал идти. Большая волна накрыла его с головой. Его фигурка становилась совсем крохотной, превращалась в точку на темной бликующей поверхности моря. Она двигалась дальше, дальше... "Тимми! — кричал Эдвин Хопплер. — Тимми! О, Боже..."

Рука ребенка поднялась в последний раз, в знак приветствия и прощания. Какую-то минуту его голова, как мячик, еще мелькала над водой. А потом темный, свинцовый вал обрушился на нее.

Голос Хопплера становился все тише, тише и, наконец, замер. Он недоуменно посмотрел вокруг, словно очнувшись от тяжелого сна.

Боль в груди прошла. Он чувствовал себя хорошо. Приступа не будет. Возможно, у него никогда больше не будет приступов. В сумерках он стоял один, и холодный ветер обдувал его. У него не будет приступа. Об этом позаботился Тимми, предложив смерти себя вместо него. Ничего нельзя было изменить, и оставалось только ждать, когда прибой вынесет тело мальчика на берег.